

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ткаченко Виктория Владимировна

**ДОПЕТРОВСКАЯ РУСЬ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ XVIII ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Горский Антон Анатольевич

Москва – 2020

Оглавление

Введение.....	4
Историографический контекст исследования	12
Источниковая база исследования	29
Глава 1. Распространение научных знаний о русской истории в XVIII в.	42
§1. Особенности преподавания русской истории в XVIII в.	42
§2. «Синописис» – первая печатная книга по русской истории	48
§3. Допетровская Русь в гражданской печати XVIII в.	60
Глава 2. Допетровская Русь в литературе и искусстве XVIII в.	74
§1. Особенности изображения исторических событий в русской литературе и искусстве XVIII в.	74
§2. История допетровской Руси в литературе XVIII в.	80
2.1. Славянская древность в литературе XVIII в.	84
2.2. «Призвание варягов» в литературе XVIII в.	92
2.3. Первые русские князья в литературе XVIII в.	102
2.4. Князь Владимир в литературе XVIII в.	104
2.5. Русь и татары в литературе XVIII в.	111
2.6. Смутное время в литературе XVIII в.	118
§3. История допетровской Руси в изобразительном искусстве XVIII в.	132
Глава 3. Допетровская Русь в церковной традиции XVIII в.	153
§1. Особенности отражения исторических событий в церковной литературе	153
§2. История допетровской Руси в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского	162
2.1. Славянская древность в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского	168
2.2. Домонгольская Русь в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского	174
2.3. Русь и татары в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского	180
2.4. Московское княжество XIV–XV вв. в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского и Прологах XVIII в.	191
2.5. Смутное время в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского и Прологах XVIII в.	195
2.6. История Петровской эпохи в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского	200

Глава 4. Допетровская Русь в фольклоре XVIII в.	206
§1. Особенности отражения прошлого в фольклорной традиции	206
§2. История допетровской Руси в «Древних российских стихотворениях» Кирши Данилова	212
2.1. Время и пространство русской истории в сборнике Кирши Данилова	212
2.2. Киевская старина в сборнике Кирши Данилова	221
2.3. Новгородская старина в сборнике Кирши Данилова	228
2.4. Московская старина в сборнике Кирши Данилова	232
Глава 5. Допетровская Русь в повседневном историческом сознании XVIII в.	251
§1. История русских городов в географических описаниях XVIII в.	252
§2. Древние русские города в записках путешественников XVIII в.	275
2.1. Киевские древности глазами путешественников XVIII в.	279
2.2. Новгородские древности глазами путешественников XVIII в.	291
Заключение.....	307
Список использованных источников и литературы	314
Приложение	343
Иллюстрации	348

Введение

Интерес к прошлому, попытки его зафиксировать, сохранить память о нём особенно обостряется в переломные эпохи, когда то, что раньше было обыденным и привычным, стремительно меняется и уходит в небытие. Одним из таких периодов в русской истории стал XVIII в. Царствование Петра I сильно преобразило страну, став переломной точкой в русском историческом развитии. В общественном сознании «допетровская» Россия оказалась навсегда отделена от России «новой»¹.

XVIII столетие – эпоха становления отечественной исторической науки и образования, первых печатных публикаций исторических источников, зарождения интереса к археологическим древностям, начала письменной фиксации русского фольклора. Он ознаменован появлением новых форм осмысления и распространения знаний об исторических событиях: исторической художественной литературы и драматургии, живописи и скульптуры. Вместе с тем, сохранялись в этот период и многие черты традиционной культуры. Образы русского прошлого по-своему интерпретировались и передавались в церковной традиции, бытовали в устном народном творчестве и т.д. Каждая из этих своеобразных областей знания имела свои особенности. Тесно переплетаясь, дополняя друг друга и, вместе с тем, часто противореча друг другу, они формировали многогранный образ допетровской Руси.

Актуальность исследования. Исследования исторической памяти являются одной из наиболее динамично развивающихся областей гуманитарных наук. Массовые представления о прошлом лежат в основе национальной самоидентификации и характеризуют отношение людей к своей стране, анализ механизмов их формирования приобретает особенную актуальность при выработке государственной идеологии. Обострившееся в

---

¹ Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004.

последние десятилетия внимание к состоянию исторического сознания современного российского общества неизбежно требует изучения его развития в предшествующие эпохи.

С академической точки зрения, данная область исследований несет в себе целый ряд не решенных доселе задач. Научное изучение знаний об истории, распространенных в XVIII в., до недавнего времени ограничивалось преимущественно исследованием отечественной историографии. На этом фоне вненаучные формы осмысления русской истории в этот период изучены значительно слабее. Освещение этого вопроса важно для лучшего понимания культурного развития русского общества в XVIII в., особенностей восприятия русской истории разными слоями населения и общего контекста становления российской исторической науки.

Объектом исследования настоящей работы является историческая память русского общества XVIII в.

Предметом исследования являются содержание и структура вненаучных представлений о допетровской Руси в исторической памяти XVIII в., под которыми подразумеваются обыденные, религиозные и художественные представления, в том числе, находящиеся в противоречии с научной трактовкой исторических событий.

Хронологические рамки исследования ограничены XVIII столетием и обусловлены особенностями развития исторического сознания в этот период. Нижняя хронологическая граница определяется временем петровских реформ. В это время происходит обособление светских научных знаний, начинается изучение истории как на государственном, так и на частном уровне. С этого же времени принято говорить о культурном расслоении

между европеизированной элитой русского общества и сохранявшими традиционную картину мировосприятия широкими слоями населения².

В качестве верхней хронологической границы выбрано начало XIX в. – время значительных изменений в самоидентификации русского общества в результате формирования Александром I единой системы народного просвещения, резкого всплеска патриотических настроений в связи с войной 1812 г., выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и т.д.

В силу особенностей источниковой базы основной фокус исследования будет смещен на вторую половину XVIII в.

Цель работы – комплексная характеристика вненаучных представлений об истории допетровской Руси, бытовавших в русской исторической памяти XVIII в.

Исследовательские задачи состоят в следующем:

1. Охарактеризовать степень распространения научных знаний об истории допетровской Руси в XVIII в.
2. Выделить основные вненаучные формы сохранения и передачи знаний об истории допетровской Руси в XVIII в.
3. Выявить комплекс событий и личностей допетровской Руси, память о которых была актуализирована в историческом сознании XVIII в., выстроить иерархию наиболее востребованных исторических образов, отметить особенности их интерпретаций и оценок.
4. Обозначить общие места и противоречия в картинах русского прошлого, транслируемых разными типами исторических нарративов XVIII в.

---

² Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 118; Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286–292.

5. На основе источников личного происхождения и массовых исторических источников охарактеризовать особенности формирования повседневных исторических представлений разных слоёв населения Российской империи XVIII в. о допетровской Руси.

В рамках данной работы принимаются следующие **трактовки терминов и понятий**:

- *Историческое сознание* понимается как форма осмысления обществом или его отдельными сегментами движения исторического времени, прошлого, настоящего и будущего в их взаимосвязи. Оно определяется сложным набором парадигм, идей, взглядов, чувств и ценностных установок, в соответствии с которыми выстраивается общепринятое отношение к исторической действительности³.

- *Историческая память* рассматривается как комплекс представлений о событиях, личностях и явлениях прошлого, актуализированных в историческом сознании и значимых для самоидентификации индивида, социальной группы или общества в целом. К механизмам формирования исторической памяти относятся отбор, сохранение или «забвение» информации о прошлом, её воспроизведение, интерпретация и оценка. Структурными единицами исторической памяти являются переосмысленные «образы» прошлого.

Историческое сознание и историческая память воспринимаются как тесно взаимосвязанные, но не тождественные понятия. Можно согласиться с Б.Г. Могильницким в том, что составляющие историческую память сведения о прошлом образуют своего рода «матрицу», на основе которой формируется историческое сознание, тот круг исторических представлений, которым оно

---

³ О вариантах трактовки терминов «историческая память» и «историческое сознание» см.: Путилова Е.Г. Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 10. Ч. II. С. 143–145.

оперирует⁴. Историческое сознание, в свою очередь, определяя отношение к прошлому в настоящем, влияет на интерпретацию, отбор и востребованность сохраняемых в исторической памяти «воспоминаний». Вследствие этих взаимосвязей историческая память и историческое сознание непрерывно трансформируются и меняются в разные эпохи.

Поскольку те или иные представления о прошлом присущи практически каждому человеку, многозначный термин *общество* в рамках данной работы трактуется в широком значении близком к понятию *население*⁵. Исследование сознательно не ограничивается каким-либо отдельным социальным слоем, поскольку культурная стратификация общества не может быть безоговорочно соотнесена с его социальной стратификацией. Рассматриваемые в работе различные каналы сохранения и передачи информации о прошлом (образование, печатные издания, искусство, церковная традиция, фольклор), хоть и могли быть в разной мере доступны разным социальным группам, но тем не менее, не являлись изолированными. Социальный состав их аудитории в каждом отдельном случае по возможности оговаривается отдельно.

Методологическую основу исследования составляют *принцип историзма*, предполагающий изучение явлений прошлого в неразрывной связи с анализом конкретно-исторических условий их возникновения и развития, *принцип детерменизма*, признающий влияние общества на формирование мировосприятия каждого конкретного человека, и *принцип системности*, призывающий рассматривать предмет исследования – вненаучные представления о допетровской Руси – как часть общей системы представлений о прошлом, являющихся, в свою очередь, одной из основополагающих категорий культуры.

---

⁴ Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческое сознание: к постановке вопроса // Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000. С. 36.

⁵ В этом вопросе мы солидарны с точкой зрения А.Б. Каменского. См.: Каменский А.Б. Россия в XVIII столетии: Общество и память. СПб., 2017. С. 11.

В ходе исследования применяется инструментарий исторической науки и смежных гуманитарных дисциплин. *Метод типологизации* – при выявлении основных источников сведений о русской истории в XVIII в. *Сравнительно-исторический метод исследования* – для выделения общего и особенного как в изображении событий русской истории в разных типах нарративов XVIII в., так и в их восприятии разными слоями русского общества XVIII в. *Метод статистического анализа* – для выявления наиболее востребованных исторических сюжетов, а также при обработке массовых исторических источников.

Кроме того, в рамках исследования применяется выработанная в предшествующей историографии *методика реконструкции исторической памяти*, которая предполагает следующий алгоритм действий: «1. Выделение основных информационных каналов (источников и механизмов) формирования исторической памяти сообщества; 2. Составление карты памяти, ее символьного ряда и иерархии образов (...); 3. Реконструкция и интерпретация исторических образов, их анализ и дешифровка»⁶. Иными словами, для комплексного изучения исторической памяти необходимо выяснить, как она формировалась, какие образы в ней запечатлевались, какие из них были более популярны, а какие менее популярны, и как они интерпретировались. Данное исследование будет построено на основе указанной методики.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые было проведено комплексное исследование исторической памяти о допетровской Руси в России XVIII в., основанное на широком круге разнохарактерных источников, а также был введен в научный оборот ряд не изучавшихся ранее архивных материалов.

---

⁶ Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 247.

Теоретическая значимость работы состоит в применении новых методологических подходов для исследования исторической памяти русского общества XVIII в. Полученные результаты могут использоваться для дальнейшего изучения русской культуры и общественной мысли XVIII в. и способствовать развитию мемориальных исследований (Memory Studies).

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использовать материалы диссертации для подготовки общих и специальных учебных курсов по истории русской культуры и общественной мысли XVIII в., исторической памяти и новым направлениям развития исторической науки. Результаты исследования были включены в программу спецкурса «Древняя Русь в историческом сознании XVIII века», читавшегося на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в весеннем семестре 2019–2020 учебного года.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены научной общественности на 18 международных и всероссийских конференциях⁷, в том числе на 2 конференциях за рубежом⁸.

Основные положения исследования изложены в 18 публикациях общим объемом 8,65 п.л.⁹, из них 5 статей в рецензируемых научных изданиях,

---

⁷ «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова» (Москва, 2015); «XXII Всероссийские Платоновские чтения» (Самара, 2016); «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2017); «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 2017); «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти академика Л.В. Милова» (Москва, 2017); «Ломоносовские чтения – 2018» (Москва, 2018); «Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего» (Саратов, 2018); «Память и идентичность: особенности историописания в Античности, Средние века и раннее Новое время» (Москва, 2018); «Ломоносовские чтения – 2019» (Москва, 2019); «Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива» (Москва, 2019); «Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX вв.» (Великий Новгород, 2019); «Как создается “современное” Средневековье, или medievalism studies» (Москва, 2019); «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 2019); «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (Москва, 2019); «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова» (Москва, 2019); «Ломоносовские чтения – 2020» (Москва, 2020).

⁸ «Memory studies '18. III. International Interdisciplinary Conference on Memory and the Past» (Турция, Стамбул, 2018); «Third Annual Memory Studies Association Conference» (Испания, Мадрид, 2019).

⁹ *Ткаченко В.В.* «Где? Что? Когда?»: географический фактор в структуре народного исторического сознания XVIII века (на материале старин Кириши Данилова) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 173–178; *Она же.* Киевские древности глазами путешественников XVIII века // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. М., 2017. С. 570–575; *Она же.* Владимир и Рогнеда в историографии и искусстве второй половины XVIII в. // Платоновские чтения: материалы и доклады XXII Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2017. С. 118–120; *Она же.* Древний Киев как место памяти в историческом сознании эпохи Средневековья и раннего Нового времени // Историческая память: травмы

индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова¹⁰. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения, выносимые на защиту.

1. В исторической памяти русского общества XVIII в. разные формы научных и вненаучных исторических представлений тесно переплетались и взаимодействовали между собой.

2. События древнейшей русской истории вызывали в XVIII в. больший интерес, чем сравнительно недавняя история XVII в. Во всех областях исторического сознания русская древность идеализировалась, представлялась эпохой процветания и благоденствия.

прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего. Саратов, 2018. С. 223–227; *Она же*. The Marriage of Vladimir the Great: Life of the Medieval Story in the Modern Times // Memory Studies'18. III International Conference On Memory And The Past. Conference Proceedings. Istanbul, 2018. P. 89–94; *Она же*. «Синопис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых. М., 2018. С. 41–49. *Она же*. Границы «древнего» и «нового» в русском историописании XII – XVII вв. // Память и идентичность: особенности историописания в Античности, в Средние века и раннее Новое время. М., 2019. С. 204–215; *Она же*. Исторические известия о древних русских городах в географических анкетах Академии наук и Сухопутного шляхетного корпуса 1760 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 302–307; *Она же*. История Древней Руси в "Житиях Святых" Димитрия Ростовского // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 199–200; *Она же*. Российский атлас 1760-х гг.: несостоявшееся издание и причины неудачи // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2019. С. 57–63; *Она же*. «Как деяния должны были совершаться»: идея исправления истории в русской литературе XVIII в. // Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива. М., 2020. С. 112–122; *Она же*. Хазарский миф в «Житиях святых» свт. Димитрия Ростовского // Материалы XXVII Международной научной конференции Ломоносов-2020. М., 2020. С. 1–3; *Она же*. Присоединение Новгорода к Московскому государству в исторической памяти XVIII века // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. М., 2020. С. 228–234.

¹⁰ *Ткаченко В.В.* Время и пространство в Древних российских стихотворениях Кирилы Данилова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2. С. 76–88; *Она же*. О книжных истоках завета Кирилы Данилова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 137–138; *Она же*. Великий Новгород и его история глазами путешественников XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 94–104; *Она же*. Памятники и святые древнего Киева в восприятии путешественников XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 3. С. 51–68; *Она же*. Русская история в «Житиях святых» свт. Димитрия Ростовского // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 4. С. 118–130.

3. Значимую роль в осмыслении русского прошлого играло историческое пространство. В науке, литературе, церковной традиции и фольклоре XVIII в. история русского государства выстраивалась вокруг истории русских городов. Киев, Новгород и Москва воспринимались ключевыми центрами исторических процессов, причем каждый из этих городов ассоциировался со своей эпохой. В повседневном историческом сознании географическая привязка событий прошлого преобладала над хронологической.

4. Следует признать ключевую роль церкви в сохранении и передаче исторической памяти о допетровской Руси в XVIII в. В частности, четырехтомные «Жития святых» свт. Димитрия Ростовского могут восприниматься не только как памятник агиографии, но и как памятник историописания, отразивший свидетельства о наиболее важных событиях русской истории с древнейших времен до XVIII в.

5. В исторических нарративах разных типов, несмотря на разницу трактовок, сохранялся общий набор ключевых исторических образов, которые могут считаться основополагающими в исторической памяти русского общества XVIII в. Наиболее значимые из них – князь Владимир и Крещение Руси, царь Иоанн Васильевич и взятие Казани, убийство царевича Димитрия и последовавшая за ним Смута.

Историографический контекст исследования

Исследовательская литература по поставленной проблеме может быть разделена на три группы: 1. Общие теоретические и методологические работы, сформулировавшие основной инструментарий исследований исторической памяти (Memory Studies); 2. Работы, связанные с изучением исторического сознания в России с древнейших времен и до современности; 3. Работы, освещающие общество, культуру и искусство Российской империи в XVIII в.

Развитие мемориальных исследований в XX в. неоднократно и подробно освещалось в научной литературе¹¹. В этой связи представляется возможным рассмотреть данный период историографии сравнительно бегло, сосредоточив основное внимание на новейших научных достижениях последних лет¹².

Исследования исторической памяти привлекают ученых из разных научных дисциплин. Их предметная область лежит на пересечении истории ментальностей и культуры (М. Блок¹³, Ж. ле Гофф¹⁴, Ф. Йейтс¹⁵, Я. Ассман¹⁶, А. Ванбург¹⁷, А.Я. Гуревич¹⁸), культурной антропологии (А. Ассман¹⁹) историографии и методологии истории (М.А. Барг²⁰, Й. Рюзен²¹, П. Хаттон²², Р. Коллингвуд²³), семиотики (Ю.М. Лотман²⁴, В.В. Иванов²⁵,

---

¹¹ Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989; Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–51; Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; Васильев А. Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 461–480; Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–34; Святославский А.В. Проблемы культурной памяти в зарубежной науке: основные направления исследований // Вопросы культурологии. 2010. № 12. С. 22–27; Ханаева Д.Р. Время космополитизма. Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2002; Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей – 2001. М., 2001. С. 176–198 и др.

¹² См. также: Леонтьева О.Б. "Мемориальный поворот" в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59–96; Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2014. Вып. 2. С. 106–126.

¹³ Блок М. Феодальное общество. М., 2003.

¹⁴ Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013.

¹⁵ Йейтс Ф. Искусство памяти. М., 1997.

¹⁶ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

¹⁷ Der bilderatlas Mnemosyne. Berlin, 2000; См. также: Васильев А.Г. Теория социальной памяти Аби Варбурга: между философией культуры и историей искусства // Искусствознание. 2009. № 1–2. С. 16–39.

¹⁸ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

¹⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.

²⁰ Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

²¹ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории: (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. М., 2001. Вып. 7. С. 8–26.

²² Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

²³ Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

²⁴ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Он же. Избранные статьи в 3-х томах. Т. I. Таллин, 1992. С. 200–202; Он же. Память культуры // Он же. Семиосфера. СПб., 2000. Он же. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.

²⁵ Иванов В.В. Соотношение индивидуальной и социальной памяти в контексте интеграции семиотико-антропологического, математического и естественно-научного подходов. Пленарный доклад на «Гуманитарных чтениях РГГУ – 2014» [Электронный ресурс] // Гефтер: электронный журнал. 2014. URL: <http://www.gefter.ru/archive/12105> (дата обращения: 16. 09. 2020)).

Б.А. Успенский²⁶, Н.Г. Брагина²⁷), социологии (Э. Дюркгейм²⁸, М. Хальбвакс²⁹), политологии (Б. Андерсон³⁰), философии (П. Рикер³¹), психологии (Л.С. Выготский³², А.Р. Лурия³³, А.Н. Леонтьев³⁴), филологии (М.М. Бахтин³⁵, А.Я. Эсалнек³⁶) и др.

Начало активного исследования субъективных представлений людей прошлого принято относить к 1920–м гг. и связывать с деятельностью французской Школы Анналов, начиная с классических трудов её основателей Марка Блока и Люсьена Февра. Ими была поставлена задача изучения истории ментальностей – способов видения мира и социально-психологических установок людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности³⁷.

Одновременно с этим в социологии получают развитие исследования коллективной памяти, основоположником которых стал М. Хальбвакс, показавший, что представления человека о прошлом не столько индивидуальны, сколько обусловлены традициями, сложившимися в обществе³⁸. Они способны эволюционировать с течением времени, т.к. «история не просто воспроизводит рассказы современников о событиях прошлого», но и видоизменяет их, приспособляя к «приемам мышления и репрезентации, свойственным нынешним людям»³⁹. А значит, представляется возможным создать «историю памяти», т.е. «исторически описать процесс, в

²⁶ Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 338–380.

²⁷ Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М., 2007.

²⁸ Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141–167.

²⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

³⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

³¹ Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004.

³² Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения М., 1932.

³³ Лурия А.Р. Психология как историческая наука // История и психология. М., 1971. С. 36–62.

³⁴ Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М., 1931.

³⁵ Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Он же. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 447–483; Попова И.Л. Проблема памяти и забвения: М.М. Бахтин о механизмах сохранения/стирания следов традиции в истории культуры // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 1–2. С. 73–90.

³⁶ Эсалнек А.Я. Культурная память как компонент художественного текста // Русская словесность. 2013. № 2. С. 11–16.

³⁷ Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии. С. 75.

³⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

³⁹ Там же. С. 209.

ходе которого люди совместно учатся или разучаются что-либо помнить»⁴⁰.

Резкий всплеск интереса к мемориальным исследованиям пришелся на 70–80 гг. XX столетия. На Западе к этому периоду относятся посвященные средневековой исторической культуре труды Б. Гене⁴¹ и Ж. ле Гоффа⁴², проект по изучению мест французской национальной памяти П. Нора⁴³ и др. В русской историографии – начало активной деятельности московско-тартусской семиотической школы (Ю.М. Лотман⁴⁴, Б.А. Успенский⁴⁵ и др.).

Не останавливаясь на поочередном хронологическом рассмотрении каждой из изданных в этот период работ (что неоднократно предпринималось, как было отмечено выше), обозначим основные идейные постулаты, сформулированные исследователями.

1. Любые социальные группы и политические общности определяются прежде всего их памятью, т.е. их историей, но не такой, какой она была в действительности, а такой, какой они её себе представляют (Б. Гене)⁴⁶. Наличие единой национальной памяти является главным залогом существования национального коллектива как единого организма (Ю.М. Лотман)⁴⁷.

2. Общая память культуры внутренне разнообразна и подразумевает наличие «диалектов памяти» (различных представлений о прошлом) у разных слоёв общества (субкультур) (Ю.М. Лотман)⁴⁸.

---

⁴⁰ Там же. С. 18.

⁴¹ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

⁴² Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000; Он же. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.

⁴³ Nora P. Les Lieux de mémoire. Vol. 1–3. Paris, 1984–1992; Le Goff J., Nora P. Faire de l'histoire. Paris, 1974; Нора П. Франция-память. СПб., 1999.

⁴⁴ Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992.

⁴⁵ Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996.

⁴⁶ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. С. 19.

⁴⁷ Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 398.

⁴⁸ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении. С. 200–202.

3. Видение истории как в индивидуальном, так и в общественном сознании находится под непосредственным влиянием фундаментальных представлений о «прошлом» и «настоящем» (Ж. Ле Гофф). «Для одних прошлое – это золотой век, время образцовой непорочности и добродетели, эпоха великих предков; для других оно является варварством, архаизмом, скоплением отжившего свое и вышедшего из моды старья, эпохой физических и интеллектуальных карликов»⁴⁹.

4. Хотя содержанием памяти является прошлое, сама она является инструментом мышления в настоящем. «Каждая эпоха мысленно создает свое представление об историческом прошлом» (Ж. Ле Гофф)⁵⁰. Прошлое в культурной памяти постоянно меняет свой облик (Ю.М. Лотман)⁵¹. А потому актуализированные в памяти воспоминания о прошлом являются характеристикой не столько самого прошлого, сколько той эпохи, когда память о нём оказалось востребованной.

В контексте настоящего исследования особое внимание следует уделить концепции П. Нора, согласно которой одним из способов сохранения и актуализации памяти о прошлом является существование в общественном сознании так называемых «мест памяти»⁵². Это объекты материального или духовного наследия, получившие статус символов и вызывающие воспоминания об определенных исторических событиях и эпохах. К местам памяти могут быть отнесены не только географические объекты, но и значимые исторические личности, события, праздники, произведения искусства и др. Разные «места памяти» имеют разную степень востребованности и популярности в историческом сознании. Их совокупность образует «карту памяти», где образы прошлого могут выстраиваться в определённую иерархию. Сопоставление «карт памяти» в

---

⁴⁹ *Ле Гофф Ж.* История и память. С. 7.

⁵⁰ Там же. С. 145.

⁵¹ *Лотман Ю.М.* Память культуры. С. 389.

⁵² *Нора П.* Франция-память. СПб., 1999.

разные эпохи и у разных социальных групп позволяет выявить особенности их отношения к прошлому, мировосприятия и идентичности.

* * *

За последние десятилетия поток исследований исторической памяти растет с невероятной скоростью. По всему миру изучением этой области занимаются десятки научных сообществ⁵³, открываются образовательные университетские программы. Успешно функционирует Международная ассоциация исследований памяти («Memory Studies Association»), ежегодно проводящая конференции и издающая журнал «Memory Studies». Закономерным продолжением исследований П. Нора стал проект «Европейские места памяти», осуществленный майнским Институтом европейской истории и объединивший свыше ста ученых из 15 стран⁵⁴. В 2007–2019 гг. по инициативе франко-швейцарского слависта Жоржа Нива на французском языке был издан двухтомник «Места русской памяти», в который вошли статьи как русских, так и зарубежных авторов о ключевых личностях, событиях и явлениях русской истории⁵⁵.

Целый ряд крупных центров исследований исторической памяти существует на сегодняшний день в России. Среди них – Центр интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН под руководством Л.П. Репиной, а также открытое по её инициативе «Российское общество интеллектуальной истории». В последние годы ими ведется активная научная и издательская деятельность, регулярно проводятся

---

⁵³ Например: Frankfurt Memory Studies Platform (Goethe University, Германия); Centre for the Study of Cultural Memory School of Advanced Study (University of London, Великобритания); Memory Studies Research Cluster (University of Nottingham, Великобритания); Pasts in the Present (Paris Nanterre University, Франция); Irish Memory Studies Network (Dublin University, Ирландия); Cultural Memory Studies Initiative (Ghent University, Бельгия); Network in Transnational Memory Studies Cultural Memories Research Group (University of St. Andrews, Испания); Institute of Culture and Memory Studies (Slovenian Academy of Sciences and Arts, Словения); Center for Memory and Testimony Studies (Wilfred Laurier University, Канада); Center for the Study of History and Memory (Indiana University Bloomington, США); Historical Dialogues, Justice, and Memory Network (Columbia University, США); The History and Memory research hub (The University of Melbourne, Австралия) и др.

⁵⁴ Баранов Н.Н. «Места памяти»: успешная реконструкция в европейском издательском проекте // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 117. С. 273–280.

⁵⁵ Nivat G. Les sites de la mémoire russe. Т. 1–2. Fayard, 2007–2019.

международные конференции, участниками которых становятся сотни исследователей, выпускается книжная серия «Образы истории»⁵⁶ и альманах «Диалог со временем», посвященный проблемам интеллектуальной истории.

Теоретико-методологические проблемы изучения исторической памяти разрабатываются в Институте гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева под руководством И.М. Савельевой⁵⁷. Изучение исторического сознания восточных славян эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени ведется в рамках проекта Германского исторического института в Москве (рук. – А.В. Доронин)⁵⁸. Регулярные конференции, посвященные методологии изучения исторической памяти и её роли в современном мире проводятся в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского⁵⁹, на базе которого с 2010 г. издается ежегодник «История и историческая память» (под ред. А.В. Гладышева)⁶⁰. Школа изучения исторического сознания сформировалась в Южном федеральном университете⁶¹. Вопросы развития памяти и идентичности в Античности, Средние Века и Новое время обсуждаются в рамках конференций, проводимых Российским государственным

---

⁵⁶ *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. М., 2003; *«Цепь времен»: проблемы исторического сознания*. М., 2005; *История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени*. М., 2006; *Время – история – память: историческое осознание в пространстве культуры*. М., 2007; *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад*. М., 2010; *Кризисы переломных эпох в исторической памяти*. М., 2012; *Люди и идеи: интеллектуальная культура Европы в Новое время*. М., 2014; *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности*. М., 2017; *Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века*. М., 2018 и др.

⁵⁷ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: «Конструирование прошлого». СПб., 2003; Т. 2: «Образы прошлого». СПб., 2006; *Они же*. Социология знания о прошлом. М., 2005; *Феномен прошлого*. М., 2005; *Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом*. М., 2012 и др.

⁵⁸ *Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства*. М., 2017; *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории*. М., 2018; *«Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в.* М., 2019.

⁵⁹ «Культурная память и мемориальные коммуникации в учебниках и учебной литературе: опыт России и Западной Европы» (2011 г.) «Историческая память: символические ресурсы и цивилизационные риски» (2016 г.); «Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации» (2017 г.); «Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего» (2018 г.); «Историческая память: мировоззренческие траектории и практики ответственности» (2020 г.)

⁶⁰ *История и историческая память*. Вып. 1–18. Саратов, 2010–2019.

⁶¹ *Мининков Н.А.* Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна в ИИМО ЮФУ // *Новое прошлое. The new past*. 2018. № 1. С. 98–119.

университетом⁶². «Центр изучения культурной памяти и символической политики» образован на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге⁶³ и т.д.

Сам преобладающий жанр коллективных монографий и тематических сборников наглядно демонстрирует то состояние «лоскутного одеяла», в котором находится современная отечественная мнемонистика. Хотя так или иначе исследований памяти касаются десятки признанных специалистов по отечественной истории, всё ещё нет единого обобщающего труда, комплексно и последовательно характеризующего развитие русского исторического сознания с древнейших времен и до современности (по подобию с существующими фундаментальными исследованиями отечественной историографии).

В целом, можно говорить о двух основных направлениях изучения русского исторического сознания. Во-первых, это исследование исторических представлений отдельных социальных групп в определенные эпохи; во-вторых – изучение отдельных образов в их эволюции на протяжении значительного временного периода.

Исследования первой группы в большинстве своём освещают историческое сознание XIX и XX вв. Тем не менее, они представляют для нас значительный интерес, поскольку характеризуют состояние исторического сознания в периоды, являющиеся непосредственными преемниками рассматриваемой нами эпохи, а иногда косвенно затрагивают и вопросы исторической памяти XVIII в.

Так необходимо отметить монографию О.Б. Леонтьевой «Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв.»⁶⁴, в

---

⁶² «Память и идентичность: особенности историописания в Античности, Средние века и раннее Новое время, (2018 г.); «Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива» (2019 г.); «Память и идентичность – III. Историк и его аудитория» (2020 г.).

⁶³ В рамках центра действует регулярный научный семинар «Историческая память и историческая политика», а также были подготовлены публикации: Методологические вопросы изучения политики памяти. СПб., 2018; Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2019.

рамках которой автором были воссозданы образы различных эпох российской истории («Древней Руси», «Руси татарской» и «Московской Руси») бытовавшие в этот период. О.Б. Леонтьева отмечает тесную взаимосвязь восприятия прошлого образованными слоями населения со сменой парадигм исторического мышления и «большого стиля» той или иной эпохи (классицизм, романтизм, реализм, модерн и т.д.). Бегло освещая представления о древней Руси в XVIII в., О.Б. Леонтьева справедливо выделяет две основные тенденции: свойственное классицизму сопоставление русской древности с античной культурой Древней Греции и Рима и дальнейшее влияние романтизма со стилизацией фольклорных богатырских образов под рыцарский роман или волшебную сказку. По её наблюдениям, в XIX в. отношение к древности было значительно пересмотрено. Русские богатыри стали восприниматься как олицетворение национального характера, а метафора «народа-богатыря» сыграла ключевую роль в национальной идентичности пореформенной эпохи⁶⁵. Значительную степень мифологизации получил в культуре и образ веча как воплощения народовластия и свободы.

Изучение исторического сознания русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX вв. стало предметом диссертационного исследования С.Р. Хмыровой⁶⁶. Основное внимание автор уделила развитию вненаучных форм исторического сознания: фольклора, народной драмы, лубка, исторических и полемических сочинений старообрядцев, мемуарных сочинений и др. С.Р. Хмырова пришла к выводу, что в духовной культуре сибиряков преобладали эпическая и христианская формы исторического сознания, для которых были характерны традиционализм и консерватизм. В народных представлениях о развитии русского государства четко выделялись три этапа, каждый из которых был олицетворен конкретной исторической

---

⁶⁴ Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.

⁶⁵ Там же. С. 113.

⁶⁶ Хмырова С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

личностью: великокняжеский (князь Владимир), царский (Иван IV Грозный) и имперский (Петр I). Началом местной сибирской истории все группы русского населения считали поход Ермака. Сохранялась память о восстаниях под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева, церковном расколе и деятельности протопопа Аввакума, декабристах.

Вопросы крестьянского осмысления прошлого затрагиваются в исследованиях М.М. Громыко⁶⁷. Особое внимание она уделяет способам сохранения и передачи исторических сведений – слухам, свидетельствам очевидцев, историческим песням, легендам, преданиям, былинам и т.д.

Реконструкция народной версии русской истории была осуществлена А.В. Бугановым в докторской диссертации «Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв.»⁶⁸. В своем исследовании он сосредотачивает внимание на крестьянском восприятии четырех ключевых типов исторических деятелей: правителей, духовных лиц, военачальников и предводителей восстаний. А.В. Буганов отмечает, что крестьянам XIX в. были хорошо известны такие исторические фигуры как князь Владимир, Борис и Глеб, Михаил Черниговский, Александр Невский, Дмитрий Донской⁶⁹. Особым почтением пользовались русские подвижники – преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские, Сергей Радонежский. Эпическая традиция сохраняла память о русских богатырях – Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и др. С точки зрения А.В. Буганова, народный взгляд на историю страны формировался именно через восприятие исторических личностей, главными критериями оценки которых становилась не только значимость совершенных ими деяний, но и личное христианское благочестие. Проанализировав значительный комплекс этнографических материалов, он приходит к важному выводу о единстве исторических

---

⁶⁷ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.

⁶⁸ Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. М., 2013.

⁶⁹ Там же. С. 67.

представлений на всей территории расселения русских крестьян, несмотря на их незначительную локальную специфику.

Основные механизмы формирования русского исторического сознания с древнейших времен и до наших дней были рассмотрены в монографии А.В. Святославского «История России в зеркале памяти»⁷⁰. Среди мемориальных форм древнерусской православной культуры он выделяет церковные праздники и дни поминовения, сохранение святых мощей, строительство храмов и монастырей в память о военных победах или чудесном избавлении от напастей. Эти формы увековечивания сохраняются и в Новое время, однако постепенно их начинают вытеснять светские традиции. В частности, происходят изменения в живописи (появление портретов), архитектуре и монументальном искусстве (создание триумфальных арок, городских и усадебных монументов, надгробий). А.В. Святославский отмечает в мемориальной культуре XVIII – начала XIX вв. тесное переплетение древнерусской и классицистической традиций⁷¹.

Комплексная реконструкция исторической памяти о допетровской Руси в России середины XIX – начала XXI в. была осуществлена Д.А. Сосницким⁷². Им впервые были применены методы статистического анализа широкого круга нарративных и аудиовизуальных источников для выявления в историческом сознании «мест консенсуса», «конфликтных» и «болевых точек». По его наблюдениям, большая часть образов средневековой истории имела однозначные трактовки в исследуемый им период. Самыми значимыми из них были Крещение Руси, Куликовская битва, Дмитрий Донской, Александр Невский и Владимир Святой. Дискуссионными являлись образы Андрея Курбского и Бориса Годунова, а наиболее спорной в национальной памяти была фигура Ивана Грозного.

---

⁷⁰ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. М., 2013.

⁷¹ Там же. С. 194.

⁷² Сосницкий Д.А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

Наиболее крупной работой по изучению непосредственно исторической памяти XVIII в. на сегодняшний день является монография А.Б. Каменского «Россия в XVIII веке. Общество и память»⁷³. Однако, основное внимание автор концентрирует на восприятии в русском обществе событий петровской эпохи (основания Санкт-Петербурга, дела царевича Алексея и др.). Проблемы древности он затрагивает лишь в контексте разделов Польши. А.Б. Каменский приходит к выводу, что во время царствования Екатерины стремление к объединению Руси в прежних границах, ярко выраженное в политике русских царей XVI и XVII вв., в значительной мере угасло.

Достаточно разнообразен комплекс литературы, относящийся к изучению отдельных образов прошлого. Внимание исследователей привлекали образы Владимира Святого (А.С. Усачев⁷⁴, Д.А. Сосницкий⁷⁵), Владимира Мономаха (С.А. Ищенко⁷⁶), Александра Невского (И.Н. Данилевский⁷⁷, Р.А. Соколов⁷⁸, Ф.Б. Шенк⁷⁹, А.И. Филюшкин⁸⁰), Дмитрия Донского (А.С. Усачев⁸¹), Куликовской битвы (С.Н. Азбелев⁸², А.О. Амелькин⁸³), Ивана Грозного (О.Б. Леонтьева⁸⁴, Д.М. Володихин⁸⁵,

---

⁷³ Каменский А.Б. Россия в XVIII столетии. Общество и память. СПб., 2017.

⁷⁴ Усачев А.С. Образ Владимира Святославича в Степенной книге // Время – История – Память: историческое осознание в пространстве культуры. М., 2007. С. 137–180.

⁷⁵ Сосницкий Д.А. Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI века (по материалам нарративных источников) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3. С. 100–106.

⁷⁶ Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014.

⁷⁷ Данилевский И.Н. Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // "Цепь времен": Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 119–132.

⁷⁸ Соколов Р.А. Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2013.

⁷⁹ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

⁸⁰ Филюшкин А.И. Места памяти или память места? Две битвы Александра Невского в исторической памяти // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2017. № 60. С. 25–44.

⁸¹ Усачев А.С. "И цвет прекрасный царя Владимира...": Образ Дмитрия Донского в исторической памяти Московской Руси XVI века // Родина. 2012, № 1. С. 101–104.

⁸² Азбелев С.Н. Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.

⁸³ Амелькин А.О. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011.

⁸⁴ Леонтьева О.Б. Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи Великих реформ: научное знание и художественный образ // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2007. № 18. С. 19–34.

Н.Н. Мутья⁸⁶, А.И. Филюшкин⁸⁷) и др. Крайне ценными в контексте нашей проблематики являются работы, посвященные формированию в литературе и общественной мысли образов древних русских городов – Киева (В.М. Рычка⁸⁸, И.С. Булкина⁸⁹) и Новгорода (В.В. Рукавичникова⁹⁰, В.А. Абраменко⁹¹, Ю.Н. Беспятых⁹², Г.М. Коваленко⁹³). Эти исследования в основном характеризуются широким хронологическим охватом, лишь отчасти затрагивающим XVIII столетие.

Таким образом, из приведенного обзора литературы видно, что, при достаточно развитой методологии мемориальных исследований, на русском материале большая часть из них сосредоточена на XIX–XX вв. Историческое сознание XVIII вв. на сегодняшний день представляет собой в известной степени слабоизученную лакуну. Вместе с тем, без четкого понимания процессов, происходивших в общественном сознании в этот период, исследования дальнейшего развития исторической памяти оказываются фактически лишены фундамента. Это позволяет говорить о том, что вопрос комплексного изучения исторической памяти XVIII в. и, в частности, представлений о Допетровской Руси, без сомнения, остро назрел и является одной из первоочередных задач отечественной мнемоники.

---

⁸⁵ Володихин Д.М. Историческая память об Иване Грозном: волны интерпретаций // Культурологический журнал. 2017. № 2. С. 1–10.

⁸⁶ Мутья Н.Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010.

⁸⁷ Филюшкин А.И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 5. СПб., 2016. С. 213–223.

⁸⁸ Рычка В. М. «Київ – другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Киев, 2005.

⁸⁹ Булкина И.С. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... PhD in Literature. Тарту, 2010.

⁹⁰ Рукавичникова В.В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. ... канд. фил. наук. Великий Новгород, 2001.

⁹¹ Абраменко В.А. Образ Великого Новгорода в общественной мысли XVIII – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010; *Он же*. Средневековый Новгород глазами потомков (на материале документов XVIII – начала XX вв.). Ростов-на-Дону, 2011.

⁹² Беспятых Ю.Н. Новгород в «Россике» XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 3. Л., 1989. С. 137–148;

⁹³ Коваленко Г.М. Великий Новгород в европейской письменности XV – нач. XX вв. В. Новгород, 2007.

Изучение исторической памяти XVIII в. может опираться на многочисленные исследования культуры и общественной мысли этой эпохи. Среди них работы Б.И. Краснобаева⁹⁴, А.С. Лаппо-Данилевского⁹⁵, М.Ю. Лотмана⁹⁶, А.Л. Зорина⁹⁷, С.О. Шмидта⁹⁸, Т.В. Артемьевой⁹⁹, М.А. Гончарова¹⁰⁰ и мн. др.¹⁰¹

Значительно перекликаются с интересующей нас проблематикой исследования в области образования и просвещения XVIII в. Так, вопросы преподавания истории в учебных заведениях находят отражение в работах П.Д. Ерика¹⁰², Л.П. Бущика¹⁰³, Г.И. Смагиной¹⁰⁴, М.Т. Студеникина¹⁰⁵, И.В. Курукина¹⁰⁶ и др. Распространение научных знаний по русской истории в XVIII в., анализ читательской аудитории исторических изданий стали предметом исследования А.Ю. Самарина¹⁰⁷, Н.В. Стариковой¹⁰⁸, Д.С. Логинова¹⁰⁹ и др.

⁹⁴ Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М., 1983.

⁹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры. XVII-XVIII вв. М., 1990.

⁹⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре (быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в.). СПб., 1994.

⁹⁷ Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века М., 2001.

⁹⁸ Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М., 2002.

⁹⁹ Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005.

¹⁰⁰ Гончаров М.А. Основные тенденции образования и воспитания в России XVIII века. М., 2011.

¹⁰¹ XVIII век. Сборники 1–14. Л., 1935–1983; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1986; и др.

¹⁰² Ерик П.Д. Школьное преподавание истории и историко-методическая мысль в России XVIII века: дис. ... канд. пед. наук. М., 1948.

¹⁰³ Бущик Л.П. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961.

¹⁰⁴ Смагина Г.И. Из истории преподавания русской истории в XVIII веке // Преподавание истории в школе. 1990. № 4. С. 56–63.

¹⁰⁵ Студеникин М.Т. Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI – начала XX вв. М., 2011. С. 25.

¹⁰⁶ Курукин И.В. «Для вперения в юношество любви к отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начала XIX века // Исторический вестник. 2013. № 150. С. 96–121.

¹⁰⁷ Самарин А.Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII – XVIII в.) М., 1998.

¹⁰⁸ Старикова Н.В. Формирование исторических знаний и их распространение в российском обществе в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006.

¹⁰⁹ Логинов Д.С. Русский читатель и его историческая библиотека XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2007.

В частности, А.Ю. Самариным были реконструирован социальный состав читателей первых печатных книг по русской истории – Киевского «Синописа», трудов Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова – география распространения этих изданий и их взаимодействие с рукописной книжностью. Он обращает внимание на существующую в историографии тенденцию подмены «реальной роли той или иной книги в развитии массового исторического сознания» «её значимостью для развития науки»¹¹⁰ и наглядно демонстрирует, что, в то время как издания «Синописа» были известны почти по всей стране, сочинения Г.З. Байера и Г.Ф. Миллера в провинцию почти не проникали, и читались, в основном, в столицах – Петербурге и Москве. Довольно широкое распространение получил и «Краткий российский летописец» М.В. Ломоносова.

Д.С. Логинов в диссертации «Русский читатель и его историческая библиотека XVIII в.» показал, что исторические издания составляли почти 1/8 книг гражданской печати, появившихся в России в 1725 – 1800 гг. и рост их числа в целом соответствовал развитию типографского дела в этот период. Основная масса читателей являлась представителями высших и средних сословий (дворяне, чиновники, купцы, духовенство), но в отдельных случаях историческая литература могла попадать в среду посадского населения и крестьянства. Анализ читательских отзывов позволил автору говорить о постепенном формировании критического отношения читателя к исторической книге.

Неоднократно становились предметом исследований историков, филологов и литературоведов особенности отражения русской истории в художественной литературе XVIII в. Целый ряд работ посвящен проблеме формирования жанра русской исторической трагедии¹¹¹, творчеству

---

¹¹⁰ Самарин А.Ю. Распространение и читатель... С. 3.

¹¹¹ Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1981; Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. М., 1988; Макаренко Е.К. Роль шекспировского театра в формировании русской исторической трагедии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014, № 7 (148). С. 171–177.

отдельных авторов: А.П. Сумарокова¹¹², М.М. Хераскова¹¹³, Екатерины II¹¹⁴, Я.Б. Княжнина¹¹⁵ и др.

Значительное влияние, которое древнерусская литература оказала на формирование художественного сознания XVIII в., и их внутреннюю преемственность удалось показать Г.Н. Моисеевой в монографии «Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века»¹¹⁶. Ею был тщательно разобран целый ряд исторических сюжетов, поднятых в литературных сочинениях М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и др., источники, от которых отталкивались их авторы, и особенности их трактовок исторических событий. С точки зрения Г.Н. Моисеевой, основные черты, присущие древнерусским литературным произведениям (публицистичность, учительность, высокий гражданский пафос, патриотизм), нашли воплощение в творчестве русских литераторов эпохи классицизма.

---

¹¹² Стенник Ю.В. Сумароков-историк // XVIII век: Вып. 20. СПб., 1996. С. 23–46; Бахтина О.Н., Заславский Г.А. Проблема историзма в русской исторической трагедии XVIII в. («Дмитрий Самозванец» А.П. Сумарокова и «Рослав» Я.Б. Княжнина) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 7–12; Макаренко Е.К. Проблема соотношения художественной и историографической форм осмысления исторического сюжета «Эпохи смутного времени» в литературе конца XVIII в. (трагедия А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец») // Культура и текст. 2011. № 12. С. 195–203; Свердлов М.Б. Россия в исторических разысканиях А.П. Сумарокова // Клио. 2015. N. 4 (100) С. 15–29; и др.

¹¹³ Пастушенко Л.М. Драматургическая структура трагедии М.М. Хераскова "Пламена" // XXVII Герценовские чтения. Л., 1975; Сидорова Ю.Н. "Россияда" М.М. Хераскова и "Казанская история" // Литература древней Руси. М., 1975. С. 97–104; Пастушенко Л.М. Идеино-художественное своеобразие трагедии М.М. Хераскова "Идолопоклонники, или Горислава" // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 2. Л., 1976. С. 54–62; С. 3–6; Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2009.

¹¹⁴ Моисеева Г.Н. Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л., 1974. С. 289–295; Евстратов А.Г. Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х – начале 1770-х годов: дис. ... канд. фил. наук. М., 2009; Курукин И.В. История и современность в исторических трагедиях Екатерины II // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 7. С. 89–94.

¹¹⁵ Левицкий М.Г. Исторические драмы императрицы Екатерины II и Я.Б. Княжнина. Кронштадт, 1903; Могилянский А.П. "Ольга" трагедия Я.Б. Княжнина // XVIII век. Сб. 3. 1958. С. 498–504; Прийма Ф.Я. Тема «Новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // На путях к романтизму. Л., 1984. С. 100–138; Валагин А.П. Проблематика трагедии Я.Б. Княжнина "Вадим Новгородский" // Современность классики. Воронеж, 1986. С. 3–18; Бахтина О.Н., Заславский Г.А. Проблема историзма в русской исторической трагедии XVIII в. («Дмитрий Самозванец» А.П. Сумарокова и «Рослав» Я.Б. Княжнина) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 7–12.

¹¹⁶ Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

Ю.В. Стенник в монографии «Идея “древней” и “новой” России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века»¹¹⁷ показывает постепенное осознание русскими мыслителями «водораздела» между «древним» и «новым», коим становится царствование Петра I. «Древняя» Россия начинает восприниматься как символ национальной самобытности и со временем противопоставляется западной модели развития русского государства. В сочинениях писателей XVIII в. русская «древность» становится почвой для поиска примеров государственной мудрости и воинских побед, нравственных основ жизни предков. Внимание к ней возросло «по мере обнаружения некоторых негативных последствий тотальной “европеизации” русского общества»¹¹⁸ и, в конечном счете, вылилось в возникновение движений «западников» и «славянофилов».

Развитие исторической темы в живописи и скульптуре XVIII в. нашло отражение в работах искусствоведов – А.Н. Савинова¹¹⁹, А.Е. Верещагиной¹²⁰, Э.В. Кузнецовой¹²¹, Н.А. Яковлевой¹²² и др.¹²³. Значительный интерес в контексте нашего исследования представляют изыскания О.С. Евангуловой и И.В. Рязанцева, посвященные отражению древнерусских тем в программах Академии Художеств и их исторических источникам¹²⁴. Анализ особенностей портретных изображений

---

¹¹⁷ Стенник Ю.В. Идея “древней” и “новой” России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004.

¹¹⁸ Там же. С. 266.

¹¹⁹ Савинов А.Н. Академия художеств и историческая живопись второй половины XVIII века // История русского искусства. М., 1979. Т. 1. С. 143–147.

¹²⁰ Верещагина А.Е. Художник, время, история. Очерки русской исторической живописи XVIII – начала XX века. Л., 1973.

¹²¹ Кузнецова Э.В. Исторический и батальный жанр. М., 1982.

¹²² Яковлева Н.А. Историческая картина в русской живописи. М., 2005.

¹²³ Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Восемнадцатый век. М., 1952; Молева Н.М., Белютин Э.М. Педагогическая система Академии художеств в XVIII веке. М., 1956; История русского искусства, т. I. М., 1957; Т. V. М., 1960; М., 1961; Коваленская Н.Н. История русского искусства XVIII века. М., 1962; Каганович А.Л. Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., 1963; Ильина Т.В. Русское искусство XVIII века. М., 2001.

¹²⁴ Рязанцев И.В., Евангулова О.С. Древнерусские темы в Академии художеств 1760–1770-х годов и их источники // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992. № 2. С. 67–83; Рязанцев И.В. Российская дань классике. Роль московской школы в развитии зодчества вт. пол. XVIII – нач. XIX вв. М., 2017.

древнерусских правителей в XVIII в. представлен в сборнике «Родословные древа русских царей XVII-XVIII веков» под редакцией А.В. Сиренова¹²⁵.

Таким образом, изучение представлений о допетровской Руси в исторической памяти XVIII в., само по себе ранее не предпринимавшееся, может опираться на значительный пласт существующей историографии, в большей или меньшей степени освещавшей отдельные аспекты интересующей нас проблемы. Оно представляет собой комплексное исследование, призванное, с одной стороны, собрать воедино известные в историографии разрозненные сведения по данному вопросу, с другой стороны, подразумевающее аналитическую работу с обширной базой исторических источников.

Источниковая база исследования

Источниковая база диссертационного исследования разнообразна и может быть разделена на несколько типологических групп, косвенно соотносящихся с основными способами распространения и фиксации сведений о русской истории в XVIII в.

1. Печатные издания XVIII в., тематически связанные с историей допетровской Руси, представляют собой наибольшую группу источников.

В их числе отдельно выделяются издания кирилловской и гражданской печати, как транслирующие представления о прошлом с принципиально разных идеологических позиций – церковной и светской. Гражданские издания, в свою очередь, подразделяются на «научную» и «художественную» литературу.

2. Произведения изобразительного искусства на историческую тематику: историческая живопись и скульптура, а также программы,

---

¹²⁵ Родословные древа русских царей XVII-XVIII веков. М., 2018.

содержащие рекомендации для написания картин на сюжеты из русской истории.

3. Фольклорные записи XVIII в., представленные историческими пословицами, былинами и историческими песнями, бытовавшими в устном народном творчестве.

Кроме того, для выявления повседневного отношения к русским древностям представителей разных слоев русского общества используются:

4. Источники личного происхождения – дневники, мемуары и письма путешественников, фиксирующие «от первого лица» их впечатления от посещения древних русских городов и их достопримечательностей.

5. Массовые исторические источники – ответы, полученные из канцелярий русских городов на опросы Герольдмейстерской конторы (1724 г.), Академии Наук и Сухопутного Шляхетного корпуса (1760-е гг.), касательно их истории, а также исторические свидетельства, включенные в материалы Генерального Межевания.

В качестве вспомогательных исторических источников применяются:

6. Указы и нормативные документы, регламентирующие уровень преподавания русской истории в учебных заведениях XVIII в.

В силу того, что исследованию подвергается массовое историческое сознание, анализ уникальных источников (в частности, рукописных памятников), известных сравнительно узкому кругу людей, не входит в него на данном этапе.

***

Выявление печатных изданий XVIII в. проводилось по указателям и каталогам.

Для выявления **книг кирилловской печати** использовался наиболее полный на сегодняшний день «Свод русских книг кирилловской печати XVIII в. типографий Москвы и Санкт-Петербурга», составленный А.А. Гусевой¹²⁶.

Среди многочисленных церковных печатных изданий нас интересовали, прежде всего, те, где косвенно могли затрагиваться события русской истории. Это: 1) Месяцесловы (в составе Типикона), содержащие общий перечень церковных памятей, в т.ч. памятей русским святым; 2) Служебные и Праздничные Минеи, отражавшие службы русским святым. 3) Издания житий русских святых, среди которых наибольшее значение имеют четырехтомные «Жития святых», составленные Димитрием Ростовским, а также Прологи и отдельные издания агиографических произведений и др.

Сопоставление переизданий перечисленных церковных книг, относящихся к началу и концу XVIII в., показало, что их состав в этот период почти не подвергался изменению. Вместе с тем, их значительные тиражи позволяют говорить не только об унификации, но и о повсеместном распространении единообразной богослужебной литературы.

Согласно подсчетам А.А. Гусевой Пролог в XVIII в. переиздавался 9 раз (в известных случаях тираж одного издания составлял 1200 экз.)¹²⁷, Праздничная Минея – 14 раз¹²⁸, Служебные Минеи – 18 раз тиражами по 1200 экз. каждого тома во всех известных случаях¹²⁹. «Жития святых» (Четьи-Минеи) Дмитрия Ростовского 8 раз переиздавались в Москве и 3 раза в Киеве¹³⁰. Несмотря на это, высокая востребованность Четьих-Миней подтверждается сохранившимися рукописными копиями. Таким образом,

---

¹²⁶ Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.

¹²⁷ Известны издания: 1702, 1718, 1735, 1747, 1751, 1755, 1765, 1779, 1792 гг. См.: Гусева А.А. С. 311–319.

¹²⁸ Московские издания Минеи Праздничной под названием «Анфологион» выходили с 1697 г. Известны переиздания: 1701, 1706, 1715, 1730, 1744, 1748, 1752, 1755, 1759, 1763, 1767, 1773, 1780, 1785, 1848 гг.

¹²⁹ Известны издания: 1704, 1710, 1724, 1736, 1747, 1750, 1754 1758, 1763, 1768, 1771, 1776, 1778, 1781, 1784, 1788, 1783, 1799 гг. См.: Гусева А.А. С. 186–253.

¹³⁰ Там же. С. 72–79.

богослужебная и душеполезная литература продолжала играть весомую роль в формировании общественного мировоззрения и в Новое время.

Некоторым особняком в череде печатных изданий XVIII в. стоит **«Синописис или краткое собрание от различных летописцев»**, опубликованный в 1674 г. типографией Киево-Печерской лавры по благословлению её архимандрита Иннокентия Гизеля¹³¹. Это первая печатная книга по русской истории, ставшая самым тиражируемым историческим сочинением в XVIII в. Первые издания «Синописиса», печатавшиеся в Киеве, были кириллическими, в 1714 г. в Москве вышло первое гражданское переиздание «Синописиса», а затем он стал регулярно переиздаваться в Петербурге. К середине XIX в., по подсчетам А.С. Лаппо-Данилевского, «Синописис» пережил около 30 переизданий¹³². Помимо этого, известно множество его рукописных списков.

Как с точки зрения своего содержания, так и с точки зрения своего распространения, «Синописис» служил своеобразным «переходным звеном» между «церковной» и «научной» исторической литературой. В связи с исключительной популярностью этого сочинения, изложенная в нем концепция русской истории требует особого внимания и будет рассмотрена отдельно.

Книги гражданской печати выявлялись по *«Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века»*¹³³.

Среди них можно выделить учебные пособия по всеобщей и российской истории, специальные исторические сочинения и публикации исторических источников. Учитывая недостаточно сформированные в XVIII в. требования к методологии исторического исследования, все перечисленные публикации мы будем условно называть «научными»

---

¹³¹ Синописис. Киев, 1674.

¹³² Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 26; Самарин А.Ю. Краткое собрание от разных летописцев // Историк. 2015. № 12. С. 42–46.

¹³³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800: в 6 тт. М., 1962–1975.

(поскольку они воспринимались как таковые их современниками – читателями или авторами) вне зависимости от современных представлений об их историографической ценности. Главным критерием «научности» в данном случае можно считать не столько соответствие сочинения современным академическим нормам, сколько стремление его автора к рационалистическому познанию и описанию истории.

За период с 1725 по 1800 гг. свет увидело: 19 изданий русских летописей; 36 общих работ по русской истории (с учетом переизданий отдельных сочинений); 39 книг, посвященных истории допетровской России; 29 «краеведческих» книг, касающихся истории отдельных регионов России; 48 изданий, относящихся к источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам; 36 учебных и популярных пособий по русской истории¹³⁴.

Основная масса «научных» и «учебных» изданий, касающихся истории России, пришлась на середину-вторую половину XVIII в. Среди них – сочинения Г.З. Байера¹³⁵, Ф.Г. Дильтея¹³⁶, И.Ф. Богдановича¹³⁷, М.В. Ломоносова¹³⁸, Ж.Ф. Вегелина¹³⁹, И.Н. Болтина¹⁴⁰, Екатерины II¹⁴¹, А.И. Манкиева¹⁴², Т.С. Мальгина¹⁴³, Г.Ф. Миллера¹⁴⁴, М.Н. Муравьева¹⁴⁵, Н.И. Новикова¹⁴⁶, М.И. Попова¹⁴⁷, С.П. Соковнина¹⁴⁸, М.Г. Спиридова¹⁴⁹, И.М. Стриттера¹⁵⁰, В.Н. Татищева¹⁵¹, М.М. Щербатова¹⁵², Ф.А. Эмина¹⁵³ и др.

---

¹³⁴ Там же. Т. V. М., 1967. С. 129–130.

¹³⁵ Байер Г.З. Сочинение о варягах. СПб., 1767.

¹³⁶ Дильтей Ф.Г. Опыт российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующего роду. М., 1771.

¹³⁷ Богданович И.Ф. Историческое изображение России. Ч. 1. СПб., 1777.

¹³⁸ Ломоносов М.В. Краткий российской летописец с родословием. СПб., 1760; *Он же*. Древняя российская история. СПб., 1766.

¹³⁹ Вегелин Ж.Ф. Таблица российской истории в пользу юношества. М., 1788.

¹⁴⁰ Болтин И.Н. Критическая примечания генерал-майора Болтина на первый [-второй] том истории князя Щербатова. Т. 1–2. СПб., 1793–94.

¹⁴¹ Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. 1–6. СПб., 1787–1794.

¹⁴² Манкиев А.И. Ядро российской истории. СПб., 1770.

¹⁴³ Мальгин Т.С. Зерцало российских государей 862–1789, СПб., 1789.

¹⁴⁴ Миллер Г.Ф. Известие о дворянах российских о их древнем происхождении СПб., 1790; *Он же*. О народах издревле в России обитавших СПб., 1773.

¹⁴⁵ Муравьев М.Н. Историческое изображение России в седьмом надесять веке. СПб., Б.г.

¹⁴⁶ Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.

В рамках настоящей работы не ставилась задача детального анализа всех приведенных произведений, поскольку он уже неоднократно проводился в известных историографических работах¹⁵⁴. Данные научных изданий XVIII в. привлекаются преимущественно в контексте соотнесения степени отражения тех или иных исторических событий в церковной, художественной и научной литературе.

Художественная литература исторической тематики в XVIII в. была представлена, прежде всего, русской драматургией. Это сочинения Ф. Прокоповича¹⁵⁵, А.П. Сумарокова¹⁵⁶, М.В. Ломоносова¹⁵⁷, П.А. Плавильщикова¹⁵⁸, Я.Б. Княжнина¹⁵⁹, Екатерины II¹⁶⁰, В.А. Озерова¹⁶¹, Ф.П. Ключарева¹⁶², М.М. Хераскова¹⁶³, И.Ф. Богдановича¹⁶⁴, Н.П. Николаева¹⁶⁵ и др. Большая часть драматических произведений не

---

¹⁴⁷ Попов М.И. Описание древняго славянскаго языческаго баснословия. СПб., 1768.

¹⁴⁸ Соковнин С.П. Опыт исторического словаря о всех... святых мужах. М., 1784.

¹⁴⁹ Спиридов М.Г. Краткий исторический столбец самодержавных всероссийских государей. М., 1800.

¹⁵⁰ Стриттер И.М. Известия византийских историков объясняющая российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. 1–4. СПб., 1770–1775.

¹⁵¹ Татищев В.Н. История российская. Кн. 1–5 М., 1768–1848; *Он же*. Лексикон российской исторической. СПб., 1793.

¹⁵² Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1–7. 1770–1791.

¹⁵³ Эмин Ф.А. Российская история жизни всех древних. СПб., 1767–1769.

¹⁵⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография до XIX в. М., 1941; Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. М., 1957; Пешич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. Л., 1961; Ч. 2. Л., 1965; Ч. 3. Л., 1971; Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1988; Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993; Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М., 2008; и др.

¹⁵⁵ Прокопович Ф. Владимир // Прокопович Ф. Сочинения. М.-Л. 1961. С. 147–208.

¹⁵⁶ Сумароков А.П. Хорев // Российский театр. Ч. I. СПб., 1786. С. 159–238; *Он же*. Синав и Трувор // Там же. Ч. II. 1786. С. 3–82; *Он же*. Ярополк и Димиза // Там же. Ч. II. 1786. С. 243–312; *Он же*. Вышеслав // Там же. Ч. III. 1786. С. 3–60; *Он же*. Семира // Там же. Ч. II. 1786. С. 159–242; *Он же*. Мстислав // Там же. Ч. III. 1786. С. 123–176; *Он же*. Дмитрий Самозванец // Там же. Ч. III. 1786. С. 61–122.

¹⁵⁷ Ломоносов М.В. Тамира и Селим // Российский театр. Ч. I. 1786. С. 5–82.

¹⁵⁸ Плавильщиков П.А. Дружество // Российский театр. Ч. VII. 1787. С. 75–174. *Он же*. Рюрик // Сочинения Петра Плавильщикова, ч. I. СПб., 1816. С. 1–60.

¹⁵⁹ Княжнин Я.Б. Владимир и Ярополк // Российский театр. Ч. XXXIV. 1790. С. 3–108; *Он же*. Владисан // Там же. Ч. XXXII. СПб., 1790. С. 187–298; *Он же*. Вадим Новгородский. СПб., 1793. *Он же*. Ольга // Княжнин Я.Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 117–182.

¹⁶⁰ Екатерина II. Историческое представление из жизни Рюрика // Российский театр. Ч. XIV. 1787. С. 107–166; *Она же*. Начальное управление Олега // Там же. С. 167–248; *Екатерина II*. Новгородский богатырь Боеславич // Там же. Ч. XX. 1788. С. 55–100.

¹⁶¹ Озеров В.А. Ярополк и Олег // Сочинения Озерова. СПб., 1846. С. 309–372.

¹⁶² Ключарев Ф.П. Владимир Великий // Российский театр. Ч. VI. 1787. С. 81–144.

¹⁶³ Херасков М.М. Идолопоклонники, или Горислава // Российский театр. Ч. IV. 1786. С. 223–303; *Он же*. Пламена // Российский театр. Ч. IV. 1786. С. 3–84; *Он же*. Владимир // Эпические творения М.М. Хераскова. Ч. II. М., 1820. С. 1–248.

¹⁶⁴ Богданович И.Ф. Славяне // Российский театр. Ч. IX. 1787. С. 219–307.

¹⁶⁵ Николаев Н.П. Сорена и Замир // Российский театр. Ч. V. 1787. С. 235–323.

только публиковалась в печати, но и неоднократно ставилась на театральной сцене, в связи с чем охват у ее аудитории был достаточно широк.

К «историческим» литературным жанрам также следует отнести эпические поэмы (В.Т. Нарезного¹⁶⁶, А.П. Сумарокова¹⁶⁷, Н.А. Львова¹⁶⁸) и исторические повести¹⁶⁹. Отдельные исторические события упоминались в торжественных одах.

Особое место в формировании образа «баснословной Руси» занимали литературные сказки М.В. Попова¹⁷⁰, М.Д. Чулкова¹⁷¹, В.А. Левшина¹⁷² и др. Повествуя о заведомо вымышленных событиях и находясь в прямой зависимости от западноевропейского рыцарского романа, они, тем не менее, помещали свое повествование в атмосферу русской древности и иногда даже ошибочно воспринимались читателями как исторические рассказы.

Во второй половине XVIII в. происходит резкий всплеск интереса к сюжетам из русской истории в **изобразительном искусстве**. Произведения живописи и скульптуры в большинстве своем являлись уникальными. В отличие от научных и литературных сочинений они, как правило, не тиражировались в печати, и потому были известны лишь ограниченному кругу людей. С этой точки зрения, они являлись скорее отражением уже сформированных в историческом сознании образов прошлого, нежели факторами, значительно повлиявшими на их формирование. Тем не менее, визуальная составляющая представлений о прошлом, кажется не менее значимой, чем их нарративная часть.

---

¹⁶⁶ *Нарежный В.Т.* Брега Альты // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 18. М., 1798. С. 281–287; *Он же.* Освобожденная Москва // Там же. Ч. 19. М., 1798. С. 33–45; *Он же.* Песнь Владимиру киевских баянов // Там же. Ч. 20. СПб., 1798. С. 378–384.

¹⁶⁷ *Сумароков А.П.* Димитриады // Полное собрание всех сочинений. Ч. 1. М., 1781. С. 293.

¹⁶⁸ *Львов Н.А.* Добрыня // Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994. С. 192–201.

¹⁶⁹ *Нарежный В.Т.* Рогвольд // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 20. С. 353–375.

¹⁷⁰ *Попов М.В.* Славенские древности, или Приключения славенских князей. Ч. 1–3. СПб., 1770–1771.

¹⁷¹ *Чулков М.Д.* Пересмешник, или Славенские сказки. Ч. 1–4. М., 1783–1784.

¹⁷² *Левшин В.А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся через пересказывание в памяти приключения. Ч. 1–10. М., 1780–1783; *Он же.* Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских. Ч. 1–6. М., 1787–1788.

Произведения исторической живописи и скульптуры XVIII в. разделяются на две группы: 1) портретные изображения прежних русских князей и царей, в числе которых – гравированные императорские портреты «в родословии», «Родословное древо российских государей» И.Н. Никитина, «Портретные барельефы» И.Ф. Шубина, медали, выпущенные Санкт-Петербургским монетным двором в 1768–1774 гг. на основе портретов, вырезанных И.К. Доршем и др. 2) изображения конкретных исторических событий, представленные работами И.А. Акимова, А.П. Лосенко, А.М. Иванова, М.И. Козловского, Ф.Ф. Щедрина, Г.И. Угрюмова и др., а также серией исторических медалей, подготовленной в 1780-х гг. по проекту Екатерины II.

Отдельного внимания заслуживают проспекты тем, рекомендуемых для скульпторов и живописцев. Одним из первых подобных перечней являются «Идеи для живописных картин из российской истории» М.В. Ломоносова¹⁷³, включившие описания 25 исторических сюжетов от «взятия Искореста» княгиней Ольгой и до заточения патриарха Гермогена. Не менее ценны программы Академии Художеств, отражающие задания, предлагавшиеся ее выпускникам¹⁷⁴. С 1766 по 1773 гг. в них регулярно присутствуют древнерусские сюжеты. Помимо кратких рассказов об исторических событиях, которые следовало изобразить, программы интересны еще и тем, что содержат упоминания о не дошедших до нас картинах (например, «О заключении мира российским князем Олегом с греческими царями Львом и Александром перед стенами Константинопольскими» И.А. Ерменева, 1767 г.; «О отмщении древлянам великою княгинею Ольгою за убиение мужа ея Игоря» С.Ф. Сердюкова, 1768 г.; и т.д.).

Набор изображаемых сюжетов и особенности их воплощения в живописи и скульптуре показательны иллюстрируют и дополняют

¹⁷³ Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин из российской истории // *Он же. Полное собрание сочинений*. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 367–373.

¹⁷⁴ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч. 1. СПб., 1864. С. 115, 120, 122, 124–126, 131, 185–186.

литературные трактовки событий русской истории, а их анализ позволяет точнее выявить образ допетровской Руси, сложившийся в искусстве XVIII в.

Источником, отразившим представления о русской древности, бытовавшие в устном народном творчестве, являются **фольклорные записи XVIII в.** Несмотря на то, что особенности отражения исторических событий в песенном творчестве являются предметом дискуссий, почти все исследователи фольклора так или иначе сходятся во мнении, что сами носители этой традиции в историчность эпоса, как правило, верили¹⁷⁵. А потому, отраженные в устном народном творчестве картины русской древности также могут считаться одной из граней исторической памяти и представлений о прошлом.

Письменная фиксация русского фольклора началась сравнительно поздно. Наибольшее внимание в XVIII в. уделялось собиранию пословиц, публикации которых привлекаются в рамках настоящего исследования¹⁷⁶. Первым известным собранием русских былин принято считать сборник «Древних российских стихотворений, собранных Киршею Даниловым», созданный, вероятно, по заказу владельца уральских заводов П.А. Демидова в 1740–1760-х гг.¹⁷⁷ В его состав вошла 71 народная песня с нотами, не менее 46 из которых имеют отсылку к историческому прошлому.

Отдельные прозаические пересказы былин сохранились в рукописных сборниках и были выявлены и опубликованы А.М. Астаховой в книге «Былины в записях и пересказах XVII–XVIII вв.»¹⁷⁸. Несколько из них вошло в состав печатного «Собрания разных песен» М.Д. Чулкова¹⁷⁹. В исследовании избегается активное использование записей XIX в., хотя

---

¹⁷⁵ *Протт В.Я.* Русский героический эпос. М., 2006. С. 265.

¹⁷⁶ *Барсов А.А.* Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770; *Богданович И.* Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. В 3 ч. СПб., 1785; [*Екатерина II*]. Выборная российския пословицы. [СПб., 1782]; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.-Л., 1961; и др.

¹⁷⁷ *Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым.* СПб., 2000.

¹⁷⁸ *Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков.* М.-Л., 1960.

¹⁷⁹ *Чулков М.Д.* Собрание разных песен. Ч. 1–3. СПб., 1770–1773.

очевидно, что песни, бытовавшие в устной традиции в XIX в., были известны (но не были записаны) и веком ранее.

Все вышеперечисленные типы источников могут рассматриваться одновременно с двух позиций. С одной стороны, они относятся к тем источникам информации, откуда люди XVIII в. могли почерпнуть сведения о русском прошлом. С другой стороны, они сами по себе являются произведениями, созданными или переосмысленными в XVIII в., и тем самым, воплотившими бытовавшие в этот период представления о прошлом.

Все они сосуществовали в тесном взаимодействии друг с другом. Авторами научных и художественных произведений на сюжеты из русской истории нередко выступали одни и те же люди (М.В. Ломоносов, М.И. Попов, А.П. Сумароков, Екатерина II и др.). Фольклорные персонажи становились героями произведений искусства. Книжные образы, напротив, часто уходили «в народ» и т.д.

Несмотря на значительную изученность каждого из упомянутых видов источников по отдельности, все вместе они ранее не анализировались исследователями одновременно в силу их разнохарактерности. Вместе с тем, сопоставление нашедших в них отражение картин прошлого представляется интересным именно благодаря их разнообразию. Оно позволяет выявить основополагающие, главные образы русской истории, общие как для разных слоев населения, так и для разных способов осмысления исторических событий; а также обнаружить «спорные места», трактовки которых могли различаться в зависимости от преобладания того или иного типа информации в формировании представлений о прошлом каждого конкретного человека.

***

Источники, привлекаемые в пятой главе исследования, имеют иную специфику и предназначение. Если до этого мы рассматривали своеобразное «информационное поле» – т.е. то, что условный воображаемый человек,

живущий в XVIII столетии, вообще мог узнать о русской истории и откуда он мог это узнать, то не менее интересным становится сопоставление этого возможного «багажа знаний» с фактическими знаниями и повседневными представлениями реальных людей этого времени.

Эти сведения могут быть выявлены на основе **источников личного происхождения**: дневников, воспоминаний, мемуаров и переписки представителей разных сословий. Особую ценность среди них представляют записки путешественников, побывавших в местах, связанных с событиями русской средневековой истории в XVIII в.

В рамках исследования были проанализированы впечатления путешественников от посещения двух древних русских городов – Киева и Новгорода. Это записки представителей дворянства, духовенства, разночинцев, посадских людей, придворные журналы и свидетельства о путешествиях венценосных особ и др., подробный перечень которых будет приведен во втором параграфе пятой главы.

Несмотря на то, что главным предметом данного исследования является изучение исторического сознания русского общества, мы сочли возможным привлечь также записок иностранцев. Это обусловлено тремя причинами: во-первых, зачастую в них косвенным образом фиксировались исторические представления русских людей (например, записывались рассказы попутчиков и местных жителей); во-вторых, сопоставление впечатлений русских и иностранных путешественников позволяет точнее выявить общее и особенное в отношении к древностям представителей разных народов и конфессий; в-третьих, нельзя отрицать, что многочисленные иностранцы, находившиеся на русской службе в XVIII в., играли не последнюю роль в формировании мировоззрения русского дворянства, а многие из них, в конечном счете, стали полноправными членами русского общества.

В общей сложности, в ходе работы было привлечено свыше 70 персонифицированных текстов.

Еще один срез фактических знаний русского общества об истории допетровской Руси представляют собой массовые источники – сведения об истории русских городов, сообщавшиеся служителями губернских канцелярий в ответ на опросы, проводившиеся по всей территории Российской Империи. Среди них ответы на анкеты Герольдмейстерской конторы (1724 г.)¹⁸⁰, Академии наук и Сухопутного шляхетного корпуса (1760-х гг.)¹⁸¹. Обстоятельства проведения данных опросов и степень полноты собранной в их ходе информации будут освещены в соответствующей главе. В общей сложности, в ходе исследования были рассмотрены описания свыше 100 городов за 1720-е гг. и 80 городов за 1760-е гг. Многие из них были введены в научный оборот впервые.

Данные, полученные при анкетировании 1720-х и 1760-х гг., сопоставляются с материалами Генерального межевания, основные работы по проведению которого в центральной России пришлось на 1770 – первую половину 1790-х гг. В ходе исследования были проанализированы опубликованные Д.А. Черненко, А.А. Голубинским и Д.А. Хитровым материалы по 10 центральным губерниям: Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской¹⁸².

Сравнение этих разновременных описаний позволяет проследить некоторую динамику развития знаний об истории русских городов в XVIII в.

Помимо перечисленных видов источников в работе привлекались указы и нормативные документы, носящие вспомогательный характер. К ним относятся указы, связанные с деятельностью учебных и научных заведений;

---

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. № 377.

¹⁸¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а, 10б; РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. № 3050.

¹⁸² Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия. Тула, 2016.

сенатские указы по рассылке географических анкет; инструкции для землемеров в ходе Генерального межевания и др.

***

Подводя итог обзору источников, заметим, что представленная источниковая база исследования достаточно широка. Вместе с тем, нельзя не отметить и другую её важную особенность. Уникальным свойством источников XVIII в., создающим благоприятные условия для изучения исторического сознания этой эпохи, наряду с разнообразием является, в общем и целом, их количественная обозримость. Если в предшествующие века материалы для подобного исследования были бы малочисленны и уникальны, то позже (в XIX в. и, тем более, в XX в.) – их, напротив, становится настолько много, что подобный комплексный анализ всех дошедших до нас сведений потребовал бы многолетней работы целого коллектива исследователей. Лишь в реалиях XVIII в. мы можем говорить о возможности относительно полного охвата исследуемых нами групп источников – и печатных изданий, и произведений изобразительного искусства, и записей фольклора этого времени и т.д. Этот факт, безусловно является важным преимуществом изучения поставленной проблемы именно на материале XVIII в.

Исключением являются источники личного происхождения и массовые источники, выявление исторических сведений в которых не претендует на полноту и может стать предметом многочисленных дальнейших изысканий.

Глава 1.

Распространение научных знаний о русской истории в XVIII в.

§1. Особенности преподавания русской истории в XVIII в.

Изучение историографии и научной исторической мысли XVIII в. не является главным предметом нашего исследования. Тем не менее, было бы невозможно охарактеризовать вненаучные представления общества о прошлом, не коснувшись, хотя бы мельком, степени распространения в нём научных знаний. Путь для распространения таких сведений существовало два: образование и печать.

С начала XVIII в. система образования в России претерпевала множество реформ¹. Последовательное изучение указов об основании и преобразовании учебных заведений позволяет составить общее представление об официальном перечне преподаваемых в них дисциплин. Начальные учебные заведения – цифирные², архиерейские³, гарнизонные⁴ школы и др. – давали лишь элементарные знания по математике и письму. Не являясь прикладным предметом, история не входила и в учебный план большинства светских учебных заведений, дававших дальнейшую специальную подготовку: инженерных⁵ и горных⁶ училищ, морской академии⁷, водоходного училища⁸ и прочих «профессиональных» школ. Тем не менее, она изучалась в некоторых частных школах, духовных семинариях

---

¹ *Ткаченко В.В.* «Синописис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.). М., 2018. С. 41–49.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830. Т. V. № 2778. С. 86; № 2971. С. 187; № 2979. С. 198; Т. VI. № 3845. С. 451. (Далее – ПСЗРИ).

³ Там же. Т. VI. № 4021. С. 697–699; № 4126. С. 792–794; Т. VII. № 4975. С. 706; См. также о епархиальных гимназиях: Там же. Т. XVI. С. 122.

⁴ Там же. Т. XII. № 9054. С. 247–251.

⁵ Там же. Т. IV. № 2467. С. 779.

⁶ Там же. Т. XIII. № 10112. С. 858; Т. XV. № 11185. С. 617; Т. XVI. № 12075. С. 603.

⁷ Там же. Т. V. № 3276. С. 609.

⁸ Там же. Т. XXII. № 16316. С. 527–529.

и академиях⁹, Академическом¹⁰ и Московском¹¹ университетах и гимназиях при них. Согласно указу 1737 г. историю предписывалось изучать недорослям с 16 до 20 лет¹² (но фактически её знание не проверялось¹³). Кроме того, знание истории считалась достойным дворянина, а потому общие представления о ней давали также в шляхетных корпусах – сухопутном¹⁴, морском¹⁵, артиллерийском и инженерном¹⁶.

Основные требования к духовному образованию были установлены «Духовным регламентом» Феофана Прокоповича (1721 г.)¹⁷, где в числе прочего постановлялось: «уча Грамматике, может учитель с нею учить купно и Географию и Историю»¹⁸. Речь шла, таким образом, об использовании исторических текстов для переводов с латинского языка, причем внимание преподавателей специально акцентировалось на том, что следует читать оригинальную, а не переводную литературу («только бы был автор чистаго языка Латинскаго, яковый есть Юстин Историк»¹⁹). Историю же следовало учить «одну внешнюю, либо церковную»²⁰.

Рекомендательный характер этого пункта регламента приводил к тому, что история в духовных учебных заведениях часто не преподавалась вовсе. Критикуя обучение в Греко-Латинской академии в 1730-е гг., В.Н. Татищев отмечал: «...истории же с хронологией и географию, врачевство и проч., что к философии принадлежит, про то в сем училище не токмо шляхтичу, но и подлому научиться нечему»²¹. Митрополит Платон (Петр Левшинов), обучавшийся в Московской Академии в 1750-х гг., в своих

---

⁹ Там же. Т. VI. № 3718. С. 334; Т. VII. № 4291. С. 105; № 4450. С. 232.

¹⁰ Там же. Т. XII. № 9425. С. 737.

¹¹ Там же. Т. XIV. № 10346. С. 284–294.

¹² Там же. Т. X. № 7171. С. 43–44.

¹³ На смотре недорослям было необходимо продемонстрировать лишь знание основ православной веры, арифметики и геометрии. См.: Там же. Т. X. № 7171. С. 43–44, № 7213. С. 94.

¹⁴ Там же. Т. VIII. № 5811. С. 519; № 5881. С. 557–559.

¹⁵ Там же. Т. XLIV. № 10062. С. 49.

¹⁶ Там же. Т. XVI. № 11696. С. 96; Т. XXII. № 15934. С. 38–49.

¹⁷ Там же. Т. VI. № 3718. С. 314–346.

¹⁸ Там же. С. 333.

¹⁹ Там же. С. 334.

²⁰ Там же.

²¹ *Татищев В.Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. С. 117.

автобиографических записках также упоминал о том, что его учили лишь латинскому языку, пиитике, риторике, философии и богословию. Знание географии и истории он, по его словам, приобрел самостоятельно, «всегдашним чтанием исторических книг, к чему прилежал чрез всю свою жизнь»²².

Преподавание русской истории в светских учебных заведениях в первой половине XVIII в. затруднялось тем, что значительная часть педагогов являлась иностранцами, не имеющими соответствующей подготовки. В московской гимназии пастора Глюка «от исторических авторов Курция и Иусина»²³ преподавал Иоан Рейхмут. В основанной Феофаном Прокоповичем школе для детей «всякого звания» занятия по истории вел академик Г.З. Байер, который, по замечанию А.Л. Шлецера, не знал русского языка²⁴. Согласно положению о проведении экзаменов (от 1737 г.) кадеты Сухопутного Шляхетного корпуса должны были сдавать универсальную историю и историю немецкого (!) государства²⁵ и т.д.

Судя по всему, отдельные занятия по русской истории начинают проводиться в рамках курса всеобщей истории только во второй половине XVIII в. В 1760 г. вышел в свет «Краткий российский летописец с родословием» М.В. Ломоносова²⁶. Он представлял собой хронологическую таблицу, отражающую основные деяния русских правителей от призвания варягов до царствования Петра I с присовокуплением родословия русских государей. Текст «Краткого летописца» лег в основу разделов по русской истории для большинства учебников, издававшихся «в пользу юношества» в XVIII в.

---

²² Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII в. М., 2012. С. 422.

²³ Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 44.

²⁴ Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная // Сборник отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. XIII. СПб. 1875. С. 4.

²⁵ ПСЗРИ. Т. 10. № 7396. С. 262, 264.

²⁶ Ломоносов М.В. Краткий российской летописец с родословием. СПб., 1760.

В течение 1760-х гг. такие разделы появились почти во всех школьных пособиях. В 1761 г. описание русской истории было включено в «Краткую всеобщую историю» Ла Кроца, напечатанную типографией Сухопутного шляхетного корпуса²⁷. В 1762 г. – в «Сокращенную универсальную историю» Г. Кураса²⁸, по которой, согласно воспоминаниям А.Л. Шлецера, учились в Академической гимназии²⁹. В 1766 г. – в «Сокращение универсальной истории Гольберга», переведенное на русский язык И.С. Барковым³⁰. В 1769 г. учитель университетской гимназии (и будущий ректор Московского университета) Х.А. Чеботарев дополнил «присовокуплением Российской истории» перевод «Краткой всеобщей истории» И. Фрейера³¹. В 1788 г. увидела свет «Таблица российской истории в пользу юношества» Ж.Ф. Вегелина³² и т.д. Все они в части описания русской истории являлись переработками «Краткого летописца».

С 1786 г. Уставом народных училищ было установлено преподавание истории России как отдельного предмета³³. Её изучали в 4 классе Главных народных училищ³⁴. Согласно плану «К сочинению Российской истории для народных училищ»³⁵, составленному Ф.И. Янковичем-де-Мириево, преподавание истории должно было носить нравоучительный характер. «Всякое важное происшествие или дела» надлежало «описывать таким образом, дабы оно служило или в одобрение или в предосторожность людям нынешних и будущих времен»³⁶. Такой воспитательный подход заметно повлиял на подбор и освещение исторических фактов, включенных училищную программу. В отличие от хронологического сухого перечня

---

²⁷ *Ла Кроц*. Краткая универсальная история. СПб., 1761. С. 177–179, 183–187, 198–234 и др.

²⁸ *Курас Г.* Сокращенная универсальная история. СПб., 1762.

²⁹ *Шлецер А.Л.* Общественная и частная жизнь... С. 124.

³⁰ *Гольдберг Л.* Сокращение универсальной истории. СПб., 1766; То же. СПб., 1797.

³¹ *Фрейер, И.* Краткая всеобщая история... с присовокуплением к ней российской истории. М., 1766.

³² *Вегелин Ж.Ф.* Таблица российской истории в пользу юношества. М., 1788.

³³ Устав народным училищам в Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786; ПСЗРИ. Т. XXII. № 16421. С. 646–669.

³⁴ Устав народным училищам... С. 7–8. ПСЗРИ. Т. XXII. № 16421. С. 647.

³⁵ О сочинении российской истории для училищ в царствование императрицы Екатерины II // Журнал министерства народного просвещения. 1835. № 5. Ч. 5. С. 138–146.

³⁶ Там же. С. 146.

событий, которым отличался «Краткий летописец» М.В. Ломоносова, новый курс истории был призван разъяснить основные процессы культурного и политического развития российского государства. В частности, следовало показать: «Когда какая в России была вера, правление, нравы и упражнения, какие во всем том были после перемены и от чего?», «Почему получили Россияне образование толь поздно и каким образом оно так скоро распространилось?», «Как становилась населяемая Россиянами страна лучше и от каких причин хуже?»³⁷ и т.д.

Однако, создание учебника по русской истории для народных училищ затянулось. Первоначальный план Ф.И. Янковича-де-Мириево не был утвержден Императрицей, требовавшей его согласования с написанными ею «Записками касательно Российской истории»³⁸. После многочисленных переработок «Краткая российская история для народных училищ» была напечатана только в 1799 г.³⁹

Учебные планы и программы, разумеется, вовсе не отражали подлинную картину преподавания русской истории в учебных заведениях. Согласно воспоминаниям учащихся и учителей, занятия, как правило, заключались в заучивании наизусть учебных материалов, которые зачастую не разъяснялись и не сопровождались какими-либо комментариями.

В докладе П.И. Шувалова о воспитании и обучении кадет от 1758 г.⁴⁰ (возможно, написанном в соавторстве с М.В. Ломоносовым, руководившим тогда Академической гимназией⁴¹) об уроках истории сообщалось, что «если историю учить таким порядком, как то в некоторых училищах бывало, то есть твердить наизусть годы, имена и достопамятныя приключения, например, сколько от сотворения до потопа лет, в которой олимпиаде

---

³⁷ Там же. С. 145–146.

³⁸ Курукин И.В. «Для вперения в юношество любви к отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начала XIX века // Исторический вестник. 2013. № 150. С. 104.

³⁹ Краткая российская история для народных училищ. СПб., 1799.

⁴⁰ Исторический очерк второго кадетского корпуса. 1712–1912. Т. 1. СПб., 1912. С. 29–33.

⁴¹ Толстой Д.А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885. С. 32.

родился Александр Великой, много ль было в первом веке цесарей и как их звали (...) и тому подобное, от такого порядка учением гистории, как выше описано, пользы ожидать не можно»⁴². По замечанию С. Глинки, закончившего Сухопутный шляхетный корпус в 1795 г., в свои девятнадцать лет он «о летописце Несторе и слухом не слышал»: «Была у нас какая-то краткая русская история, сочиненная Вегеленом⁴³, с вопросами и ответами на русском и французском языках. Эти сухие, краткие, так сказать, выжимки из историй истомляют только память, а душе ничего не передают»⁴⁴. Ф. Лубяновский, учившийся в Московском университете в 1793–1796 гг. пишет, что изучение русской истории там было настолько поверхностным, что «если бы велели нам тогда описать битву русских с татарами на Куликовом поле, я охотнее согласился бы описать пунические войны»⁴⁵. А. Болотов, получивший образование в пансионе, где, по его словам, историю «не было обыкновения учить», отмечал что «сие едва было и не лучше, нежели учить таким образом, как учат ныне [1789 г. – *В.Т.*] в пансионах, где теряется только на то время, а пользы никакой не производится, ибо заставляют детей учить (...) сии науки наизусть на французском языке, и они ничего не понимают»⁴⁶. На те же «язвы»⁴⁷ воспитания русского юношества указывал в 1792 г. П.А. Плавильщиков, сетуя что «птенец говорит с воспитателем по-французски и только о французской или других землях, а о России никогда (...). Спроси у сего птенца об Александре Великом, об Юлии, об Цицероне, о Вольтере, о Вестрисе, о Ле Кене? он нечто скажет: но об Рюрике, о Владимире ни слова»⁴⁸.

---

⁴² Исторический очерк второго кадетского корпуса. С. 29–32.

⁴³ Вероятно, имеется в виду: *Вегелин Ж.Ф.* Таблица российской истории в пользу юношества. М., 1788.

⁴⁴ *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004. С. 157.

⁴⁵ Русский быт по воспоминаниям современников XVIII в. Ч. 2. Вып. 3. М., 1923. С. 110.

⁴⁶ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков // Русские мемуары. М., 1988. С. 94.

⁴⁷ *Плавильщиков П.А.* Нечто о врожденном свойстве душ российских // Зритель. 1792. Ч. 1. С. 181.

⁴⁸ Там же. С. 17.

Итак, даже при наличии в программе истории как предмета, сведения, которые можно было получить о ней в учебном процессе были довольно поверхностными. Никакой государственной или общественной структуры, проверявшей или требовавшей те или иные знания по истории России, в XVIII в. не существовало. Таким образом, её изучение становилось вопросом личной инициативы и заинтересованности каждого отдельного лица. Если изучение грамматики и арифметики, Закона Божьего и даже иностранных языков не только пропагандировалось, но и явно насаждалось «сверху» (вплоть до предписания наказаний за отсутствие этих знаний у отдельных слоев населения), то потребность в знаниях о родной старине возникала в самом обществе, несмотря на то, что удовлетворение этой потребности требовало значительных усилий. Наиболее доступным способом для восполнения этого пробела в знаниях становилось самостоятельное чтение печатных изданий.

§2. «Синописис» – первая печатная книга по русской истории

Первой и на протяжении XVIII в. самой популярной печатной книгой по русской истории был «Синописис или краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа», впервые опубликованный в 1674 г. в типографии Киево-Печерского монастыря по благословию его архимандрита Иннокентия Гизеля⁴⁹. К середине XIX в. он, по подсчетам А.С. Лаппо-Данилевского, пережил около 30 переизданий как кирилловской, так и гражданской печатью⁵⁰.

«Синописис» представлял собой компилятивное сочинение, основанное преимущественно на «Хронике» М. Стрыйковского и Густынской летописи, а также «летописи Нестора» (Повести временных лет) и других русских и

---

⁴⁹ Синописис или краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа. Киев, 1674.

⁵⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 26; Самарин А.Ю. Краткое собрание от разных летописцев // Историк. 2015. № 12. С. 42–46.

зарубежных текстах⁵¹. Его характеризуют как некую переходную форму от средневековых хроник к научному исследованию, памятник, завершивший развитие историографии XVII в. и послуживший основой для новых исторических произведений XVIII в.⁵², «уже не летопись, но еще и не историю»⁵³. Вопрос авторства «Синописиса» не решен однозначно, однако, наиболее вероятно, что им был сам Иннокентий Гизель⁵⁴.

Неоднократно отмечалось колоссальное влияние «Синописиса» как на становление отечественной исторической науки, так и на формирование общественного исторического сознания в XVIII в.⁵⁵ Несмотря на значительное число переизданий, текст «Синописиса» получил широкое распространение в рукописной традиции⁵⁶. Он служил источником исторических сюжетов для русских литераторов и драматургов (А.П. Сумароков⁵⁷, В.А. Озеров⁵⁸, И. Михайлов⁵⁹ и др.). В своих исторических изысканиях на него ссылались В.Н. Татищев⁶⁰, М.В. Ломоносов⁶¹, М.М. Щербатов⁶², И.Н. Болтин⁶³, В.К. Тредиаковский⁶⁴, М.Д. Чулков⁶⁵, Ф.Г. Дильтей⁶⁶, И.М. Стриттер⁶⁷ и др. По меткому замечанию П.Н. Милюкова, «дух “Синописиса” царит в нашей историографии XVIII в.,

---

⁵¹ Сычева М.Б. Иностраные источники «Синописиса Киевского» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 4. С. 70–77; Жиленко Л.В. Проблемы дослідження джерельної бази «Синописиса» // Лаврський альманах. Спецвипуск 2: Синописис Київський. Київ, 2002. С. 19–24.

⁵² Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 132.

⁵³ Пешич С.Л. «Синописис» как историческое произведение // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.-Л., 1958. С. 297.

⁵⁴ Там же. С. 285.

⁵⁵ Там же. С. 284–298.

⁵⁶ Самарин А.Ю. Создание и использование рукописных копий печатных изданий «Синописиса» в России // Исследования книжных памятников. М., 2000. С. 141–152.

⁵⁷ Сумароков А.П. Хорев // Российский феатр. Ч. I. 1786. С. 159–238; Он же. Семира // Там же. Ч. II. 1786. С. 159–242; Он же. Синав и Трувор // Там же. Ч. II. СПб., 1786. С. 3–82.

⁵⁸ Озеров В.А. Дмитрий Донской. СПб., 1827.

⁵⁹ Михайлов И. Низверженный Мамай. М., 1798.

⁶⁰ Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. Кн. 1. Ч. 1. М., 1768. С. XI.

⁶¹ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» // Он же. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 23, 26, 30 и др.

⁶² Щербатов М.М. Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина. М., 1792. С. 117 и др.

⁶³ Болтин И.Н. Критическая примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории Князя Щербатова Ч. 1. СПб., 1795. С. 131–132.

⁶⁴ Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773. С. 76.

⁶⁵ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. Т. 2. Кн. 3. СПб., 1785. С. 334.

⁶⁶ Дильтей Ф.Г. Первые основания универсальной истории. Ч. 3. 1. М., 1768. С. 81.

⁶⁷ Стриттер И.М. История Российскаго государства. Ч. 1. СПб., 1800. С. 190, 223 и др.

определяет вкусы и интересы читателей, служит исходной точкой для большинства исследователей, вызывает протесты со стороны наиболее серьезных из них, – одним словом, служит как бы основным фоном, на котором совершается развитие исторической науки»⁶⁸.

Вместе с тем, нельзя отрицать влияние «Синописа» и на взгляды менее просвещенной публики. По своему содержанию и восприятию читателями он во многом балансировал на грани научных и ненаучных представлений о прошлом. С одной стороны, он долгое время являлся единственным специальным изданием по русской истории и, без сомнения, оставил яркий след в развитии отечественной историографии. С другой стороны, «Синописис» обладал чертами публицистического произведения, включал в себя значительное число домыслов, далеких от исторической истины, и уже в XVIII в. научное сообщество относились к этому сочинению весьма критично, отмечая интерес к нему со стороны именно малообразованных людей.

Так, В.Н. Татищев, называя «Синописис» среди источников «Истории Российской» отмечал, что он содержит много баснословных и «недоказательных включений», а «многое нужное пропущено»⁶⁹. Академик А.Л. Шлецер замечал, что «полуобразованный русский, с необыкновенною охотою берется за всякое чтение: особенно любит он отечественную историю. (...) Непонятно, как у этой доброй публики не было ни одного удобочитаемого руководства: так называемый киевский “Синописис” не заслуживает этого имени»⁷⁰. Н.И. Новиков упоминал «Синописис» в числе книг «кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами»⁷¹. По его словам, эту книгу «окроме русских купцов да уездных дворян, никто не разумеет»⁷². Эти критические

---

⁶⁸ Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913. С. 7.

⁶⁹ Татищев В.Н. История Российская. Кн. 1. Ч. 1. С. XI.

⁷⁰ Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь... С. 51.

⁷¹ Н.И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., 1961. С. 328.

⁷² Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.-Л., 1951. С. 491.

высказывания в адрес «Синопсиса» демонстрируют явный интерес к нему широких слоев населения.

Круг читателей «Синопсиса» в значительной мере удалось очертить А.Ю. Самарину, проанализировавшему владельческие надписи на сохранившихся в российских хранилищах экземплярах (87 экз.). Среди владельцев старопечатных изданий «Синопсиса» в XVIII в. А.Ю. Самарину удалось выявить 2 членов царской семьи, 4 дворян, 4 представителей высшей церковной иерархии, 4 простых священнослужителей, 5 купцов, 3 посадских людей и 2 крестьян. География их распространения включала в себя Москву, Ростов, Тихвин, Елец, Галич, Серпухов, Тверь, Новгород, Коломну, Зарайск, Орел и другие города⁷³. При этом к рубежу XVIII-XIX вв. прослеживается переход кириллических изданий «Синопсиса» из среды дворянства и высшего духовенства в руки купцов, посадских людей и крестьян.

Гражданские переиздания «Синопсиса» в XVIII в. были распространены в среде дворянства, офицерства, чиновничества, купечества с широким географическим охватом (Казань, Воронеж, Переяславль-Залесский, Белгород, Бежецк, Томск и др.)⁷⁴. По сравнению со старопечатными изданиями, среди их читателей было выше число дворян-аристократов.

Кроме того, в простонародье получил колоссальное распространение основанный на тексте «Синопсиса» лубок с изображением и описанием Мамаева побоища, созданный между 1746 и 1785 гг. и переиздававшийся в 1785, 1803 и 1810 гг. Общая сумма всех тиражей этого лубка, по подсчетам А.Ю. Самарина, составила около 18–35 тыс. экземпляров⁷⁵ – число огромное даже по нынешним масштабам и несопоставимое ни с одним из академических изданий того времени.

---

⁷³ Самарин А.Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII-XVIII в.). М., 1998. С. 41.

⁷⁴ Там же. С. 72–73.

⁷⁵ Там же. С. 73–74.

Таким образом, «Синописис» по праву может называться общенародной книгой, охватившей своим влиянием все слои населения Российской Империи и имевшей хождение почти по всей её территории⁷⁶.

***

Небывалую популярность «Синописиса» часто объясняют тем, что он якобы был «первым учебником по русской истории». Именно такое определение дают ему словари Брокгауза и Ефрона⁷⁷, Д.Н. Ушакова⁷⁸, Большая советская энциклопедия⁷⁹, современная школьная и ВУЗовская учебная литература⁸⁰. Как «общеизвестный факт» это признается и большинством исследователей, так или иначе касающихся «Синописиса»⁸¹. Причем, отдельные авторы даже называют его не иначе как «школьным учебником», использовавшимся с конца XVII и «едва ли не до середины XIX века»⁸² и потому, пережившем такое множество переизданий.

Данное утверждение является ошибочным и требует комментария⁸³. Как уже было показано выше, в действительности, вплоть до конца XVIII в.

---

⁷⁶ Там же. С. 74.

⁷⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXX (59). СПб., 1900. С. 47.

⁷⁸ Толковый словарь русского языка. Т. 4. М., 1940. Стб. 188.

⁷⁹ Большая советская энциклопедия. Т. 23. М., 1976. С. 175.

⁸⁰ Сахаров А.М. *Историография истории СССР. Досоветский период.* М., 1978. С. 43; Шапиро А.Л. *Русская историография с древнейших времен до 1917 г.* М., 1993. С. 133; Дворниченко А.Ю., Кащенко С.Г., Флоринский М.Ф. *Отечественная история (до 1917 г.).* М., 2002. С. 195; Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. *История России.* М., 2006. С. 126; *История исторической науки. Историография.* Казань., 2009. С. 9; Дворниченко А.Ю., Тот Ю.В., Ходяков М.В. *История России.* М., 2008. С. 165; Реснянский С.И., Мухутдинов А.А., Маловичко С.И. *Интеллектуальная история России. Курс лекций.* М., 2018. С. 73–74; Лачаева М.Ю. *История исторической науки России (дореволюционный период).* М., 2018. С. 184 и др.

⁸¹ Ключевский В.О. *Исторические портреты. Деятели исторической мысли.* М., 1991. С. 378; Лаппо-Данилевский А.С. *Очерк развития русской историографии.* С. 5–29; *Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.* М.-Л., 1955. С. 159; Чистякова Е.В. *Первая учебная книга по русской истории // Преподавание истории в школе. 1974. № 3. С. 12–17; Сапожникова О.Я., Сапожников И.Ю. Предисловие // Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674).* М., 2006. С. 3–40; Коялович М.О. *История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям.* М., 2011. С. 142; Степанов Д.Ю. *Почему и для кого был издан первый печатный учебник по русской истории // Родина. 2014. № 2. С. 76–80; Поздеева И.В. *Московская печать XVII века. Человек. Книга. История.* М., 2016. С. 218.*

⁸² Надеждин Н.И. *Об исторических трудах в России. 1837 // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. Отд. 3. С. 100; Булкина И. *Киев в русской литературе первой трети XIX в.: пространство историческое и литературное: дис. РНД. Тарту, 2010. С. 34; Соколов С.В. *Дискурс «общего прошлого» России и Украины в исторических сочинениях XVII в. в связи с проблемой исторической ответственности // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего. Екатеринбург, 2016. С. 97; и др.***

⁸³ Ткаченко В.В. «Синописис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых (9 ноября 2017 г.).* М., 2018. С. 41–49.

история России в учебных заведениях не преподавалась, поэтому никаким «школьным учебником» «Синописис» быть не мог.

Источником этого заблуждения, по всей видимости, послужило высказывание академика А.Л. Шлецера из его обзора русского летописания, где о «Синописисе» сообщалось: «80 лет был он единственною учебною книгою отечественных истории!»⁸⁴. Эта часто цитируемая в литературе фраза лишь на первый взгляд звучит красноречиво и однозначно. В действительности она была сформулирована не Шлецером, а переводчиком его труда Д. Языковым в 1809 г. В оригинале сам академик использовал немецкое слово «handbuch», означающее скорее «руководство» или «справочник», нежели «учебник» («Über 80 Jahre lang blieb sie das einzige Handbuch der Landes-Geschichte!»⁸⁵). Однако неоднозначность осуществленного перевода в дальнейшем привела к историографической ошибке.

Почти дословно перевод Д. Языкова был процитирован киевским митрополитом Евгением Болховитиновым в предисловии к переизданию «Синописиса» 1836 г., где утверждалось, что «книга сия по бывшему недостатку других Российской истории книг печатных, была в свое время единственною оной учебною книгою»⁸⁶ (здесь и далее курсив мой. – В.Т.). Уже год спустя, в 1837 г., Н.И. Надеждин по-своему интерпретировал эти слова, отметил, что «Синописис» Иннокентия Гизеля якобы «замечателен как первый школьный учебник»⁸⁷. Позднее Н.Ф. Сумцов в сочинении об Иннокентии Гизеле охарактеризовал «Синописис» как в прошлом «единственный учебник истории», заметив, что «до истории Ломоносова

---

⁸⁴ Шлецер А.-Л. Нестор. Руския летописи на древле-Славянском языке. Ч. 1. СПб., 1809. С. РЛС.

⁸⁵ Schlözer A.L. Несторъ: Russische Annalen in ihrer slawonischen Grund-Sprache verglichen, übersetzt und erklärt. Göttingen, 1802. P. 88.

⁸⁶ Болховитинов Е. Предупреждение читателю // Синописис или краткое собрание от различных летописцев. Киев, 1836. С. 1.

⁸⁷ Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России. С. 100.

«Синописис» Гизеля, за неимением других, был классическим сочинением»⁸⁸. Прямо ссылаясь на «предуведомление» Е. Болховитинова, П.Н. Милюков заключил, что он был «действительно, *первым и единственным печатным учебником русской истории до самого появления Краткого летописца Ломоносова*»⁸⁹. После чего в литературе стихийно распространилось мнение о том, будто «Ломоносовский “Летописец” заменил в школах “Синописис” как учебник»⁹⁰.

Широта этого заблуждения была сильно приумножена попаданием ошибки в словари, в частности, в популярнейший словарь Брокгауза и Ефрона, где тем же Н.Ф. Сумцовым было сформулировано определение: «Киевский Синописис – первый учебник по русской истории, вышел первым изданием в Киеве в 1674 г.» – создающее ложное впечатление, будто по «Синописису» учились уже с конца XVII столетия. В таком виде этот факт вошел в научный оборот, практически перестал подвергаться проверке и стал казаться общеизвестным.

Без сомнения, являясь популярнейшим и самым доступным историческим сочинением, «Синописис», в действительности, не имел никакого отношения к преподаванию истории в школах или других учебных заведениях. Он использовался исключительно для домашнего чтения, а его широкое распространение было вызвано не требованиями учебных программ, а высоким читательским интересом.

***

Избирательность и неравномерность «Синописиса» в освещении исторических событий, в купе с его колоссальной популярностью, позволяет смотреть на него как на один из факторов формирования в историческом

---

⁸⁸ Сумцов Н.Ф. Иннокентий Гизель. (К истории южно-русской литературы XVII века) // Киевская старина. 1884. Т. X. Октябрь. С. 219–220.

⁸⁹ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 7.

⁹⁰ Сумцов Н.Ф. Иннокентий (Гизель) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXX (59). СПб., 1900. С. 47; Описание изданий гражданской печати. С. 159; Формозов А.А. Человек и наука: Из записей археолога. М., 2005. С. 136; Корзо М.А. Иннокентий Гизель // Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 744–749.

сознании «мест памяти», отдельных значимых символов русской истории. Безусловно лишь наследуя средневековые представления о наиболее важных исторических событиях и вехах, «Синописис» выступает в качестве их мощного ретранслятора и проводника. При этом, «Синописис» подспудно выстраивает для своих читателей иерархию исторических образов, акцентируя внимание на наиболее значимых, лишь коротко освещая менее значимые и вовсе упуская остальные. Этот отбор, первоначально обусловленный содержанием исторических источников, от которых отталкивался автор «Синописиса», и его идеологической позицией, мы можем воспринимать как ту выборку исторических образов, фактов и событий, которая в силу повсеместного распространения «Синописиса» оказалась актуализированной в историческом сознании XVIII в. (см. *Таблицу № 1*).

Таблица № 1

История допетровской Руси в Киевском «Синописисе»

Событие или период русской истории	Главы и их содержание ⁹¹	Общее количество глав
Расселение народов после Всемирного потопа	1–3. О славенском народе. 4. О частях света. 5. О русском (российском) народе. 6. О сарматском народе. 7. О роксоланском народе. 8. О Мосохе, прародителе Славенороссийском. 10. О Козарех. 11. О Цимбрах.	10
Наречение Москвы	9. О наречии Москвы.	1
Основание Киева	12. О граде Киеве и о начале его. 13. О первоначальных Князех Киевских. 14. О смерти Кия, Щека и Хорева и о наследии их по них.	3
Появление славянской письменности	15. О сем, когда Россы писмена знати начаша.	1
Призвание варягов, княжение Рюрика	16. О Руси и о Великом Новгороде. 17. О княжении Рурика с братиею.	2

⁹¹ Названия отдельных глав передаются сокращенно.

Киевские князья IX-X вв.	18. Оскольд и Дир. 19–20. Олег. 21. Игорь. 22–26. Ольга. 26–27. Святослав. 28. Ярополк.	11
Правление Владимира	29–30. Начало правления Владимира. 31. О идолах. 32. О женах Владимировых. 33–35. О храбрости Владимира и военных победах. 36–46. Выбор веры и Крещение Руси.	18
Киевские князья XI-XIII вв.	51. Святополк. 52. Ярослав. 53–54. Изяслав Ярославич. 55. Всеволод Ярославич. 56. Михаил Изяславич. 57–58. Владимир Всеволодович Мономах. 59. Мстислав Мономахович. 60–62. Ярополка Мономахович. 63–64. О различных князях. 65. Мстислав Изяславич и прочие князья. 66, 68. Роман Смоленский. 67. Ярослав Изяславич. 69. Спор о Столице Самодержавия Российскаго и изгнании Князя от Венгров. 70. О князях разных Киевских.	20
Батыево нашествие	71. О княжении Михаила Всеволодовича в Киеве, и о нашествии злочестиваго Батыя. 72–73. О разорении Лавры Печерския	3
Пребывание Киева под татарским игом	74, 104. Киевское княжение под Татарским игом.	2
Мамаево побоище	75. Известие о походе Мамаю на Русь. 76, 80–83. Посольство Захарии к Мамаю. 77–79. Сбор войск и подготовка к походу. 84. Поездка князя Дмитрия в Троице-Сергиев монастырь. 85–89. Выход войск из Москвы. 90–94. Устройство полков. Знамена перед битвой. 95–98. Ход сражения и победа. 99–101. Исчитание и похороны убитых, возвращение в Москву. 102. О походе Великаго Князя Дмитрия к Обители Святыя Троицы. 103. О погибели Мамаевой.	29
Киев под властью Литвы	106. О присоединении Княжения Киевскаго к Литовскому. 109. О превращении Великаго Княжения Киевскаго в Воеводство.	2
История церкви (перенос митрополии в Москву и установление патриаршества)	105. О переселении Митрополита Киевскаго в Москву 107. Откуда два Митрополиты в России 108. О сем, когда в Царствующем граде Москве Патриаршеский Престол устроися	3
Возвращение Киева на прежнее Бытие	110. О возвращении на первое паки Царственное бытие богоспасаемаго града Киева.	1

Чигиринские походы	111. О первом бесурманском приходе под Чигирин. 112. О втором бесурманском приходе под Чигирин. 113. О преславной победе над Турками и Татарами бывшей на горе; 114. О пришествии под Чигирин войск православных; 115. О возвращении войск Христианских от Чигирина; 116. О приходе множественных сил Царских и войск Запорожских к Киеву.	6
--------------------	--	---

Наибольшее внимание в нем уделялось раннему периоду русской истории. В отличие от древнерусского летописца, задававшегося вопросом «Откуда есть пошла Русская земля?»⁹², автор «Синописа» называл первостепенным предметом своего интереса не историю Русской земли, а «начало славяно-российского народа». Как убедительно показал М.В. Дмитриев, сама трактовка термина «народ» как этнической общности, превалирующая в «Синописе», в значительной мере была новшеством для восточнославянской культуры, где до XVII в. преобладала конфессиональная идентификация, уравнивающая значение «русского» и «православного»⁹³. Понимание истории человечества как истории «народов» было заимствовано автором «Синописа» из западноевропейской традиции. Тем самым, «Синопис» транслировал новые представления об идентичности и способствовал «этнизации исторической памяти восточных славян»⁹⁴.

В числе первоначальных киевских князей наиболее выделялась фигура князя Владимира. Его имя провозглашалось уже в заглавии книги⁹⁵, а повествование о его жизни и Крещении Руси суммарно занимали 22 главы. Владимир изображался одновременно Крестителем Руси и «Всея России первейшим самодержцем». Через его фигуру история русского самодержавия оказывалась неразрывно связанной с историей христианства и православной церкви. Пристальное внимание к фигуре равноапостольного князя привело к

⁹² Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 7.

⁹³ Дмитриев М.В. Киево-Могилянская Академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Киев, 2006. Вып. 2–3. С. 24–25.

⁹⁴ Там же. С. 31.

⁹⁵ «Синопис или Краткое собрание от различных летописцев, о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. О житии святого благоверного великого князя киевского и всея России первейшего самодержца Владимира. И о наследниках благочестивыя державы его Российския, даже до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя, и великого князя Феодора Алексиевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца». (В академических изданиях название было сокращено).

тому, что многими читателями «Синописис» первоначально был воспринят как произведение церковной «четьей» литературы⁹⁶.

Другим ключевым событием русской истории на страницах «Синописиса» представала Куликовская битва. Повествованию о Мамаевом побоище здесь уделялось 29 глав, что составляло около четверти общего текста⁹⁷. Этот сюжет также обрел самостоятельное хождение в форме лубка⁹⁸. Главным его героем выступал князь Дмитрий Иванович Донской, а антигероем – хан Мамай. Любопытно, что «Синописис» является единственным источником, упоминающим имя татарского воина Челубея. Ставший общеизвестным образ предварявшего битву поединка Пересвета и Челубея (где воины носят именно такие имена) красноречиво демонстрирует влияние «Синописиса» на формирование массовых представлений о Мамаевом побоище в Новое время⁹⁹.

«Синописис» подчеркивал преимущество Киева и Москвы. По мнению И.П. Еремина, он служил историческим обоснованием славяно-русского единства, его главной идеей был призыв к объединению «Малой» и «Великой» России под властью московского царя, наследника киевских «самодержцев»¹⁰⁰.

В этом контексте, отмеченную еще в XVIII в. мифологичность («баснословность») «Синописиса» можно трактовать значительно шире простого обвинения в исторической недостоверности ряда изложенных в нем фактов. «Синописис» действительно мифологичен. Но в более широком понимании мифа, охарактеризованном Я. Ассманом как некой «обосновывающей» истории, «которую рассказывают для того, чтобы

---

⁹⁶ Самарин А.Ю. Распространение и читатель первых печатных книг по истории России. С. 36–37.

⁹⁷ Об особенностях редакции «Сказания о Мамаевом побоище» в тексте «Синописиса» см.: Дмитриев Л.А. «Книга о побоищи Мамаея, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979. С. 61–71.

⁹⁸ Ровинский Д. Русские народные картинки. Кн. 2. СПб., 1881. С. 23–52.

⁹⁹ Амелькин А.О., Селезнев Ю.В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2019. С. 318–319.

¹⁰⁰ Еремин И.П. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. X. 1954. С. 212.

уразуметь свое место в мире»¹⁰¹, ценностно осмысленного прошлого. Такое восприятие прошлого может считаться мифом вне зависимости от фиктивности или действительности описываемых событий¹⁰².

Многочисленные патетические отступления, воспевание храбрости и мужества славяно-российского народа, получившего награды от Александра Македонского и наводившего страх на римских Кесарей, преславного града Киева и его благоверных князей, «прекрасной святой великой и чудотворной» Киево-Печерской обители, царствующего града Москвы, торжественной победы на Куликовом поле и т.д., были ни чем иным, как попыткой формирования национального исторического мифа. Именно мифологичность «Синописа», по мнению А.А. Формозова, могла стать одной из причин его особенной популярности. Красивые сказания о величии предков привлекали читателей больше, чем сухие научные исследования и хронологические таблицы¹⁰³.

Мы будем не слишком далеки от истины, если с некоторыми оговорками заметим, что «Синописис» фактически на полтора столетия предвосхитил знаменитую уваровскую триаду: «Православие, Самодержавие, Народность». Именно на этих «трех китах» (где в роли последнего выступало единство славяно-российского народа) выстраивалась и его идеологическая концепция, претендовавшая, в свою очередь, на роль «национального мифа».

Не смотря на свою «баснословность», сведения «Синописа» сыграли не последнюю роль в формировании круга интересов и сюжетов, ставших предметом исследования первых русских историков¹⁰⁴. Сомнения, связанные с достоверностью его свидетельств, заставляли глубже изучать русские летописи, сличая спорные вопросы. Явно недостающие в «Синописисе» сведения об истории центральной России требовали написания более полных

---

¹⁰¹ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая. М., 2004. С. 81.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ *Формозов А.А.* Феномен «Синописа» // Вестник новой литературы. СПб., 1992. № 4. С. 262–266.

¹⁰⁴ *Миллюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. С. 14.

научных трудов. Тем самым «Синописис» стимулировал развитие отечественной науки.

§3. Допетровская Русь в гражданской печати XVIII в.

Как заметил Д.С. Логинов, «историческая библиотека читателя первой половины – середины XVIII в., попытайся он составить таковую (...) на основе исключительно изданий гражданской печати, была бы весьма скудной. До второй половины века он не имел бы возможности ознакомиться с источниками по Древней Руси и был бы вынужден черпать свои знания о ней почти исключительно из “Синописиса” Иннокентия Гизеля»¹⁰⁵. Исключение из этого правила составляли лишь люди, имевшие доступ к рукописным текстам древних памятников, в силу своего особого общественного положения.

Создававшиеся в этот период научные исторические сочинения, вопреки их историографической значимости, не всегда своевременно становились достоянием широкой общественности. Написанное около 1715 г. «Ядро Российской Истории» А.И. Манкиева было опубликовано лишь в 1770 г.¹⁰⁶ Издание «Истории Российской» В.Н. Татищева началось только через 18 лет после смерти ее автора – в 1768 г. – и затянулось до 1848 г.¹⁰⁷

Труды открытой в 1724 г. Академии Наук первоначально издавались на латыни¹⁰⁸ и были переведены лишь частично¹⁰⁹. В связи с этим, многие из работ Г.З. Байера (первого академика, приглашенного специально для занятий русской историей) так и не были опубликованы на русском языке¹¹⁰.

---

¹⁰⁵ Логинов Д.С. Русский читатель и его историческая библиотека XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2007. С. 62.

¹⁰⁶ Ядро Российской истории. М., 1770.

¹⁰⁷ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1–5, М., 1768–1848.

¹⁰⁸ Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. XIV tomi (1726–1746). 1728–1751.

¹⁰⁹ Единственный том задуманного периодического издания «Краткое описание комментариев Академии наук» вышел в 1728 году. В его исторический раздел вошли три статьи Г.З. Байера: *Байер Г.З. О начатке и древних пребывалищах скифов // Краткое описание комментариев Академии наук. 1728. С. 125–138; Он же. О местоположении Скифии // Там же. С. 139–166; Он же. О стене Кавказской // Там же. С. 167–207.*

¹¹⁰ *Bayer G.S. De Cimmericis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1727. Т. II. P. 367–378; Idem. De Russorum prima expeditione Constantinopolitana // Ibid. 1738. Т. VI. P. 365–394; Idem. Origines*

В частности, русскоязычное издание его диссертации «О варягах» («De Varagis»¹¹¹) вышло на 38 лет позже латинского, в 1767 г.¹¹²

Знаменитая дискуссия по «варяжскому вопросу» также не получила своевременного освещения в печати. Доклад Г.Ф. Миллера на тему «Происхождение народа и имени российского» (1749 г.)¹¹³, где он доказывал возникновение русской государственной власти от скандинавов, был признан «вредным», а отпечатанный тираж диссертации был уничтожен. Фактически, ее обсуждение не вышло за пределы заседаний Академии наук¹¹⁴. В результате, первой была широко обнародована противоположная точка зрения М.В. Ломоносова, который, следуя за «Синописом», отождествлял варягов-россов с роксоланами¹¹⁵. И только затем, спустя почти 10 лет после своего доклада, Г.Ф. Миллер изложил некоторые из своих соображений в «Кратком известии о начале Новгорода»¹¹⁶. Таким образом, несмотря на ключевое историографическое значение дискуссии 1749–1750 гг., ее влияние на общественную мысль своего времени не следует переоценивать.

Эта ситуация разительно меняется с начала 1760-х гг. На последние четыре десятилетия XVIII в. приходится свыше 200 наименований работ по русской истории (как самостоятельных изданий, так и статей в журналах и месяцесловах), многие из которых переиздавались неоднократно¹¹⁷. Это было следствием и развития книгопечатания и публицистики в целом, и политики

---

russicae // Ibid. Т. XVIII. 1736.; *Idem*. Geographia Russiae... ex Constantino Porphyrogeneta // Ibid. 1737. Т. IX. P. 367–424; *Idem*. Geographia Russiae ex scriptoribus septentrionalibus // Ibid. 1738. Т. X. P. 371–419; *Idem*. De Hyperboreis // Ibid. 1739. Т. XI. P. 330–348. и др. Полный перечень трудов Г.З. Байера см.: *Пекарский П.* История Академии Наук. Т. I. СПб., 1870. С. 180–196

¹¹¹ *Bayer G.S.* De Varagis // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Т. IV. 1729. P. 276–310

¹¹² *Байер Г.З.* Сочинение о варягах. СПб., 1767.

¹¹³ *Миллер Г.Ф.* Избранные труды. М., 2007. С. 31–56.

¹¹⁴ См.: *Ломоносов М.В.* Репорт в Канцелярию Академии Наук 16 сентября 1749 г. // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 19–25; *Он же*. Возражения на диссертацию Миллера // Там же. С. 25–42; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. II. Л., 1961. С. 225–230; *Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

¹¹⁵ *Ломоносов М.В.* Краткий российской летописец. Паг. 1. Л. 5 об; *Он же*. Древняя российская история. СПб., 1766. С. 48.

¹¹⁶ *Миллер Г.Ф.* Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // *Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие*. 1761. Июль. С. 3–50; Август. С. 99–158; Сентябрь. С. 195–240; Октябрь. С. 291–323.

¹¹⁷ Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 5. М., 1967. С. 129.

просвещенного абсолютизма Екатерины II, и, безусловно, увеличения интереса к русской истории в обществе.

Не ставя перед собой задачи детального анализа отдельных исторических сочинений XVIII в., в контексте данного исследования представляется целесообразным комплексно рассмотреть совокупность исторических изданий этой эпохи и выделить ряд основных тем, которым в них уделялось особое внимание.

Первое место по частоте переизданий занимало *родословие русских князей и царей*. Подчеркнутое внимание к древности правящего рода издавна было основанием его легитимности и преемственности царской власти. Напечатанная в 1717 г. «Родословная роспись великих князей и царей российских до государя Петра I»¹¹⁸ может считаться первым специальным печатным изданием по древнерусской истории после Киевского «Синописа». Во второй половине XVIII в. «Роспись великих князей, царей и императоров Российских» включалась в журналы и месяцесловы, учебники по истории, печаталась в форме самостоятельных изданий и становилась стержнем крупных исторических сочинений¹¹⁹.

Основная масса публиковавшихся книг по русской истории представляла собой *общие работы*, стремящиеся последовательно и равномерно описать ее ход от древнейших времен. К таким обобщающим трудам могут быть отнесены «Краткий российский летописец» и «Древняя

---

¹¹⁸ *Моисеева Г.Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1978. Л., 1979. С. 37–47.

¹¹⁹ Роспись великих Князей, Царей и Императоров Российских // Любопытный месяцеслов. СПб., 1775, С. 23–24; То же. СПб., 1776. С. 29–36; То же. СПб., 1780. С. 20–24; То же. // Месяцеслов к сведению и пользе юношества СПб., 1776. С. 25–36; Сокращение Российской истории // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы. Ч. 3. СПб., 1789. С. 1–37; *Кушелева Е.Д.* Историческая и хронологическая поколенная роспись всех России владеющих великих князей царей императоров. СПб., 1785; Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. СПб., 1793; *Нехачин И.В.* Исторический словарь российских государей. М., 1793; *Мальгин Т.С.* Зерцало российских государей. СПб., 1789. (Переизд. 1791, 1794); *Екатерина II.* Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. СПб., 1793; *Дильтей Ф.Г.* Опыт российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующего роду. М., 1771; *Спиридов М.Г.* Краткий исторический столбец самодержавных всероссийских государей. М., 1800; *Рубан В.Г.* Российский царский памятник (описание жизни государей). СПб., 1783 (Переизд – 1784, 1785) и др.

Российская история» М.В. Ломоносова¹²⁰, «Российская история жизни всех древних» Ф.А. Эмина, семь томов «Истории Российской» М.М. Щербатова¹²¹ и «Критические примечания» на них И.Н. Болтина¹²², «Записки касательно русской истории» Екатерины II¹²³, а также созданные ранее, но опубликованные только во второй половине XVIII в. «Ядро российской истории» А.И. Манкиева¹²⁴, первые тома «Истории Российской» В.Н. Татищева¹²⁵ и др.¹²⁶

В их основе, как правило, лежала череда правлений русских князей и царей. При этом, в стремлении к лаконичности, авторы скорее сокращали подробность описания отдельных эпох, нежели решались выпустить из повествования какие-либо из них. В связи с этим, многие из изданий фактически сводились к хронологическим таблицам с последовательным тезисным перечислением основных деяний правителей, что во многом сближало их содержание родословиями.

Свойственное историографии второй половины XVIII в. тяготение к энциклопедизму нашло отражение в еще одном популярном жанре – многочисленных словарях и «лексиконах»: «Географический лексикон

---

¹²⁰ Ломоносов М.В. Краткий российской летописец с родословием. СПб., 1760; Ломоносов М.В. Древняя российская история. СПб., 1766.

¹²¹ Щербатов М.М. История Российская с древнейших времен. СПб., 1770–1791.

¹²² Болтин И.Н. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый (-второй) том истории князя Щербатова. Т. 1–2. СПб., 1793–94.

¹²³ Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. 1–6. СПб., 1787–1794.

¹²⁴ Манкиев А.И. Ядро российской истории. М., 1770.

¹²⁵ Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1–4. М., 1768–1784.

¹²⁶ Богданович И.Ф. Историческое изображение России. Ч. 1. СПб., 1777; Вегелин Ж.Ф. Таблица российской истории в пользу юношества. М., 1788; Детская российская история, изданная в пользу обучающегося юношества. Смоленск, 1797; Дильтей Ф.Г. Опыт российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующего роду. М., 1771; Захарьин П.М. Новый Синописис, Николаев, 1798; Краткое начертание российской истории. Калуга, 1794; Курас Г. Сокращенная универсальная история... с приобщением краткой российской истории. СПб., 1762; Лакроз В. Краткая универсальная история г. Ла Кроца... с прибавлением вкратце истории российской; СПб., 1761; Левек П. Российская история. М., 1787; Муравьев М.Н. Эпохи российской истории СПб., Б.г.; Наумов П.А. Краткое описание российского государства. СПб., 1799; Нехачин И.В. Новое ядро российской истории. М., 1795; Рубан В.Г. Зерно истории первых трех монархий света Ассирийской, Персидской и Греческой. тажж Российской империи. СПб., 1791; Фрейер И. Краткая всеобщая история с присовокуплением Российской истории. М., 1769; Шлецер А.Л. Изображение российской истории. СПб., 1769; Шлецер А.Л. Перечень российской истории от князя Рюрика до настоящего ныне времени СПб., 1783; Шрекк И.М. Всемирная история для обучения юношества СПб., 1787; Яковкин И.Ф. Летосчислительное изображение российской истории. СПб., 1798; Янкович де Мириево Ф.И. Краткая российская история изданная в пользу народных училищ. СПб., 1799.

Российского государства»¹²⁷, «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский»¹²⁸; «Опыт исторического словаря о Российских писателях»¹²⁹, «Словарь исторический или сокращенная библиотека...»¹³⁰, «Исторический словарь российских государей»¹³¹, «Родословный российский словарь»¹³² и др.

Таким образом, печатные издания второй половины XVIII в. были призваны сформировать у своих читателей обобщенные представления о русском историческом процессе, развитие которого описывалось преимущественно по династическому принципу, от самодержца к самодержцу.

***

Другой важной особенностью освещения русской истории в гражданской печати XVIII в. была тесная взаимосвязь исторических и географических исследований. Еще Феофан Прокопович в «Духовном Регламенте» замечал, что изучать историю «без ведения географического есть как бы с завязанными глазами по улице ходить»¹³³. «Хронология или летосказание есть по сути описание, когда что делалось, – писал В.Н. Татищев. – География описывает положения мест, где что прежде было и ныне есть»¹³⁴. Оба этих предмета, как с точки зрения их научного изучения, так и с точки зрения их массового восприятия, на практике часто являли собой единую область знаний.

Именно с географических изысканий первоначально начались занятия русской историей В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, П.И. Рычкова и др. В заголовках изданий XVIII в. история и география нередко соседствуют друг с

---

¹²⁷ Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства. М., 1773.

¹²⁸ Татищев В.Н. Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793.

¹²⁹ Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о Российских писателях. СПб., 1772.

¹³⁰ Словарь исторический или сокращенная библиотека. Ч. 1–14., М., 1790–1802.

¹³¹ Нехачин И.В. Исторический словарь российских государей. М., 1793.

¹³² Родословной российский словарь. М., 1793.

¹³³ Духовный регламент. СПб., 1721. С. 26.

¹³⁴ Татищев В.Н. История Российская. Кн. 1. Ч. 1. С. VII.

другом («Лексикон исторический, географический и политический»¹³⁵, «Предложение о сочинении истории и географии российской»¹³⁶, «Месяцеслов исторический и географический»¹³⁷ и т.д.).

Эта взаимосвязь находила отражение не только в исследовательских работах, но и была заложена в самом устройстве научных и образовательных структур того времени. Во многих учебных заведениях история и география преподавались одним учителем и фактически являлись общим предметом в расписании. Экзамен по истории и географии для учащихся в таких случаях был единым¹³⁸. Объединялись они и в рамках Академии наук. Согласно составленному Г.Ф. Миллером в 1746 г. проекту организации Исторического департамента, его задачами были «сочинение истории и географии Российской империи»¹³⁹, а первое издание «Повести временных лет» осуществлялось в рамках серии «Российской исторической библиотеки», по замыслу издателей «способствовавшей к объяснению истории и географии российской древних и средних времен»¹⁴⁰.

Отмеченная близость истории и географии рождала целый ряд смежных работ, связанных с описанием русских городов, населяющих Российскую империю народов и формирования ее территории. Среди них можно отметить многочисленные краеведческие исследования, освещавшие историю Киева¹⁴¹, Воронежа¹⁴², Вологды¹⁴³, Казани¹⁴⁴, Москвы¹⁴⁵, Пскова¹⁴⁶,

---

¹³⁵ Татищев В.Н. Лексикон... СПб., 1793.

¹³⁶ Татищев В.Н. Предложение о сочинении истории и географии Российской // *Он же*. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 77–97.

¹³⁷ Месяцеслов исторический и географический. 1776–1780.

¹³⁸ Студеникин М.Т. Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI – начала XX вв. М., 2011. С. 25.

¹³⁹ Миллер Г.Ф. Проект создания Исторического департамента Академии наук // *Он же*. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 355–363.

¹⁴⁰ Библиотека Российская историческая... способствующая к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. СПб., 1767.

¹⁴¹ Самуил, митр. Краткое историческое описание Киевопечерской лавры. Киев, 1791.

¹⁴² Евгений (Болховитинов). Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800.

¹⁴³ Засецкий А.А. Исторические и топографические известия по древности о России, и частно о городе Вологде... М., 1780.

¹⁴⁴ Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767; Зиновьев Д.Н. Топографическое описание города Казани и его уезда. М., 1788.

Новгорода¹⁴⁷, Торопца¹⁴⁸, Архангельска¹⁴⁹, Холмогор¹⁵⁰, Троице-Сергиевой Лавры¹⁵¹, Астрахани¹⁵², Ярославля¹⁵³, Санкт-Петербурга¹⁵⁴, Оренбурга¹⁵⁵ и др. Историко-этнографические работы – о калмыках¹⁵⁶, монголах¹⁵⁷, татарах¹⁵⁸, самоедах¹⁵⁹, бурятах и телеутах¹⁶⁰, якутах и тунгусах¹⁶¹, о вогуличах¹⁶², об остяках¹⁶³ и прочих народах, населяющих Российскую Империю¹⁶⁴. Отдельный комплекс исследований был связан с историей освоения Сибири и Северных морей¹⁶⁵.

---

¹⁴⁵ *Ильинский М.И.* Опыт исторического описания о начале города Москвы. М., 1795; Историческое и топографическое описание г. Москвы. М., 1796; *Левшин А.Г.* Историческое описание первопрестольного в России храма Московского усупенского. М., 1783; *Максимович Л.М.* Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы. М., 1796; *Максимович Л.М.* Путеводитель по древностям и достопамятностям московским. Ч. 1–4 М., 1792–93; *Чеботарев Х.А.* Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787; *Сумароков А.* Краткая московская летопись сочинение Александра Сумарокова. СПб., 1774.

¹⁴⁶ *Ильинский Н.С.* Историческое описание города Пскова и его древних пригородов. Ч. 1–6. СПб., 1790–1795.

¹⁴⁷ *Миллер Г.Ф.* Краткое известие о начале Новгорода // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. С. 3–50, 99–158, 195–240, 291–323.

¹⁴⁸ *Иродионов П.* Историческая, географическая и политические известия до города Торопца и его округа касающиеся. СПб., 1778.

¹⁴⁹ *Крестинин В.В.* Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792.

¹⁵⁰ *Крестинин В.В.* Начертание истории Холмогор. СПб., 1780.

¹⁵¹ *Павел (Пономарев).* Краткое историческое описание Святотроицкия Сергиевы лавры. СПб., 1782.

¹⁵² *Рычков П.И.* Введение к астраханской топографии. М., 1774.

¹⁵³ Топографическое описание Ярославского наместничества. Ярославль, 1794.

¹⁵⁴ *Высочков Л.В.* Историко-краеведческие работы Федора Туманского («Топографические описания» Петербурга и губернии конца XVIII в.) // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков. Ярославль, 1993. С. 163–177.

¹⁵⁵ *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1759. Январь. С. 3–50; Февраль. С. 103–148; Март. С. 203–234; Апрель. С. 303–348; Май. С. 399–456; Июнь. С. 495–514; Июль. С. 3–37; Август. С. 99–135; Октябрь. С. 280–333; Ноябрь. С. 385–415.

¹⁵⁶ История о калмыках // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Декабрь. С. 3–25.

¹⁵⁷ *Паллас П.С.* Собрание исторических известий о монгольских народах // Санкт-Петербургский вестник. 1778. № 1. С. 65–74; № 2. С. 148–157; № 3. С. 27–230; № 4. С. 298–308; № 5. С. 387–393; О народе и имени Татарском, также о древних Монгольцах и их языке // Ежемесячные сочинения. 1755. Май. С. 421–450.

¹⁵⁸ Там же.; *Абу-л-Гази.* Родословная история о татарах. Т. 1–2. СПб., 1768; *Корнильев Д.* О татарах // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 67–70; *Левашев П.А.* Картина или Описание всех нашествия на Россию татар и турков. СПб., 1792 и др.

¹⁵⁹ *Крестинин В.В.* Рассуждение о начале и происхождении Самоедов, обитающих в Архангелогородском наместничестве // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. II. Август. С. 16–58; *Он же.* Вопросы и ответы о вере самоедской // Там же. 1786. Ч. VI. С. 29–45; *Он же.* Вопросы и ответы о состоянии земли самоедской и о их промыслах // Там же. 1787. Ч. VII. С. 20–43; *Корнильев Д.* О самоеди // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 31–34.

¹⁶⁰ *Корнильев Д.* О бурятах и телеутах // Там же. С. 10–12.

¹⁶¹ *Корнильев Д.* О якутах и тунгусах // Там же. С. 20–26.

¹⁶² *Корнильев Д.* О вогуличах // Там же. С. 49–52.

¹⁶³ *Корнильев Д.* О остяках // Там же. С. 56–66.

¹⁶⁴ *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в российском государстве народов. Ч. 1–4. СПб., 1799 и др.

¹⁶⁵ *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. СПб., 1750; *Фишер И.Э.* Сибирская история с самага открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774; О покорении Сибири Российской державе // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов. Ч. 3, 1789. С. 300–334;

Широта этого географического охвата особенно примечательна в контексте высказанного еще в 1767 г. мнения корреспондента Академии наук П.И. Рычкова о том, что история России должна, с его точки зрения, сложиться из истории ее отдельных регионов: «Как к Географическим чертежам, на которых многие государства представляются, для лучшего изъяснения всех подробностей потребны бывают специальные или особенные начертания, так равномерно и общая история всей России, чтобы быть ей полною и совершенною, по великости Империи и по множеству ее провинций, из которых в древния времена во многих бывали особенные царства и княжения, необходимо требует особенных описаний»¹⁶⁶. Именно над этим, по его словам, работали Г.Ф. Миллер, С.П. Крашенников, он сам и другие исследователи¹⁶⁷.

Кроме того, рост краеведческих и этнографических работ показательно характеризует увеличение интереса к истории на местах. Если в 1760-е гг., вышло только две краеведческих работы, обе из которых имели отношение к эпизодам общегосударственной русской истории (исследование Г.Ф. Миллера «О начале Новгорода и происхождении российского народа», и «Опыт Казанской истории» П.И. Рычкова), то каждое последующее десятилетие число публикаций по истории и географии регионов Российской Империи росло в геометрической прогрессии, увеличиваясь почти вдвое.

***

Говоря об особенностях освещения в гражданских изданиях исторических событий разных эпох, необходимо отметить заметное смещение интересов авторов XVIII в. в сторону русской древности. Наиболее популярными темами узкоспециальных исследований были изыскания касательно происхождения славянского народа, расселения древних народов

Ломоносов М.В. О кораблеплавании россиян по Ледяному морю и о некоторых явлениях в сих местах на сухом пути, на море и на воздухе примечаемых // *Собрание сочинений выбранных из Месяцесловов.* Ч. III. 1789. С. 38–51; и др.

¹⁶⁶ *Рычков П.И.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. С. IV–V.

¹⁶⁷ Там же.

на территории будущей Российской Империи, а также образования древнерусского государства¹⁶⁸. Внимание к этим проблемам объясняется как их ведущим идеологическим и политическим значением, так и спецификой исследований, ведущихся в рамках Академии наук. Приглашенные из Европы академики-иностранцы, плохо владея русским языком, предпочитали начинать свою работу над российской историей с анализа зарубежных – преимущественно античных – источников, повествующих о древнейших народах восточной Европы и северного Причерноморья. Кроме того, с описания расселения народов начинали свое повествование и «Повесть временных лет», и «Синописис», служившие своеобразной «отправной точкой» для многих исследований.

О высокой актуальности этих проблем свидетельствует и то, что именно они наиболее часто становились предметом научной полемики. Скудность и противоречивость исторических сведений касательно древнейшего периода русской истории, делала любые выводы в этой области умозрительными. Вместе с тем, идеологическая острота вопросов, связанных с поиском национальных корней, на фоне невозможности однозначно доказать ту или иную точку зрения создавала благоприятные условия для споров и дискуссий. Первым из них был спор о происхождении русского народа и русского языка, которые разными авторами возводились к скифам (В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков), роксоланам (М.В. Ломоносов),

---

¹⁶⁸ *Байер Г.З.* О начатке и древних пребывалищах скифов // Краткое описание комментариев Академии наук. Ч. 1. СПб., 1728. С. 125–138; *Байэр Г.З.* О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы // Там же. С. 139–166; *Барсов А.А.* О древности и превосходстве Славенского языка и способ возвысить оный до первоначального его величия // Новый Санкт-Петербургский Вестник. 1786 г. Кн. 2. С. 137–144; *Озерецковский Н.Я.* Известия о достопамятных, прежде живших на северном берегу реки Дуная, Черного и Меотического Морей, народах // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. Ч. III. СПб., 1789. С. 496–625; *Кох И.* О некоторых древних названиях Словенского народа // Растущий Виноград. 1785 г. Июль. С. 75–92. Август. С. 59–69; *Миллер Г.Ф.* О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773; *Рубан Я.А.* Разсуждение историческое о переселении варварских северных народов. М., 1789; Сказание в кратце о скифех и о славянех и о Руссии, и о началех и о здании Великаго Нова града, и о великих государех Российских. СПб., Б.г.; *Стриттер И.М.* Известия византийских историков объясняющая российскую историю древних времен и переселения народов Ч. 1–4, 1770–1775; *Фишер И.Е.* Рассуждение И.Е. Фишера о Гиперборейцах или о народе за севером находящимся // Ежемесячные сочинения. 1755. Февраль. С. 123–138; *Байер Г.З.* Сочинение о варягах. СПб., 1767; *Тредиаковский В.К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773; *Миллер Г.Ф.* Краткое известие о начале Новгорода // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. С. 3–50, 99–158, 195–240, 291–323; и др.

сарматам (И.Н. Болтин) и др.¹⁶⁹ Второй – о происхождении варягов, которых относили к скандинавам (Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер), славянам (М.В. Ломоносов) или немцам (М.М. Щербатов)¹⁷⁰. И если для академиков-иностранцев эти изыскания представлялись сугубо научными, то для русских историков они подогревались чувством национальной гордости. Никакие другие исторические вопросы в XVIII в. такой острой и яркой полемики не вызывали.

Дальнейшая русская история, как было показано выше, освещалась преимущественно в общих работах. Мало кто в галерее русских правителей становился предметом отдельного специального изучения. Биографический жанр еще не был так развит, как это будет в XIX в., и в отношении царствовавших особ ограничивался лишь повышенным вниманием к фигуре Петра I¹⁷¹. В остальном же, мы встречаем в печати только одну биографическую книгу об Александре Невском¹⁷², а также работы, касающиеся отдельных исторических эпизодов, связанных с конкретными государями, но не освещавшими их жизнь целиком – о княгине Ольге¹⁷³, Дмитрии Донском¹⁷⁴ и царе Иване Васильевиче¹⁷⁵.

К эпохе русского средневековья относилась и большая часть публикуемых в XVIII в. исторических источников. В 1761 г. И.И. Тауберт получил разрешение президента Академии наук на издание собрания русских

---

¹⁶⁹ *Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В.* О происхождении русского народа и русского языка: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Проблемы филологии и искусствознания. 2015. № 3. С. 299–307; *Погосян Е.* Русь и Россия в исторических сочинениях 1730–1780-х годов // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М., 1999. С. 7–19.

¹⁷⁰ *Фомин В.В.* История разработки варяго-русского вопроса в трудах ученых дореволюционного периода // История и историки: историографический вестник. 2006. М., 2007. С. 3–72.

¹⁷¹ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого. Ч. 1–12. М., 1788; *Аллец П.О.* Краткое описание жизни и славных дел Петра Великого. СПб., 1788; Сокращенное описание жизни Петра Великого. СПб., 1771; и др.

¹⁷² *Туманский Ф.* Созерцание славной жизни великого князя Александра Ярославича Невского. СПб., 1789.

¹⁷³ Сумнительства касающиеся до Российской истории // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1755. Май. С. 399–403; *Евгений (Булгарис).* Историческое разыскание о времени крещения великой княгини Ольги. СПб., 1792; *Рубан В.* Комментарий к вырезанному на меди изображению великой российской княгини Ольги // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ноябрь. С. 94;

¹⁷⁴ *Михайлов И.* Низверженный Мамай, или Обстоятельное описание победы, бывшей в царствование великого князя московского Дмитрия Иоанновича над Мамаем. М., 1798.

¹⁷⁵ Известие о браках Иоанна Васильевича // Месяцеслов исторический и географический. 1779. С. 100–11; *Михайлов И.* Храм славы, воздвигнутый... Царю Иоанну Васильевичу Второму или подробное описание всех сражений, бывших между россиянами и казанцами. М., 1800.

летописей в серии «Библиотека русской истории»¹⁷⁶. Первый и единственный ее том, содержащий «Нестерову летопись» (Повесть временных лет) увидел свет в 1767 г.¹⁷⁷ Вскоре начинают выходить в печати и другие важнейшие источники по русской истории – Никоновская¹⁷⁸, Воскресенская¹⁷⁹, Софийская¹⁸⁰ и другие летописи¹⁸¹, памятники русского законодательства («Русская Правда»¹⁸², «Судебник» Ивана IV¹⁸³), «Степенная книга»¹⁸⁴, «Поучение Владимира Мономаха»¹⁸⁵ и др. С 1773 г. Н.И. Новиковым издается многотомная «Древняя Российская Вивлиофика», включившая в себя коллекцию разнообразных документальных материалов XIII–XVII вв.¹⁸⁶

Существует мнение о слабом освещении в историографии и печати XVIII в. событий недавней на тот момент истории XVII столетия. Действительно, большая часть общих исторических работ в своем повествовании до этой эпохи не доходила. В.Н. Татищев сознательно отказывался от продолжения «Российской истории» после Смутного времени, аргументируя это тем, «что в настоящей истории явятся многих знатных родов великие пороки, которые если писать, то их самих или их наследников подвигнуть на злобу, а обойти оныя – погубить истину и

---

¹⁷⁶ Таубер, Андрей Михайлович // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 20. СПб., 1912. С. 366–372.

¹⁷⁷ Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской, древних и средних времён. Ч. I. Летопись Несторова с продолжателями по Кёнигсбергскому списку до 1206 года. СПб., 1767.

¹⁷⁸ Русская летопись по Никонову списку. В 8 ч. СПб., 1767–1792.

¹⁷⁹ Русская летопись с Воскресенского списка. Ч. 1–2. СПб., 1793–1794.

¹⁸⁰ Российская летопись по списку Софейскому Великого Новгорода Ч. 1. СПб., 1795.

¹⁸¹ Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061. СПб., 1769; Царственной летописец содержащей российскую историю от 6622/1114 году... до 6980/1472 году. СПб., 1772; Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства... СПб., 1771; Изд. 2-е. М., 1788; Древняго летописца часть первая-вторая. СПб., 1774–1775; Летописец содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года. М., 1781; Летописец содержащий российскую историю от 6714/1206 лета, до 7042/1534 лета. М., 1784; Русский времяник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета. Ч. 1–2. М., 1790; Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790; Летописец русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича. Ч. 1–5. СПб., 1792; Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Ч. 1–4. СПб., 1798–1799; Краткая летопись Малья России с 1506 по 1776 год. СПб., 1777.

¹⁸² Правда руская данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича. СПб., 1767.

¹⁸³ Судебник Царя и великого князя Ивана Васильевича, Законы из Юстиниановых книг, Указы дополнительные к Судебнику и Таможенный устав Царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб., 1768.

¹⁸⁴ Книга степенная царского родословия. Ч. 1–2. М., 1775.

¹⁸⁵ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим. СПб., 1793.

¹⁸⁶ Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений. Ч. 1–10. СПб., 1773–1775; Ч. 1–20. М., 1788–1791.

ясность истории»¹⁸⁷. М.В. Ломоносов также называл «времена Годуновы и Ростригины» «самой мрачной частью российской истории, из чего чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе»¹⁸⁸. С.Л. Пештич даже предполагал, что «правлящие круги царской России в XVIII в. “засекречивали” историю XVII столетия по соображениям государственного порядка, в целях сохранения государственной тайны и поддержания внешнеполитического авторитета страны»¹⁸⁹. Этим он, в частности, объяснял несостоявшуюся публикацию «Опыта новейшей истории о России» Г.Ф. Миллера¹⁹⁰, которая была издана на русском языке лишь частично и доведена до 1604 г. (несмотря на то, что на немецком были напечатаны все 4 части¹⁹¹).

Только в 1774 г. вышла в печати «Краткая повесть о бывших в России самозванцах» М.М. Щербатова¹⁹², в конце столетия появляются биографические работы, посвященные Козьме Минину¹⁹³ и Филарету Романову¹⁹⁴. Вероятно, на рубеже веков (без указания точного года издания) вышла книга М.Н. Муравьева «Историческое изображение России в седьмом надесять веке»¹⁹⁵. Кроме того, в 1771 и 1788 гг. двумя изданиями вышла «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей»¹⁹⁶, в 1784 г. – «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря» Авраамия Палицина¹⁹⁷, а значительный

---

¹⁸⁷ Татищев В.Н. История Российская. Кн. I. Ч. 1. М., 1768. С. XXII.

¹⁸⁸ Ломоносов М.В. Представление президенту АН о неправильных действиях Г.Ф. Миллера и И.И. Тауберта. 1761 января // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 232.

¹⁸⁹ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. II. С. 33.

¹⁹⁰ Миллер Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Ежемесячные сочинения. 1761, Ч. I. С. 3–63, 99–154, 195–244.

¹⁹¹ [Muller G.F.] Sammlung russischer Geschichte. Bd. 5. St. Peterburg, 1760.

¹⁹² Щербатов М.М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774.

¹⁹³ Ильинский Н.С. Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа Нижегородского купца Козьмы Минина, выбранное из исторических преданий. СПб., 1799.

¹⁹⁴ Голиков И.И. Дополнения к Краткому описанию жизни Филарета Никитича Романова М., 1798.

¹⁹⁵ Муравьев М.Н. Историческое изображение России в седьмом надесять веке. СПб., Б.г.

¹⁹⁶ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. СПб., 1771.

¹⁹⁷ Авраамий (Палицин). Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы; и о бывших потом в России мятежах. М., 1784.

пласт актового материала, относящегося к XVII в., был опубликован Н.И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике».

Тем не менее, можно утверждать, что освещение в гражданской печати XVIII в. событий Смутного времени и правления первых Романовых действительно заметно уступало количеству изданий, посвященных истории Древней Руси.

***

Итак, вплоть до конца XVIII в. получение знаний по русской истории было следствием личной инициативы каждого отдельного человека. В учебных заведениях до второй половины XVIII в. история России не преподавалась, а затем – занимала лишь несколько уроков в рамках курса Всеобщей истории. До 1760-х гг. наиболее популярной книгой, с помощью которой можно было познакомиться с историей Древней Руси, оставался Киевский «Синописис» (но вопреки распространенному мнению, он не был «школьным учебником» и использовался только для домашнего чтения). Создаваемые до этого времени исторические сочинения (В.Н. Татищева, А.И. Манкиева, А.И. Лызлова и др.) не были своевременно опубликованы и вышли в печати позднее.

Литература по отечественной истории прочно занимает нишу в гражданской печати с 1760-х гг. Со временем количество посвященных русской истории работ постоянно возрастает. При этом наиболее значимыми становятся обобщающие работы, последовательно описывающие русскую историю с древнейших времен, а также краткие перечни царского родословия с указанием основных деяний правителей. Популярным жанром были краеведческие работы, отражавшие, как географическое и экономическое состояние отдельных городов, так и некоторые сведения об их истории.

Что касается степени освещения отдельных исторических событий и личностей, то ключевое место в гражданской печати занимала древнейшая история: рассуждения о начале славянского и русского народа и образовании российской государственности. Дальнейшая русская история освещалась преимущественно в общих работах и практически не вызывала узкоспециальных исследований.

Глава 2.

Допетровская Русь в литературе и искусстве XVIII в.

§1. Особенности изображения исторических событий в русской литературе и искусстве XVIII в.¹

Обращаясь к обзору литературных произведений исторической тематики, мы не будем подробно останавливаться на анализе их художественной составляющей. Об этом уже много было сказано филологами и литературоведами². Нас будут интересовать прежде всего вопросы: Какие исторические события получили наибольшую востребованность в искусстве? С чем это было связано? И каковы были особенности их осмысления авторами, а также, восприятия читателями и зрителями?

Средневековая литература не знала художественного вымысла. Все литературные произведения той эпохи повествовали либо о том, что действительно происходило, либо о том, что происходило, по мнению её авторов. После Смутного времени в России начинают появляться светские, развлекательные литературные жанры – романы, бытовые повести, сатира и т.д. Но лишь в XVIII в. предметом художественного вымысла становятся непосредственно исторические события.

Намеренное искажение и домысливание исторических фактов свидетельствует о значительном изменении отношения к прошлому и должно было быть обосновано современниками. Средневековый книжник, составляя житие того или иного святого, выстраивал его согласно четкому канону из устойчивых формул. Для писателя эпохи классицизма также существовал свой пример для подражания – им была античная литература.

---

¹ *Ткаченко В.В.* Как деяния должны были совершаться: идея исправления истории в русской литературе XVIII в. // *Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива.* М., 2020. С. 112–122.

² *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. М., 1988; *Стенник Ю.В.* Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1981; *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980; и др.

Ещё Аристотель, рассуждая о сущности поэзии, видел её главное отличие от истории в том, что она повествует не о действительно случившемся, а о том, что могло случиться: «Историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти»³.

Эти идеи античного философа были хорошо известны русским литераторам XVIII в. и неоднократно ложились в основу их собственных рассуждений о соотношении исторической правды и вымысла в художественном творчестве.

Родоначальник русской исторической драматургии Феофан Прокопович в трактате «О поэтическом искусстве» в значительной мере следовал аристотелевским идеям. С его точки зрения, поэзия – это «искусство изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни», а потому она «совершенно отлична от истории», которая только повествует о подвигах и «не воспроизводит их посредством изображения»⁴. Феофан Прокопович не находит никакого сходства между историком и поэтом, кроме того, что и «тот и другой – повествователи». Поэзия, в отличие от истории, с его точки зрения, не требовала краткости и хронологической последовательности изложения. Её язык поэтичен и богат пышными украшениями, в отличие от сухого исторического текста. Наконец, для поэтического повествования характерно присутствие художественного вымысла: «Поэт описывает деяния определенных лиц, что делает и историк; но историк излагает, как они были совершены, поэт же – как должны были совершаться»⁵.

---

³ *Аристотель*. Поэтика. Об искусстве поэзии // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 1077.

⁴ *Прокопович Ф.* О поэтическом искусстве // Сочинения. М.-Л. 1961. С. 346.

⁵ Там же. С. 407.

Стоит обратить внимание на тонкость этой трактовки Ф. Прокоповичем аристотелевского текста. Аристотель говорит об изображении в поэзии событий, которые «могли бы произойти»⁶ («οἷα ἂν γένοιτο»⁷), причем и в прошлом, и в будущем⁸. Ф. Прокопович – об описании не только вымышленных, но и случившихся деяний так, как они «должны были совершаться»⁹ («quomodo geri debuerint»¹⁰) или же как им происходить «подобало или следовало»¹¹. Иными словами, Аристотель говорит о возможном пути развития истории, а Ф. Прокопович – о более правильном, чем это было в действительности. Так, например, воспевая полководца, истинный поэт, с его точки зрения, «не исследует пытливым, как он вел войны», а размышляет над тем, «каким способом должен вести войну любой храбрый полководец, и этот способ приписывает своему герою»¹². Ф. Прокопович объясняет это тем, что цель поэта состоит не в том, чтобы подобно историку передавать потомству память о деяниях, а в том, чтобы «учить людей, какими они должны быть при том или ином положении жизни»¹³.

За таким посылом можно увидеть некоторое разочарование в исторической действительности. Герои, чьи поступки нуждались в таком умышленном «исправлении», очевидно, не всегда соответствовали поэтическим идеалам. Вместе с тем, поэзия была призвана научить будущие поколения действовать иначе. Подмена реальной истории «нравоучительной» поэзией могла воспитать в людях лучшие чувства. И потому поэзия представлялась Ф. Прокоповичу не менее (если не более)

---

⁶ *Аристотель*. Поэтика. С. 1077.

⁷ *Aristotle*. *Poetics* 9. 2, 1451a38–b4; *The poetics of Aristotle*. London: Macmillan, 1902. P. 34.

⁸ *Аристотель*. Поэтика. С. 1077.

⁹ *Прокопович Ф.* О поэтическом искусстве. С. 407.

¹⁰ *Prokopovic F.* *De arte poetica libri III ad usum et institutionem studiosae juventutis roxolanae dictati kioviae in orthodoxa academia mohyleana*. Mohilov, 1786. P. 107.

¹¹ *Прокопович Ф.* О поэтическом искусстве. С. 403.

¹² Там же. С. 406.

¹³ Там же. С. 407.

значимой, чем история, которым, разрабатывая духовный регламент, он уделил равное место в программе учебных заведений¹⁴.

«Поэтика» Ф. Прокоповича, написанная в 1705 г., была издана лишь в 1786 г.¹⁵ Рассуждения других литераторов о соотношении в искусстве исторической правды и вымысла развивались независимо от неё, но также опирались на античную традицию.

В 1755 г. в сочинении «Об истине сражения у Горациев с Куриациями» В.К. Тредиаковский замечал, что поэтам «не можно (...) ничего ложного писать стихами», имея в виду необходимость соблюдения «по грунту» общего хода истории¹⁶. Свое понимание границ художественного вымысла он демонстрировал на примере изображения одного из самых известных событий русской средневековой истории – Куликовской битвы: «Кто, например, отважится у нас написать стихами, что хан Мамай не шел на Россию? Что князь Дмитрий Иванович (прозванный Донским) не победил его? Что Сергей Радонежский не давал ему двух черноризных богатырей Пересвета и Ослеба? И что Российское войско не ходило в поход против того Хана, а причло себе славное сие действие неправедно и тщеславно, коль бы впрочим ни описывать сие вероятными окрестностями? Всем тогда, и ныне, ведомо сие не разногласно истинное бытие; и не токмо Россианам, но и чужестранным соседним народам»¹⁷. Однако, он не осуждал тех, кто «будет роскошествовать украшениями и окрестными вымыслами, подобными правде, а грунту дела не вредящими»¹⁸.

---

¹⁴ Духовный регламент. СПб., 1721. С. 27.

¹⁵ *Prokopovic F. De arte poetica.* Mohilov, 1786.

¹⁶ *Тредиаковский В.К. Об истине сражения у Горациев с Куриациями // Ежемесячные сочинения.* Т. I. СПб., 1755. С. 206.

¹⁷ Там же. С. 206–207.

¹⁸ Там же.

В статье Н.Н. Мотониса, опубликованной на страницах журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела»¹⁹, подчеркивалось, что поэту и историку необходимо следовать разным «правилам» в своей работе: «Никто не будет осуждать сочинителя слова похвального в том, что он Героя своего всеми добродетелями, всеми дарованиями украшает, не упоминая его погрешностей. Напротив того, ежели историк, подражая сочинителю слова похвального, подобное употребит ласкательство или, последуя стихотворцу, станет рассказывать превращения, не будет ли сочинение его баснею, без стоп и без рифм составленною»²⁰. «Историк не должен быть подобен живописцу, которой изображая непригожаго лицом придает ему более краски или белости, и во всем наблюдая пропорцию, скрывает его безобразия»²¹. Таким образом, искусству предписывалось скрывать «безобразия» действительности, а исторической науке отражать ее как можно более правдиво.

Отдельное внимание уделялось вопросам отражения в литературе истории России. Яркий призыв к созданию национальных исторических художественных произведений прозвучал в статье П.А. Плавильщикова «Театр»²². Вспоминая свою бытность учителем истории, Плавильщиков рассуждал о том, какую большую пользу театр может принести для её изучения, особенно в отношении истории древних времен. Созерцание героев своего отечества, «как будто воскресших» на театральной сцене, могло не только приносить удовольствие юным зрителям, но и пробуждать интерес к постижению древности. Сюжеты, основанные на отечественной истории, в этом контексте, разумеется, оказывались предпочтительнее

---

¹⁹ Мотонис Н.Н. Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности, и несуетном богопочитании // Трудолюбивая пчела. СПб., 1759. Ч. 1. С. 34–47.

²⁰ Там же. С. 40–41.

²¹ Там же. С. 47.

²² Плавильщиков П.А. Театр // Зритель. 1792. Ч. 2. Июнь. С. 121–145; Август. С. 251–277; Ч. 3. Сентябрь. С. 25–39; Октябрь. С. 113–137; Декабрь. С. 249–255.

иностранных, хотя они и были «весьма новы» и требовали «великого рассмотрения, дабы сочинить хорошую драму»²³.

По мысли Плавильщикова, «места отступления от деписания» и «причины, для чего это сделано» в художественных произведениях, должны были пояснять юношам родители. Отступления же эти неизбежно должны были быть – только так можно было достичь того, чтобы трагедия произвела сильное впечатление на публику: «Зрителю нет нужды до того, во всей ли точности сочинитель следовал истории, лишь бы трагедия произвела действие над его сердцем»²⁴, – в то время как полное соблюдение исторической точности делало бы пьесу сухой и скучной. «Часто случается, что слепое последование истории обезображивает трагедию, поелико цель истории совершенно различествует от цели трагедии. Историк ищет единой истины, а трагик пленительного действия, для коего ему все позволено»²⁵.

Таким образом, литераторы XVIII в. не задавались целью точного изображения исторической действительности. Но её искажение не было вызвано их незнанием или невежеством. Большая часть авторов исторических художественных произведений имела и научный опыт постижения прошлого. Перу М.В. Ломоносова принадлежали и трагедия «Тамира и Селим», и «Древняя российская история», А.П. Сумарокову – 7 трагедий на исторические сюжеты и исследование «О первоначалии и созидании Москвы», императрице Екатерине II – исторические представления «Из жизни Рюрика» и «Начальное управление Олега», а также «Записки касательно Российской истории» и т.д.

Отступления от исторической достоверности были результатом сознательной идейной позиции авторов, стремлением ярче подчеркнуть главные качества своих героев и сделать их нравоучительным примером для современников.

---

²³ Там же. Ч. 2. Июнь. С. 129.

²⁴ Там же. Ч. 3. Сентябрь. С. 33.

²⁵ Там же. С. 34.

§2. История допетровской Руси в литературе XVIII в.

Чем вольнее была возможность обращения с историей в литературе, тем ценнее для нас должны быть те крупинки исторической правды, которые, тем не менее, там оставались. Действительно, имея основания изменить почти любую из составляющих истории, наполнить её вымыслом, новыми именами и событиями, русские литераторы оказываются с завидным упорством привязаны к весьма узкому набору конкретных исторических сюжетов и фактов, которые они, даже окружая вымышленными деталями, судя по всему, воспринимают как «неприкосновенные»²⁶.

Эта общая канва главных событий русской истории, в их общепринятом понимании, была характерно обрисована М.В. Ломоносовым в оде на день рождения Ивана Антоновича в 1741 г.:

Разумной Гостомысл при смерти
Крепил князей советом сбор:
"Противных чтоб вам силу стерти,
Живите в дружбе, бойтесь ссор.
К брегам варяжских вод сходите,
Мужей премудрых там просите,
Могли б которы править вас".
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурик, Трувор были,
С Синавом три князья у нас.
Не славны ль стали их потомки?
Велик был Игорь, хоть и млад;
Дела его при Понте звонки,
Дрожал пред ним и сам Царьград.
Устроил внук меня краснее,
Открыл мне полдня свет яснее,
Кумиров мерзких мрак прогнал.
Ревнив Донской что Дмитрий деет?
Татарска кровь в Дону багреет;
Мамай, куда б уйти, не знал²⁷...

²⁶ Сравн.: *Тредиаковский В.К.* Об истине сражения у Горадиев с Куриациами. С. 206–207.

²⁷ *Ломоносов М.В.* Ода, которую в торжественный праздник Высокого рождения Всепресветлейшего Державнейшего Великого Государя Иоанна Третьего, Императора и Самодержца Всероссийского, 1741 года августа 12 дня веселящаяся Россия произносит // Полное собрание сочинений. Т. XVIII. Л., 1959. С. 39

Предваряя рождение нового императора, М.В. Ломоносов последовательно вспоминает кончину легендарного новгородского князя Гостомысла, призвание варягов (Рюрика, Синава и Трувора), походы Игоря на Царьград, Крещение Руси и победу Дмитрия Донского над Мамаем. В других поэтических произведениях М.В. Ломоносова схожий перечень главных событий русской истории дополнялся правлением Ольги и Святослава, Ивана III и Ивана IV, воцарением Михаила Романова и, разумеется, воспеванием Петра I²⁸. Как будет показано в дальнейшем, эти события, с небольшими вариациями, и были основными «местами памяти», вокруг которых развивалось изображение русской истории в литературе XVIII в.

Количество художественных произведений XVIII – начала XIX вв., посвященных истории допетровской Руси, насчитывает несколько десятков. Однако, несмотря на видимое разнообразие, они образуют несколько крупных тематических блоков (см. Таблицу № 2).

Таблица № 2

История допетровской Руси в художественной литературе XVIII в.

Событие или период русской истории	Произведения	Общее количество
Славянская древность	<i>Сумароков А.П.</i> Хорев (1747); Ярополк и Димиза (1758); Вышеслав (1768) <i>Чулков М.Д.</i> Пересмешник, или Славенские сказки (1766–68) <i>Ржевский А.А.</i> Прелеста (1769, не сохранилась) <i>Попов М.В.</i> Славенские древности, или Приключения славенских князей (1770–1771) <i>Плавильщиков П.А.</i> Дружество (1783) <i>Богданович И.Ф.</i> Славяне (1787) <i>Левшин В.А.</i> Вечерние часы, или Древние сказки князей древлянских (1787) <i>Княжнин Я.Б.</i> Владисан (1789).	10

²⁸ См.: *Ломоносов М.В.* Ода блаженныя памяти Государыне Императрице Анна Иоановне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 г. // Полное собрание сочинений. Т. VIII. Л., 1959. С. 16–30; *Он же.* На иллюминацию и маскарад Его Сиятельства Графа Петра Ивановича Шувалова. Октября 26 дня 1754 года // Там же. С. 569–570; *Он же.* Слово похвальное Ея Величеству Государыне Императрице Елисавете Петровне // Там же. С. 240; *Он же.* Одна на торжественный день восшествия на всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны // Там же. С. 503–505; *Он же.* Ода... Елисавете Петровне // Там же. С. 747. См. также: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература. С. 201–204.

Призвание варягов	<i>Сумароков А.П.</i> Синав и Трувор (1750) <i>Екатерина II.</i> Из жизни Рюрика (1786) <i>Княжнин Я.Б.</i> Вадим Новгородский (1789) <i>Плавильщиков П.А.</i> Рюрик (Всеслав) (1791) <i>Херасков М.М.</i> Царь, или Спасённый Новгород (1800)	5
Княжение Олега	<i>Сумароков А.П.</i> Семира (1751) <i>Екатерина II.</i> Начальное управление Олега (1786)	2
Княжение Ольги	<i>Княжнин Я.Б.</i> Ольга (1770-е); <i>Козельский Ф.</i> Велесана (1778)	2
Княжение Святослава	<i>Воейков А.Ф.</i> Светослав (1800)	1
Междоусобица между Ярополком и Олегом	<i>Озеров В.А.</i> Ярополк и Олег (1798)	1
Княжение Владимира	<i>Прокопович Ф.</i> Владимир (1705) <i>Княжнин Я.Б.</i> Владимир и Ярополк (1772) <i>Ключарев Ф.П.</i> Владимир Великий (1779) <i>Левшин В.А.</i> Повесть о славном князе Владимире Киевском (1780) <i>Херасков М.М.</i> Идолопоклонники, или Горислава (1782), Владимир (1785) <i>Нарежный М.Т.</i> Рогвольд (1798); Песнь Владимиру (1798)	8
Сюжеты о богатырях	<i>Левшин В.А.</i> Русские сказки, содержащие Древнейшие Повествования о славных Богатырях (1780–1783) <i>Чулков М.Д.</i> Пересмешник, или Славенские сказки (1766–68) <i>Попов М.В.</i> Славенские древности (1770–1771) <i>Екатерина II.</i> Новгородский богатырь Боеславич (1786) <i>Карамзин Н.М.</i> Илья Муромец (1794) <i>Львов Н.А.</i> Добрыня (1796)	6
Русские князья XI-XII вв.	<i>Нарежный М.Т.</i> Брега Альты (1798) <i>Херасков М.М.</i> Пламена (1786) <i>Сумароков А.П.</i> Мстислав (1774) <i>Николаев Н.П.</i> Сорена и Замир (1784, опубл. 1787)	4
Батыево нашествие	<i>Люценко Е.П.</i> Церна, княжна Черниговская (1795)	1
Куликовская битва	<i>Ломоносов М.В.</i> Тамира и Селим (1750) <i>Сумароков А.П.</i> Димитриада (1769, не окончена)	2
Нашествие Тамерлана	<i>Нарежный М.Т.</i> Освобожденная Москва (1798)	1
Взятие Казани	<i>Херасков М.М.</i> Россияда (1779)	1
Смутное время	<i>Сумароков А.П.</i> Дмитрий Самозванец (1771) <i>Херасков М.М.</i> Освобожденная Москва (1798) <i>Майков В.И.</i> Освобожденная Москва (1770-е, не издана)	3
Широкий хронологический охват	<i>Екатерина II.</i> Чесменский дворец (1780-е, не окончена); <i>Муравьев М.Н.</i> Разговоры мертвых (1790); <i>Ломоносов М.В.</i> Оды. (см. перечисление на С. 81. Сноска 28)	Более 7

Наибольшее внимание литераторов привлекала русская древность. Внутри нее ярко выделяются три направления, которым была посвящена

основная масса исторических литературных произведений: 1. Легендарные и сказочные сюжеты, изображающие картины славянской старины; 2. Призвание варягов; 3. Княжение Владимира, где излюбленными эпизодами были женитьба Владимира на полоцкой княжне Рогнеде и Крещение Руси. Кроме того, к изображениям этой эпохи, с некоторой долей условности, могут быть отнесены отдельные литературные сочинения о богатырях²⁹. Суммарно названные исторические темы охватывают более чем три четверти литературных исторических сочинений, созданных в XVIII в.

Отдельные литературные произведения посвящались князю Олегу и княгине Ольге, братьям князя Владимира Ярополку и Олегу, и его детям – Святополку, Борису и Глебу, Мстиславу, дочери Предславе и др.

Ход дальнейших исторических событий освещался в литературе XVIII в. значительно слабее. Тем не менее, важно отметить, что некоторые из едва затронутых в XVIII в. тем в дальнейшем получают значительное развитие в литературе XIX в. Среди них:

– тема борьбы русских с татарами, начатая в творчестве Е.П. Луценко, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова и М.Т. Нарезного. В начале XIX в. ей будут посвящены «Дмитрий Донской» В.Я. Озерова (1807), «Евпраксия» Г.Р. Державина (1808 г.), «Ксения и Темир» С. Висковатова (1809 г.) и др.

– тема покорения Новгорода, одним из первых поднятая в литературе А.Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». В последующем она получит популярность благодаря «Марфе Посаднице» Н.М. Карамзина (1803) и одноименным сочинениям П.И. Сумарокова (1807), Ф.Ф. Иванова (1809), М. Погодина (1830), Е.Г. Ковалевского (1832) и др.³⁰

– взятие Казани, воспетое М.М. Херасковым в «Россияде». Уже в первой четверти XIX в. ему посвящают свои произведения С.Н. Глинка

---

²⁹ Былинный и, как следствие, сказочный князь Владимир является собирательным персонажем, которого не следует прямо отождествлять с историческим князем Владимиром Святославичем.

³⁰ Фрицман Л.Г. Марфа Посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 20–33.

(«Сумбека, или Падение Казанского царства», 1806), А.Н. Грузинцев («Покоренная Казань или милосердие Иоанна Васильевича», 1811), Р.Г. Державин («Грозный или Покорение Казани», 1814), М.С. Рыбушкин («Иоанн, или взятие Казани», 1814) и др.

– тема Смутного времени, поднятая в творчестве А.П. Сумарокова, В.И. Майкова и М.М. Хераскова. Она продолжит развиваться В.Т. Нарезным («Дмитрий Самозванец», 1804), Р.Г. Державиным («Пожарский, или Освобождение Москвы», 1806), М. Крюковским («Пожарский или освобожденная Москва», 1807), Ф.В. Булгариным («Дмитрий Самозванец», 1830) и т.д.

Таким образом, конец XVIII в. для развития литературы этого времени представляется достаточно условным рубежом. В действительности, разработка многих заявленных в XVIII в. исторических тем в художественном творчестве продолжалась непрерывно и в XIX столетии. Тем не менее, в рамках данной работы мы будем придерживаться хронологических рамок, обозначенных в начале исследования. Остановимся на особенностях освещения отдельных исторических сюжетов в литературе в более подробно.

2.1. Славянская древность в литературе XVIII в.

Картины славянской старины, изображавшие «такие древние времена, о коих самая древнейшая из наших летописей умалчивает»³¹, давали наибольший простор для художественного вымысла. В этот «баснословный» период разворачивалось действие произведений самых разных жанров – трагедий А.П. Сумарокова «Хорев», «Ярополк и Димиза», «Вышеслав»³², П.А. Плавильщикова «Дружество»³³, Я.Б. Княжнина «Владисан»³⁴,

³¹ Попов М.И. Предупреждение // Старинные диковинки или Удивительные приключения славянских князей. Ч. 1. М., 1793. С. 1.

³² Сумароков А.П. Хорев // Российский феатр. Ч. I. 1786. С. 159–238; Он же. Ярополк и Димиза // Там же. Ч. II. 1786. С. 243–312; Он же. Вышеслав // Там же. Ч. III. 1786. С. 3–60.

³³ Плавильщиков П.А. Дружество // Российский феатр. Ч. VII. 1787. С. 75–174.

А.А. Ржевского «Прелеста» (не сохранилась), драмы И.Ф. Богдановича «Славяне»³⁵, «Славенских сказок» М.Д. Чулкова³⁶, М.В. Попова³⁷ и В.А. Левшина³⁸ и др. Несмотря на жанровое разнообразие, трактовавшее отдельные особенности художественного построения разных произведений, они обнаруживают определенное сходство в историческом изображении картин славянорусской старины.

Конструирование образа славянской и русской древности в литературе XVIII в. происходило под влиянием сразу нескольких культурных традиций. В драматургии преобладала ориентация на античные образцы, восходящие к «Поэтике» Аристотеля, и на европейских авторов эпохи классицизма (Вольтера, Корнеля, Расина), в творчестве которых также преобладали античные сюжеты. Зачастую фабула французских трагедий почти «механически» копировалась отечественными авторами на «славянорусскую» почву³⁹. В литературных сказках смешивались традиции русского фольклора и волшебных рыцарских романов, приводившие к проецированию на русскую древность образов западноевропейского средневековья. Кроме того, авторы были склонны «осовременивать» прошлое, перенося в него злободневные для своего времени идеи. Все это рождало многослойный художественный образ славянской древности.

Главными художественными приемами, посредством которых в литературе достигалась «атмосфера старины» были перенос места действия в древнерусские города – Киев, Новгород, Искорест и др.; стилизация «под старину» имен персонажей, путем их образования от славянских корней

---

³⁴ Княжнин Я.Б. Владисан // Российский феатр. Ч. XXXII. 1790. С. 187–298.

³⁵ Богданович И.Ф. Славяне // Российский феатр. Ч. IX. 1787. С. 219–307.

³⁶ Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки. Т. 1–5. М., 1789.

³⁷ Попов М.В. Славенские древности, или Приключения славенских князей. Ч. 1–3. СПб., 1770–1771.

³⁸ Левшин В.А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях. Ч. 1–10. М., 1780–1783; *Он же*. Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских. Ч. 1–6. М., 1787–1788.

³⁹ Литературоведы отмечают сходство «Хорева» А.П. Сумарокова с «Брутом» Вольтера; его же «Семиры» с «Цинной» П. Корнеля; трагедий Ф.Я. Козельского «Велесана» и Я.Б. Княжнина «Ольга» и «Владисан» с вольтеровской «Меропой» и т.д. См.: Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской литературе... С. 41, 64, 85–86.

(Силослав, Силотел, Любочест, Любомир, Прелепа, Прелеста и др.) или использование имен, известных по историческим источникам (Кий, Хорев); акцентирование внимания на этнической принадлежности действующих лиц к одному из «древних» народов (славяне, варяги, печенеги, хазары и др.); упоминания имен славянских языческих богов, в воззваниях героев («Перун! Почто меня от смерти ты избавил?»⁴⁰ и т.п.). Всё остальное – ход событий, взаимоотношения и взаимодействие персонажей, суть конфликта и его исход – как правило полностью измышлялось авторами или заимствовалось из других художественных произведений. Глубина этого вымысла ограничивалась лишь спецификой жанра (от условного исторического «правдоподобия» в драматургии до фантастических волшебных приключений в «славянских сказках»).

Русская литература XVIII в. безусловно идеализировала славянскую древность. На страницах всех без исключения литературных произведений вне зависимости от их жанра славяне изображались «прехрабрым народом»⁴¹, а их князья – доблестными героями. Устами Кия А.П. Сумароков воспевает победы Хорева:

... Строптивные соседы
По Северу гласят до волн его победы.
Сармация дрожит руки его меча.
Орда, как ветра прах, бежит его плеча. (...)
Казалось им, что он всю землю мог потрясть
И всю вселенную России дать под власть⁴².

Этот перечень побежденных вражеских народов был условен: в разных сочинениях он варьировался и содержал анахронизмы. Если Хорев А.П. Сумарокова устрашал своим мечом «скифов», «сарматов», «Орду» и неназванных «северных соседей», то Любочест П.А. Плавильщикова спасал «российскую землю» от «татар и печенегов»⁴³, с печенегами сражался и

⁴⁰ Сумароков А.П. Хорев. С. 173.

⁴¹ Княжнин Я.Б. Владисан. С. 203.

⁴² Сумароков А.П. Хорев. С. 178.

⁴³ Плавильщиков П.А. Дружество. С. 94.

Владисан Я.Б. Княжнина⁴⁴, Нравоблаг М.Д. Чулкова «ополчался противу Рима и Греции и покорял многие окрестные народы под свою область»⁴⁵ и т.д.

В контексте сопоставления русской и античной древности, особую роль обрело предание о союзе славян с Александром Македонским, упоминавшееся в «Синописе»⁴⁶. Внимание к этому полководцу не только отвечало свойственному классицизму стремлению связать русскую историю с греческой, но и имело глубокие корни в традиционной культуре. Известный на Руси с XII в., этот герой был чрезвычайно популярен, изображения Александра Македонского помещались на стенах храмов, бытовых предметах, вышивках, печных изразцах и т.д.⁴⁷ В художественной литературе XVIII в. этот образ получил свою интерпретацию. П.А. Плавильщиков в «Рюрике» замечал, что: «цари несли к славянам дань, и Александр не смел на них воздвигнуть брань»⁴⁸. Герой «Славенских сказок» М.Д. Чулкова Славурон получает от царя Александра письмо с пожалованием в царские «телохранители сотником»⁴⁹. В комедийной драме И. Богдановича «Славяне» Александр Македонский оказывается влюбленным в дочь Славенского воеводы Доброславу и, восхищенный ее мудростью и добродетелью, заключает мир со славянами. Сравнивая славян с греками, он отдает предпочтение последним: «Добронравие, простота и верность между ими предупреждают повеления. Природа, кажется, ошиблась произведши в Греции Аристидов и Сократов; здесь бы они гонимы не были»⁵⁰.

---

⁴⁴ Княжнин Я.Б. Владисан. С. 199.

⁴⁵ Чулков М.Д. Пересмешник... Ч. 1. СПб., 1783. С. 98.

⁴⁶ Синопис. СПб., 1762. С. 3.

⁴⁷ Подробнее об образе Александра Македонского в русской культуре см.: Гранстрем Е.Э., Чернышева Т.Н. Александр Македонский и врачевальные молитвы // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 64–69; Костюхин Е.А. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972; Павлова Т.А. Александр Македонский в древнерусском изразцовом искусстве // Вестник МГУКИ. 2010. № 6. С. 244–247; Постников В.В. Образ Александра Македонского в русской материальной культуре // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2006. № 3. С. 141–147; Чумакова Т.В. Сюжет «Вознесение Александра Македонского на небо» в древнерусской культуре // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2014. № 2. С. 103–107.

⁴⁸ Плавильщиков П.А. Рюрик // Сочинения Петра Плавильщикова. Ч. 1., СПб., 1816. С. 5.

⁴⁹ Чулков М.Д. Пересмешник... Ч. 2. СПб., 1784. С. 8.

⁵⁰ Богданович И.Ф. Славяне. С. 223–224.

Славяне, в изображении драматургов и писателей, добродетельны, мудры, верны своему долгу. Узаконения Нравоблага (героя «Повести о Силославе» М.Д. Чулкова) «приводили владение его в цветущее состояние; счастье, разум и сила присвоили ему всё по его желанию, и он утешался и был доволен, смотря на изобилие и спокойство своего государства, ибо тишина и благоденствие народа составляли всё его благополучие»⁵¹. По словам славянского посла Руслана (героя драмы И. Богдановича), славяне имеют немного книг лишь потому, что они пишут «только то, что может питать добрыя расположения сердец и разумов», в то время как «главныя добродетели, без письма и без книг, сохраняются в непрестанных человеческих действиях»⁵².

Славянские города рисовались процветающими и неприступными. Одним из лейтмотивов «Хорева» А.П. Сумарокова является образ мощных киевских стен, построенных князем Кием⁵³. В тексте трагедии речь о них заходит 11 раз. Упоминаются они и в «Семире» («Кий сей град стенами окружил»⁵⁴). Можно предполагать, что зрителям эти киевские стены должны были представляться похожими на каменную крепость Кафы, изображенную на гравюре к изданию трагедии «Тамира и Селим» М.В. Ломоносова 1750 г.⁵⁵ При этом, в трактовке А.П. Сумарокова Кий был не основателем, а захватчиком города, где ещё до его прихода были башни и храмы, которые он «разметал» и «разорил»⁵⁶. «Стены и башни» Искореста упоминаются в трагедии «Вышеслав»⁵⁷, все действие которой разворачивается вокруг приготовлений к шествию в славянский храм, украшенный к брачному торжеству.

---

⁵¹ Чулков М.Д. Пересмешник... Ч. 1. С. 98.

⁵² Богданович И.Ф. Славяне. С. 291.

⁵³ Сумароков А.П. Хорев. С. 167.

⁵⁴ Сумароков А.П. С. 164.

⁵⁵ Ломоносов М.В. Тамира и Селим. СПб., 1750. Фронтиспис.

⁵⁶ Сумароков А.П. Хорев. С. 210.

⁵⁷ Сумароков А.П. Вышеслав. С. 8.

Имея больше свободы вымысла, чем драматурги, авторы «славянских сказок» заполняли географическое пространство своего повествования не только историческими, но и легендарными городами. Среди них – вымышленная М.Д. Чулковым Винетта («Великолепный, славный и многолюдный город»⁵⁸, якобы стоявший на месте Санкт-Петербурга); город Рус у Чулкова – с богатым княжеским дворцом и Перуновым храмом⁵⁹ и т.д.

В большинстве литературных произведений древние славяне управляются монархами. Исключением являются лишь некоторые «новгородские» сюжеты, которые далее будут рассмотрены отдельно. Это кажущееся «удревление» монархической формы правления было не только данью традициям классицизма, где роль главного героя зачастую отводилась правителю, но и вполне соответствовало историческим взглядам той эпохи. Монархами и «самодержцами» называл древнерусских князей и «Синописис», правда, используя этот термин в отношении представителей династии Рюриковичей (Святослава⁶⁰, Владимира⁶¹ и др.)

Крайняя скудность исторических сведений о предшествующих Рюриковичам славянских князьях позволяла авторам в значительной мере домысливать русскую династическую историю, дополняя ее умозрительными фигурами. «Синописис» не содержал сведений о потомках Кия, Щека и Хорива, отмечая лишь, что «аще бо и наследники ошашася, но неведомы бяху писанием; зане прост народ бысть писания неумеющий»⁶². В своем творчестве А.П. Сумароков домысливает, с одной стороны, предшественников Кия (бывшего киевского князя Завлоха и его дочь Оснельду в «Хореве»), с другой стороны, его преемников – князя Владисана с сыном Ярославом, которым Кий является «сродником» (в трагедии

---

⁵⁸ Чулков М.Д. Пересмешник... Ч. 1. С. 98.

⁵⁹ Там же. Ч. 2. СПб., 1784. С. 38.

⁶⁰ Синописис. СПб., 1762. С. 28.

⁶¹ Там же. С. 14.

⁶² Там же. С. 20.

«Ярополк и Димиза»)⁶³. Киевский князь Владисан также становится героем одноименной трагедии Я.Б. Княжнина⁶⁴ и трагедии «Дружество» П.А. Плавильщикова⁶⁵. «Сродником» Кия мыслится А.П. Сумарокову князь Оскольд, обретший, к тому же, вымышленную сестру Семиру⁶⁶ и т.д.

Поднимаемые в драматургических произведениях проблемы царской власти и монаршего долга перед подданными, безусловно должны были служить нравоучением для современных авторам правителей. Славянские «монархи» и их мудрые советники в своих речах упоенно высказывали главные идеи эпохи Просвещения: «Те люди, что закон давать произведенны, закону своему и сами покоренны»⁶⁷; «Бреги, о государь, ты истинную славу и следуй совести единыя уставу»⁶⁸; «Не для ради тово даются скиптры в руки, чтоб смертным горести соделовать и муки»⁶⁹, «Великолепствуют монархи в том венцами, что их с усердием народы чтят отцами»⁷⁰ и т.д.

«Славянские сказки», напротив, носили не столько нравоучительный, сколько развлекательный характер, были способом веселого провождения времени. Они были произведениями более низкого жанра, обращенными не к монархам, а к провинциальному дворянству, мещанам и купцам. Славянская древность представлялась в них ярким и красочным миром, полным фантастических существ и отважных героев. Тем примечательнее, что в эту общую канву авантюрного волшебного-рыцарского романа порой оказывались удивительным образом вплетены отдельные неожиданно достоверные, с исторической точки зрения, комментарии.

Так, едва коснувшись в ходе повествования устройства княжеского терема, М.Д. Чулков вдруг замечал, что «у древних княжеских дворцов

---

⁶³ Сумароков А.П. Ярополк и Димиза. С. 247.

⁶⁴ Княжнин Я.Б. Владисан. С. 187–298.

⁶⁵ Плавильщиков П.А. Дружество. С. 75–174.

⁶⁶ Сумароков А.П. Семира // Российский феатр. Ч. II. 1786. С. 164.

⁶⁷ Сумароков А.П. Хорев. С. 202.

⁶⁸ Сумароков А.П. Ярополк и Димиза. С. 300.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

делались особенно большие крыльца, которые обыкновенно назывались красными, как нам то и Московский Кремлёвский дворец доказывает»⁷¹; говоря о путешествии витязя Силослава в город Рус, он уточнял, что «сей город стоял на берегу озера Ильменя, при устьях рек Ловати и Палы, которое место ныне называется Старая Русь»⁷² и др.

Довольно точные исторические справки часто включались авторами в прямую речь героев. В «Славянских древностях» М.И. Попова одним из действующих лиц оказывается скиф Липоксай, который рассказывает легенду о почитателях плуга, известную еще со времен Геродота и зафиксированную в античных источниках⁷³. Запечатленный другим литературным героем – князем Останом – рассказ о нравах древлян, обнаруживает сходство с «Повестью временных лет»: «Объявил он мне и о других обстоятельствах своей жизни, которая довольно обозначала грубость и зверство древлян и их соседей. Обычай сжигать усопшие тела, прах их полагая в сосуды, ставить на столпах при больших дорогах, и вместо порядочного бракосочетания хватать девиц у вод, и иметь оных себе вместо жен, переняли Древляни, по сказкам его, от соседей своих радимичей, кривичей, вятичей и северян»⁷⁴.

По мнению Е.М. Дзюбы «реконструкция древнего славянского мироустройства, встроенная в сюжетно-композиционное клише волшебного-рыцарского и авантюрного романа» и «легендарно-мифологический материал, оживающий в повествовании одного из персонажей»⁷⁵ формировали для читателей новые возможности для восприятия отечественной истории. Не случайно, помимо литературных «славянских сказок» оба их автора и М.Д. Чулков, и М.И. Попов явились создателями и вполне научных для своего времени сочинений о древних славянских

⁷¹ Чулков М.Д. Пересмешник... Ч. 1. С. 121.

⁷² Там же. Ч. 2. СПб., 1784. С. 58.

⁷³ Дзюба Е.М. Поэтика вымысла в романах о "Славянских древностях" М.Д. Чулкова, М.И. Попова, В.А. Левшина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2. С. 148.

⁷⁴ Попов М.И. Славянские древности. Ч. II. СПб., 1770. С. 69–70.

⁷⁵ Дзюба Е.М. Поэтика вымысла. С. 147.

обычаях – «Словаря русских суеверий»⁷⁶ и «Описания славенского языческого баснословия»⁷⁷.

2.2. «Призвание варягов» в литературе XVIII в.

Если трактовка образа легендарной славянской древности в художественной литературе представляется, в целом, «местом консенсуса», то следующее за ней, с хронологической точки зрения, историческое событие – призвание варягов и установление династии Рюриковичей – вызвало серьезные споры и потому требует отдельного подробного рассмотрения.

Первым в русской литературе к новгородским сюжетам обратился А.П. Сумароков. 21 июля 1750 г. в Императорском театре в Петергофе была представлена его трагедия «Синав и Трувор», исполненная учащимися Сухопутного кадетского корпуса. На протяжении XVIII в. эта трагедия 5 раз издавалась в печати: в 1750, 1751 (на французском языке), 1768 (в переработанной редакции), 1781 и 1787 гг. Около 50 раз она исполнялась на театральных сценах Москвы и Петербурга, а также вошла в репертуар театра Волкова в Ярославле. Успех «Синава и Трувора» способствовал привлечению общественного внимания к новгородской древности едва ли не больше научных академических работ.

Главным историческим источником, от которого отталкивался А.П. Сумароков при сочинении «Синава и Трувора», как и при сочинении «Хорева» был «Синописис», где в 16 и 17 главах говорилось о призывании россами братьев-варягов: Рюрика, Синеуса и Трувора. Компилятивные свидетельства «Синописиса» при этом были неоднородны. Так, сначала его составитель утверждал, что, расселившись «в полуночных странах», россы основали Новгород и «от среды себе в князя избраша»⁷⁸ Гостомысла, при котором город обрел славу и силу. Однако уже в следующей фразе он

⁷⁶ Чулков М.Д. Абевега русских суеверий. М., 1786.

⁷⁷ Попов М.И. Описание славенского языческого баснословия. СПб., 1768.

⁷⁸ Синописис. СПб., 1762. С. 22.

противоречил сам себе, сообщая, что российские народы находились «в величии междоусобии и многом нестроении (...) не согласующеся в избрании от среды себе Властелина», и Гостомысл, именуемый уже не князем, а лишь «нарочитым и разумным мужем, живущем в Новгороде», посоветовал пригласить на княжение трех братьев варягов⁷⁹. Рюрик, Синеус и Трувор были приняты всеми россами «с великою радостью и благодарствием», и разделили страну на три части, основав новые столицы в Ладоге (Рюрик), на Белом озере (Синеус) и в Изборске (Трувор). Оставляя за рамками обсуждения соответствие данного свидетельства как «Повести временных лет», так и исторической действительности, заметим, что даже оно, безусловно, было переработано А.П. Сумароковым.

Наиболее явным отличием является отсутствие в числе героев трагедии Рюрика. Её главными действующими лицами стали «князь российский» Синав, его брат Трувор, Гостомысл (у Сумарокова – «знатнейший боярин новгородский») и его дочь Ильмена. Такой выбор персонажей вполне можно объяснить логическим посылом. По ходу действия главный герой трагедии должен был погибнуть. При этом его антагонисту следовало получить осуждение публики. Таким образом, родоначальник династии русских правителей, Рюрик, по этическим соображениям не мог выступить ни в одной, ни в другой роли.

При этом, существование Рюрика автор, в сущности, не отрицал. Дважды по ходу пьесы он упоминает о наличии «третьего брата», только не старшего, а младшего, и по каким-то причинам отсутствовавшего в Новгороде в момент разворачивающихся событий:

К нам щедры небеса к скончанию печали
С полками трех князей для помощи послали!⁸⁰

---

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Сумароков А.П. Синав и Трувор // Российский феатр. Ч. II. 1786. С. 8.

Кроме того, автор намекает на то, что третий брат является положительным героем. По крайней мере, вызывающий сочувствие публики Трувор уверен, что он поддержал бы его, будь он здесь:

Наш младший брат отсель отсутствен, смею я
Один тебе сказать, что страждет честь твоя⁸¹.

Помимо изменения порядка старшинства братьев, отступлением от имевшихся у А.П. Сумарокова исторических источников был перенос места действия трагедии непосредственно в Новгород (в то время как, согласно «Синописису», Рюрик княжил в Ладоге⁸²). Острый для середины XVIII в. вопрос этнической принадлежности братьев автором умалчивался. Из текста трагедии мы узнаем лишь, что братья неизвестно откуда оказались на берегах Ильмена в поисках воинской славы и первоначально не были намерены властвовать на этой земле.

Фабула «Синава и Трувора» основана на любовных переживаниях в духе французской драматургии. По воле своего отца Ильмена должна выйти замуж за Синава. Она обещана ему в благодарность за спасение Новгорода и всей страны от смуты. Однако, девушка влюблена в Трувора, который также любит её. Её чувство долга перед родителем и отечеством сталкивается с мучительной любовной страстью. С политической точки зрения, драматический конфликт заключается также в противоречии между волей правителя и его подданных. Синав решается принудить возлюбленную к нежеланному ею замужеству своею властью и, хотя Ильмена была обещана ему по праву, в глазах зрителей он становился тираном: Трувор, а вслед за ним Ильмена, не выдержав страданий, кончают жизнь самоубийством.

Любопытно, что эта абсолютно вымышленная, на первый взгляд, коллизия, при всей ее надуманности оказывалась вполне вписанной в картину исторической действительности, в той мере, в какой она могла быть известна автору трагедии и ее зрителям. Мотив брака дочери Гостомысла на

---

⁸¹ Там же. С. 24.

⁸² Синописис. СПб., 1762. С. 23.

одном из братьев-варягов отдаленно перекликался с известным в XVIII в. преданием, зафиксированным В.Н. Татищевым. Опираясь на Иоакимовскую летопись, он говорил о наследовании варягами княжеской династии по женской линии («Рюрик, из Финляндии и как сын дочери Гостомысла, по наследию в Руси государем сделался»⁸³). И хотя в данном случае речь шла о замужестве дочери Гостомысла на отце призванных братьев (а у Сумарокова – непосредственно на одном из них), сама мысль о возможности подобного династического брака не была безосновательной.

Трагическая кончина главных героев в целом соответствовала и летописному свидетельству о смерти Синеуса и Трувора в один год при неясных обстоятельствах: «По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор. И прия Рюрик власть всю один»⁸⁴. Смерть Трувора произошла по ходу пьесы. Синав был удержан Гостомыслом от самоубийства на сцене, однако в финале трагедии он также предвещает свою грядущую гибель:

Карай мя небо, я погибель в дар приемлю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!..⁸⁵

Иными словами, предвидя скорую смерть Синава и отсутствие иных наследников у Гостомысла, зрители вполне могли логическим путем продолжить цепочку событий к вокняжению в Новгороде не названного по имени младшего брата, под которым, очевидно, подразумевался Рюрик. То есть, вымышленные Сумароковым события, в сущности, не нарушали логику исторического развития, а лишь заполняли отсутствовавшие в источниках лакуны. Случись они на самом деле, история продолжила бы идти своим чередом.

Всё это вполне укладывалось в уже озвученные выше представления литераторов XVIII в. об отражении истории в художественном творчестве, когда изображаемые события должны были соответствовать действительности лишь «по грунту». Нам не известно ни одного

---

⁸³ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1., Ч. 2. М., 1769. С. 391.

⁸⁴ Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 13.

⁸⁵ *Сумароков А.П.* Синав и Трувор. С. 82.

свидетельства современников, упрекавших Сумарокова в исторической недостоверности. Впрочем, по наблюдениям критиков, восторгавшиеся трагедией зрители вообще слабо интересовались не только её исторической, но и нравоучительной стороной: «Наши дворяне (...) с нетерпением ожидают примечать больше действующие лица, нежели характеры ими представляемые. Они более берут участия в небольших спорах и несогласиях актеров, нежели в судьбе тех славных героев и героинь, в виде коих они являются. Как Дмитревский, Ле-Саж, или Троепольская, Мартеньша и пр. одеты были, их голоса, движенья, осанка – составляют предмет многочисленных разговоров. Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любовницу и его самого (...) предаются молчанию и столь мало внимаются, будто бы никакого примечания не заслуживают»⁸⁶.

Открытая А.П. Сумароковым «новгородская» тема оказалась чрезвычайно актуальной в последней четверти XVIII в. В 1786 г. к ней обратилась императрица Екатерина II в своем историческом представлении «в подражание Шекспиру» «Из жизни Рюрика», в 1789 г. – Я.Б. Княжнин в трагедии «Вадим», в 1791 г. – П.А. Плавильщиков в трагедии «Рюрик» (первоначально носившей название «Всеслав»). Важное место в этих сочинениях начинает играть образ Вадима Новгородца.

Наиболее раннее упоминание о Вадиме сохранилось в Никоновской летописи под 864 г.: «Того же лета оскорбишася Новгородцы глаголюще, яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби Новгородцев советников его»⁸⁷. Уже в историографии XVIII в. это свидетельство получило противоречивую трактовку. В.Н. Татищев в «Истории Российской» рассматривал описанные события с монархической точки зрения. Он предполагал, что возглавивший восстание против Рюрика Вадим мог быть

---

⁸⁶ Филиппов В.А. Театральная публика XVIII в. по сатирическим журналам // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 99.

⁸⁷ Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1. СПб., 1767. С. 16.

сыном старшей дочери Гостомысла, «который большее право к наследству имел и из-за того убит»⁸⁸. М.В. Ломоносов, напротив, видел Вадима республиканцем. Он считал его «знатным новгородцем», который был склонен к «общенародному прежнему владению, и сам желал быть по-видимому, в том участником или еще и главным». Вадим открыто называл самодержавие рабством и призывал избавиться от власти россов, за что был предан смерти. Схожая трактовка этого сюжета содержалась в истории Ф. Эмина⁸⁹.

Екатерина II, кратко осветив события, связанные с призванием варягов и восстанием Вадима, в «Записках касательно Российской истории» перевела их подробное описание на художественно-литературную почву. В одном из писем к барону Ф.М. Гримму она признавалась: «Так как я не осмелилась поместить в историю свои соображения на счет Рюрика, потому что они основывались только на нескольких словах, встречающихся в летописи Нестора и ещё на одном месте в "Истории Швеции" Далина, а в это время я читала Шекспира по-немецки, то и вздумала в 1786 году написать эту драму»⁹⁰. Из трех, задуманных Императрицей пьес на древнерусские сюжеты, увидели свет только две: «Из жизни Рурика»⁹¹ и «Начальное управление Олега»⁹². Завершающая трилогию трагедия о князе Игоре окончена не была⁹³.

В своих исторических штудиях Екатерина II во многом следовала «Российской истории» В.Н. Татищева⁹⁴, кроме того, она обладала обширной личной библиотекой, где, по мнению В.С. Иконникова, содержалось около

---

⁸⁸ Татищев В.Н. История Российская... Кн. 1. Ч. 1. М., 1768. С. 45.

⁸⁹ Рукавичникова В.В. История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. ... канд. фил. наук. Великий Новгород, 2001. С. 23–26.

⁹⁰ Екатерина II. Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. С. 224.

⁹¹ Екатерина II. Историческое представление из жизни Рюрика // Российский феатр. Ч. XIV. 1787. С. 107–166.

⁹² Екатерина II. Начальное управление Олега // Российский феатр. Ч. XIV. 1787. С. 167–248.

⁹³ Моисеева Г.Н. Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л., 1974. С. 289.

⁹⁴ Там же. С. 292–293.

150 летописцев⁹⁵. Общий ход пьесы «Из жизни Рюрика», в целом, соответствовал событиям, изложенным ею в «Записках касательно Российской истории». Славенский князь Гостомысл, находясь «при конце своей жизни» созывает старейшин, видит несогласие между ними (всяк «по своей мысли и прихоти правит и судит») и дает наказ по его кончине послать послов к варягам за князьями Рюриком, Синеусом и Трувором и звать их «владети над собою». Послы отправляются к варягам и после некоторых сомнений и уговоров Рюрик с братьями соглашаются на их просьбу, последовав к рубежам Руси. В соответствии с летописными источниками, Рюрик остается в Ладоге, а его братья и соратники получают власть в других городах – Белоозере (Синеус), Изборске (Трувор), Киеве (Аскольд), Полоцке (Рогволод). Тут же Рюрику докладывают о мятеже в Новгороде, поднятом его двоюродным братом Вадимом. Сам мятеж на сцене не показан. Его удается подавить посланному туда посаднику Добрынину. В заключительной сцене происходит суд Рюрика над Вадимом, где он, по совету своей жены Едвинды милует заговорщика.

Значение для Екатерины сюжета о Вадиме Новгородском кажется преувеличенным исследователями в связи с его дальнейшим развитием у Я.Б. Княжнина и П.А. Плавильщикова. События, связанные с Вадимом, упоминаются лишь в первом и последнем действии (чем, действительно, как бы «обрамляют» ход повествования). Гораздо больше времени по ходу пьесы уделено сомнениям и уговорам братьев и рассуждения о власти на Руси. Поэтому кажется, что обращение к мятежу Вадима было обусловлено для Екатерины скорее его упоминанием источниками, которым Императрица старалась следовать при написании трагедии, нежели её желанием специально акцентировать внимание на нём из каких-то политических соображений⁹⁶.

---

⁹⁵ *Иконников В.С.* Императрица Екатерина II как историк // Русский архив. 1911. Вып. 7. С. 307.

⁹⁶ Это стремление Екатерины по возможности следовать летописным свидетельствам проявляется в их почти дословном цитировании в диалогах героев, с домысливанием лишь обстоятельств действия («Земля

«Республиканская» точка зрения на конфликт Рюрика и Вадима нашла воплощение в трагедии «Вадим» Я.Б. Княжнина⁹⁷. Широкий общественный резонанс, который вызвали сначала появление в печати этого сочинения, а затем его цензурный запрет, сделал «Вадима Новгородского» одним из знаковых произведений екатерининской эпохи, поставив его в один ряд с «Путешествием из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Еще раз отметим, что, делая «Вадима» республиканцем, Я.Б. Княжнин не был первооткрывателем, а следовал, в целом, одной из ветвей сформировавшейся на тот момент историографической традиции. Вместе с тем, нельзя отрицать и то, что в уста древних героев им были вложены вполне актуальные для XVIII в. политические взгляды.

Согласно сюжету трагедии, Вадим был посадником и полководцем, отсутствовавшим в городе в момент прихода к власти Рурика (Рюрика). Возвратившись на Родину, он отчаянно борется за восстановление утерянной новгородской вольности, поднимает восстание против монархии и терпит поражение. Рурик, воплотивший в себе образ идеального мудрого и добродетельного правителя, готов отказаться от царского венца, но собравшийся народ просит его принять власть. Разочаровавшись в своих согражданах, прельщенных царствием и добровольно отдающих свою свободу, Вадим убивает себя. Вместе с ним кончает жизнь самоубийством возлюбленная Рурика – дочь Вадима Рамида.

Литературоведы до сих пор спорят, кто из персонажей – Рурик или Вадим – является главным в трагедии и кому из них больше сочувствовал автор. Любимый народом Рурик с честью выходит победителем в идейном поединке с мятежным поборником старых порядков, но имя Вадима носит

наша велика и обильна, а порядку в ней нет; придите владети нами» и др.). Тесная связь трагедии с Иоакимовской летописью была отмечена И.Н. Болтиным в примечаниях к её второму изданию: «Соображал я читаемое мною с летописями и сочинениями, мне известными, и нашел, что основа сего сочинения не из выдумок или сплетений баснословных составлена, но из бытий истинных и верных, что лица, на сцену выводимые, не суть подставные, но особы действительно некогда существовавшие и по истории нашей известные». См.: Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил из жизни Рюрика. Вновь изданное с примечаниями ген.-майора И. Болтина. СПб., 1792. С. 1.

⁹⁷ *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский. СПб., 1793.

всё произведение. Кажется, Я.Б. Княжнин отчасти сам ответил на этот вопрос устами Рамиды: «Во славе равные»⁹⁸ – они оба, без сомнения, герои. Своеобразие драматического конфликта трагедии видится в том, что он представляет собой не привычное противостояние протагониста и антагониста, а борьбу двух несовместимых друг с другом идей – монархии и народовластия – в плену у которых оказываются два изначально положительных героя. В реалиях конца XVIII в., на фоне свершившейся Французской революции, трагедия получала острый политический подтекст. Пламенные воззвания Вадима могли показаться читателям революционными прокламациями, а русская древность становилась лишь «ширмой», за которой скрывались современная общественная полемика. Вскоре после появления в печати, трагедия была запрещена.

В некоторой степени переосмыслением «Вадима Новгородского» может считаться трагедия П.А. Плавильщикова «Рюрик»⁹⁹. Два этих произведения объединяют и сходство сюжетов, и почти точное совпадение списка действующих лиц. Вместе с тем, П.А. Плавильщиков расширяет значение описываемых им событий, выводя их за границы локальной новгородской истории и придавая им общегосударственную роль. Как заметила В.В. Рукавичникова, он не использует термин «новгородцы» и сам Новгород упоминает лишь дважды, вместо этого акцентируя внимание на терминах «славяне» и «славянская земля»¹⁰⁰. Сам Рюрик называется в числе действующих лиц «Великим Князем Русским»¹⁰¹. Нарочитое противопоставление «славян» и Рюрика дает основания предполагать, что самого Рюрика П.А. Плавильщиков славянином не считал («Варягорусский князь уж нами обладает! Славенским титулом он почтит себя дерзает»¹⁰²).

---

⁹⁸ Там же. С. 18.

⁹⁹ Плавильщиков П.А. Рюрик // Сочинения Петра Плавильщикова. Ч. I. СПб., 1816. С. 1–60.

¹⁰⁰ Рукавичникова В.В. История древнего Новгорода в русской литературе... С. 78

¹⁰¹ Плавильщиков П.А. Рюрик. С. I.

¹⁰² Там же. С. 2.

Принципиальным сюжетным отличием «Рюрика» П.А. Плавильщикова от «Вадима» Я.Б. Княжнина является лишь мотивация, которой руководствуется Вадим, поднимая восстание. Он борется с Рюриком не как патриот, ратующий за свободу (как у Княжнина), а как альтернативный претендент на трон (как у Екатерины II). Иной становится и развязка трагедии. Если Вадим Я.Б. Княжнина, оставаясь не сломленным, убивает себя, то Вадим П.А. Плавильщикова раскаивается и преклоняется перед Рюриком: «Ты победил меня. Свою я вижу бездну. Владей, ты можешь дать славянам жизнь небесну»¹⁰³.

В литературе XVIII в. фигура Вадима Новгородского оказалась, пожалуй, самым спорным и политически ангажированным историческим образом. Споры вокруг него не угасли и в XIX столетии. Они найдут отражение в повестях «Марфа Посадница» Н.М. Карамзина (1802), «Вадим Новгородский» В.А. Жуковского (1803), приходу в Новгород варягов будет посвящена поэма М.М. Хераскова «Царь или Спасенный Новгород» (1800) и др.

На фоне противоречивого и спорного образа Вадима Новгородского образ Рюрика представляется, в целом, статичным. Вне зависимости от политических взглядов и предпочтений авторов, Рюрик в их сочинениях – всегда благоразумный идеальный монарх. Он «победоносен, славен»¹⁰⁴, «для счастья подданных всего себя лишает»¹⁰⁵, его престол утверждён на добродетели¹⁰⁶: «Возможно ль Рурика кому возненавидеть? Чтоб обожать, его лишь надобно увидеть»¹⁰⁷. Таким образом, родоначальник русской правящей династии должен быть служить примером для наследников его престола.

---

¹⁰³ Там же. С. 59.

¹⁰⁴ *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский. СПб., 1793. С. 17.

¹⁰⁵ *Плавильщиков П.А.* Рюрик. С. 20.

¹⁰⁶ Там же. С. 8.

¹⁰⁷ *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский. СПб., 1793. С. 16.

2.3. Первые русские князья в литературе XVIII в.

Произведения посвященные последующим русским князьям, до Владимира Святого, носили как правило единичный характер. Тем не менее, почти каждый из первых русских правителей становился героем тех или иных сочинений. Олег фигурировал в «Семире» А.П. Сумарокова¹⁰⁸ и историческом представлении «Начальное управление Олега» Екатерины II¹⁰⁹ (начатая Екатериной пьеса об Игоре окончена не была); Ольга – в «Велесане» Ф.Я. Козельского¹¹⁰ и «Ольге» Я.Б. Княжнина¹¹¹; Святослав – в «Громобое» Г.П. Каменева¹¹² и «Светославе» А.Ф. Воейкова¹¹³ и др. Отдельные упоминания первых русских князей присутствовали в торжественных одах, «разговорах мертвых» и др.¹¹⁴

Мотивация обращения авторов к этим персонажам была разнообразной. Пьеса Екатерины II «Начальное управление Олега» носила ярко выраженный идеологический характер. Она была литературным отражением её «греческого проекта» и игралась «на празднествах в честь (...) мира с турками с необычайной пышностью и великолепными декорациями»¹¹⁵ в присутствии австрийского посла. На сцене выступало «более семи сотен лиц»¹¹⁶. Так Екатерина демонстрировала свою заветную мечту об окончательном покорении турок и русском щите, прибитом на дверях Царьграда.

История мести княгини Ольги за смерть супруга привлекла внимание писателей XVIII в. из-за ассоциативного сходства с «Меропой» Вольтера.

---

¹⁰⁸ Сумароков А.П. Семира. С. 159–242.

¹⁰⁹ Екатерина II. Начальное управление Олега. С. 167–248.

¹¹⁰ Козельский Ф.Я. Велесана // Сочинения Федора Козельского. Ч. 2. СПб., 1778. С. 67–133.

¹¹¹ Княжнин Я.Б. Ольга // Он же. Избранные произведения. Л., 1961. С. 117–182.

¹¹² Каменев Г.П. Громобой // Муза. Ежемесячное издание на 1796 г. Ч. II. СПб., 1796. С. 34–47.

¹¹³ Воейков А.Ф. Святослав // Иппокрена, или Утехи любословия на 1799. М., 1800. Ч. 6. С. 502–512.

¹¹⁴ Муравьев М.Н. Разговоры мертвых. СПб., 1790; Екатерина II. Чесменский дворец // Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 597–609.

¹¹⁵ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 51.

¹¹⁶ Там же.

Именно в таком контексте к этому сюжету обращаются Ф.Я. Козельский¹¹⁷ и Я.Б. Княжнин¹¹⁸. При этом, трагедия Ф.Я. Козельского может быть признана более историчной. В ее основу был положен летописный рассказ о мнимом согласии княгини на замужество с древлянским князем Малом и убийстве древлянских послов на празднике в честь этого события. «Ольга» Я.Б. Княжнина, напротив, была не столько подражанием, сколько переделкой сочинения Вольтера, полностью заимствовавшим его сюжетную линию¹¹⁹. Допустимость такого вольного обращения с историческим сюжетом сама по себе ярко характеризует отношение автора трагедии к исторической истине. Не менее показательны и то, что Я.Б. Княжнин в конечном счете от публикации «Ольги» все же отказался. Она была положена в основу другой его трагедии – «Владисан», где вымышленные действия были отнесены в более древнюю «долетописную» старину и приписаны уже не историческим, а также вымышленным персонажам (Игоря заменил Владисан, Ольгу – Пламира, Мала – Витозар). Тем самым Я.Б. Княжнину удалось избежать чересчур грубого искажения реальной истории.

Обращение авторов XVIII в. к фигуре князя Святослава произошло под влиянием поэзии Оссиана¹²⁰. Предания о воинствующем русском князе, обладали легендарными чертами и стали основой для героических произведений – повести Г.П. Каменева «Громобой»¹²¹ и поэмы А.Ф. Воейкова «Светослав»¹²². В этих сочинениях Святослав изображался «как некий Бог войны»¹²³, стоящий во главе «непобедимого воинства»¹²⁴. Теряя подлинно историческое наполнение, повествования о нем обретали черты героического мифа:

---

¹¹⁷ Козельский Ф.Я. Велесана. С. 67–133.

¹¹⁸ Княжнин Я.Б. Ольга. С. 117–182.

¹¹⁹ Могилянский А.П. "Ольга", трагедия Я.Б. Княжнина // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 502.

¹²⁰ Macpherson J. The Works of Ossian, the Son of Fingal. London. 1765.

¹²¹ Каменев Г.П. Громобой. С. 34–47

¹²² Воейков А.Ф. Святослав. С. 502–512.

¹²³ Каменев Г.П. Громобой. С. 36. Ср.: Воейков А. Святослав. С. 512.

¹²⁴ Каменев Г.П. Громобой. С. 36.

Великий Святослав! – ряды веков сокрылись,
Колоссы гордые, огромны развалились;
В прах пали статуи, пал мраморный чертог;
Но ты живешь в сердцах, о Русский полубог!¹²⁵

2.4. Князь Владимир в литературе XVIII в.

Центральным образом, привлекавшим наибольшее внимание литераторов XVIII в., безусловно может быть названа фигура князя Владимира. Как персонаж он фигурировал в наибольшем числе художественных произведений, среди которых были «Владимир» Ф. Прокоповича¹²⁶, «Владимир и Ярополк» Я.Б. Княжнина¹²⁷, «Владимир Великий» Ф.П. Ключарева¹²⁸, «Идолопоклонники, или Горислава» и «Владимир» М.М. Хераскова¹²⁹, «Песнь Владимиру»¹³⁰ и «Рогвольд» М.Т. Нарезного и др.

Развитие образа князя происходило преимущественно в двух направлениях: героико-эпическом – прославлявшем его как просветителя, Крестителя Руси, правителя, на тысячи лет определившего судьбу Российского государства; и романтическом – в центре которого стояла история семейных взаимоотношений Владимира с первой женой Рогнедой¹³¹. И в том, и в другом случае, внимание авторов акцентировалось преимущественно на внутренней, душевной борьбе князя, противостоянии страстей и добродетели, а потому две эти княжеские ипостаси в целом не противоречили друг другу и нередко сочетались в одних и тех же произведениях.

---

¹²⁵ Воейков А.Ф. Святослав. С. 512.

¹²⁶ Прокопович Ф. Владимир // Прокопович Ф. Сочинения. М.-Л., 1961. С. 147–208.

¹²⁷ Княжнин Я.Б. Владимир и Ярополк // Российский театр. Ч. XXXIV. 1790. С. 3–108.

¹²⁸ Ключарев Ф.П. Владимир Великий // Российский театр. Ч. VI. 1787. С. 81–144.

¹²⁹ Херасков М.М. Владимир // Творения Хераскова. Ч. II. М., 1796. С. 1–361.

¹³⁰ Нарезный В.Т. Песнь Владимиру киевских баянов // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 20. С. 378–389.

¹³¹ Каченко В.В. Владимир и Рогнеда в историографии и искусстве второй половины XVIII в. // Платоновские чтения: материалы и доклады XXII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 9–10 декабря 2016 г.). Самара, 2017. С. 118–120.

Интерес литераторов XVIII в. к женитьбе Владимира на полоцкой княжне, предшествовавшей его приходу к великокняжеской власти, в целом, объясним. Как заметил Ф.Б. Успенский, эти события представляли собой единственный для русской домонгольской истории случай, когда «непубличные, частные отношения князя со своей женой, тема любви и измены в княжеской семье»¹³² – все эти «куртуазные детали», так волновавшие воспитанных на романах читателей эпохи Просвещения – встречались непосредственно в русских летописях. Вместе с тем, развитие и переосмысление этого сюжета в художественном творчестве представляет собой яркий пример противопоставления литературного образа прошлого образу историографическому.

Первоначальным источником рассказа о Рогнеде была Лаврентьевская летопись, где указанные события описывались дважды, под 980 и 1128 гг. Уже эти два повествования несли в себе разную идеологическую окраску. Первое служило лишь небольшим эпизодом в борьбе за власть между Владимиром и его братом Ярополком. Согласно нему, Владимир захотел жениться на дочери Рогволода Полоцкого, которая отказала ему словами: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу»¹³³. После этого Владимир пошел на Полоцк войной, убил Рогволода и двух его сыновей, взял Рогнеду в жены и «с вой многими» пошел на Ярополка. Мотив соперничества двух братьев был здесь главным¹³⁴. Второй вариант летописного пересказа этих же событий излагался более подробно. Он возникал в летописи в связи с описанием похода Мстислава Великого на Полоцк и служил пояснением вековой вражды между Ярославичами и полоцкими князьями¹³⁵. Здесь отмечалось влияние Добрыни на Владимира, публичное надругательство над Рогнедой и её переименование в Гориславу. Появлялся и новый сюжет – о попытке княжны убить Владимира, – в искусстве XVIII в. он будет

---

¹³² Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М., 2006. С. 342.

¹³³ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997. Стб. 76.

¹³⁴ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени... С. 336.

¹³⁵ Лаврентьевская летопись. Стб. 299–300.

чрезвычайно популярен. В данной версии рассказа акцентировалась идея мести: сначала князя за высокомерный отказ, а затем Рогнеды за убийство её близких и неверность мужа¹³⁶.

Строго говоря, мотивировка изначального сватовства Владимира к Рогнеде в летописи прямо указана не была. В историографии XVIII в. повествование о данных событиях получает сугубо политический контекст. Так, в «Истории Российской» В.Н. Татищев дополнял летописные сведения соображениями о том, что Владимир, находясь во вражде с Ярополком «разсудя полоцкого князя Рохволода в союз пригласить, и для лучшего в том успеха, просит дочь его себе в жену»¹³⁷. Главной целью Владимира ему мыслилась не женитьба на Рогнеде, а именно союз с Рогволодом против Ярополка. Подобной точки зрения придерживался и М.В. Ломоносов. «Сей союз праведно казался Владимиру быть полезен в обстоятельствах важного предприятия», – замечал он¹³⁸. Политические выгоды такого соглашения были ему очевидны: взяв город силой, Владимир пошел на Киев «с Полоцким войском»¹³⁹. Во многом отталкивавшийся от истории М.В. Ломоносова Ф.А. Эмин усматривал политический мотив уже не только в сватовстве Владимира, но и в отказе Рогнеды. «Сей брак казался Владимиру весьма быть полезным в его предприятиях; ибо он от Полотчан великой надеялся подмоги. Но Рогнеда, узнав от отца своего о причине Владимирова к нему посольства, просила, чтобы ее выдал за муж за Ярополка»¹⁴⁰. Наконец, Екатерина II объясняла с политических позиций даже оскорбление Владимира: «Владимир же зело оскорбился презрительным ответом Рогнеды, приписав то наклонности Рохволда ко Ярополку»¹⁴¹.

На фоне стремления историков объяснить действия юного князя политическими мотивами, в искусстве XVIII в. формируется собственная,

---

¹³⁶ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени... С. 340.

¹³⁷ Татищев В.Н. История Российская... Кн. 2. М., 1773. С. 57.

¹³⁸ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. СПб., 1766. С. 95.

¹³⁹ Там же. С. 96.

¹⁴⁰ Эмин Ф. Российская история жизни всех древних. Т. 1, СПб., 1767. С. 267.

¹⁴¹ Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Ч. 1. СПб., 1787. С. 105.

романтическая интерпретация событий. Еще Ф.А. Эмин, неоднократно обвинявшийся в ссылках на несуществующие источники и попытках написать историю в духе беллетризованного романа, украшает этот сюжет бесчисленным количеством вымышленных деталей. В его истории впервые говорится о пламенной любви Ярополка к Рогнеде, из-за которой он не стал отсиживаться в Родне и «толь нетерпеливо желал пойти в руки к своему неприятелю»¹⁴².

Что же касается романтических чувств самого Владимира, то, по всей видимости, первым о них заговорил А.П. Лосенко в процессе создания картины «Владимир перед Рогнедою». В комментариях на программу, предложенную ему Академией художеств, живописец пояснял: «В программе (...) Владимир на Рогнеде женится против воли ее, когда же он на ней женился, *то должно чтоб он ее и любил*. [Курсив мой – В.Т.]. Почему я его и представил так как любовника, который видя свою невесту обезчещену и лишившуюся всего, должен был ее ласкать и извиняться перед нею, а не так как другие заключают, что он сам ее обезчестил и после на ней женился, что мне кажется очень ненатурально»¹⁴³. Все это как нельзя лучше соответствовало идее «исправления» истории, господствовавшей в искусстве XVIII в., т.е. стремлению изображать события не так, как они происходили в действительности, а так, как им следовало происходить по мнению автора художественного произведения.

Любовная линия этого сюжета оказалась необычайно востребованной в литературных сочинениях. В 1772 г. Я.Б. Княжнин пишет трагедию «Владимир и Ярополк» в духе «Андромахи» Ж. Расина, где Рогнеда изображается отвергнутой возлюбленной Ярополка, предпочетшего ей гречанку-Клеомену, а Владимир пылким влюбленным в полоцкую княжну.

---

¹⁴² Эмин Ф.А. Российская история... Т. 1. С. 273.

¹⁴³ Каганович А.Л. Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., 1963. С. 152.

Неразрешимый любовный конфликт, приводит к убийству Ярополка Владимиром по наущению мучимой ревностью Рогнеды¹⁴⁴.

Ф.П. Ключарев в трагедии «Владимир Великий»¹⁴⁵ главным виновником междоусобных бед рисует боярина Студа, подговорившего Рогнеду к покушению на Владимира. Сам же князь изображен здесь преданным супругом, терзающимся между государственным долгом вершить справедливый суд над заговорщиками и необходимостью казнить любимую жену.

Заговор против князя лежит и в основе трагедии М.М. Хераскова «Идолопоклонники или Горислава»¹⁴⁶. Здесь к убийству Владимира любящую его Рогнеду подговаривают жрецы, возмущенные принятием Владимиром христианства. Однако, великодушный князь прощает супругу.

В духе сентиментализма была написана повесть В.Т. Нарезного «Рогвольд»¹⁴⁷. Владимир представлен в ней «рыцарем»¹⁴⁸, Рогнеда – прекрасной девушкой, отдавшей сердце герою-Ярополку¹⁴⁹. По замыслу автора, её отец Рогвольд остается в живых и, несмотря на все злодеяния, сотворенные в юности Владимиром, «прельщенным красотой» Рогнеды, спустя много лет прощает князя и благословляет его союз с дочерью.

Отметим и еще один любопытный факт. По всей видимости, влияние этого романтического видения событий в общественной мысли XVIII в. оказалось настолько велико, что в «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина читатель встречал уже «прелестную (...) Рогнеду, сговоренную за Ярополка», которая отказала Владимиру, прежде всего, из верности к жениху. Ее попытку отмщения Карамзин называет весьма

---

¹⁴⁴ *Княжнин Я.Б.* Владимир и Ярополк. С. 95–181.

¹⁴⁵ *Ключарев Ф.П.* Владимир Великий. С. 83–144.

¹⁴⁶ *Херасков М.М.* Идолопоклонники или Горислава // Российский феатр. Ч. IV. СПб., 1786. С. 223–303.

¹⁴⁷ *Нарежный В.Т.* Рогвольд // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 20. 1798. С. 353–375.

¹⁴⁸ Там же. С. 355.

¹⁴⁹ Там же. С. 361.

«трогательной»¹⁵⁰ и объясняет тем, что Рогнеда «простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви»¹⁵¹. Таким образом, романтическая интерпретация событий к началу XIX в. оказалась настолько привычной и общепринятой, что перенеслась даже в исторические труды.

***

В изображении Крещения Руси русскими литераторами основное внимание также уделялось «страстям» и переживаниям героя, преодолению пороков и торжеству добродетели. М.М. Херасков призывал читать свою поэму «Владимир» «как странствование внимательного человека путем истины, на котором сретається он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения, борется со врожденными страстями своими, наконец преодолевает сам себя, находит стезю правды, и достигнув просвещения возрождается»¹⁵².

Борьба язычества и христианства, составляющая суть драматического конфликта произведений на эту тему, разными авторами трактовалась по-разному. Так Ф. Прокопович изображал языческих жрецов Жеривола и Курояда комично и гротескно¹⁵³. Ф.П. Ключарев, видел в борьбе язычников политическую интригу и заговор боярства против власти¹⁵⁴. У М.М. Хераскова языческие божества изображаются мистическими темными силами, явно противостоящими князю¹⁵⁵.

Колоссальные преобразования, совершенные Владимиром, в трактовке литераторов XVIII в. не могли не обрести аллюзий на современную им действительность. Создавая трагикомедию «Владимир», Феофан Прокопович приписал киевскому князю немало черт, сближавших его с Петром I. Он прославлялся, прежде всего, как монарх-реформатор, противопоставленный

---

¹⁵⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1816. С. 230.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Херасков М.М. Владимир. 1796. С. VIII.

¹⁵³ Прокопович Ф. Владимир. С. 147–208.

¹⁵⁴ Ключарев Ф.П. Владимир Великий. С. 81–144.

¹⁵⁵ Херасков М.М. Владимир. 1796. С. 25–30.

невежественным и своекорыстным языческим жрецам, первый русский просветитель.

М.М. Херасков сопоставлял одержанную Владимиром победу над печенегами с Полтавской баталией. Для этого он даже изменил место действия событий, перенес их с Трубежа на Ворсклу:

Тут Ворскла пьет струи шумящего Днепра,
Свидетельница дел Великого Петра,
Когда, перуны он бросая под Полтавой,
Россию и себя венчал бессмертной славой.
Петра Великого предшественник побед,
Владимир проложил потомкам к славе след.¹⁵⁶

Продолжательницей дел равноапостольного князя в творчестве М.М. Хераскова представляла и императрица Екатерина II. Вторая редакция поэмы «Владимир», напечатанная спустя четыре года после присоединения Крыма к Российской империи, завершалась патетическим описанием возвращения России древнего Херсонеса.

Гордитесь, наших дней почтенные Герои!
Неустршимый дух, искусство ваше, бои,
Которы некогда мы громко воспоем,
Нам паки отдали Российский Вифлеем,
Крещеньем где святым Владимир просветился (...)
Ты души просветил, неверства прогнал мрак,
Екатериной днесь заслуг поставлен в знак¹⁵⁷.

Идея этой преимственности вполне соответствовала идеологической программе самой Императрицы. В 1782 г. ею был учрежден орден в честь святого князя Владимира, а факт крещения Владимира в Херсонесе был одним из аргументов при обосновании необходимости перехода Крыма под власть Российской Империи¹⁵⁸.

В последующих редакциях Херасков отредактировал это окончание, воспевая в качестве преемника Владимира уже Императора Павла¹⁵⁹. Таким

---

¹⁵⁶ Там же. С. 240.

¹⁵⁷ Херасков М.М. Владимир // Эпические творения М.М. Хераскова. Ч. 2. М., 1787. С. 244.

¹⁵⁸ Лупанова М.Е. Греческий проект Екатерины Великой // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 202.

¹⁵⁹ Херасков М.М. Владимир. 1796. С. 360.

образом, фигура князя Владимира становилась символом, освещавшим триумфальный путь России.

2.5. Русь и татары в литературе XVIII в.

Конструирование в художественной литературе XVIII в. образа татар демонстрирует весьма общие представления русских литераторов об истории русско-татарских взаимоотношений. Татары как символическое воплощение исконного русского врага чаще всего возникают в художественных произведениях, повествующих о самых разных эпохах русской истории, в качестве анахронизма.

В изображении писателей и драматургов, с ними сражались еще древние славянские князья. «Орду» устрашает Хорев А.П. Сумарокова¹⁶⁰. Побеждает татар древлянский князь Любочест в трагедии П.А. Плавильщикова «Дружество»¹⁶¹. В героической повести Г.П. Каменева «Громобой» вопреки исторической достоверности с крымскими татарами сражается князь Святослав¹⁶². Его наперстнику Громобойю удастся сразить «татарского начальника» Ченгиса¹⁶³, после чего его сын Мехмет просит о мире¹⁶⁴. И т.д. Во всех случаях такого «несвоевременного» введения в повествование образа татар, русские герои неизменно одерживают над ними победы.

Однако, сама история Батыева нашествия и Ордынского ига в художественной литературе XVIII в. иллюстрируется крайне слабо. По всей видимости, эти события представлялись чересчур трагичной страницей отечественной истории, не соответствующей общей тенденции воспевания русских подвигов и побед в искусстве этого времени.

---

¹⁶⁰ Сумароков А.П. Хорев. С. 178.

¹⁶¹ Плавильщиков П.А. Дружество. С. 94.

¹⁶² Каменев Г.П. Громобой. С. 35.

¹⁶³ Там же. С. 40.

¹⁶⁴ Там же. С. 42.

Редким исключением из этого правила может быть названа поэма Е.П. Люценко «Церна, княжна Черниговская»¹⁶⁵, в основе которой, по словам автора, лежала легенда, услышанная им от «простого народа». Она повествовала о прекрасной княжне, сбросившейся с главы храма, не желая покориться Батью (названному здесь по ошибке «крымским ханом»¹⁶⁶). Е.П. Луценко замечал, что в Елецком монастыре «и поныне видна» «высокая наметанная из земли наподобие холма, и устланная дерном могила» княжны, «на коей ежегодно сажают новыя березки»¹⁶⁷.

Изображение масштабных русско-татарских сражений не могло быть сценически реализовано в драматургии. В связи с этим, Куликовская битва остается как бы «за кадром» трагедии М.В. Ломоносова «Тамира и Селим», главный конфликт которой выстраивается вокруг любовных переживаний героев. Описание Мамаева побоища осуществляется здесь посредством донесений вестников, время от времени прибывающих в Кафу (место действия пьесы) из донских степей. От них, сперва становится известно, что

...вся Ордынска к бою сила
Противу россов шла, и россы против ней.
Но Ольг Резанский князь и князь Олгерд Литовский
Свои к Мамаевым поставили полки,
И с малым воинством Димитрий князь Московский
Противу стать дерзнул, оставшись близ реки¹⁶⁸.

Затем, что

... Мамай единым вдруг ударом
Против Димитрия ордам лететь велел,
И в мужестве стремясь на полк противный яром,
Скакал с мечем своим чрез бледны кучи тел.
Российские в крови повержены знамена,
И князь Московский был отвсюду окружен,
И сила войск его слабела утесненна:
Сомненья нет, что он Мамаем побежден¹⁶⁹.

¹⁶⁵ Люценко Е.П. Церна, княжна Черниговская // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. VIII. М., 1795. С. 244–250.

¹⁶⁶ Там же. С. 248.

¹⁶⁷ Там же. С. 250.

¹⁶⁸ Ломоносов М.В. Тамира и Селим. СПб., 1750. С. 319.

¹⁶⁹ Там же.

Наконец, приходит донесение о неожиданной победе русских в сражении благодаря «внезапному мужеству» засадного полка:

Так сила русская, поднявшись из засады,
С внезапным мужеством пустилась против нас (...)
Во сретенье своим россияне вскричали,
Великой воспылал в сердцах унывших жар.
Мамаевы полки, увидев, встрепетали,
И ужас к бегствию принудил всех татар¹⁷⁰.

Так в нескольких четверостишьях умещался весь ход Куликовской битвы.

Не вполне подходящая для драматургии тема мужественной борьбы русских с татарами как нельзя лучше отвечала традициям другого литературного жанра – эпической поэмы. Зародившись в античности, жанр эпоса со времен Гомера воспевал наиболее героические события прошлого. В истории русско-татарского противостояния литераторов XVIII в. привлекли три эпизода, победоносные для русской стороны: это Куликовская битва, спасение Москвы от нашествия Тамерлана и взятие Казани.

Посвященная Дмитрию Донскому поэма А.П. Сумарокова «Димитриада», к сожалению, осталась незавершенной. Посмертно в собрании сочинений А.П. Сумарокова Н.И. Новиковым был опубликован лишь ее фрагмент¹⁷¹.

Первой состоявшейся эпосей в отечественной литературе стала «Россиада» М.М. Хераскова, впервые изданная в 1779 г. и затем неоднократно редактировавшаяся. Ее предваряло предисловие автора, где он обстоятельно комментировал свое обращение к данной теме. Херасков утверждал, что «Российское государство в самые отдаленные времена, которые нам древние историки известными учинили, было сильно, соседям страшно, многими народами уважаемо», однако после смерти великого князя Владимира Россия распалась «на разные доли», а «междоусобия (...) и властолюбие размножившихся князей (...) силы ее истощать начинали; а

---

¹⁷⁰ Там же. С. 361.

¹⁷¹ Сумароков А.П. Димитриады // Полное собрание всех сочинений. Ч. 1. М., 1781. С. 293.

наконец бедственному игу хищных орд поработили»¹⁷². Это «жалостное и позорное состояние» «простерлось до времен царя Иоанна Васильевича первого, вдруг возбудившего Россию, уготовавшего оную к самодержавному правлению, смело и бодро свергшего иго царей ордынских и восставившего спокойство в недрах своего государства»¹⁷³. Однако главную «великую перемену», когда государство «перешло из слабости в силу, из унижения в славу, из порабощения в господство» он связывал с «Иоанном Васильевичем вторым» (Иваном IV), героем своей поэмы, и разрушением Казанского ханства. «Важно ли сие приключение в российской истории? Истинные сыны отечества, обзрев умом бедственное тогдашнее России состояние, сами почувствовать могут, достойно ли оно эпопеи... а моя поэма сие оправдать обязана», – заключал автор¹⁷⁴.

Работая над «Россиадой» в течение 8 лет, М.М. Херасков внимательно изучал доступные ему исторические источники. Сведения о казанском походе были почерпнуты им из «Казанской истории», исторических песен о взятии Казани и «анекдотов», присланных ему «из Казани бывшим начальником университетских гимназий в 1770 г.»¹⁷⁵. По ходу повествования он неоднократно оставляет комментарии со ссылками на «подлинные тогдашние записки» и летописцы¹⁷⁶.

Текст «Россиады» не ограничивается описанием взятия Казани и освещает почти трехсотлетнюю историю русско-татарских взаимоотношений. Во сне царю Иоанну являются его «печальные предки»: убитые Батыем князья Олег и Георгий, потерпевший истязания в Орде киевский митрополит Феогност, казненный татарами князь Александр Тверской¹⁷⁷: «Склонив главы свои, стонают князи те, которы мучимы в их

---

¹⁷² Херасков М.М. Россиада. Поэма эпическая // *Он же*. Избранные произведения. М.-Л., 1961. С. 177.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. С. 177–178.

¹⁷⁵ Там же. С. 179.

¹⁷⁶ Там же. С. 205, 218.

¹⁷⁷ Там же. С. 188.

были животе»¹⁷⁸. Царь посещает Троицкий монастырь, где молитвенно беседует с Сергием Радонежским и вспоминает о его помощи Дмитрию Донскому. Пред взором юного царя предстают образы Рюрика, Ольги, Святослава, Владимира, Ярослава, Александра Невского и др. Непосредственным предтечей казанской победы становится Иоанн III, ободливший внука перед битвой:

Но вдруг представился необычайный свет:
Явился в облаках царю усопший дед;
Он, перстом указав на гордые бойницы,
На возвышенные чертоги и божницы,
Вещал: «О храбрый внук! смирйяй, смирйяй Казань:
Не жалость ко стенам тебя звала, но брань!»¹⁷⁹

Взятие Казани изображается апофеозом русской истории. По словам самого М.М. Хераскова, «воспевая разрушение Казанского царства со властью державцев ордынских, я имел в виду успокоение, славу и благосостояние всего Российского государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего российского воинства; и возвращенное благоденствие не одной особе, но целому отечеству, почему сие творение и “Россиадою” названо»¹⁸⁰.

Большое внимание уделялось здесь воеводам царя Ивана. Перечень штурмовавших Казань был приведен Херасковым поименно в соответствии с источниками. Здесь упоминались Адашев, Курбский, Микулинский, Мстиславский, Пенинский, Пронский, Палецкий, Серебряный, Троекуров и др. Упоминает Херасков и присутствующего в войсках инженера-Розмысла, с оговоркой, что «кто сей Розмысл был, в истории не означено»¹⁸¹.

Описание Казани и ее окрестностей в поэме сохраняет топонимы и подлинные географические детали: Тезицкий ров, Сбойливые ворота, Арское поле и др.:

---

¹⁷⁸ Там же. С. 188.

¹⁷⁹ Там же. С. 208.

¹⁸⁰ Там же. С. 178.

¹⁸¹ Там же. С. 206.

Казанка быстрая, от утренних холмов
Ушел из гордых стен, течет среди лугов;
От запада Булак выходит непроходный
И, тиной заглушен, влечет источник водный.
Натура две реки старалась вкуче свести,
Бойница первая твердынь где градских есть;
Тесня ногой Кабан, другою Арско поле,
Подъемлется гора высокая оттоле:
Не может досязать ее вершины взгляд.
На пышной сей горе стоит в полкруга град¹⁸².

Это внимание к сохранению исторических деталей не помешало Хераскову соблюсти и основные черты литературного жанра. Исследователи отмечают значительное влияние на текст «Россиады» античных и европейских литературных памятников («Одиссеи» и «Иллиады» Гомера, «Энеиды» Вергилия, «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо и др.)¹⁸³. Помимо панегирических восхвалений в адрес государя, здесь присутствовала и любовная линия (между казанской царицей Сумбекой и князем Алеем), и борьба страстей («Велик, что бурю ты вокруг царства укротил, но больше, что страстям душевным воспретил», – отзывается автор о царе Иване), и чудесно-фантастические эпизоды («несомый драконами» чародей Нигрин, вмешательства высших сил, одушевленные аллегорические персонажи – Стыд, Корысть и пр.). «Да памятуют мои читатели, что как в эпической поэме верности исторической, так в деписаниях поэмы искать не должно. Многие отметил я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и созидал», – признавался М.М. Херасков¹⁸⁴.

***

Характерной чертой эпических произведений XVIII в. была тесная взаимосвязь темы борьбы с татарами с образом города Москвы. Еще А.П. Сумароков предварял Димитриаду словами:

---

¹⁸² Там же. С. 208.

¹⁸³ Любжин А.И. Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // Русская литература. 2010. № 1. С. 3–25; Он же. «Россиада» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция // Colloquia classica et indo-germanica – IV. СПб., 2008. С. 415–452.

¹⁸⁴ Херасков М.М. Россиада. С. 179.

Великий град Москва сияти начала
И силы будущей надежду подала:
Смирненным Калитой воздвиженные стены
На хладном севере готовили премемы;
Во Скандинавии о них разнесся слух,
И в Польше возмущен народа ими дух;
Молва о граде сем вселенну пролетала,
Услышал то весь свет, Орда вострепетала...¹⁸⁵

К поэтическому образу Москвы неоднократно обращается в «Россиаде»
М.М. Херасков:

Уныл престольный град,
Москва главу склонила,
Печаль ее лицо, как ночь, приосенила;
Вселилась в сердце грусть и жалоба в уста,
Тоскуют вокруг нее прекрасные места¹⁸⁶.

Наибольшего расцвета этот образ достигает в поэме В.Т. Нарезного.
«Освобожденная Москва», посвященной осаде столицы войсками Тамерлана.
Это сочинение не имело главного героя – князя. Ее героем был сам город –
Москва, которая, под пером автора, приобретает черты одушевленного
персонажа:

Москва в безмолвии стоит,
И вокруг простерши взоры робки,
Агарян буйных зрит полки
И раны на груди глубоки
От Тахтамышевой руки
Вспомнянув – покрылась мглою,
Как небо тучею густою¹⁸⁷.

В свое повествование В.Т. Нарезный вплетает рассказ об истории Москвы
начиная с правления Даниила Московского (ошибочно полагая, что при нем
состоялся перенос столицы из Владимира в Москву¹⁸⁸). Вспоминает он и о
нашествиях Батые и Тохтамыша. Изображаемый им сюжет спасения Москвы
от Тамерлана рассматривается лишь как частный эпизод долгой и
непрерывной героической русской истории. В комментариях к
«Освобожденной Москве» В.Т. Нарезный пояснял: «много раз бывала

¹⁸⁵ Сумароков А.П. Димитриады. С. 293.

¹⁸⁶ Херасков М.М. Россиада. С. 185.

¹⁸⁷ Нарезный В.Т. Освобожденная Москва // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 19. М., 1798. С. 35.

¹⁸⁸ Там же. С. 39.

Москва под игом иноплеменных, – много пострадала от Литвы и Польши, – но правосудие Божие спасало державный град Руского царства»¹⁸⁹.

2.6. Смутное время в литературе XVIII в.

Эпоха Смутного времени сформировала два устойчивых исторических сюжета, которые вновь и вновь воспроизводились в искусстве XVIII-XIX вв. Оба они были связаны с яркими фигурами этого времени, ставшими своеобразными символами той эпохи. Главным «отрицательным героем» явился Димитрий Самозванец. Ему была посвящена первая трагедия о Смутном времени А.П. Сумарокова¹⁹⁰, а затем – сочинения В.Т. Нарезного¹⁹¹, К.Ф. Рылеева¹⁹², Ф.В. Булгарина¹⁹³, А.С. Хомякова¹⁹⁴ и даже Ф. Шиллера¹⁹⁵ и др. Главными «положительными героями» Смуты стали предводители второго ополчения, освободившего Москву от поляков – Минин и Пожарский. Они стали ключевыми персонажами трагедии «Освобожденная Москва» М.М. Хераскова¹⁹⁶, а также сочинений В.И. Майкова¹⁹⁷, Г.Р. Державина¹⁹⁸, М.В. Крюковского¹⁹⁹, С.Н. Глинки²⁰⁰, А.А. Волкова²⁰¹, оратории С. Дегтярева на текст Н.Д. Гончарова²⁰² и т.д. В XVIII в. внимание к этим историческим фигурам в искусстве только начало зарождаться и получило наибольшее развитие уже в XIX в., на волне патриотического подъема во время Наполеоновских войн и 200-летнего юбилея воцарения династии Романовых.

---

¹⁸⁹ Там же. С. 33.

¹⁹⁰ Сумароков А.П. Димитрий Самозванец // Российский феатр. Ч. III. 1786. С. 61–122.

¹⁹¹ Нарезный В.Т. Димитрий Самозванец. М., 1804.

¹⁹² Рылеев К.Ф. Димитрий Самозванец // Он же. Полное собрание стихотворений. Л., 1971. С. 149–152.

¹⁹³ Булгарин Ф.В. Димитрий Самозванец. Ч. 1–4. СПб., 1830.

¹⁹⁴ Хомяков А.С. Димитрий Самозванец. М., 1886.

¹⁹⁵ Schiller F. Demetrius oder Die Bluthochzeit zu Moskau. 1804.

¹⁹⁶ Херасков М.М. Освобожденная Москва. М., 1798.

¹⁹⁷ Майков В.И. Освобожденная Москва // Избранные произведения. М.-Л., 1966. С. 311–315.

¹⁹⁸ Державин Г.Р. Пожарский, или освобождение Москвы // Сочинения Державина. Т. 4. СПб., 1867. С. 129–192.

¹⁹⁹ Крюковский М.В. Пожарской. СПб., 1810.

²⁰⁰ Глинка С.Н. Минин. Отечественная драма в 3-х действиях. М., 1809.

²⁰¹ Волков А.А. Освобожденная Москва. М., 1820.

²⁰² Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы. Оратория. М., 1817.

Из всех литературных исторических произведений, сочинения о Смутном времени демонстрируют наибольшую близость к действительным историческим событиям и стремление авторов к сохранению соответствия художественного изложения имеющимся в их распоряжении источникам. Трагедия «Димитрий Самозванец» названа Г.Н. Моисеевой самым зрелым сочинением А.П. Сумарокова и тем «прорывом» историзма в драматургии XVIII в., «который приведет к подлинному историзму Пушкина»²⁰³. При работе над ней А.П. Сумароков привлекал архивные материалы, консультировался с Г.Ф. Миллером, написавшим «Опыт новейшей истории о России», вероятно, знакомился с рукописью «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов» (1606 г.) и «Летописью о многих мятежах и о разорении Московского государства», опубликованной М.М. Щербатовым в 1771 г.²⁰⁴ Итогом его исторических изысканий, помимо трагедии, стала «Краткая Московская летопись», опубликованная в 1774 г.²⁰⁵

На фронтиспise первого печатного издания «Димитрия Самозванца» был изображен портрет Лжедмитрия (копия гравюры Л. Килиана 1606 г.), что дополнительно подчеркивало историчность описываемых в трагедии событий²⁰⁶. Его сопровождала подпись:

Сей муж отечества смертельная был рана
Зрим в образе ево убийцу и тирана.
За варварство злодей утратил на конец
Безвременно, и жизнь и скиметр и венец²⁰⁷.

Несмотря на определенную долю авторского вымысла (введение в повествование новых действующих лиц, ошибочное определение Ксении как

---

²⁰³ Моисеева Г.Н. Древнерусская литература. С. 174.

²⁰⁴ Там же. С. 171–172; Макаренко Е.К. Проблема соотношения художественной и историографической форм осмысления исторического сюжета «Эпохи смутного времени» в литературе конца XVIII в. (трагедия А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец») // Культура и текст. 2011. № 12. С. 195–203. Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – нач. XIX века. СПб., 2004. С. 45–50.

²⁰⁵ Сумароков А.П. Краткая московская летопись. СПб., 1774.

²⁰⁶ Об этом портрете А.П. Сумароков писал Г.Ф. Миллеру. См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 145.

²⁰⁷ Сумароков А.П. Димитрий Самозванец. СПб., 1771. Фронтиспис.

дочери Шуйского, а не Годунова и др.), текст «Дмитрия Самозванца» содержал значительно большее число подлинных исторических деталей, нежели другие трагедии А.П. Сумарокова.

В центре внимания драматурга находился последний день правления Лжедмитрия I. Само действие было сведено к минимуму, а наибольшее внимание сосредоточено на пространных рассуждениях и диалогах героев. Как заметил П.Н. Берков, «Дмитрий обнаруживает свою психологическую сущность не в действии, а в автохарактеристиках»²⁰⁸. Пересказывая весь ход сюжета А.Ф. Мерзляков заключал: «тиран сердился, бранился и с досады наконец убил себя»²⁰⁹.

Именно в этих речах А.П. Сумароковым были заключены как исторические, так и нравоучительные экскурсы, побуждающие зрителей к размышлению о причинах прихода к власти и последующего падения Дмитрия. Являясь сторонником версии о том, что истинный царевич был убит в Угличе по приказу Бориса Годунова, А.П. Сумароков, тем не менее, не отождествляет своего героя с Отрепьевым напрямую. Эти подозрения озвучиваются лишь как распространившиеся слухи: «Отрепьевым тебя в народе именуют»²¹⁰ – и только в самом названии трагедии самозванство Дмитрия указывается неоспоримо.

Биография Отрепьева сравнительно точно излагается устами начальника царской стражи: разносится молва, что он «не царский сын», которым был «явлен» (тот «во Угличе неложно умерщвлен»), а бывший монах, который «в Польше (...) себе убежище нашел / И тамо обманул и тестя и невесту, / Дошел обманами к престола царска месту»²¹¹. Кроме того, Лжедмитрий обвиняется в приближении к себе поляков («И здравие твое брегут одни поляки»²¹²), притеснениях российского боярства и народа («Бояря, весь народ

²⁰⁸ Берков П.Н. А.П. Сумароков // Русские драматурги. Т. 1. XVIII век. Л.- М., 1959. С. 106.

²⁰⁹ Мерзляков А.Ф. Сумароков // Вестник Европы. М., 1817. Ч. XCIV. № 14. С. 115, 126.

²¹⁰ Сумароков А.П. Дмитрий Самозванец. С. 69.

²¹¹ Там же. С. 70.

²¹² Там же. С. 64.

и стены града стонут»²¹³), попытках введения «закона» «церкви западной» и подчинения России под власть Римского папы («Под иго папское царь русский нас ведет»²¹⁴).

Обсуждению одного из наиболее острых вопросов – симпатий Дмитрия к католической церкви – А.П. Сумароков придает международный контекст. В разговоре о папской власти наперсник Дмитрия Пармен напоминает царю:

Сложила Англия, Голландия то бремя,
И пол-Германии. Наступит скоро время,
Что и Европа вся откинет прежний страх
И с трона свержется прегордый сей монах,
Который толь себя от смертных отличает
И чернь которого, как Бога, величает²¹⁵.

Другая историческая параллель, приводимая автором, напоминает о зверствах католиков-испанцев при завоевании Америки:

Постраждет так Москва, как страждет Новый свет.
Там кровью землю всю паписты обагрили,
Побили жителей, оставших разорили,
Средь их отечества стремясь невинных жечь
В руке имея крест, в другой кровавый меч²¹⁶.

Среди исторических личностей в тексте трагедии упоминаются византийский император Константин, Борис Годунов, Иван IV, Василий Шуйский, папа Климент XVIII, патриарх Игнатий и др. Как заметил В.А. Бочкарев, «некоторые из этих лиц снабжены краткими характеристиками, в общем не расходящимися с той оценкой, которую давали им историки и сам Сумароков в своих исторических трудах»²¹⁷.

И все же главный замысел трагедии был не столько историческим, сколько дидактическим. Главный вопрос, интересующий автора – все те же размышления о власти монарха, ложившиеся в основу большинства трагедий XVIII в. – история Дмитрия позволяла рассмотреть с новой стороны. Речь

---

²¹³ Там же. С. 84.

²¹⁴ Там же. С. 64.

²¹⁵ Там же. С. 65.

²¹⁶ Там же. С. 78.

²¹⁷ Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 119.

здесь шла не просто о царе, а об узурпаторе власти, что было особенно актуальным в эпоху дворцовых переворотов и правления Императрицы-немки на российском престоле.

В осмыслении этого вопроса А.П. Сумароков остается верен своим монархическим взглядам. «Самодержавие – России лучша доля», – провозглашает он²¹⁸. И хотя Лжедмитрий взошел «на трон обманом»²¹⁹, его правление получает в глазах автора свое обоснование. По мысли А.П. Сумарокова право монарха на престол определяется его делами²²⁰, а не происхождением:

Пускай Отрепьев он, но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана
Пускай Димитрий сей монарха росска сын,
Да если качества в нем оного не видим,
Так мы монаршу кровь достойно ненавидим²²¹.

Таким образом, вне зависимости от того, являлся или нет Димитрий потомком Рюриковичей его главное преступление, приведшее к крушению его престола, состояло не в захвате власти, а в несправедном правлении и ненависти к своему Отечеству.

В русской литературе XVIII в. Лжедмитрий становится воплощением того самого образа тирана, который русские писатели не рисковали примерить более ни к кому из исторических русских правителей. При этом, точно так же, как идеальные монархи изображались сосредоточением всех добродетелей, Лжедмитрий оказывается абсолютным деспотом и мучителем, соединившим в себе самые ужасные черты.

Ты много варварства и зверства сотворил,
Ты мучишь подданных, Россию разорил,
Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь людей ни в чем не винных²²².

---

²¹⁸ Сумароков А.П. Дмитрий Самозванец. С. 96.

²¹⁹ Там же. С. 87.

²²⁰ Там же. С. 70.

²²¹ Там же. С. 88.

²²² Там же. С. 64.

«Достоин ли он имени человеческого, а не только царского?» – восклицал в «Краткой Московской летописи» А.П. Сумароков²²³.

Финал трагедии был выстроен в соответствии с законами драматургии. В окруженном восставшим народом дворце Димитрий кончает жизнь самоубийством, произнося безумное проклятие: «Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!»²²⁴ (в действительности, Лжедмитрий I был убит Григорием Валуевым). Его кончина выглядела заслуженным возмездием: «тиран, пусть не злодействующий, но зломыслящий, зло и погибает»²²⁵.

Трагедия «Димитрий Самозванец» А.П. Сумарокова была чрезвычайно популярна. В XVIII в. она более 40 раз игралась на сценах Петербурга и Москвы²²⁶. По воспоминаниям С.П. Жихарева за 1807 г., это была «пьеса, преимущественно любимая солдатами», которая обыкновенно исполнялась полковыми театрами на святках и масленице. «В ней можно было встретить иногда Ксению с усами и Георгия двух аршин тринадцати вершков ростом»²²⁷. Возможно, трагедия о гибели жестокого тирана вызывала у широкой публики отдаленные ассоциации с народными драмами – «Смертью царя Ирода»²²⁸ и «Царем Максимилианом»²²⁹. В последнюю из них со временем даже проникли отдельные стихи из «Димитрия Самозванца»²³⁰.

***

Помимо антигероя Смутного времени – Лжедмитрия, в литературе развивались и образы его героев – Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского. Внимание к ним в художественном творчестве начинает

---

²²³ Сумароков А.П. Краткая московская летопись. С. 18.

²²⁴ Сумароков А.П. Димитрий Самозванец. С. 122.

²²⁵ Лазуткина М.Г. Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII-XIX веков: дис. ... канд. фил. наук. М., 2003. С. 43.

²²⁶ Русская литература. Век XVIII. Трагедия. М., 1991. Прим.

²²⁷ Жихарев С.П. Записки Современника. М.-Л. 1950. С. 500.

²²⁸ Царь Ирод // Народный театр. М., 1991. С. 300–316.

²²⁹ Царь Максимилиан // Народный театр. М., 1991. С. 131–222.

²³⁰ Сравн.: «Пушай идет душа моя в ад и там будет нетленна» (Ончуков Н.Е. Северные народные драмы. СПб., 1911. С. 44); «Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна!». (Сумароков А.П. Димитрий Самозванец. С. 122.).

привлекаться с последней четверти XVIII в. и на протяжении XIX в. постоянно растет.

Формирование в историческом сознании образов Минина и Пожарского как двух главных выдающихся деятелей, спасших Россию от поляков, представляет собой достаточно сложный и длительный процесс. В действительности, героев русской Смуты было больше²³¹. В частности, значительную роль в событиях 1612 г. сыграл князь Д.Т. Трубецкой. Церковный праздник Казанской Божьей матери, отмечаемый 22 октября (4 ноября), был приурочен к взятию Китай-города именно казачьими войсками под его командованием²³². Сама икона, заступничеству которой приписывалась одержанная победа, первоначально была принесена к Первому ополчению под предводительством Д.Т. Трубецкого и И. Заруцкого²³³. На Земском соборе 1613 г. князь Д.Т. Трубецкой был одним из претендентов на царский престол.

Вопрос о том, «почему в сознании русских людей Минин и Пожарский – великие люди, истинные герои, а Трубецкой – нет?»²³⁴ – безусловно, может стать предметом отдельного исследования. По замечанию Д.М. Володихина, «такое отношение к личности князя (...) сформировалось еще в XVII в.»²³⁵ и могло быть следствием неудачи, которую Трубецкой потерпел в 1613 г. в сражении со шведами за Новгород²³⁶. Он отмечает, что памятники XVII в., часто говорят о князе с укоризной²³⁷. Отдельные черты этого постепенного «вытеснения» из исторической памяти образа Трубецкого и его «затмения» образами Минина и Пожарского можно наблюдать и в историографии, и искусстве XVIII в.

---

²³¹ Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012.

²³² Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. С. 218.

²³³ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 132.

²³⁴ Володихин Д.М. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой как представитель высшей русской аристократии XVII века // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 4. С. 48.

²³⁵ Там же. С. 48.

²³⁶ Там же. С. 49.

²³⁷ Там же. С. 48.

Как уже отмечалось выше, до последней четверти XVIII в. в печати не выходило специальных исследований, посвященных русской Смуте. Эти вопросы освещались сравнительно бегло только в рамках общеисторических работ. Тем не менее, в «Кратком Российском летописце» М.В. Ломоносова «освободителей Москвы» было трое. «Старанием Нижегородскаго купца Козмы Минина под предводительством Князя Дмитрия Пожарскаго, а с другой стороны Князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкаго Москва взята, и от поляков и воров очищена», – сообщал он под 1612 г.²³⁸

«Ядро Российской Истории» Манкиева (написанное раньше Ломоносовскаго летописца – в 1716 г., но изданное позже – в 1770 г.), также отдавало должное заслугам Трубецкаго, хотя и содержало критику в адрес отдельных действий казаков²³⁹. В «Новом ядре российской истории», составленном И.В. Нехачиным в московский Кремль входили с победой «главнокомандующие Князя Пожарскаго и Трубецкаго»²⁴⁰ и т.д.

В конце XVIII в. начинают появляться сочинения, исключаящие Трубецкаго из числа героев-победителей. В учебнике истории Ж.Ф. Вегелина сообщалось, что «Козьма Минин, побужденный патриотическим духом предпринял спасти свое отечество. Князь Пожарский ему вспомоществовал, и многие города снабдили довольною суммою денег. Наконец Пожарский, котораго предприятия все были удачны, вступил в Москву, откуда и выгнал всех Поляков после жесточайшей блокады. Другое войско побило Сигизмундову армию и принудило его удалиться в Польшу»²⁴¹. Под этим «другим войском» Вегелин, вероятно, имеет в виду казаков Трубецкаго, однако по имени он его не называет.

Отсутствует Трубецкаго и в небольшом очерке о Смутном времени И.И. Голикова, служившем дополнением к его сочинению о деяниях Петра

---

²³⁸ Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием. СПб., 1760. С. 41.

²³⁹ Манкиев А.И. Ядро российской истории. СПб., 1770. С. 312–323.

²⁴⁰ Нехачин И.В. Новое ядро российской истории. М., 1795. С. 263.

²⁴¹ Вегелин Ж.Ф. Таблица российской истории в пользу юношества, а особливо российскаго. М., 1788. С. 489.

Великого (1790 г.). По словам И.И. Голикова, это войска Минина и Пожарского «победили всех врагов внешних и внутренних и освободили от пленения Москву и все грады»²⁴². Трубецкого он даже не упоминает.

Обращаясь к художественным произведениям, мы видим примерно ту же тенденцию. В 1760 г., упоминая о событиях Смутного времени в поэме «Петр Великий» М.В. Ломоносов называет среди его героев Пожарского и Трубецкого:

...Пожарского и Трубецкого ревность,
Смотря на праотцев, на славну россов древность,
Пресекла наконец победою напасть²⁴³.

В одной из редакций «Россиады» М.М. Хераскова освободители Москвы фигурировали втроем, и каждый из них внес свой вклад в общую победу. Минин «воскрешает искры» в сердцах отчаявшихся русских ратников, «берет сокровища, к Пожарскому приходит». «Как бурый вихрь Москву Пожарский окружает, / Кидает молнии, поляков поражает; / С другой страны дарит отечеству покой, / Бросая гром на них, Димитрий Трубецкой». Наконец, «Пожарский с Трубецким победу совершают»²⁴⁴.

В трагедии М.М. Хераскова «Освобожденная Москва» (1798 г.)²⁴⁵ в числе действующих лиц прямо названы Пожарский и Минин, а Трубецкой как персонаж угадывается в образе «князя Димитрия». Сам ход сюжета довольно близок к историческим источникам, хотя и содержит отдельные анахронизмы (стремясь соблюсти «единство времени» автор сливает в один день разновременные события). В пьесе «говорится об уходе из-под Москвы Заруцкого, о приближении к Москве польского войска, шедшего на выручку соотечественников, осажденных в Московском Кремле, о выжидательной позиции, которую занял князь Д. Трубецкой, ревниво и недоверчиво

---

²⁴² Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч. 12. М., 1788. С. 10.

²⁴³ Ломоносов М.В. Петр Великий // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Л., 1986. С. 299.

²⁴⁴ Херасков М.М. Россиада. СПб., 1895. С. 166.

²⁴⁵ Херасков М.М. Освобожденная Москва. М., 1798.

отнесшийся к пришедшему из Ярославля ополчению, о решении Минина и Пожарского не воссоединяться с казаками и действовать самостоятельно»²⁴⁶.

Романтическая линия между сестрой Пожарского Софьей и сыном польского гетмана Желковского Вянько была полностью вымышлена автором. Однако сами известия о посещении русского лагеря городскими женщинами имели под собой исторический контекст. Согласно Новому летописцу, осажденные в Москве «литовские люди» действительно, «видя свое изнеможение, повелели боярам и всяким людям жен своих выпускать из города вон»²⁴⁷. Эти женщины принимались в стане Пожарского «с честью», а «казаки же все за то князя Дмитрия хотели убить, потому что грабить не дал боярынь»²⁴⁸.

Несмотря на то, что по замечанию В.А. Бочкарева, «в пьесе имеется много действующих лиц, среди которых трудно выделить главного героя»²⁴⁹, своей симпатии к Пожарскому и Минину автор не скрывает. Первый – «почтенный муж» – «умел совокуплять с геройством добродетель, не славы собственной, не почестей искал, но славу общую он грудью защищал», второй – «не князь, не знатный муж» – сделался примером многим родовитым мужам по своим заслугам перед отечеством («Порода знатная без добрых дел ничто. Тот в мире знаменит, полезен царству кто!»)

М.М. Херасков ясно демонстрирует сложные взаимоотношения Пожарского и Трубецкого. В его интерпретации князь Димитрий (Трубецкой) отказывается от участия в штурме Москвы («Я войском жертвовать мечтам пустым не стану»), а решающую победу одерживают именно войска Пожарского.

И Пожарскому, и Минину (в отличие от Трубецкого) в литературе XVIII в. посвящаются отдельные поэтические произведения. В.А. Западов

---

²⁴⁶ Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия. С. 155.

²⁴⁷ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. XIV. С. 126.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Бочкарев В.А. Русская историческая драматургия. С. 155.

назвал Пожарского одним из любимейших исторических героев Р.Г. Державина²⁵⁰. Им была написана эпитафия «На гроб Пожарского», ода «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского», начата поэма «Пожарский» (около 1780 г.), и опубликовано «героическое представление с хорами и речитативами» «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806)²⁵¹. Пожарский в глазах поэта представляется «укротителем междоусобия и утвердителем монаршей власти»²⁵². Он воспеваает главные добродетели князя – готовность принять предводительство войском «несмотря на раны свои», милосердие к пленным, отказ от «короны, от народа ему поднесенной» и ее возложение «на наследника по крови царской»²⁵³, утвердившее на престоле новую династию Романовых. Что же касается Трубецкого, то он мнится Р.Г. Державину «властолюбивым, хитрым, корыстолюбивым, завистливым и гордым»²⁵⁴.

Неоконченная поэма В.И. Майкова «Освобожденная Москва», в своей начальной части не упоминала ни Минина, ни Трубецкого. По словам автора «пленную Литвой Москву Пожарский спас»²⁵⁵.

В 1794 г. типографией Нижегородского губернского правления было напечатано стихотворение Н.С. Ильинского «В память славному мужу, Козьме Минину»²⁵⁶. Распространение славы этого «Сына Отечества» Н.С. Ильинский считал своим патриотическим долгом. Стихотворение было преподнесено им Екатерине II (с прошением о сооружении памятника «сему славному мужу»), отослано епископу Нижегородскому Павлу, в Нижегородскую Думу и в Нижегородское Главное Народное Училище для раздачи ученикам. Подготовив издание исторического описания «жизни и

---

²⁵⁰ Западов В.А. Комментарий: Державин. На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского // Г.Р. Державин. Стихотворения. Л., 1957. С. 394.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же. С. 392.

²⁵³ Там же. С. 394.

²⁵⁴ Державин Г.Р. Из поэмы «Пожарский» // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 473.

²⁵⁵ Майков В.И. Освобожденная Москва. С. 311.

²⁵⁶ Ильинский Н.С. В память славному мужу, Козьме Минину. Н. Новгород, 1794.

бессмертного подвига славного мужа Нижегородского купца Козьмы Минина», он включил его и туда.

В этом сочинении Н.С. Ильинский ошибочно связывал взятие Москвы с событиями 22 августа, указывая на то, что «в решительном сражении при освобождении Москвы, войска Князя Трубецкого не делали помощи», и Пожарский и Минин были вынуждены отправить к ним в лагерь Троицкого келаря Аврамия «дабы уговорить козаков возвратиться к войску его»²⁵⁷. Хотя, в конечном счете, «козаки Трубецкого присоединились к войску Пожарского», по замечанию Н.С. Ильинского (на котором он намеренно акцентирует внимание), «во всех летописях наших при сих действиях козаков Трубецкаго не упоминается имени самага сего Князя, то есть, чтоб он сам при них находился». Победу русских войск он связывал исключительно с действиями Минина и Пожарского²⁵⁸.

«Забвение» Трубецкого, вероятно можно связывать и с тенденциями формирования образа Смуты в изобразительном искусстве. Немаловажную роль в этом сыграла программа «Идей для живописных картин из Российской истории» составленная М.В. Ломоносовым в 1764 г. Из 7 тем, посвященных Смутному времени, М.В. Ломоносов выделял три сюжета, связанных с Мининым и Пожарским и ни одного – с Трубецким.

В 1802 г. изображение «геройских подвигов и патриотических добродетелей Кузьмы Минина и князя Пожарского» было предложено Большим собранием Академии художеств в качестве программы для скульптурного класса²⁵⁹. А в 1803 г. «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» выступило с предложением о сооружении памятника Минину, Пожарскому и Гермогену в Москве. Именно этот замысел в конце концов был реализован И.П. Мартосом в монументе,

---

²⁵⁷ *Ильинский Н.С.* Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа Нижегородского купца Козьмы Минина, выбранное из исторических преданий. СПб., 1799. С. 49.

²⁵⁸ Там же. С. 51, 56–57.

²⁵⁹ Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч. 1. СПб., 1864. С. 576.

возведенном на Красной площади в 1818 г. Так Минин и Пожарский стали главными героями Смуты.

В целом, можно утверждать, что развитие образов Минина и Пожарского в литературе и искусстве значительно опережало научное изучение событий Смутного времени²⁶⁰. К первому десятилетию XIX в. относятся поэма С.Н. Глинки «Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян» (1807), его же трагедия «Минин» (1809); поэма С.А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасённая Россия» (1807), трагедия М.В. Крюковского «Пожарский» (1807) и историческая повесть П.Ю. Львова «Пожарский и Минин, спасители Отечества» (1810) и др.

Представления о подвиге Минина и Пожарского формировались как часть монархического мифа о приходе к власти династии Романовых. Рассказы о них были полны патриотического пафоса. В 1830-х гг. Н. Полевой остроумно замечал, что к этому времени в массовом сознании Минин стал чем-то вроде русской «Орлеанской девы»²⁶¹. Освобождение Москвы от поляков в 1612 г. воспринималось как пример самоотверженного исполнения гражданского долга перед Отечеством. Не случайно в манифесте о сборе земского ополчения, произнесенном Александром I в начале Отечественной войны с Наполеоном, он призывал: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина»²⁶².

***

Итак, разные периоды русской истории освещались в художественной литературе XVIII в. неравномерно.

---

²⁶⁰ Подробнее о развитии образа Минина и Пожарского в XIX в. См.: Кузнецов А.А., Морохин А.В. Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/opolch.pdf (дата обращения: 18. 09. 2020).

²⁶¹ Полевой Н. Рука всевышнего отечество спасла. Драма из отечественной истории, в 5-ти актах, в стихах Соч. Н. Кукольника // Московский телеграф. 1833. Ч. 51. № 12. С. 594–611.

²⁶² Манифест Александра I о необходимости создания ополчения в помощь русской регулярной армии, сражающейся с наполеоновскими войсками. СПб., 1812.

Высокое внимание к событиям древности, характерное, прежде всего, для русской драматургии, во многом было обусловлено традициями классицизма, согласно которым действие трагедии должно было происходить «в очень давние времена» или же «в очень далекой стране»²⁶³. Это позволяло добиться эффекта «отрешенности» от современной действительности, концентрируясь на вечной борьбе между чувствами и долгом, страстями и добродетелью героев, представлявшей наибольший интерес для авторов той эпохи. Вместе с тем, перенесение действия трагедий на «национальную» почву делало их более близкими, чем картины из жизни Древней Греции и Рима.

Среди исторических сюжетов наибольшее число произведений было посвящено «призванию варягов» и Крещению Руси. Эти два события мыслились основополагающими в истории русской государственности. Рюрик – стал родоначальником правящей династии, Владимир – положил начало величию Просвещенной России. При этом, наиболее спорным и политически ангажированным образом была фигура антагониста Рюрика – Вадима Новгородского.

Русское прошлое в литературе осмыслялось героически. Ни один из русских монархов не был изображен абсолютным тираном, за исключением заведомо вымышленных фигур (например, князя Владисана) и Лжедмитрия. В случаях, когда монархи демонстрировали жестокость по отношению к своим подданным, они оправдывались авторами, представая жертвами внешних обстоятельств. Трагические события прошлого, такие как Батыево нашествие, почти не нашли отражения в художественном творчестве. Зато победы русских над татарами воспевались в эпических поэмах.

По мере приближения описываемых событий к современности их изображения обрастали всё большим количеством исторически достоверных

---

²⁶³ *Гуковский Г.А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы. Т. III. Ч. 1. 1941. С. 369.

деталей. Такими фактами изобилует посвященная взятию Казани «Россиада» М.М. Хераскова, произведения о Смутном времени. Вместе с тем, в литературе XVIII в. прослеживается и переосмысление событий Смуты, выразившееся в постепенном формировании патриотического мифа о Минине и Пожарском.

Многие заявленные в XVIII в. темы получают дальнейшее развитие в искусстве XIX столетия.

§3. История допетровской Руси в изобразительном искусстве XVIII в.

Набор исторических образов, представленных в изобразительном искусстве XVIII в., в целом, созвучен с книжной культурой этого времени. Он отражает все те же тенденции и может служить дополнительным подтверждением сказанного выше.

Прежде всего, это уже отмеченное ранее большое внимание к династической истории рода русских правителей. Изображения царского родословия были традиционным сюжетом в искусстве Нового времени²⁶⁴. Они были призваны подчеркнуть легитимность династии Романовых и показать преемственность правящего рода. Первым по времени русским родословным древом считается икона «Древо Московского государства» Симона Ушакова (1663 г.), созданная для праздничного иконостаса для храма Троицы в Никитинках (Рис. 1)²⁶⁵. В дальнейшем, подобные изображения получили распространение как в храмовой росписи, так и в книжной гравюре²⁶⁶.

---

²⁶⁴ См.: Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков. М., 2018.

²⁶⁵ *Сиренов А.В.* Идея династической монархии в России и родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. // Родословные древа русских царей... С. 15–16; *Чубинская В.Г.* Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская», «Древо Московского государства», «Похвала Богоматери Владимирской» (Опыт историко-культурной интерпретации) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 38. С. 294–298; *Саенкова Е.М., Свердлова С.В.* Симон Ушаков. Древо государства Московского (Похвала иконе «Богоматерь Владимирская»). М., 2015.

²⁶⁶ *Турцова Н.М.* Литературные источники и политические идеи некоторых сюжетов ярославских икон второй половины XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1989. Т. 42. С. 360–361; *Абраменко Н.М.* Гравюра из книги Лазаря Барановича "Мечь духовный" в контексте русского искусства второй

Несмотря на то, что после указа о престолонаследии 1722 г. принципы передачи престола от императора к преемнику уже не были строго династическими, «идея легитимации власти монарха через его принадлежность к династии исконных правителей жила в умах людей»²⁶⁷. Права на власть новых правителей (и в особенности правительниц-женщин) требовали обоснования, вследствие чего «тип портрета монарха в “родословии” прочно вошел в иконографический репертуар русского искусства XVIII в.»²⁶⁸. Известны гравированные листы с изображениями Петра I²⁶⁹, Екатерины I²⁷⁰, Анны Иоанновны²⁷¹ и Екатерины II²⁷² в окружении их венценосных предков, а также живописная картина «Родословное древо российских государей» И. Никитина (1731) (Рис. 2, 4, 6, 7).

В формировании визуальных образов древних русских правителей прослеживается сильное влияние западноевропейской книжной гравюры. Как показала И.Е. Кулименева, созданные П. Пикартом в 1717 г. изображения русских князей в составе композиции «Петр I в родословии», в сущности, представляли собой копии с гравированных портретов французских королей (Рис. 4, 5)²⁷³. В качестве прототипа для образа Рюрика им был использован портрет Пипина Короткого, внешность Игоря повторяла черты Карла Мартелла, Ивана Калиты – Хильперика I и т.д.²⁷⁴ В отдельных случаях

половины XVII в. // Четвертые Казанские искусствоведческие чтения. Искусство печатной графики: история и современность. Казань, 19–20 ноября, 2015 г. Казань, 2015. С. 8–11.

²⁶⁷ Сиренов А.В. Идея династической монархии... С. 19.

²⁶⁸ Кулименева И.Е. Гравированные "родословия" российских императоров XVIII в. // Родословные древа русских царей... С. 101.

²⁶⁹ Пекарт П. Петр I в родословии ("Апофеоз Петра I"). 1717 г. // Родословные древа русских царей... С. 104–113; Ровинский Д.И. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 3. СПб., 1889. Стб. 1616–1617.

²⁷⁰ Зубов А.Ф. Портрет Екатерины I в окружении медальонов с портретами русских князей и царей. 1725 г. // Родословные древа русских царей... С. 114–123; Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. СПб., 1887. Стб. 753–754.

²⁷¹ Портрет Анны Иоанновны в окружении медальонов с портретами русских князей и царей. 30-е гг. XVIII в. // Родословные древа русских царей... С. 126–133; Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. Стб. 301–302.

²⁷² Портрет Екатерины II в окружении портретов русских князей и царей // Родословные древа русских царей... С. 136–149. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. Стб. 789.

²⁷³ Кулименева И.Е. Гравированные "родословия"... С. 95–97.

²⁷⁴ Там же.

заимствовались детали европейских костюмов. И только облик восьми русских царей был более приближен к историческому.

Гравюра П. Пикарта послужила образцом для последующих печатных родословий российских правителей XVIII в. На ее основе А. Зубовым был создан портрет Екатерины I в окружении правящего рода²⁷⁵. Он, в свою очередь, стал прототипом династического гравированного изображения Анны Иоанновны и отдельных портретов из родословия Екатерины II.

Помимо изображений правящей династии в виде «генеалогического древа», существовала традиция создания серийных портретов русских правителей, восходящая к «Титулярнику» 1672 г.

«Титулярник или Корень российских государей» включил в себя 35 портретов русских правителей от Рюрика до Алексея Михайловича и его детей. Источники этих изображений доподлинно не известны. По предположению Ю. Эскина, ими могли служить «фрески XVI века в Архангельском соборе и в Грановитой палате», а также иконописные изображения правителей²⁷⁶. И.Е. Кулименевой удалось установить в качестве прототипов отдельных изображений «Титулярника» иллюстрации к изданному в Кракове в 1578 г. трактату «Описание европейской Сарматии» А. Гваньини. По ее мнению, «портрет Рюрика создан с оглядкой на портрет Болеслава Храброго»²⁷⁷ (в связи с чем он был изображен в доспехах рыцаря XVI в.), а изображение Святослава с длинной бородой «восходит к портрету Леха I»²⁷⁸.

На основе «Титулярника» в 1718–1719 гг. Иоганном Доршем была подготовлена серия из 32 портретов русских правителей, вырезанных на

---

²⁷⁵ Ровинский Д.А. Подробный словарь гравированных портретов. Т. 2. Стб. 753–754; Родословные древа русских царей... С. 97–98.

²⁷⁶ Эскин Ю.М. Новые данные о портретах в Титулярнике из собрания РГАДА // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны: Материалы конференции. М., 2006. С. 100.

²⁷⁷ Кулименева И.Е. Гравированные "родословия"... С. 94.

²⁷⁸ Там же. С. 94.

зеленой яшме²⁷⁹. По воспоминаниям гравера и медальера Якоба Штелина, эти «яшмы» поступили в Академию наук «из наследия умершего в 1734 г. в Москве генерал-фельдцейхмейстера Брюса»²⁸⁰. Впрочем, сам Я. Штелин не знал, «с каких оригиналов»²⁸¹, были созданы эти портреты (он полагал, что, они рисовались «по воображению» и не имели исторической достоверности).

В свою очередь, яшмовые печати И. Дорша послужили образцом для серии медалей, выпущенных Санкт-Петербургским монетным двором в 1768–1774 гг.²⁸² (Рис. 9). В 1768 г. «было высочайше одобрено распоряжение вырезать штемпели серии медалей с находящихся в Академии наук голов российских великих князей и царей от Рюрика до Петра I»²⁸³. В тот же год изготовление изображения «Великаго князя Российского Рюрика» в гравировании на меди и стали было предложено в качестве программы выпускникам Академии Художеств²⁸⁴. Каждая из медалей на реверсе содержала легенду, представляющую собой выдержки из «Краткого российского летописца» М.В. Ломоносова. Предположительно, медали могли служить его своеобразной иллюстрацией²⁸⁵. Помимо краткого перечисления деяний того или иного правителя, на медалях непременно указывалось, каким образом он получил престол («призван из варяг» – о Рюрике, «по общему прошению сел на вел. княжение Киевское» – о Владимире Мономахе и т.п.), что подчеркивало династическую преемственность монархов и сближало серию с родословием.

---

²⁷⁹ Максимова М.И. Портреты русских царей и государей работы резчика Иоганна Дорша // Государственный Эрмитаж. Л., 1926. Сб. 3. С. 144–146; Каган Ю.О. Еще раз о Доршевой серии портретов русских князей и царей: Историографический аспект и новые материалы // Государственный Эрмитаж: Из истории петровских коллекций. СПб., 2000. С. 46–47; Кулименева И.Е. Гравированные "родословия"... С. 93.

²⁸⁰ Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990. С. 337.

²⁸¹ Там же.

²⁸² См. Гаврилова Л.М. Русская историческая мысль и медальерное искусство во второй половине XVIII в.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 74.

²⁸³ Штелин Я. Записки... С. 337.

²⁸⁴ Сборник материалов для истории... Академии художеств... Ч. 1. С. 122, 125.

²⁸⁵ Щукина Е.С. Ломоносов и русское медальерное искусство // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М., Л., 1960. Вып. IV. С. 251, 253.

Эти медали были хорошо известны любителям отечественной истории. Их подробное описание содержалось в «Московском любопытном месяцеслове» за 1776 г.²⁸⁶ В 1783 г. рисунки с медалей были использованы в качестве иллюстраций к вышедшей в Париже «Истории России» Леклерка²⁸⁷.

И.Н. Болтин, критиковавший Леклерка за предпочтение указанных на медалях датировок летописным сведениям, восклицал, что «нет ни одного из русских, который бы не знал, что те медали сделаны недавно»²⁸⁸. Сам Болтин, однако, (также как и Я. Штелин²⁸⁹) не возводил княжеские портреты к «Титулярнику», а полагал, что изображения князей на медалях создавались непосредственно их изготовителями на основе летописей: «Которой по истории умер стар, тому делали бороду подлиннее, поокладистее; а которой умер в средних летах, тому покороче. Черты лица их старались изображать в сообразность их характера и дел, каковыя им присвоят. Тех же Князей лица коих оклад и черты в летописях описаны, точно держася описания изображали»²⁹⁰. В качестве таких образцов он приводил словесные портреты, взятые им из «Истории» В.Н. Татищева: Изяслав I – «лицом был красен, телом велик»²⁹¹; Святополк – «ростом высок, сух, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрение острое»²⁹² и т.д.

Восходящие к «Титулярнику» портретные галереи русских правителей служили украшением интерьеров дворцовых залов. Так для Чесменского дворца Ф.И. Шубиным в 1774–75 г. было подготовлено 58 мраморных барельефов с изображением русских правителей от Рюрика до Елизаветы Петровны²⁹³. Они оставили след не только в истории русского

---

²⁸⁶ Роспись Великих Князей, Царей и Императоров Российских, учиненная с вырезанных медалей с их портретами, и следующим историческими известиями о временах вступления на Престол, владения и жизни // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. М., 1776. С. 29–36.

²⁸⁷ *Le Clerc, N.G.* Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Т. 1–3. Paris, 1783–1784.

²⁸⁸ Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1. СПб., 1788. С. 96.

²⁸⁹ Штелин Я. Записки... С. 337.

²⁹⁰ Болтин И.Н. Примечания на историю... Леклерка. Т. 1. С. 97.

²⁹¹ Татищев В.Н. История Российская... Кн. 2. М., 1773. С. 135.

²⁹² Там же. С. 211.

²⁹³ Шубин Ф.И. Портретные барельефы "Российские государи" 1774–1775. Мрамор. Музеи Московского Кремля. См.: Скворцова Е.А. Роль портретных серий в идейно-художественной программе Чесменского

изобразительного искусства, но и в литературе: Екатерина II посвятила им пьесу «Чесменский дворец», представляющую собой «разговор между портретами и медальонами»²⁹⁴. Аналогичные галереи имелись в Петровском дворце, Сенате Московского кремля и др.

Таким образом, можно говорить о существовании в XVIII в. двух иконографических традиций изображения древнерусских правителей. Одной – восходящей к гравюре П. Пикарта и продолженной в гравированных родословиях, и другой – восходящей к «Титулярнику» 1672 г. и нашедшей отражение в сериях медалей и портретных галерей. Обе они, однако, не являлись подлинно историчными и были плодом воображения русских художников в сочетании с копированием европейских образцов.

Более исторически-достоверными представлялись изображения русских царей. В 1742 г. Академией наук была опубликована коллекция «Портретов российских государей», включившая гравированные И. Штенглиным, А. Зубовым и И. Адольским изображения Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Ивана V, Петра I, Екатерины I, вел. кн. Анны Петровны и Петра II. На протяжении XVIII в. этот альбом пережил 6 переизданий²⁹⁵. Но и об этих портретах современники отзывались критически²⁹⁶. По словам М.В. Ломоносова, «выданные прежде в печать родословные листы» являлись не только неточными, но и не имели «никакого сходства между собой в лицах»²⁹⁷.

Проблема поиска достоверных изображений русских правителей воспринималась XVIII в. не только как художественная, но и как научная задача. Известно, что М.В. Ломоносов тщательно изучал Лицевой

дворца // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 12 (86). Ч. 2. С. 177–181.

²⁹⁴ *Екатерина II. Чесменский дворец* // Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 597–609.

²⁹⁵ *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX веков. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1211–1216.

²⁹⁶ *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 590–591.

²⁹⁷ Там же.

летописный свод. После его смерти, в числе его вещей, были найдены «две книги летописцев российских с лицами»²⁹⁸. Эти рукописи сохранили его пометы. В частности, «на л. 104 об. Остермановского Лицевого свода на полях отчеркнуто описание внешности князя Дмитрия Донского: “...телом велик и широк, и плечист, и чреват велми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело”²⁹⁹».

Дважды М.В. Ломоносов выступал с предложением Академии наук о посылке живописца «в древние столичные государственные и владельческих князей города для собрания российской иконологии бывших в России государей обоего пола и всякого возраста, чтоб с имеющихся в церквах изображений государских, иконописною и фресковою работою на стенах или на гробницах состоящих, снять точные копии величиною и подобием на бумаге водяными красками»³⁰⁰. Значение этого предприятия он объяснял необходимостью «от съедающего времени отнять лики и память наших владетелей и сохранить для позднейших потомков разными способами живописного искусства» и «показать и в других государствах российския древности и тщание предков наших»³⁰¹. Кроме того, по его мысли, это должно было дать Академии Художеств возможность «употребить свое искусство» и изобразить древнерусских правителей «надлежащею живописью в приличных положениях со старинного манеру, не теряя подлиннаго подобия», что послужило бы примером для учащихся живописного и резного классов³⁰². Помимо княжеских изображений предполагалось «списать верно надгробные надписи и при том взять точные копии с их описаний, каковы в церквах имеются», а также выписать из поминальных книг все известия о княжеских особах, «ибо без таких известий невозможно сочинить полного родословия российских государей, о которого издании в свет Академия Наук

²⁹⁸ Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 90.

²⁹⁹ БАН. 31. 7. 30, т. II, л. 104 об. Цит. по: Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 91.

³⁰⁰ Ломоносов М.В. Представление в канцелярию АН о посылке живописца для снятия копий с древних живописных изображений и с надгробных надписей. 18 октября 1760 // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.-Л., 1953. С. 406–407.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же.

старается»³⁰³. Однако, эта идея М.В. Ломоносова так и не была реализована³⁰⁴.

***

Со второй половины XVIII в. на смену портретных изображений исторических лиц постепенно приходят изображения непосредственно исторических событий допетровского времени. При этом, подобно обобщающим научным трудам, стремящимся охватить всю русскую историю с самых древнейших времен, для исторической живописи XVIII в. также была характерна своеобразная «энциклопедичность». Она воплотилась в создании серийных изображений, которые должны были служить иллюстрациями основных знаковых сцен из русского прошлого.

В 1764 г. М.В. Ломоносову через президента Академии художеств И.И. Бецкого было передано поручение Императрицы выбрать «из российской истории знатные приключения для написания картин, коими бы украсить при дворе некоторые комнаты»³⁰⁵. Предложенный М.В. Ломоносовым список сохранился в его письме А.М. Голицину от 24 января 1764 г. и известен как «Идеи для живописных картин из российской истории»³⁰⁶.

Отбор этих ключевых исторических сюжетов в контексте нашего исследования довольно интересен. Все 25 тем, предложенных М.В. Ломоносовым, относились к допетровским временам (*См. Таблицу № 3*). Их развернутое описание во многом перекликалось с текстом «Древней Российской истории»³⁰⁷.

---

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же. С. 821–822.

³⁰⁵ Ломоносов М.В. Письмо А.М. Голицину от 24 января 1764 г. // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1957. С. 581

³⁰⁶ Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин из российской истории // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 365–373.

³⁰⁷ Ломоносов М.В. Древняя российская история. СПб., 1766.

**История допетровской Руси
в «Идеях для живописных картин» М.В. Ломоносова**

Период	Название темы	Общее количество
Русская древность (до Крещения Руси)	17. Олег князь приступает к Царюграду сухим путем на парусах 18. Олег, угрызен от змея, умирает. 1. Взятие Искореста. 19. Сражение Святославу с печенегами в порогах. 20. Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр.	5
Князь Владимир. Принятие христианства	5. Горислава 2. Основание христианства в России 3. Совет Владимиру от духовенства	3
Домонгольская Русь	4. Единоборство князя Мстислава 21. Князь киевский Святослав Ярославович кажет свое великое богатство послам немецким. 6. Мономахово единоборство. 7. Мономахово венчание на царство	4
Александр Невский	8. Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере.	1
Татары	9. Обручение князя Феодора Ростиславича 10. Начало сражения с Мамаем 11. Низвержение татарского ига 13. Царица Сумбек	4
Присоединение Новгорода	12. Приведение новгородцев под самодержавство	1
Смутное время	14. Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский. 15. Погибель Расстригина 16. Козма Минич 22. Князь Дмитрий Михайлович Пожарской в опасности 23. Тот же князь Пожарской бьется с поляками 24. Царь Василий Иванович Шуйской при венчании своем на царство 25. Гермоген, патриарх московский, посажен в тюрьме	7

Первые 16 тем были изложены М.В. Ломоносовым в хронологической последовательности. Темы с 17 по 25 эту последовательность нарушают и, вероятно, были добавлены им позднее. Среди них можно выделить 6 тем,

относящихся к первым русским князьям (Олег, Святослав и Ольга); 3 темы, посвященные князю Владимиру; деяния его наследников – Мстислава, и сына Ярослава Мудрого Святослава; 2 темы, связанные с княжением Владимира Мономаха; изображение победы Александра Невского на Чудском озере; 4 темы посвященные татарам; присоединение Новгорода Иваном III; и 7 тем, относящихся к Смутному времени.

Большая часть сюжетов имела героический характер, что было свойственно искусству эпохи классицизма. Многие из них пропагандировали идеи гражданственности и патриотизма (таковы подвиг россиянина, бесстрашно переплывающего Днепр во время осады Киева печенегами; изображение Козьмы Минина, призывающего нижегородских купцов помочь в освобождении отечества и др.). Важное место в сюжетах занимали победы над врагами: византийцами, печенегами, татарами, немцами, поляками. Отмечалось не только военное, но и экономическое превосходство россиян над соседними государствами (например, в сюжете «Князь киевский Святослав Ярославович кажет свое великое богатство послам немецким»). Сквозной линией в проектах картин подчеркивалась роль самодержавия: «Мономахово венчание на царство», «Приведение новгородцев под самодержавство», «Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский», «Царь Василий Иванович Шуйской при венчании своем на царство» и др. Целых 7 из 25 сюжетов было отведено событиям Смутного времени.

Любопытно, что при описании сразу двух сюжетов Ломоносов обращается к агиографическим источникам. Это «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере», описание которой было основано на Житии Александра Невского, и «Обручение князя Феодора

Ростиславича в Орде», восходящее к «Житию благоверного князя Феодора и чад его благоверны князей Давида и Константина»³⁰⁸.

Создание исторических картин М.В. Ломоносов считал делом, «служащим к чести российских предков»³⁰⁹. Он обращал внимание на необходимость соблюдения достоверности изображений, и, сетуя на «недостаток в изображении старинного нашего платья разных чинов», считал нужным предпринять поиск необходимых сведений в Архиве Коллегии иностранных дел³¹⁰. Отдельно он отмечал необходимость написания внешности русских правителей близко к их известным изображениям. Так в описании сюжета о приезде казанской царицы Сумбеки ко двору Ивана IV М.В. Ломоносов замечал, что при изображении царя «требуется живописцово искусство, чтобы со старого и угрюмого портрета сделать молодой и веселый, не потеряв подобия»³¹¹.

Не менее 17 тем, предложенных М.В. Ломоносовым, получили дальнейшее развитие в исторической живописи³¹². Разработанный им перечень, вероятно, послужил отправной точкой для составления программы Академии художеств, предлагаемой для экзаменов в скульптурном и живописном классах³¹³. В период с 1766 г. по 1773 г. темы из древнерусской истории даются выпускникам Академии художеств ежегодно. (см. *Таблицу № 4*)

---

³⁰⁸ Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 20–21.

³⁰⁹ Ломоносов М.В. Письмо А.М. Голицыну от 24 января 1764 г. // Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1957. С. 581.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин... С. 370.

³¹² Бренева И.В., Ринкон-Поса Э. «Идеи для живописных картин из Российской истории» Ломоносова и их отражение в русской исторической живописи // Ломоносов. Сб. ст. и материалов. Т. IX. СПб., 1991. С. 66–75.

³¹³ Верещагина А.Г. Художник, время, история. Очерки русской исторической живописи XVIII – начала XX века. Л., 1973. С. 13; Рязанцев И.В., Евангулова О.С. Древнерусские темы в Академии художеств 1760–1770-х годов и их источники // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1992, № 2. С. 67–83.

История допетровской Руси в программах Академии Художеств

Год	Формулировка темы	Исполнители
1766	«Прибытие Рюрика, Синеуса и Трувора флотом к стенам Нова города, где на пристани с радостным восклицанием встречаемы вельможами с народом. Гостомысл яко первейший вельможе подносит Рюрику княжескую шапку и державу, Синеус принимает в удел страны над Белым езером, Трувор княжение Псковское» ³¹⁴	П. Гринев, Ф. Неклюдов (живоп.)
1766	«По прибытии Олега сродника и дядьки Игоря сына Рюрикова к Киеву, где княжили два князя Оскольд и Дир сродники перваго князя Киевского Кия последние колена Мосохова, вызвав Олег Оскольда и Дира из града в стан Игорев на дружеской разговор и представляя им Игоря яко единого наследника Рюрикова всех княжений Российских, и потом уби их в лето от Рождества Христова 886-е» ³¹⁵	Ф. Шубин, Ф. Гордеев (скульпт.)
1767	«О заключении миру, российского Князя Олега с греческими Царями Львом и Александром пред стенами Константинопольскими» ³¹⁶	И. Ерменев (живоп.), Ф. Гордеев (скульпт.)
1768	«О отмщении древлянам великою Княгинею Ольгою за убиение мужа ея Игоря» ³¹⁷	С. Сердюков (живоп.)
1769	«Ольга подвигнута любовию к христианскому закону, достигает Константинова Града, открывает свое желание царю и патриарху и святым крещением сочетается Христовой церкви, переименовавшись Еленою» ³¹⁸ .	А. Иванов (скульпт.)
1770	«Из Российской истории, о удержании Владимиром нанесеннаго от Рогнеды на него соннаго и на тот час пробудившагося удара ножом» ³¹⁹	Ф. Щедрин, М. Козловский (скульпт.); П. Соколов, С. Сердюков, И. Якимов (живоп.)
	«Великий Князь Российский Владимир Святославича пред Рогнедою дочерью Рогвольда Князя Полоцкаго, по победении сего Князя за противный отказ требованнаго Владимиром супружества с оною» ³²⁰	А.П. Лосенко (живоп.)
1771	Задача 1. "Из российской истории: 1. Великий князь Владимир лист 262-й ³²¹ "и в самое то время когда епископ на сего крещающагося великого государя возложил свою руку, тогда он увидел свет и вышел уже здрав и святыя купели, проповедавая величество Божие" ³²² Задача 2. «листъ 225-й Кирилль Филосовъ гречески поизъясненіи разныхъ веръ, показываетъ великому князю владимеру завесу соизображеніемъ страшнаго суда» ³²³	П. Соколов, И. Акимов, А. Хлебников (живоп.); Ф. Щедрин, И. Мартос, М. Козловский (скульпт.)
1772	"Изяслава Мстиславича узвленного хотели убить любимые его воины незнавши, но он, сняв с себя шелом, показал им, что он их Князь и полководец" ³²⁴	П. Соколов, И. Акимов (живоп.); Ф. Щедрин, М. Козловский, И. Мартос (скульпт.)

³¹⁴ Сборник материалов для истории... Академии художеств... Ч. 1. С. 115.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же. С. 120.

³¹⁷ Там же. С. 122.

³¹⁸ Там же. С. 124–125.

³¹⁹ Там же. С. 127.

³²⁰ Там же. С. 126.

³²¹ В программе цитируется «История» М.М. Щербатова. Ср.: *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770. С. 262.

³²² Сборник материалов для истории... Академии художеств... Ч. 1. С. 185–186.

³²³ Там же. С. 186.

³²⁴ Там же. С. 131.

1773	"Прибытие Святослава с Дуная к Киеву, где с жалостью и радостью целовал мать и детей своих" ³²⁵	И. Акимов (живоп.); М. Козловский, И. Мартос (скульпт.)
------	--	--

Как видно из приведенного списка все предложенные сюжеты, кроме темы за 1773 г. были расположены в хронологической последовательности событий. Среди них 1 тема была посвящена призванию варягов, 2 – княжению Олега, 2 – Ольге, 2 – Владимиру, 1 – Изяславу Мстиславичу и 1 – Святославу.

Программа Академии художеств перекликалась с предложенными М.В. Ломоносовым сюжетами лишь частично. Общими моментами были изображения победы Олега над византийцами, мести Ольги древлянам, воинских подвигов Святослава, покушения Рогнеды на Владимира и Крещения Руси. Но даже в этих сюжетах акцентируются разные эпизоды. В то время как Ломоносов предполагал изобразить как «Олег приступает к Царюграду сухим путем на парусах»³²⁶, Академия художеств предлагала тему о заключении Олегом мира с греческими царями под стенами Константинополя³²⁷. С образом князя Святослава Ломоносов связывал героические сюжеты: «Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр» и «Сражение Святослава с печенегами в порогах»³²⁸. В программе академии место героических подвигов занял лирический сентиментальный эпизод – Святослав целует свою мать и детей по возвращении с Дуная в Киев³²⁹. В центре внимания здесь оказывалась не воинская слава князя, а чувства и переживания семьи, воссоединившейся после долгой разлуки. А.П. Лосенко вместо покушения

³²⁵ Каганович А.Л. Никулина Н.И. Живописный класс Академии художеств в XVIII веке // Вопросы художественного образования: Сб. научных трудов. Л, 1793. Вып. 6. С. 26.; Рязанцев И.В., Евангулова О.С. Древнерусские темы в академии художеств... С. 79.

³²⁶ Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин... С. 371.

³²⁷ Сборник материалов для истории... Академии художеств... С. 120.

³²⁸ Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин... С. 372.

³²⁹ Каганович А.Л. Никулина Н.И. Живописный класс Академии художеств в XVIII веке. С. 26.; Рязанцев И.В., Евангулова О.С. Древнерусские темы в академии художеств... С. 79.

Рогнеды на Владимира изобразил их первую встречу в Полоцке: юный князь, прижав руку к сердцу, склоняется к невесте, но она отталкивает его (*Рис. 10*)³³⁰. Сюжет о Крещении Руси в программе Академии Художеств за 1771 г. брал за основу его описание не в «Кратком Российском летописце», а в «Истории» М.М. Щербатова³³¹. И всё же влияние идей М.В. Ломоносова на программу Академии Художеств отрицать нельзя.

Изображения событий из истории древней Руси на картинах и барельефах русских художников и скульпторов отличались театральностью. Их авторы не задавались целью достоверно передать исторические реалии, а, прежде всего, демонстрировали свое профессиональное мастерство. «Живописец не перестанет быть живописцем, хотя бы и не знал он истории», – утверждал А. Иванов, следуя постулатам французских теоретиков искусства А. Фелибьена и Р. де Пилля³³². Обязанность «наблюдать верность» исторической действительности мыслилась им не относящейся «к сущности живописи», а только «необходимой пристойностью», подобно тому «как человеку пристойны добродетели и науки»³³³. Образы русской истории в воплощении выпускников Академии Художеств XVIII в. мало чем отличались от их же картин на мифологические сюжеты. Русские князья нередко представляли перед зрителем в античных тогах и плащах. Святослав И.А. Акимова визуально схож с Филактетом на другой его картине «Самосожжение Геркулеса на костре» (*Рис. 13, 14*). Изяслав Мстиславич в воплощении М. Козловского подобен герою Троянской войны Аяксу (*Рис. 17, 18*). А.П. Лосенко на картине «Владимир перед Рогнедою», даже одев своих героев в парчовые одежды, изобразил стоящую на полу древнегреческую вазу (*Рис. 10*). События русской истории разворачивались в классических интерьерах с колоннами и пилястрами. Не стремясь к

---

³³⁰ Сборник материалов для истории... Академии художеств... С. 126.

³³¹ Там же. С. 185–186.

³³² Понятие о совершенном живописце. СПб., 1798. С. 41.

³³³ Там же. С. 40, 43.

подлинному историзму, авторы концентрировались на изображении чувств и переживаний героев, страстей, подвига и добродетели.

Причины отказа от древнерусской тематики в программах Академии Художеств после 1773 г. долгое время оставались неясными и объяснялись преимущественно политической реакцией из-за начала крестьянской войны под предводительством Пугачева³³⁴. Однако более убедительным кажется мнение И.В. Рязанцева, связавшего прекращение работ над древнерусскими сюжетами в исторических классах Академии Художеств со смертью их руководителя – А.П. Лосенко – 23 ноября 1773 г.³³⁵ После прихода на его смену Г.И. Козлова в программах начали преобладать античные и библейские темы³³⁶.

Тем не менее, выпускники Академии продолжают изготовление исторических художественных произведений на заказ, придерживаясь все тех же «программных» сюжетов. Тронный зал Петергофского дворца украшают лепные панно «Возвращение Святослава с Дуная» М. Козловского и «Крещение Ольги» А. Иванова, повторяющие их выпускные работы (*Рис. 11, 15*)³³⁷. И.А. Акимов по заказу камергера Петра Васильевича Мятлева пишет картину «Князь Рюрик, поручающий при кончине своей сына своего, младенца Игоря, и вместе с ним княжение Олегу» (до 1792 г.), а также картины «Крещение великой княгини Ольги» и «Новгородцы, ниспровергающие Перуна» (*Рис. 12*)³³⁸. Г.И. Угрюмов, помимо программного сюжета «Испытание Яна Усмаря»³³⁹, создает картины «Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немецкими рыцарями» для Троицкого собора Александро-Невской лавры, «Покорение Казани царем Иваном Васильевичем» и «Призвание Михаила

---

³³⁴ Савинов А.Н. Академия художеств и историческая живопись второй половины XVIII века // История русского искусства. М., 1957. Т. 1. С. 216.

³³⁵ Рязанцев И.В., Евангулова О.С. Древнерусские темы в академии художеств... С. 83.

³³⁶ Там же. С. 205, 219, 225, 306, 231, 232 и др.

³³⁷ Гуревич И.М., Знаменов В.В., Мясоедова Е.Г. Большой петергофский дворец. Л., 1979.

³³⁸ Собко Н.П. Словарь русских художников. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1893. Стб. 65.

³³⁹ Сборник материалов для истории... Академии художеств... С. 361.

Федоровича Романова на царство 14 марта 1613 года» для Михайловского замка (*Рис. 19–21*). При этом, прототипом образа Александра Невского для него, по всей видимости, был шестнадцатилетний внук Екатерины II – царевич Александр³⁴⁰, а Иван IV заметно напоминал Петра I. Все это демонстрирует сохранение интереса к исторической тематике не только у живописцев, но и у заказчиков.

***

Разработка исторических сюжетов не остановилась и в русском медальерном искусстве. В 1784 г. к составлению проектов исторических медалей приступила Екатерина II. По словам самой императрицы, она «изобразила в виде рисунков для медалей весь первый период Российской Истории», что составило программу из 235 описаний, охвативших события с 862 по 1132 гг.³⁴¹ Проекты медалей были изданы в IV части «Записок касательно российской истории»³⁴². 94 из них были отлиты в металле³⁴³. Также, как и «Записки», они, по всей видимости, предназначались в первую очередь для обучения ее внуков – Александра и Константина. По крайней мере в 1789 г. в письме Храповицкому Екатерина упоминала «медали медных исторических, кои у Александра Павловича...»³⁴⁴. Помимо этого, медали могли использоваться в качестве дипломатических и памятных подарков³⁴⁵.

Подготовленные Императрицей проекты представляли собой последовательные иллюстрации жизни и деяний русских князей, сгруппированные по их правлениям: 22 медали были посвящены княжению Рюрика (№№ 1–22); 27 – Игорю и его опекуну Олегу (№№ 23–49); 36 – Святославу и его матери Ольге (№№ 50–85); 9 – Ярополку Святославичу

---

³⁴⁰ Яковлева Н.А. Историческая картина в русской живописи. М., 2005. С. 72.

³⁴¹ Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 10. С. 97.

³⁴² Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. IV. СПб., 1787. См. также: Собеседник любителей Российского слова. Ч. XV. СПб. 1784. С. 35–36.

³⁴³ Гаврилова Л.М. Русская историческая мысль и медальерное искусство. С. 254.

³⁴⁴ Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II-й к А.В. Храповицкому. М., 1872. С. 51.

³⁴⁵ Гаврилова Л.М. Русская историческая мысль и медальерное искусство. С. 50.

(№№ 86–94); 56 – Владимиру Святославичу (№№ 95–150); 2 – Святополку Ярополчичу (№№ 151 и 152); 42 – Ярославу Владимировичу (№№ 153–194); 6 – Изяславу Ярославичу (№№ 195–200); 3 – Всеволоду Ярославичу (№№ 201–203); 11 – Святополку Изяславичу (№№ 204–214); 15 – Владимиру Всеволодовичу (№№ 215–229); 6 – Мстиславу Владимировичу (№№ 230–235). Таким образом, по численности посвященных им медалей из общей череды русских князей наиболее выделялись фигуры Владимира Святого и Ярослава Мудрого.

Избранные Императрицей для иллюстрации события включали в себя перечень достаточно типовых сюжетов. Значительное место в них занимали биографические сведения из жизни князей, важные для понимания княжеского родословия: восшествия на престол (15 медалей³⁴⁶), браки (16 медалей³⁴⁷), рождение детей (17 медалей³⁴⁸), кончины (21 медаль³⁴⁹). Ряд медалей были призваны отразить личные качества правителей. Так на медали № 81 предписывалось изобразить, как греки восхищаются «воздержанием, умеренностью и щедростью» князя Святослава, который «славу оружия и честь отечества не иначе употребляет, как к защищению правды или в наказание за неправду» и сожалеют, что Святослав не родился греческим царем³⁵⁰. Отдельные изображения были посвящены прославлению разнообразных достоинств Владимира Святого – щедрости (№ 139), милосердия (№№ 140, 143), любви к вельможам (№ 141), славы среди окрестных народов (№ 113) и др.

Среди политических деяний князей наибольшее внимание уделялось военным победам (62 медали³⁵¹), заключению мирных договоров (14

---

³⁴⁶ Медали №№ 2, 3, 20, 23, 50, 86, 87, 95, 151, 153, 195, 201, 204, 215, 230.

³⁴⁷ Медали №№ 22, 31, 70, 125, 155, 184, 186, 198, 208, 210, 213, 214, 218, 222, 227, 234.

³⁴⁸ Медали №№ 41, 58, 71, 156, 158, 160, 163, 167, 169, 171, 176, 180, 188, 189, 191, 192, 233.

³⁴⁹ Медали №№ 1, 6, 7, 21, 39, 49, 74, 85, 89, 94, 150, 152, 168, 187, 190, 194, 200, 203, 212, 229, 235.

³⁵⁰ *Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. IV. С. 128–129.*

³⁵¹ Медали №№ 16, 17, 18, 32, 33, 34, 42, 43, 44, 51, 66, 67, 68, 69, 72, 73, 75, 76, 77, 78, 90, 101–112, 120, 121, 130, 136, 137, 138, 145, 146, 147, 161, 162, 164, 166, 172, 175, 177, 178, 181, 182, 185, 196, 197, 206, 209, 211, 216, 226, 231, 232.

медалей³⁵²), приему посольств (14 медалей³⁵³). Во внутренней политике ведущее место занимало расширение территорий и укрепление великокняжеской власти (27 медалей³⁵⁴). Отдельно отмечались градостроительство (13 медалей³⁵⁵), установление новых законов и порядков (6 медалей³⁵⁶), распространение наук, христианского вероучения, развитие ремесел и торговли, поддержание благоденствия в государстве и т.д.³⁵⁷. Среди отдельных исторических событий наибольшее число медалей было посвящено принятию христианства княгиней Ольгой (№№ 59–64), князем Владимиром и Крещению Руси (№№ 114–126, 132).

Исследования Е.С. Щукиной и Л.М. Гавриловой показали, что источником текстов, помещенных на медалях, для Екатерины служила «Российская История» В.Н. Татищева³⁵⁸. Тем не менее Императрица достаточно вольно отбирала и трактовала исторические факты. Из перечня сюжетов ею были изъяты упоминания о княжеских раздорах и междоусобицах. Не упоминается здесь убийство Олегом Оскольда и Дира (согласно проекту для медали № 27 «Олег из Смоленска сел на суда со всеми войски вниз по Днепру поплыл до града Киева, и взял на руки Игоря сказал: сей есть наследник всех княжений Руских»³⁵⁹, таким образом, «соединение северной и южной России» произошло мирным путем). Умалчивалась расправа древлян над Игорем, о котором было сообщено лишь, что он «скончался в 945, погребен близ града Коростена в лесу» (№ 49). Своеобразно трактовался Императрицей сюжет о мести княгини Ольги. Согласно проекту медали № 52, «Извинительное посольство Древлян в Киеве» было «принято с благопристойностью от Святослава и матери его

---

³⁵² Медали №№ 35, 36, 38, 40, 47, 83, 84, 93, 159, 179, 202, 205, 224, 228.

³⁵³ Медали №№ 14, 46, 52, 65, 79, 80, 82, 92, 115, 131, 133, 135, 148, 149.

³⁵⁴ Медали №№ 8, 12, 14, 15, 24, 26, 27, 28, 54, 81, 91, 99, 104, 105, 106, 107, 113, 157, 165, 170, 177, 178, 193, 217, 219, 220, 225.

³⁵⁵ Медали №№ 4, 25, 56, 57, 96, 128, 129, 134, 164, 173, 183, 207, 221.

³⁵⁶ Медали №№ 10, 55, 144, 154, 170, 223.

³⁵⁷ Медали №№ 48, 97, 127, 131, 139, 142, 148, 174 и др.

³⁵⁸ Гаврилова Л.М. Русская историческая мысль и медальерное искусство. С. 255; Щукина Е.С. Медальерное искусство в России XVIII века. Л, 1962. С. 81–85.

³⁵⁹ Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. IV. С. 77.

Ольги»³⁶⁰ (в то время как по летописному рассказу послы были убиты княгиней). На медали № 54, посвященной покорению древлян, изображался не полыхающий в пожаре Искоростень, а то, как «Святослав и Ольга у Древлян устанавливают порядок»³⁶¹, обозревая мирные равнины. Перечень «преображенных» Императрицей сюжетов можно долго продолжать: князь Владимир рождается раньше Ярополка и Олега (№№ 58 и 71), а значит получает Киевский престол по старшинству; князь Ярополк (на медали № 88) «долго наговорок противу брата своего Ольга не принимает, храня братскую любовь», смерть Олега Древлянского изображается мирной кончиной (№ 89); Владимир не осаждает Корсунь, перекрыв доступ воды в крепость, а заключает договор, в результате которого город сразу встречает его распахнутыми воротами (№ 120); вместо крещения новгородцев «огнем» и «мечом»³⁶² Добрыня и митрополит Михаил «учат народы закону» (№ 132); убийство Бориса и Глеба отсутствует, а о Святополке сказано только, что он начал княжить в Киеве (№ 151), а затем вдруг скончался в Польше (№ 152); медаль № 199 посвящена примирению Изяслава и Всеволода, хотя их конфликт не изображается и т.д. Можно предполагать, что окончание серии медалей княжением Мстислава Владимировича могло быть вызвано нежеланием Императрицы иллюстрировать последующие княжеские междоусобицы.

Так, проецируя серию медалей Екатерина II остается верна своему убеждению: «История или записки, могущие служить материалом истории России, предпринятой с моего одобрения и согласия, могут принять только такую внешнюю форму и направление, которые бы проистекали из наибольшей славы государства и служили бы потомству для соревнования и повторения. Всякая другая, менее блестящая форма была бы ему вредна, потому что мы живем в такое время, когда, далеко не умаляя блеска деяний и

---

³⁶⁰ Там же. С. 117.

³⁶¹ Там же.

³⁶² *Татищев В.Н.* История Российская... Кн. 1. Ч. 1. С. 40.

событий, следует скорее поддерживать умы, ободрять их и направлять к той возвышенности настроения, которая приводит к великим делам»³⁶³.

***

Итак, сюжеты из истории допетровской Руси получили достаточно широкое освещение в русском изобразительном искусстве XVIII в. Так же как и в историографии, и в литературе наибольшее внимание здесь уделялось древнейшему, домонгольскому периоду русской истории. Вместе с тем, историческая память о русском прошлом в искусстве XVIII в. бытовала в весьма специфической форме. Она не столько передавалась от предшествующих эпох, сколько конструировалась заново. Перечень изображаемых событий диктовался прежде всего книжностью. В основе «Идей для Живописных картин» и серии портретных медалей лежал «Краткий Летописец» М.В. Ломоносова, исторические медали Екатерины II оттапливались от «Записок Касательно Российской истории» и «Истории Российской» В.Н. Татищева. Одновременно с этим визуальные представления о том, как выглядели эти события сталкивались с замещением (осознанным или не осознанным) их визуальных образов образами античности и западноевропейского средневековья. Попытки поиска достоверных сведений о внешности и костюмах русских князей предпринимались, но не получили успеха.

Отметим при этом, что непросвещенной публикой художественные изображения исторического прошлого далеко не всегда воспринимались как недостоверные. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания В.Л. Пушкина, связанные с открытием памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве в 1818 г., когда среди подслушанных им разговоров в толпе звучали комментарии: «Смотри, какие в старину были великаны!

---

³⁶³ Собственноручное черновое письмо Екатерины II к А. Мордвинову // Сборник РИО. Т. 42. С. 115.

Нынче народ омелел!», «В старину ходили по Руси босиком, а на нас немецкие сапоги надели» и др.³⁶⁴

Так, переосмысленные под влиянием канонов классицизма художественные образы русского прошлого, в дальнейшем могли казаться неподготовленным зрителям подлинными изображениями минувших эпох.

---

³⁶⁴ *Пушкин В.Л.* Письмо Вяземскому П.А., 20–21 февраля 1818 г. Москва // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л., 1983. Т. 11. С. 213–249.

Глава 3.

Допетровская Русь в церковной традиции XVIII в.

§1. Особенности отражения исторических событий в церковной литературе

Исследование вненаучных представлений о русской истории невозможно без освещения ее отражения в русской церковной традиции. Несмотря на значительное обмирщение культуры в XVIII в., большая часть населения Российской Империи оставалась православной и принимала христианские представления о мироустройстве. Кроме того, почти все материальное средневековое наследие, сохранившееся до Нового времени, в той или иной мере было церковным. Древнерусские храмы, иконы, книги, мощи чудотворцев – всё это находилось в ведении церкви и оберегалось ею. Христианское мироощущение преобладало в древнерусской книжности и летописании, откуда черпали сведения о прошлом историки XVIII столетия. А потому, отношение к историческим памятникам, степень их критического восприятия, осознания их ценности и вообще интерес к древнерусской культуре, неминуемо находились под влиянием религиозных взглядов каждого отдельного человека.

Традиционное христианское отношение к прошлому и восприятие человеческой истории как таковой значительно отличались от светских исторических взглядов, транслируемых в гражданской книжности XVIII в. В основе этого различия лежало принципиально иное понимание категории времени, предполагавшее отделение линейного времени исторического процесса от Божественной Вечности.

История представлялась христианину прежде всего историей взаимоотношений человечества с Богом, движением от грехопадения прародителей к Страшному суду и спасению праведников. Сам ее ход рассматривался с позиций провиденциализма – божественной

предопределенности и «Божьего промысла», под воздействием которого в мире происходили те или иные события. Вместе с тем, бытие самого Бога осмысливалось как существующее вне времени, не имеющее начала и конца. «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3:8). И эта сакральная реальность Вечности стояла для христианина непревзойденно выше исторической (мирской) жизни.

Годовой круг церковных богослужений, регламентировавший повседневную жизнь христианина, был основан на непрерывном воспроизведении в ритуалах и памяти верующих ключевых событий сакральной христианской истории. Однако, это нельзя назвать в полной мере «мемориальной» практикой. Несмотря на то, что земная жизнь Иисуса Христа, апостолов и святых могла быть локализована на определенном хронологическом отрезке исторического времени, в христианском понимании они пребывали не только в прошлом, но и в вечности. Молитвенное общение с ними было не столько «воспоминанием», сколько «диалогом». Для многих поколений христиан существовала особая, наполненная яркими эмоциональными переживаниями «литургическая реальность» единения со святыми, провозглашаемая в песнопении: «Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат»¹.

Сохранение церковью памяти о жизни праведников несло в себе и нравоучительную цель, уходящую в заветы апостола Павла: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, их же взирующе на скончание жителства, подражайте вере их» (Евр. 13:7). Рассуждая над вопросом, «чего ради подобает кому читать и ведати Божественное Писание, и яже в нем Историю, и прочия ово учительския, ово же исторические книги», свт. Димитрий Ростовский указывал на три причины: «1. Познания ради Бога; 2. Управления ради себе самаго; 3. Наставления ради ближняго». «Учится же человек добре и богоугодне жити от образа прежде

---

¹ Поздеева И.В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 118.

жительствовавших добродетельно, ихже не инамо кто обрести может, точию в Историях Божественнаго писания, церковных и гражданских»². В подтверждение своих слов святитель приводил поучение греческого царя Василия Македонянина своему сыну Льву: «списания древних деяний всегда прочитывати не ленися, в тех бо борящеши без труда, яже иныи многим трудом снискаша, и оттуду добрых добрая, злых же злыя дела уразумеши. Такожде и жизни человеческия многообразная пременения и вещей превращения, непостоянство же мира сего и царств удобное падение познаешь; и да вкратце реку: злым делам последующую казнь, добрым же воздаяние увеси»³.

Вместе с тем, категория «святости» в религиозном мироощущении не была прямо взаимосвязана с категорией «исторического прошлого». Русские святые князья и подвижники поминались в общем богослужебном круге со святыми первых веков христианства. Степень давности их земной жизни не имела значения по сравнению с их духовным подвигом. Вместе предстоя перед Богом, все они создавали «Торжествующую» Небесную церковь.

Князь Владимир, Борис и Глеб, Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский и множество других русских святых, память о которых бережно сохранялась церковью, в христианском сознании не мыслились только историческими фигурами прошлых лет. Они были покровителями русской земли – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем – и потому могли принимать участие в исторических событиях, разделенных веками. Так, согласно русской агиографической традиции, Борис и Глеб помогли Александру Невскому одержать победу над шведами, а Дмитрию Донскому – над Мамаем; заступником русских войск в Куликовской битве был московский митрополит Петр; преподобный Сергей Радонежский являлся защитником Троице-Сергиева монастыря в Смутное Время и т.д. Известен

---

² *Димитрий Ростовский*. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Т. 4., Ч. 3. М., 1849. С. IV.

³ Там же. С. IV–V.

целый ряд святых, прославленных посмертно, благодаря чудесам, происходившим от их мощей, при отсутствии сколь бы то ни было подробных сведений об их земной жизни (Артемий Веркольский, Иаков Боровичский и др.). Почитание мощей чудотворцев, чудотворных икон и прочих христианских реликвий не было вызвано осознанием их «исторической ценности», а являлось, прежде всего, способом приблизиться «жизни вечной».

Средневековая житийная литература традиционно создавалась в рамках строгих канонов христианской письменности и была наполнена значительным числом устойчивых формул. Она по-своему объясняла историческую действительность, но вместе с тем «мирские», индивидуальные черты ее героев частично стирались, переосмысливались или умалчивались, подчас уступая место типическому и «духовному». Литературная форма временами господствовала над историческим содержанием, подчиняя себе последнее⁴. Русская агиографическая традиция формировала свою, особенную картину мира и, в том числе, свою картину отечественной истории. Эта картина была полна чудес, знамений и духовных подвигов, призванных служить примерами для потомков. И, безусловно, верующими людьми она принималась как подлинная.

Прославление русских святых издавна играло важную роль в формировании национального самосознания и зачастую становилось частью государственной идеологии. Исследователи отмечают политический контекст уже в канонизации первых русских стратотерпцев – Бориса и Глеба⁵. Складывание общецерковного поминовения многочисленных русских подвижников на соборах 1547 и 1549 гг. и создание Великих Четых

---

⁴ Руди Т.Р. Житийная литература // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2008. С. 283–345.

⁵ Лихачев Д.С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 10. М.-Л. 1954. С. 76–91; Ранчин А.М. Формирование культа святых князей Бориса и Глеба: мотивы канонизации // Он же. Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 69–74; Соловьев К.А. Культ святых Бориса и Глеба во властных отношениях древней Руси XI – начала XII века // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 14–33. Живов В.М. Ранняя восточнославянская агиография и проблема жанра в древнерусской литературе // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005. С. 726–727.

Минеи митрополита Макария были закономерным итогом объединительных процессов в Российском государстве, завершившихся в XVI в.⁶ Подъем национального самосознания после Смутного времени также повлек за собой всплеск интереса не только к русской политической истории, но и, прежде всего, к русскому духовному наследию.

Почти за 85 лет до петровских указов о собирании русских летописей⁷ его дедом Михаилом Федоровичем Романовым было разослано по монастырям иное распоряжение – «присылать в Москву сведения о местных святых для последующего их включения в печатные книги»⁸. В московских печатных Прологах 1640–60-х гг. наблюдается неуклонный рост числа памятней русских святых. Если первая редакция печатного Пролога (1641 г.) содержала только 7 русских статей, то во втором издании (1642–43 гг.) их было уже 64, в третьем (1659–60 гг.) было добавлено еще 21, а в четвертом (1661–62 гг.) – еще 44⁹.

Неоднократно дополнялся и редактировался и круг «русских праздников» в составе месяцеслова. Последние две значительные «справы» месяцеслова произошли в 1682 и 1695 гг. В их ходе было установлено местное (вместо общецерковного) совершение служб в память некоторым русским святым¹⁰.

Сформированный к концу XVII в. комплекс русских «памятей» и состав церковных книг лег в основу печатных изданий XVIII в. и в последующее столетие существенно не менялся. В XVIII в. Синодом были канонизированы только свт. Димитрий Ростовский и Феодосий Тотемский¹¹, а также было установлено два новых церковных праздника – в память о

---

⁶ Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 93.

⁷ От 20 декабря 1720 г. и 16 февраля 1722 г. См.: ПСЗРИ. Т. 6. № 3693, 3908.

⁸ Руди Т.Р. Житийная литература. С. 312.

⁹ Круминг А.А. Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46–61.

¹⁰ См.: Никольский К. Материалы для истории исправления богослужебных книг, об исправлении Устава церковного в 1682 году и Месячных миней в 1689–1691 году. СПб., 1896; Крылов Г. Книжная справа XVII века: Богослужебные Минеи. М., 2009.

¹¹ Голубинский Е. История канонизации... С. 169–172.

победе под Полтавой (27 июня) и перенесения мощей св. Александра Невского (30 августа).

Одновременно, важной чертой этого времени стала постепенная унификация богослужебной литературы на территории всей Российской Империи благодаря стремительному развитию синодального книгопечатания. Если состав рукописных книг зачастую варьировался, то печатные издания переиздавались большими тиражами и централизованно рассылались Синодом по всем епархиям¹². С 1720 г. монастырским типографиям было запрещено печатать церковные книги без ведения Духовной коллегии¹³. И хотя рукописные и старопечатные издания, безусловно, продолжали иметь хождение в церковных кругах, в целом, можно говорить о достижении в XVIII в. повсеместного распространения единообразной церковной и четьей литературы. Все это позволяет рассматривать печатные синодальные издания этого времени как единый комплекс источников, отразивший, если не живую традицию, то, по крайней мере, предписания, регламентирующие церковную жизнь в этот период.

***

Итак, каким был круг русских святых, общечтимых русской православной церковью в XVIII в., и память о каких исторических событиях была связана с ними?

Отвечая на первую часть вопроса, заметим, что перечни «русских праздников» в разных типах синодальных печатных изданий – Типиконе, Служебных и Четых Минеях и Прологе – в этот период имели некоторые различия (см. *Приложение № 1*).

Месяцеслов Типикона и Служебные минеи XVIII в. включали в себя около 85 праздников, связанных с памятью русских святых или событий из

---

¹² Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. С. 897.

¹³ ПСЗРИ. Т. 6. № 3653. С. 244–245.

русской истории русской церкви. Среди них как более значимые (предполагавшие торжественную службу с полиелеем) отмечались дни памяти Сергия Радонежского (25 сентября), Казанской иконы Богородицы (22 октября и 8 июля), *Андрея Первозванного* (30 ноября)¹⁴, митрополита Петра (21 декабря), Феодосия Печерского (3 мая), Владимирской иконы Богородицы (21 мая, 23 июня, 26 августа), митрополита Филиппа (3 июля), Антония Печерского (10 июля), князя Владимира (15 июля), Бориса и Глеба (24 июля), Смоленской иконы Богородицы (28 июля), а также введенные в XVIII в. праздники в память Димитрия Ростовского (21 сентября), победы под Полтавой (27 июня) и перенесения мощей Александра Невского (30 августа).

Помимо этого, отмечалось 62 «малых» праздника русским святым, комментарии к которым в Типиконе обычно предписывали к особому служению в эти дни на местах, связанных с именем того или иного святого: «совершается собор его, идеже лежат мощи есть, и идеже храм его»¹⁵, «совершается собор его во обители его, по свидетельству архиерея сущаго тамо»¹⁶, «совершается собор его, идеже храм его, по разсуждению и благословению архиерея»¹⁷ и т.д.

Состав Пролога и Четых-Миней несколько отличался. В печатные синодальные издания Пролога входило 119 русских статей. Они включали в себя жития не только тех русских святых, которые были «свидетельствованы соборно» и «празднуются памяти их», но и о тех, которые не были «свидетельствованы, обаче написаны в книзе сей ради ведения, вместо летописных и патерических повествований, в пользу чтущих и слушающих»¹⁸. Четьи Минеи свт. Димитрия Ростовского содержали 76 пространных (в переизданиях после 1725 г. – 77) и 10 кратких статей о

---

¹⁴ В житие апостола Андрея включалось предание о поставлении им креста на Киевских горах, поэтому его память можно условно отнести к числу памятей, связанных с сюжетами русской истории.

¹⁵ Типикон. М., 1782. Л. 57 об.

¹⁶ Там же. Л. 91.

¹⁷ Там же. Л. 103 об.

¹⁸ Пролог. Т. 1. М., 1747. Паг. 2. Л. 9.

русских святых и праздниках, а также упоминания 50 русских памятей без статей (как правило со ссылкой на Пролог).

Но и на этом число русских «памятей» не исчерпывалось. Автор «Опыта исторического словаря о всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью просиявших мужах»¹⁹ в 1784 г. был вынужден заметить, что из святых мужей «непорочною жизнью прославившихся в России (...) многие в церковных месяцесловах не значатся. Другие же хотя там и не включены, а празднование им яко угодникам Божиим или повсюдное, или только при гробах их учреждено; иные же как в месяцесловы не вписаны, так и празднования им нет, но мощи их нетленны пребывают и многих добродетельная жизнь в разных касающихся до Российской истории книгах значится»²⁰. Он насчитывал 177 памятей русским святым.

***

Богослужебная литература как правило не содержала сколь-либо значимых подробностей о жизни святых. Месяцесловы включали в себя указания лишь на дату их «памяти», а службы строились по сравнительно общим канонам. Тем не менее, иногда даже в тексты служб попадали некоторые исторические детали²¹. Например, в стихирах Сергию Радонежскому присутствовала отсылка к воспоминанию о Мамаевом побоище: «Молитвою бо князя вооружив варвары победити, хвалящихся отечество его разорити. Но самех богопораженною язвою трупия достойно падоша, псаломски, при аде, преподобне»²². Служба Царевичу Димитрию содержала упоминания о Смутном времени: «Лютое колебание бысть в Российстей земли по смерти твоей, благоверный Димитрие, от оных злых и наветных человек, лжущихся именем твоим; Бог же молитв ради твоих до

---

¹⁹ Соковкин С.П. Опыт исторического словаря о всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М., 1784.

²⁰ Там же. С. III.

²¹ Поздеева И.В. Литургический текст как исторический источник. С. 112–119.

²² Служебная Миняя. Сентябрь. М., 1741. Л. 286 об.

конца всех погуби и лютое колебание от них укроти»²³. Эти краткие «исторические» реплики носили единичный характер и утопали в пространных славословиях.

Гораздо больший интерес в контексте нашего исследования представляет четья литература – печатные Жития святых, издаваемые синодальной типографией в составе Прологов и Четых Миней. Можно выделить два типа содержащихся в них исторических сведений. Во-первых, это описание исторических событий непосредственно взаимосвязанных с подвигом того или иного святого и традиционно имеющих в его житии (например, описание Батыева нашествия в житии Михаила Черниговского, упоминание о Куликовской битве в житии Сергия Радонежского и т.п.). Во-вторых, – исторические сведения, к подвигу святого напрямую не относящиеся, но по тем или иным соображениям включенные составителями в его жизнеописание (таковы, например, рассказы о призвании варягов и первых языческих князьях-Рюриковичах, содержащиеся в житиях кн. Ольги и кн. Владимира в составе Четых Миней; упоминания о взятии Казани Иваном Грозным, помещаемые в повествования об обретении Казанской иконы Богоматери и т.д.). Второй тип сведений был призван показать не те исторические события, в которых святой принимал непосредственное участие (как это часто бывало), а дать некий общий исторический контекст происходящего. Их помещение в тексты не было необходимым, и являлось результатом сознательного стремления к сохранению памяти о них. Наиболее обильно такие известия содержались в Четых Минеях свт. Димитрия Ростовского, куда помимо самих текстов житий им были включены многочисленные летописные исторические вставки и комментарии. В рамках данного исследования эти сюжеты будут рассмотрены нами более подробно.

Значение четьей литературы в распространении сведений о русском прошлом и формировании исторических представлений широких слоев

---

²³ Служебная Минея. Май. М., 1741. Л. 139.

населения явно недооценено исследователями. Переиздаваясь тиражами, многократно превышающими любые научные издания, церковные книги имели повсеместное хождение. Содержащиеся в них тексты регулярно актуализировались благодаря практикам религиозного душеполезного чтения и ежегодным празднованиям памяти святых. В рамках данной работы мы ограничимся анализом синодальных изданий XVIII в. – Пролога и, в особенности, Четьих Миней свт. Димитрия Ростовского. Без сомнения важные вопросы бытования агиографических сочинений в рукописной традиции, а также местного почитания святых и святынь, будут оставлены за пределами исследования на данном этапе. Акцент в исследовании будет сделан не на духовном подвиге русских святых, а на той картине русского прошлого, которая находила отражение в их житиях.

§2. История допетровской Руси в «Житиях святых» Димитрия Ростовского²⁴

«Жития святых» (Четьи Миней) свт. Димитрия Ростовского представляют собой одно из самых крупных собраний житий святых, почитавшихся русской православной церковью. Работа над ними была начата свт. Димитрием в 1684 г. и заняла почти 20 лет. Четыре тома «Житий» были изданы в типографии Киево-Печерской лавры в 1689, 1695, 1700 и 1705 гг. соответственно.

Четьи Миней, безусловно, можно считать одним из самых распространенных церковных печатных изданий в XVIII в. Помимо первой публикации они переиздавались 10 раз: в Киеве (в 1711–1718²⁵, 1757 и 1764 гг.) и в Москве (в 1754, 1762, 1764, 1767, 1782, 1789 и 1796 гг.). Тираж 1, 3 и 4 переиздания Московской синодальной типографии составлял «два завода»,

---

²⁴ *Ткаченко В.В.* Русская история в «Житиях святых» свт. Димитрия Ростовского // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 4. С. 118–130.

²⁵ От этого издания сохранилось только первые три тома. Весь тираж четвертого тома погиб при пожаре в типографии Киево-Печерского монастыря.

т.е. 2400 экз.²⁶ Относительно других изданий точный тираж не известен. Однако, если предположить, что он составлял не менее «одного завода» в 1200 экз. (что было традиционным для кириллического книгопечатания²⁷), то по самым грубым подсчетам на протяжении XVIII в. должно было увидеть свет около 17 000 печатных комплектов Четых Миней, что многократно превышало тиражи научных печатных изданий исторической тематики в данный период.

Традиционно рассматриваясь как памятник агиографии, «Жития святых» обычно выпадали из поля зрения исследователей русской историографии и историописания. А между тем, количество освещаемых в них исторических событий достаточно велико. Сам подход свт. Димитрия к созданию и редактированию своего труда методологически во многом был похож скорее на работу историка, нежели средневекового агиографа. Он привлекает обширный круг источников, критически сопоставляет данные доступных ему сочинений, отмечает их разночтения, значительно перерабатывает тексты, излагая их церковным книжным языком своего времени. По словам самого святителя, он стремился передать историю «без излишних словес», стараясь «вся действия святых (...) описати, ничтоже ново или неправедно от себе прилагая»²⁸. Кроме того, в книге «Житий Святых» присутствуют элементы научно-справочного аппарата – ссылки на источники на полях («От пролога и миней четьи блаженнаго Макария митрополита московскаго сокращено»²⁹, «от патерика печерскаго»³⁰, «святый Нестор печерский летописец сие пишет»³¹ и т.д.), отдельные исторические справки и комментарии.

---

²⁶ Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати... С. 72–79.

²⁷ Афанасьева Т.А. Распространение кириллической книги в России XVIII в. // Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 132.

²⁸ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 1. Киев, 1689. Л. 3об.

²⁹ Там же. Кн. 3. Киев, 1700. Л. 225 об.

³⁰ Там же. Кн. 4. Киев, 1705. Л. 402 об.

³¹ Там же. Л. 421.

Круг источников свт. Димитрия, обозначенный им в первой книге Житий как «учители, писатели, историки, повествователи, от нихже книга та составися»³², весьма обширен. Он включает в себя византийские и западноевропейские сочинения, Прологи, Синаксари, Киево-Печерский патерик и др. Значительная часть русских житий была написана им на основе Великих Четых Миней митрополита Макария. Помимо этого, в тексте свт. Димитрий многократно ссылается на летописные памятники: «Нестерову летопись», «Печерский летописец», хронику Стрыйковского, а также на Киевский «Синописис». Изучению источников на свт. Димитрия примере отдельных житий посвящено множество исследований, которые выявили значительную редакторскую работу, проводившуюся свт. Димитрием с имеющимися в его распоряжении текстами³³.

Несмотря на то, что многочисленные жития русских святых были собраны свт. Димитрием из самых разных источников, все вместе они производят впечатление единого цельного комплекса. Димитрий Ростовский намеренно связывает их перекрестными ссылками и пояснениями. Например, упомянув в рамках жития Пафнутия Боровского о его ученике, преподобном Иосифе Волоцком, он тут же помечает на полях: «память его сентября

---

³² Там же. Кн. 1. Л. 4.

³³ *Абрамович Д.И.* Літописні джерела Четых-Міней Дмитра Ростовського // Науковий збірник за рік 1929. Записки історичної секції Всеукраїнської Академії Наук. Київ, 1929. Т. XXXII. С. 32–61; *Державин А.* Четии-Миней святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. 1–3. Москва, 2006–2012; *Жиленко И.В.* К вопросу о главном источнике первого тома Жития Святых св. Димитрия Туптала-Савича // Могилянские чтения: Материалы ежегодных научных конференций: 1996–1997. Киев, 1996. С. 60–71; *Кузьмина М.К.* Житие Симеона юродивого в редакции Димитрия Ростовского. Принципы работы с источниками и методология их редактирования. М.–СПб., 2015; *Минеева С.В.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в составе «Книги Житий святых» Димитрия Ростовского (проблемы источников) // Филевские чтения. Выпуск IX. Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. М., 1994. С. 53–74; *Федотова М.А.* Житие святой Варвары в древнерусской традиции // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2003. Т. 53. С. 76–89; *Федотова М.А.* Житие княгини Ольги в Четых Миней Димитрия Ростовского // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого государства. Псков, 2011. С. 362–383; *Янковска Л.А.* К исследованию писательского мастерства Димитрия Ростовского: Литературная обработка Жития Авраамия Ростовского // *Slavica Orientalis*. 1984. Roc. 33. №№ 3–4. S. 383–396; *Янковска Л.А.* Житие и труды св. Мефодия и св. Константина-Кирилла в Четых-Миней св. Димитрия Ростовского // *Slavica Orientalis*. 1988. Roc. 32. № 2. S. 179–221; *Она же.* Житие преподобного Сергия Радонежского в обработке святителя Димитрия Ростовского // История и культура Ростовской земли: 1992. Ростов, 1993. С. 10–26; *Она же.* Еще несколько замечаний по поводу проблемы источников и литературно-богословского значения житий свв. Зосимы и Савватия Соловецких в редакции святителя Димитрия Ростовского // Филевские чтения. Выпуск IX. Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. М., 1994. С. 75–107; и др.

9»³⁴; в житии Антония Римлянина и повести «о смерти блаженного Константина митрополита Киевского» дважды ссылается на житие преподобного Нифонта Новгородского («память его Апреля 8»³⁵). За упоминанием в житии Бориса и Глеба верного дружинника князя Бориса Георгия следует уточнение: «Сей Георгий Угрин, любимый отрок святого Бориса, брат бе преподобному Моисею Угрину, чистоты ради от жены ляховицы пострадавшему, о нем же в Патерике Печерском пишется пространно»³⁶; за упоминанием в житии Владимира пришедшего к нему проповедника Кирилла следует комментарий: «не той же се Кирилл Философ, иже с Мефодием братом своим первее в Козарех, тако же в Моравии проповеда, и книги с Греческаго языка на славенский преводе, но ин того же имене», с пометой на полях «память их мая 11»³⁷ и т.д.

Сами тексты житий святых пронизаны упоминаниями друг о друге. Особенно это чувствуется в жизнеописаниях современников. Личность Сергия Радонежского окружена его учениками и «единожителями». Помимо своего собственного жития он фигурирует в повествованиях о Никоне Радонежском³⁸, Савве Сторожевском³⁹, митрополите Алексии⁴⁰ и др. И напротив – героями его жития становятся Стефан Пермский⁴¹, митрополит Алексей⁴², Никон Радонежский⁴³, князь Дмитрий Иванович⁴⁴ и др. Современниками, упоминающимися в житиях друг друга, были новгородский архиепископ Иона, московский митрополит Иона⁴⁵ и Михаил Клопский⁴⁶, Пафнутий Боровский и Иосиф Волоцкий⁴⁷ и т.д. Множеством

---

³⁴ *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Кн. 3. Л. 439.

³⁵ Там же. Кн. 4. Л. 52, 602.

³⁶ Там же. Кн. 3. Л. 450.

³⁷ Там же. Кн. 4. Л. 449 об.

³⁸ Там же. Кн. 1. Л. 530–531.

³⁹ Там же. Кн. 2. Л. 23.

⁴⁰ Там же. Л. 681 об.

⁴¹ Там же. Кн. 1. Л. 161 об. – 162.

⁴² Там же. Л. 161–162 об.

⁴³ Там же. Л. 164.

⁴⁴ Там же. Л. 163.

⁴⁵ Там же. Л. 408–408 об.

⁴⁶ Там же. Л. 408.

⁴⁷ Там же. Кн. 3. Л. 439.

внутренних взаимосвязей пронизаны жития Киево-Печерских святых. Иногда «переносятся» из жития в житие и имена святых «прежде живших». Таково, например, свидетельство о том, как Пахомий Логофет сочинил каноны и жития «великому Варлааму, иже на Хутыне, и великому Онуфрею, и великой княгине Ольге, и преподобному Савве Вишерскому, и архиепископу Евфимию» в житии Ионы Новгородского⁴⁸ и т.п.

Все вместе это формирует довольно целостную картину собрания житий не как россыпи отдельных и самостоятельных «рассказов», а как взаимосвязанных вместе звеньев одной цепи, общей, единой русской христианской истории.

Отдельно следует отметить выказываемое свт. Димитрием стремление к восстановлению последовательности описываемых им событий. Традиционно русские памяти распределялись по году приблизительно равномерно (как правило, будучи приуроченными ко дням смерти или обретению/перенесению мощей святых), без соблюдения какого бы то ни было хронологического порядка в праздновании. В этой непрерывной череде праздников события перемешивались, их хронологическая привязка в значительной мере терялась, и преобладала – географическая. Святые идентифицировались, прежде всего, не по времени, а по месту их жизни или подвигов – Печерские (Антоний, Феодосий и др.), Ростовские (Исайя, Исидор и др.), Новгородские (Иоанн, Иона и др.), Смоленские (Меркурий, Авраамий и др.), Московские (Петр, Алексий, Иона и др.) и т.д. Тем не менее, в ряде случаев свт. Димитрий, кажется, пытается уяснить для себя и передать своим читателям именно хронологический порядок излагаемых им повествований.

Собирая разрозненные жития в единый свод, он, по возможности, сохраняет имеющиеся в них точные датировки, а иногда и сам дополняет их на основании летописных источников. Точные даты событий проставлены в

---

⁴⁸ Там же. Кн. 1. Л. 408 об.

житиях Антония Римлянина⁴⁹, Михаила Черниговского⁵⁰, Игнатия Ростовского⁵¹, Макария Желтоводского⁵², преподобного Зосимы⁵³, сказаниях о перенесении ризы Иисуса Христа⁵⁴ и Владимирской иконы в Москву⁵⁵, Грузинской⁵⁶, Толгской⁵⁷, Тихвинской⁵⁸ иконах Божьей Матери и мн. др. Наибольшее число точных датировок содержится в третьей и четвертой книгах житий.

В ряде случаев свт. Димитрий помещает в текст целые исследовательские хронологические выкладки – о времени крещения княгини Ольги⁵⁹, о времени смерти князя Владимира⁶⁰ – отмечая разночтения дат в разных источниках. Его стремление к точным датировкам распространяется не только на русские, но и на греческие жития, включенные в Четыи Минеи. С этим связано появление в третьем томе житий рассуждения «О календаре эллиноримском древнейшем», сопровождаемое таблицей перевода дат⁶¹.

Вместе с тем в Четыих Минеях сохраняются и присущие агиографическим сочинениям черты «большой временной протяженности»: житие Бориса и Глеба с их чудесами охватывает период с конца X по XIV вв.⁶², житие Варлаама Хутынского – с XII по XV вв.⁶³, Макария Желтоводского – с XIV по XVII вв.⁶⁴ и т.д.

Отдельные пометы свт. Димитрия связаны с уточнением географических названий, упомянутых в житиях. В частности, свт. Димитрий

---

⁴⁹ Там же. Кн. 4. Л. 599 об., 602.

⁵⁰ Там же. Кн. 1. Л. 130, 133 об.

⁵¹ Там же. Кн. 3. Л. 662 об.

⁵² Там же. Кн. 4. Л. 548 об., 551.

⁵³ Там же. Кн. 3. Л. 345 об.

⁵⁴ Там же. Кн. 4. Л. 401 об.

⁵⁵ Там же. Л. 763.

⁵⁶ Там же. Л. 732.

⁵⁷ Там же. Л. 632.

⁵⁸ Там же. Л. 250–261 об.

⁵⁹ Там же. Кн. 4. Л. 427–428.

⁶⁰ Там же. Л. 456 об. – 457.

⁶¹ Там же. Кн. 3. 671 – 676 об.

⁶² Там же. Л. 448 об. – 458 об.

⁶³ Там же. Кн. 1. Л. 413 об. – 416.

⁶⁴ Там же. Кн. 4. Л. 545 об. – 553 об.

так же, как и научное сообщество XVIII в. (и даже раньше него!), задается вопросом: «Что за страна варяги?» (об этом он спрашивал в сохранившейся переписке монаха Чудова монастыря Феолога⁶⁵). На полях жития Прокопия Устюжского, о котором сказано, что он «родом бе от Варяг», свт. Димитрий оставляет комментарий «от немцев»⁶⁶. Такую же помету («немцы») встречаем и в сказании о Тихвинской иконе Божьей Матери в месте, где повествуется о захвате «варягами» (в действительности – шведами) Новгорода в Смутное время⁶⁷.

Таким образом, можно утверждать, что «Жития святых» Димитрия Ростовского представляют собой синтез агиографического и историографического подходов к освещению событий прошлого. В дальнейшем исследовательский интерес Димитрия Ростовского к истории проявился в создании им подлинно исторических сочинений – «Келейного летописца», «Летописца о Ростовских архиереях»⁶⁸, «Росписи митрополитов Киевских с кратким летописанием»⁶⁹. Но и в Четьх Минях русская история оказывается представленной в неожиданной полноте.

2.1. Славянская древность в «Житиях святых» Димитрия Ростовского

Обращаясь к историческим событиям, отраженным в книгах «Житий святых», можно увидеть, что они охватывают собой весь период истории российского государства с древнейших времен и до начала XVIII в. (См. таблицу № 5). При этом, в них оказываются отражены события не только церковной, но и светской истории, в том числе истории дохристианской.

---

⁶⁵ Шляпкин И.А. Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб., 1891. С. 443.

⁶⁶ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 365.

⁶⁷ Там же. Кн. 4. Л. 258.

⁶⁸ Тарасов А.Е. Русская церковная иерархия в трудах святителя Димитрия Ростовского: «Летописец о Ростовских архиереях» // Звезда от Киева воссиявшая. Почитание святителя Димитрия Ростовского: история и современность. М., 2013. С. 98–120.

⁶⁹ Роспись Митрополитов Киевских, с кратким летописанием // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. М., 1775. С. 54–108.

История допетровской Руси в «Житиях святых» Димитрия Ростовского

Период	Памяти	Общее количество
Русская древность до Крещения Руси	Апостола Андрея (30 ноября); Кирилла и Мефодия (11 мая); княгини Ольги (11 июля); Феодора Варяга и его сына Иоанна в Киеве убиенных (12 июля); князя Владимира (15 июля).	5
Домонгольская Русь	Иоанна Новгородского (7 сентября); Ефрема Новоторжского (28 января); Нифонта Новгородского (8 апреля); Бориса и Глеба (2 мая); об убиении князя Игоря Ольговича (5 июня); о смерти митр. Константина (6 июня); Князя Владимира (15 июля); Моисея Угрина (26 июля); + 38 житий Киевско-Печерских святых (см. Приложение 1)	46
Русь и татары XIII-XV вв.	Кирилла и Мефодия (11 мая); Михаила Черниговского (20 сентября); Евфросинии Суздальской (25 сентября); Сергия Радонежского (25 сентября); Гурия Казанского и Варсонофия Тверского (4 октября); Никона Радонежского (17 ноября); Меркурия Смоленского (24 ноября); митр. Алексия (12 февраля); Василько Ростовского (4 марта); митр. Ионы (31 марта); Пафнутия Боровского (1 мая); Владимирской иконы (23 июня); Петра Ростовского (30 июня); Макария Желтоводского (25 июля); Донской иконы Божьей Матери (19 августа); Сретения Владимирской иконы (26 августа); Александра Невского (30 августа ⁷⁰); + Феодора Смоленского и его детей Давида и Константина (19 сентября и 5 марта), Михаила Ярославича Тверского (22 ноября) ⁷¹	20
Московское княжество XIV-XVI вв.	Григория Пелшемского (30 сентября); Сергия Радонежского (25 сентября); Митр. Петра (21 декабря), митр. Алексия (12 февраля), митр. Иона (31 марта) и др.	более 5
Взятие Казани	Макария Желтоводского (25 июля); Гурия Казанского и Варсонофия Тверского (4 октября); Казанской иконы Божьей матери (8 июля).	3
Смутное время	Димитрия Углицкого (3 июня); Тихвинской иконы Божьей Матери (26 июня)	2
Северная война	Александра Невского (30 августа)	1

Традиционно наиболее ранним свидетельством, имеющим отношение к русской истории, с точки зрения хронологической последовательности, было предание о путешествии апостола Андрея Первозванного по пути «из Варяг в Греки» и установлении им креста на Киевских горах. В печатном Прологе оно публиковалось отдельно как «Слово о проявлении крещения российския земли, святого апостола Андрея, как приходил в России и благословил место,

⁷⁰ Память 30 августа установлена после перенесения мощей Александра Невского в Санкт-Петербург 30 августа 1724 г.

⁷¹ Памяти Феодора Смоленского и его детей Давида и Константина (19 сентября и 5 марта), Михаила Ярославича Тверского (22 ноября) в составе Четьих Миней не содержат пространных статей и упоминаются со ссылкой на Пролог.

и крест поставил, идеже ныне град Киев»⁷², а в Четврых Минеях было включено в состав жития Апостола Андрея (30 ноября)⁷³. Согласно этой легенде, записанной еще в Повести временных лет⁷⁴, апостол Андрей благословил горы над Днепром, предсказав, что «на сих благодать Божия возсияет, и имять град велик zde быти, и церкви многи хочет Бог воздвигнути ту, и просветити святым Крещением всю землю Российскую»⁷⁵. В русской церковной традиции он считался первым крестителем и покровителем Руси.

Следующая обширная историческая вставка, касающаяся древнеславянской истории, была помещена Димитрием Ростовским в житие славянских просветителей Кирилла и Мефодия (11 мая)⁷⁶. Она носила заголовок «О козарех» («О хазарах») и представляла изложение распространенного на Украине исторического мифа о происхождении названия казаков от хазар⁷⁷.

Свт. Димитрий называет хазар «народом скифским, языка славенского или российского»⁷⁸, расселившимся «по обоим странам Дона» от Волги на Востоке до Днепра на Западе (не малая же часть «пришедши Днепра (...) поселишася идеже ныне Очаков, и идеже Белгород, и далее»⁷⁹). Он останавливается на описании хазарских обычаев, отмечая, что жили они «без храмин, в шатрах», «преходяще от места на место», питались «зелием и мясом паче, неже хлебом», а «во бранех бяху зело храбры и всем страшны»⁸⁰, о чем свидетельствуют греческие и римские летописцы. Ссылаясь на Акафист на пятую субботу великого поста, свт. Димитрий рассказывает об осаде хазарами и персами Константинополя, спасенного заступничеством

---

⁷² Пролог. Т. 1. Л. 308–308 об.

⁷³ *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Кн. 1. Л. 651 об.

⁷⁴ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 9.

⁷⁵ *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Кн. 1. Л. 654 об.

⁷⁶ Там же. Кн. 3. Л. 542–543 об.

⁷⁷ *Ткаченко В.В.* Хазарский миф в «Житиях святых» свт. Димитрия Ростовского // Материалы XXVII Международной научной конференции Ломоносов-2020. М., 2020. С. 1–3.

⁷⁸ *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Кн. 3. Л. 542.

⁷⁹ Там же. Л. 542 об.

⁸⁰ Там же.

Пресвятой Богородицы. Далее он повествует о крещении хазар, произошедшем, по его мнению, в Херсонесе под влиянием учения Кирилла и Мефодия, а также по образцу хазарской княжны Ирины (крестившейся супруги Византийского императора, матери Льва IV Хазара).

В повествование о хазарах автором вплетается основанная на Повести временных лет история правления на Руси первых Рюриковичей: захват платившего дань хазарам Киева Аскольдом и Диром; приход в Киев Олега, затем отнявшего у хазар северян и радимичей; разгром хазар Святославом. При этом, святитель Димитрий полагает, что Святослав покорил лишь часть хазар с западной стороны Дона, в то время как к востоку от него «бывшии Козары, верою христиане, свою имеяху область»⁸¹ до прихода печенегов и половцев. Последние, «многими леты бьющися с ними, истребиша Козарев: а сами их места прияша»⁸². До конца прослеживая историю южно-русских степей, Димитрий Ростовский доводит ее до прихода из-за Волги татар во главе с Батыем «в силе тяжкой приидоша первее на Половцев, и бившися с ними крепко, истребиша их, а с ними и печенегов до конца, и взяша тыя страны в свою область. По том и на вся руския земли наидоша и повоеваша»⁸³. Свое повествование он заключает фразой: «Половцев убо и Печенегов память погибе весма, а Козарев имене память остася в Малороссийском воинстве крепком, подобне тому, зело мало пременно именуемом»⁸⁴.

Размышления о хазарах, изложенные в Четых Минеях, имели широкое распространение в исторических представлениях казачьей элиты. Изучавший развитие этой этиологической легенды А.М. Бовгиря отмечал параллели с сочинением свт. Димитрия в «Летописи Грабянки» и других малороссийских летописцах XVIII в., называя текст свт. Димитрия первичным по отношению

---

⁸¹ Там же. Л. 543.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

к ним⁸⁵. В то же время, выявленная Д.Ю. Степановым рукопись «Синописа истории казацкой» (НИОР РГБ Ф. 173. № 97), представляющая, по всей видимости, наиболее раннюю редакцию «Летописи Грабянки», была датирована им примерно 1697 г., а значит, могла быть создана до выхода в печати третьего тома Четых Миней (1700 г.)⁸⁶. Таким образом, вопрос соотношения текстов остается открытым.

Как бы то ни было, можно выделить ряд существенных различий в трактовке хазарского мифа в его агиографической и летописной редакциях. Святитель Димитрий не отождествлял казаков и хазар напрямую. Во-первых, по его словам, хазары были истреблены печенегами и половцами («многими лета бьющися с ними, истребиша Козарев: а сами их места прияша»⁸⁷); во-вторых, он говорил лишь о заимствовании названия от одного этноса к другому, хотя и считал хазар славянским христианским народом («Козарев *имене память* остася в Малороссийском воинстве крепком, подобне тому, зало мало премоно именуемом» [здесь и далее курсив мой – В.Т.]⁸⁸).

«Летопись Грабянки» трактует эти два места принципиально иначе. По ней, хазары, во-первых, истреблены не были («чрез многие лета на Казаров бранию воюючи, *вмале не до конца* их истребиша»⁸⁹); во-вторых казаки воспринимались их непосредственными преемниками («Козаров же нарицание Малороссийские вои мало что пременивши, в место Козаров Козаками именуются»⁹⁰).

Отрицание Димитрием Ростовским прямой (родственной) преемственности между хазарами и казаками подтверждается и еще одним эпизодом Четых Миней. В житии князя Владимира им было помещено

---

⁸⁵ Бовгиря М.А. «Хозары во казаки именуются посем»: этногенетические концепты в украинских текстах XVII–XVIII вв. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не) единства. М., 2017. С. 295.

⁸⁶ Степанов Д.Ю. Хазарский этногенетический миф в системе этнических представлений украинской казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в. // Славянский альманах. 2017. №№ 3–4. С. 31–52.

⁸⁷ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 3. Л. 543.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Летопись гадячского полковника Григория Грабянки. Киев, 1853. С. 13.

⁹⁰ Там же. С. 15.

заимствованное из «Синописиса» рассуждение о том, «колькраты Россы прежде Владимира крестишася»⁹¹. Согласно «Синописису», который служил для него здесь источником, Русь крестилась пять раз: 1) «От Святаго Апостола Андрея Первозванного»; 2) В 863 г. от Кирилла и Мефодия, переложивших «греческия книги Славенским языком, святое Евангелие, Апостол, и прочая»; 3) В 886 г. при патриархе Фотии от посланного к князю Олегу митрополита Михаила; 4) В 955 г. при великой княгине Ольге; 5) И, наконец, при святом равноапостольном великом князе Владимире.

Почти полностью пересказывая повествование «Синописиса» свт. Димитрий, тем не менее, вносит в него существенную авторскую правку, исключая крещение от Кирилла и Мефодия, и оставляя только четыре. Этот посыл оказывается логично объясним при условии, что в понимании святителя, от славянских учителей крестилась не Русь, а хазары, которые в дальнейшем были истреблены. Из этого следовало, что крещение от Кирилла и Мефодия к Руси отношения не имело, и потому оно было намеренно исключено свт. Димитрием из перечня «Синописиса».

У нас нет оснований утверждать, что существовавший в казачьей среде «хазарский миф», был изобретен Димитрием Ростовским. Очевидно, высказывания святителя на сей счет были основаны на уже бытовавших в Малороссии легендах (он был сыном казацкого сотника и мог слышать их в юности в семейном кругу). Однако помещение этих идей в общеизвестном и тиражируемом печатном издании, безусловно, способствовало их распространению. Показательно демонстрирует это автор созданного в 1787 г. «Летописного повествования о Малороссии» А. Ригельман⁹². В списке источников по истории Малороссии называет «Четы Миней» прежде «Синописиса» и даже прежде «Российских и Польских летописей»⁹³. Кроме того, он дословно цитирует их в своем тексте, предваряя комментарием: «Что

---

⁹¹ Синописис. Киев, 1674. С. 65–68.

⁹² Ригельман А. Летописное повествование о Малороссии, ее народе и козаках вообще. М., 1847.

⁹³ Там же. С. [VII].

же касается о именуемых Казарах, от коих мнили Запорожцы произшедшим быть, отколь и какие люди были (...) объявляет нам ясно взятое из Греческих летописцев, Российская Четь-Миней, повествованием своим в месяце мае, в 11 день»⁹⁴. Примечательно, что при этом сам Ригельман является противником «хазарского мифа», по его мнению, получившего популярность именно из-за попадания в минейные тексты. Переписав фрагмент Четых Миней, он сетует: «От сего-то носящагося молвою в народе имени Козаки Запорожские, живущие в сече особливо о себе произносить стали, яко бы они подлинно от Козар произшествие свое имели»⁹⁵.

Таким образом, помещенные в агиографическое собрание исторические размышления Дмитрия Ростовского оказали заметное влияние на становление этнического самосознания малороссийского казачества⁹⁶. Оставили они свой след и в науке: на «Четьи-Миней» Дмитрия Ростовского ссылался А.Л. Шлецер, называя статью «О козарех» «истинно ученым рассуждением»⁹⁷.

2.2. Домонгольская Русь в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского

Характерной особенностью Четых Миней (в отличие от печатных Прологов) было включение в агиографические тексты обильных летописных вставок, повествующих не только о русской христианской истории, но и о правлении первых Рюриковичей. Помимо уже рассмотренного выше жития Кирилла и Мефодия, они в большом количестве присутствовали в житиях княгини Ольги (11 июля) и князя Владимира (15 июля) в редакции Дмитрия Ростовского.

---

⁹⁴ Там же. С. 5–7.

⁹⁵ Там же. С. 7–8.

⁹⁶ Отдельно стоит отметить, что благодаря попаданию в Четьи-Миней Жития Кирилла и Мефодия во многом сохранилась традиция их почитания в России, поскольку из официального печатного Месяцеслова память Кирилла и Мефодия была исключена по справе 1682 г. и вновь возвращена в 1861 г., чему отчасти способствовало оживление общеславянского самосознания на фоне освободительного движения у братских славянских народов.

⁹⁷ Шлецер А. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Пер. с немецкого Д.И. Языкова. СПб., 1816. Т. II. С. 578.

При их составлении святитель опирался не только на Пролог и Великие Четьи Миней, но и на Повесть временных лет, Киевский «Синописис», хронику Стрыйковского и др.⁹⁸ По его словам, житие Ольги было составлено им «от рукописных древних четьих и летописцев различных собранное сокращенно»⁹⁹, а история жизни Владимира была «собрана из Летописца Российскаго, преподобнаго Нестора Печерскаго, сокращенно, и от иных книг Российских, и прочих»¹⁰⁰. Привлечение многочисленных источников и кропотливая редакторская работа, осуществленная святителем Димитрием в отношении этих текстов, свидетельствуют о его особенном внимании к ранней русской истории. Не стоит забывать и о том, что жития русских равноапостольных святых – Ольги и Владимира – входили в последнюю, «летнюю» книгу Четьих Миней и, таким образом, представляли собой одни из наиболее зрелых агиографических работ святителя Димитрия.

С точки зрения Димитрия Ростовского, княгиня Ольга была внучкой «именита мужа» Гостомысла, «иже прежде князей Российских в великом Новеграде начальствовавшие»¹⁰¹. Поэтому описание ее жития он начинает с упоминания о том, как был призван «от Варяг на великое Российское княжение Рурик с братиею»¹⁰². Помимо этого, в числе событий политической истории древней Руси здесь отмечались поход Олега на Киев и убийство им Аскольда и Дира, княжение Игоря, его поход на Царьград и убийство древлянами, многочисленные войны князя Святослава и его гибель от рук печенегов (включая предание о том, что из головы Святослава князь Куря приказал сделать чашу). Сама жизнь Ольги – её встреча с Игорем, замужество, месть древлянам, крещение и христианская жизнь служила связующей нитью для этого развернутого исторического повествования.

---

⁹⁸ Об источниках свт. Димитрия Ростовского см.: Федотова М. А. Житие княгини Ольги в Четьих Минях Димитрия Ростовского. С. 362–383; Абрамович Д. І. Літописні джерела Четьїх-Міней Дмитра Ростовського. С. 32–61.

⁹⁹ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 419.

¹⁰⁰ Там же. Л. 447 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 419.

¹⁰² Там же.

Целое хронологическое исследование было посвящено дате крещения Ольги. Последовательно перечисляя противоречащие друг другу свидетельства исторических трудов, свт. Димитрий предлагает читателю самому сделать вывод о том, «кто бяше царь, и кто патриарх во время крещения Ольги святыя»¹⁰³.

Из жития князя Владимира в составе Четьех Миней¹⁰⁴ внимательный читатель мог почерпнуть описание родословной Рюриковичей, возведенной к Римскому императору Августу (еще одно упоминание об Августе содержалось в житии Димитрия Углицкого¹⁰⁵), исторические сведения о правлении первых русских князей, междоусобице Олега и Ярополка, приходе к власти Владимира, поставлении идолов и убийстве мучеников-варягов Феодора и его сына Иоанна. Описывая языческий период княжения Владимира более подробно, нежели в его проложных житиях, Димитрий Ростовский дополняет его сведениями Киевского «Синописа» о языческих божествах с перечислением их имен и того, чему они покровительствовали¹⁰⁶. (В вышеупомянутой переписке с монахом Феологом свт. Димитрий ярко прокомментировал свое отношение к этому сюжету: «Не надо ли Богов поганских? Зело полезно прочесть да и плюнуть»¹⁰⁷).

Между тем, некий элемент «самоцензуры» в его тексте всё же присутствовал. Отметив наиболее характерные черты языческого этапа жизни князя, свт. Димитрий исключает из повествования те свидетельства, которые он, по всей видимости, счел не уместными либо чересчур пространными для церковной книги, оставляя знакомство с ними на усмотрение читателя: «О всем же житии Владимировом, бывшем в неведении Бога и в нечестии, о братоубийстве и кровопролитиях, о храбрости и многих бранех, о бесслужительствах и женонеистовствах его пишется

---

¹⁰³ Там же. Л. 428.

¹⁰⁴ Там же. Л. 447 об. – 457.

¹⁰⁵ Там же. Л. 31.

¹⁰⁶ Там же. Л. 448.

¹⁰⁷ Шляпкин И.А. Святой Димитрий Ростовский и его время... С. 444.

пространно в Летописце святого Нестора Печерского, и в иных многих рукописных летописаниях Российских, и в печатном Синописе Печерском, изволяяй да четет тамо»¹⁰⁸.

Рассказ о выборе веры и Крещении Руси в изложении свт. Димитрия близок к летописному. По наблюдению Д.И. Абрамовича, источником свт. Димитрия здесь служил текст, близкий Густынской летописи, откуда им были заимствованы как общий план изложения событий, так и описания отдельных эпизодов – прихода проповедников и испытания вер, крещения Рогнеды и ее пострижения в монахини, чудесного исцеления Ярослава от хромоты, уничтожения идола Перуна в Новгороде, беседы Владимира с митрополитом о смертной казни, разделения Русской земли между сыновьями Владимира и смерти князя¹⁰⁹.

Любопытно отношение свт. Димитрия к преданию об основании Владимиром Святославичем г. Владимира. Краткое упоминание об этом встречается в житии Стефана Печерского, где о городе говорится: «егоже сам великий он Самодержец Владимир во имя свое созда»¹¹⁰. Вместе с тем, пометки свт. Димитрия на принадлежавшем ему экземпляре «Синописиса» свидетельствуют о его недоверии к изложенной там легенде о том, что князь не только «заложил град над рекою Клязьмою и нарече его своим именем», но и перенес туда «престол свой царский»¹¹¹. «Святитель отчеркнул это предложение и сначала отметил на поле “неправда”, а потом добавил вклейку с язвительной фразой: “Стрийковский бредив, а ты побережешь”»¹¹². При условии многочисленных заимствований из «Синописиса» в Четых Минеях, этот сюжет в состав жития князя Владимира свт. Димитрий не включает.

---

¹⁰⁸ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 448 об.

¹⁰⁹ Абрамович Д.И. Літописні джерела Четых-Міней Дмитра Ростовського. С. 33.

¹¹⁰ Димитрий Ростовский. Жития святых. Т. 3. Л. 416 об.

¹¹¹ Синописис. Киев, 1674. С. 56.

¹¹² Толочко О. «Синописис» з бібліотеки Дмитрія Ростовського // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 1998. Вип. 5. С. 619. Цит. по: Русина Е.В. Исторические воззрения Димитрия Ростовского в киевском интеллектуальном контексте второй половины XVII века // Православие и православная культура в эпоху святого Димитрия Ростовского. Издание Спасо-Яковлевского Димитриево монастыря. Ростов Великий, 2018. С. 139–140.

Тексты, отражающие последующие периоды истории Древней Руси не перерабатывались свт. Димитрием столь значительно. Почти полностью был включен в состав его труда Киево-Печерский патерик (по киевскому изданию 1661 г.). К текстам Патерика восходят 38 из 77 пространных житий русских святых, включенных в Четьи-Минеи¹¹³. Они были равномерно распределены в течение всего года.

Из житий печерских подвижников и других домонгольских святых, помимо рассказов об их духовных подвигах, читатель мог почерпнуть как историко-бытовые, так и общественно-политические сведения о русской древности: о взаимоотношениях власти и церкви, княжеских междоусобицах, половецких набегах и др.¹¹⁴ В них упоминались имена свыше 35 киевских и удельных князей XI-XII вв., раскрывалась последовательность перехода киевского престола от одного князя к другому и их родственные взаимоотношения между собой¹¹⁵, давались общие характеристики некоторым правителям (как положительные – Всеволоду Ярославичу¹¹⁶, Владимиру Мономаху¹¹⁷, так и отрицательные – Святополку¹¹⁸, Святославу Ярославичу¹¹⁹ и др.).

Начиная с убийства Бориса и Глеба, рассказы о княжеских усобицах занимали заметное место в Житиях. Помимо распри между потомками князя Владимира, в ходе которой пришел к власти Ярослав (отраженной в житиях Бориса и Глеба, Антония Печерского, Моисея Угрина, Ефрема Новоторжского и др.¹²⁰), в них содержались повествования об изгнании из

¹¹³ Федотова М.А. К истории четьих миней Дмитрия Ростовского: рукописные материалы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 12. С. 129.

¹¹⁴ См.: Абрамович Д.И. Печерский Патерик как исторический источник // Он же. Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 184–204.

¹¹⁵ Дмитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 50–50 об.

¹¹⁶ Там же. Кн. 3. Л. 600–601.

¹¹⁷ Там же. Л. 454–454 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 449–451 об.

¹¹⁹ Там же. Кн. 2. Л. 669.

¹²⁰ Там же. Кн. 2. Л. 596; Кн. 3. Л. 448 об. – 458 об.; Кн. 4. Л. 403–403 об., 526 об., 554–554 об.

Киева Изяслава Ярославича (в житиях Антония и Никона Печерских¹²¹); об ослеплении князя Василька Теробовльского и последовавшей за ним «междоусобной брани» Святополка Изяславича с Давыдом Игоревичем, Володарем Ростиславичем, и самим Васильком (в житии Прохора Печерского, 10 февраля¹²²); об убиении князя Игоря Ольговича (отдельная статья под 5 июня¹²³); о вражде киевлян и черниговцев (в житии Нифонта Новгородского, 8 апреля¹²⁴); об осаде Новгорода суздальцами (в житии Иоанна Новгородского, 7 сентября¹²⁵); о междоусобной войне между Всеволодом Большое Гнездо и смоленскими князьями Ростиславичами (в житии Бориса и Глеба, 2 мая¹²⁶) и др. Кроме княжеских усобиц – «многого несогласия и смятения»¹²⁷ – отмечалась и внутрицерковная борьба за митрополичий престол (в «дивной и ужасной» повести о смерти киевского митрополита Константина, 6 июня¹²⁸).

Наиболее тяжелым рисовалось время правления Святополка Изяславича, описанное в житии Прохора Печерского: «Во дни княжения Святополка Изяславича в Киеве много насилия от князя сотворися людем: дома бо сильных без вины искорени, и имения многих отъя; сего ради Бог попусти поганым силу имети на него, и восташа рати многи в державе его от Половцов, к сим же и междоусобная брань, яко быти тогда гладу многожды, и скудости велией в Российской земли»¹²⁹; «в то убо время велию нестроению сущу, и граблению беззаконному»¹³⁰.

Непрестанные набеги кочевников изображались неотъемлемой чертой беспокойного русского средневековья. «В та бо времена погане укрепившася,

---

¹²¹ Там же. Кн. 4. Л. 407–407 об.; Кн. 3. Л. 163.

¹²² Там же. Кн. 2. Л. 670.

¹²³ Там же. Кн. 4. Л. 50–53.

¹²⁴ Там же. Кн. 3. Л. 294.

¹²⁵ Там же. Кн. 1. Л. 54 об. – 55 об.

¹²⁶ Там же. Кн. 3. Л. 357–358.

¹²⁷ Там же. Кн. 4. Л. 53 об.

¹²⁸ Там же. Л. 53–54 об.

¹²⁹ Там же. Кн. 2. Л. 669.

¹³⁰ Там же. Л. 670.

и многия насилия творяху христианам»¹³¹. Отголоски борьбы с печенегамы сохранились в житии Бориса и Глеба¹³², с половцами – в сказаниях Киево-печерского патерика. Житие Антония Печерского сообщало о предреченном преподобным поражении братьев Ярославичей в битве на Альте («яко едва сами с животом избегоша князи, Изяслав и Всеволод в Киев, Святослав же в Чернигов, а половцы по всей разсеяшася Российской земли, пленяюще и погубляюще оную»¹³³). Схожий рассказ содержался в повествовании об освящении Успенского собора¹³⁴. Другое поражение русских войск – на реке Стугне – описывалось в житии Григория Печерского¹³⁵. О набегах хана Боняка, пленении, продаже в рабство и выкупе русских людей повествовали жития Никона и Евстратия Печерских¹³⁶.

В этой обстановке русские подвижники выступают миротворцами и заступниками христиан, стойкими в своей вере и уповающими на волю Господа. Они благословляют князей «на брань с погаными», увещевают их отказаться от междоусобной вражды, помогают нуждающимся и исцеляют больных.

2.3. Русь и татары в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского

Значительный след в русской агиографии оставило Батыево нашествие и последующее татарское владычество. С памятью о нем было связано множество почитаемых церковью святых, в числе которых особое место занимает сонм русских мучеников, погибших за веру¹³⁷. Среди них – Меркурий Смоленский, «от безбожного царя Батыя убиенный»¹³⁸

---

¹³¹ Там же. Кн. 3. Л. 453 об. – 454.

¹³² Там же. Л. 449.

¹³³ Там же. Кн. 4. Л. 406 об.

¹³⁴ Там же. Л. 665 об.

¹³⁵ Там же. Кн. 2. Л. 393 об. – 394 об.

¹³⁶ Там же. Л. 117; Кн. 3. Л. 215–216.

¹³⁷ См.: *Перевезенцев С.В.* "Не в силе Бог, но в правде". Русская святость в годы монголо-татарского владычества // Форум: международный журнал. 2004. № XXXII–XXXIII. С. 175–185.

¹³⁸ *Дмитрий Ростовский.* Жития святых. Кн. 1. Л. 611.

(24 ноября); Василько Ростовский, «от Батыевых татар... убиен бысть»¹³⁹ (4 марта); Михаил Черниговский и его боярин Феодор, «от нечестивого Батыя пострадавшие»¹⁴⁰ (20 сентября). Была прославлена в лике святых и его дочь Евфросиния Суздальская, которая «во время же нахождения нечестиваго Батыя обитель свою от пленения Агарянского соблюде целу молитвами своими»¹⁴¹ (25 сентября).

Дальнейшее пребывание Руси под Ордынским игом отразили памяти Александра Невского (23 ноября, 30 августа¹⁴²), Феодора Смоленского и его детей Давида и Константина (19 сентября и 5 марта), Михаила Ярославича Тверского (22 ноября), митрополита Алексия (12 февраля), Сергия Радонежского (25 сентября), Никона Радонежского (17 ноября), Пафнутия Боровского (1 мая), Ордынского царевича Петра (30 июня) и др.

В печатной четьей литературе XVIII в. посвященные им агиографические сочинения были представлены неравномерно (см. *Приложение 1*). Некоторые из них вошли в Четви Миней в форме пространных статей, о некоторых содержались лишь краткие упоминания со ссылкой на Пролог. Однако тексты, читаемые в составе «Житий святых», при этом, были, как правило, более подробны соответствующих проложных житий.

Наибольшее количество исторических сведений о Батыевом нашествии включило в себя житие Михаила Черниговского (20 сентября) в редакции, переработанной свт. Димитрием Ростовским для второго издания «Житий святых»¹⁴³. Его предваряло пространное рассуждение о причинах жестоких бедствий, постигших русскую землю, где сохранялось сформировавшееся

---

¹³⁹ Там же. Кн. 3. Л. 48.

¹⁴⁰ Там же. Кн. 1. Л. 129 об.

¹⁴¹ Там же. Л. 165.

¹⁴² Память 30 августа установлена после перенесения мощей Александра Невского в Санкт-Петербург 30 августа 1724 г.

¹⁴³ *Димитрий Ростовский. Жития святых*. Кн. 1. Киев, 1764. Л. 101 об. – 105 об.; *Державин А. Четви-Миней святителя Димитрия...* Ч. 1. М., 2006. С. 256.

еще в средневековье восприятие татарского нашествия как кары за грехи¹⁴⁴: «Всякое смущение и брани, или иныя кия пагубы, егда узриши когда, не мни, яко прости со обращением непостоянного мира, как от некоего случая бывают: но веждь, яко вся сия изволением всемогущаго Бога за грехи наша попускаются, дабы согрешающии приходили в чувство и исправление»¹⁴⁵.

Пугающие картины татарских зверств и разоренных городов изображались в тексте ярко и эмоционально: «Попусти убо на нас поити безбожным и бесчеловечным варварам, иже нарицаются татаре, с нечестивейшим и беззаконнейшим царем их Батыем, иже в бесчисленном множестве силы своя поганския на Российскую нашу землю нашедше, в лето от бытия мира 6746, воплощения же Бога Слова в лето 1238, всю силу христианских царей и князей сокрушиша и потопташа, вся грады разориша, и всю землю мечем и огнем поплениша, и пугу сотвориша, никомуже могущу противу безбожных тех силы стати, еиже грех ради наших предаде нас Бог (...). В то время избывши от меча и пленения христиане, кряхуся по горам и непроходимым пустыням, и бе видети умиленное видение: селения человеческая, грады и веси пусты: а идеже дивии зверие живяху, тамо человецы водворяхуся, крющесея от варвар»¹⁴⁶.

По сравнению с текстом Макарьевских Четых Миней¹⁴⁷, взятым за основу Димитрием Ростовским, его редакция жития Михаила Черниговского включала более полное изложение исторической канвы событий. Дополнительные сведения были почерпнуты святителем, по его словам, из «Печерского летописца»¹⁴⁸. В отдельных эпизодах его изложение сходно с Густынской летописью¹⁴⁹. В частности, житие содержало рассказ о приходе в Киев татарских послов-соглядатаев, избитых князем Михаилом, и его бегстве

---

¹⁴⁴ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. М., 1990. Вып. 1.

¹⁴⁵ Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев, 1764. Л. 101 об. – 102.

¹⁴⁶ Там же. Л. 102.

¹⁴⁷ Великие Миней Четии, собранные митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14–24. СПб., 1869. С. 1297–1308.

¹⁴⁸ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 1. Киев, 1764. Л. 101 об.

¹⁴⁹ Сравн.: Полное собрание русских летописей. Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003 С. 119–120.

«в Угры»; о взятии и разорении татарами Киева (с указанием общей численности татарского войска – шестьсот тысяч человек), поездках князей в Орду и установлении дани. Здесь сохранялись и две главные исторические датировки – 1238 г. (начало нашествия) и 1240 г. (падение Киева).

Описание подвига святого князя представлялось в традиционном для русской агиографической традиции ключе. В то время как многие князья «кланяющиеся царю нечестивому, преемляху свои княжения, и дани ему дающе, живяху в разоренных своих градах»¹⁵⁰, Михаил Черниговский добровольно едет в Орду, чтобы пострадать там за веру Христову и принимает мученическую смерть, отказавшись пройти через татарский ритуал очищения огнем. Жертвуя своей жизнью и земной властью ради Христа, в глазах современников он обретал царствие небесное.

Готовность «пострадать за веру» была подвигом и других русских святых, убитых татарами: Меркурия Смоленского, Василько Ростовского, Михаила Тверского...

Вместе с тем, в житиях присутствовали и положительные образы татар, которые сами приняли христианство. Таков блаженный царевич Петр Ростовский (30 июня), «рода бяше царей Ордынских, племянник по брате царя Беркая»¹⁵¹. Будучи ребенком, он слышал рассказы о чудесах, происходящих у могилы святого Леонтия Ростовского от епископа Кирилла, дважды приезжавшего ко двору хана Берке, и уверовав во Христа, умолил епископа взять его с собой в Ростов.

«Между строк» его жития читаются многие тяготы русско-ордынской зависимости. Это и необходимость ростовского епископа приезжать в Орду «потребы ради» («в то бо время ростовское княжение под областью царей тех бяше»¹⁵²), и страх – «не будет ли взыскания от царя»¹⁵³ – заставлявший

---

¹⁵⁰ *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Кн. 1. Киев, 1764. Л. 103.

¹⁵¹ Там же. Кн. 4. Киев, 1705. Л. 293 об. (Все дальнейшие ссылки – вновь по изданию 1689–1705 гг.).

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же. Л. 294 об.

владыку откладывать крещение Петра, пока хан Берке не умер, а в Орде не началась борьба за власть («бысть смущение в Орде»¹⁵⁴) и др.

Еще один русский святой – Пафнутий Боровский был потомком крестившегося баскака. В состав Четых Миней было включено его житие, написанное его учеником Вассианом, архиепископом Ростовским и Ярославским (1 мая)¹⁵⁵. Оно начиналось с рассказа об установлении татарской власти, когда «Божиим за грехи наша попущением преиде на Российскую землю безбожный царь татарский Батый»¹⁵⁶. Согласно житию, разгромив всех русских князей, он поставил вместо них по городам своих властителей «иже половецким языком нарицахуся Баскаки»¹⁵⁷. Однако после смерти Батыя, «российстии сынове от належавшего варварскаго страха облегчение прияша» и каждый из князей «свое отечество и власть воспреемляше»¹⁵⁸. Окрепнув, князья повелели «агарянских властителей, аще который к вере христианстей не приступит, предавати смерти»¹⁵⁹. Среди таких крестившихся татар был и дед Пафнутия Боровского, принявший новую веру под именем Мартин и живший затем в «христианском благочестии»¹⁶⁰.

История русско-татарских взаимоотношений на страницах житий святых полна контрастов. Одной ее гранью предстают жестокие бедствия, претерпеваемые христианами от «безбожных агарян», другой – невиданные доселе чудеса, являемые небесными заступниками Руси.

Переломным моментом русской истории стала победа в Куликовской битве 1380 г., связанная церковью с заступничеством пресвятой Богородицы, Бориса и Глеба¹⁶¹ и молитвенной помощью Сергия Радонежского. Его житие

---

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. Кн. 3. Л. 436 об. – 446.

¹⁵⁶ Там же. Л. 436 об.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же. Кн. 3. Л. 458 об.

(25 сентября) сохраняло предание о пророчестве преподобного, воодушевившего скорбящего князя Дмитрия предсказанием его счастливого возвращения с боя: «Изыди противу варвар, всякое сумнение отвергши от себе, и Богу помогающе ти, враги победиши, и здрав во отечество свое возвратишися»¹⁶². Уповая на Божию помощь и молитвы святого, Димитрий Донской «пойде, и створив брань с татары, и победи их, яко едва с малою дружиною Мамай убежа»¹⁶³. А прозорливый преподобный, будучи далеко от поля боя, в своей обители во время молитвы сообщил братии о победе русских войск и совершил память по каждому из погибших¹⁶⁴.

Реликвией, связанной с памятью о Куликовской победе, была Донская икона Божьей матери, хранившаяся в Благовещенском соборе Московского Кремля. В её честь был основан Донской монастырь и совершалось празднование Пресвятой Богородицы «честныя ради иконы ея чудотворныя» 19 августа. Известно, что Иван Грозный поклонялся чудотворному образу накануне похода на Казань и брал его с собой в поход на Полоцк. Федор Иоаннович и Алексей Михайлович молились перед ней о защите от набегов крымских татар. Во времена Петра I с ее помощью связывали удачу в Азовском походе 1696 г. и взятие Нарвы в 1704 г.¹⁶⁵.

Святителем Димитрием Ростовским было составлено «Поучение» на день празднования Донской иконы Божьей Матери¹⁶⁶, а краткое изложение её чудес включено в «Жития святых» (19 августа)¹⁶⁷. В нем он передавал казачье предание о том, что Донская икона была дарована князю Дмитрию непосредственно от «войска Донского» и находилась в русском стане во время сражения, что и принесло чудесную победу над Мамаем¹⁶⁸.

---

¹⁶² Там же. Кн. 1. Л. 163.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. Л. 163–163 об.

¹⁶⁵ *Щенникова Л.А.* Донская икона Божьей Матери // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XV. С. 665–666.

¹⁶⁶ *Димитрий Ростовский.* Поучение на празднество Пресвятыя Богородицы Донския // Он же. Сочинения. Т. 3. М., 1840. С. 159–172

¹⁶⁷ *Димитрий Ростовский.* Жития святых. Кн. 4. 712 об.

¹⁶⁸ Там же.

Проявлениями небесного заступничества объяснялись «бескровные победы» христиан, когда в решающий момент татары вдруг отступали, никем не гонимые. Такие спасения представлялись чудесами, помощью Богородицы и святых, а в память о них устанавливались особые церковные празднования.

Описание нашествия на Москву Тамерлана (Темир-Аксака) в 1395 г. сохраняло празднество Сретения Владимирской иконы (26 августа), носящее в Четьх Минях более пространное название: «Пречистой деве Богородице, перенесения ради честныя чудотворныя ея иконы из града Владимира великороссийского, в царствующий град Москву: и чудесе ради имже от Российския земли прогнашася Агаряне»¹⁶⁹. В отношении этого праздника тексты Пролога и Четьх Миней дополняли друг друга, совпадая лишь частично. Проложный текст был более историчен и близок к летописной повести о Темир-Аксаке в краткой редакции¹⁷⁰. Он содержал точную датировку, изложение родословия князя Василия Дмитриевича, рассказ о происхождении и значении имени Темир-Аксака и о покорении им других народов до прихода на Русь. При этом в Прологе отсутствовало упоминание о разорении Ельца (сообщалось только о выходе против татар московской рати к берегам Оки, и стоянии Темир-Аксака «на едином месте пятнадцать дней»¹⁷¹), а сам рассказ о перенесении из Владимира в Москву иконы Божьей Матери и последующем спасении Российской земли «от безбожнаго варвара» был сравнительно краток¹⁷².

Четьи Миней, ссылаясь на Пролог в исторической части («О Темираксаке, и о именовании его, откуда он бе, и чего ради тако наречен, зри в Прологе»¹⁷³), передавали в большей степени «чудесные» аспекты происходивших событий. Большое внимание здесь уделялось сну Темир Аксака, где он увидел Богородицу, повелевающую своему войску разгромить

¹⁶⁹ Там же. Кн. 4. Л. 761 об. – 763.

¹⁷⁰ Повесть о Темир Аксаке // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. С. 230–241; Полное собрание русских летописей. Т. VI. СПб., 1853. С. 124–128.

¹⁷¹ Пролог. Т. 2. М., 1747. Л. 669 об.

¹⁷² Там же. Л. 669 об. – 670.

¹⁷³ Дмитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 763.

татар, и проснулся «трепеташе и трясся»; рассуждениям татар о защите Москвы Божьей Матерью («аще такову помощницу христиане имеют, то всеу подвигохомся на них») и бегстве хана «со всею своею силою», оттого, что им казалось, будто «многия полки вои гонят их»¹⁷⁴.

Житие Никона Радонежского (17 ноября)¹⁷⁵ сохранило память о нашествии Едигея и разорении Троице-Сергиева монастыря в 1408 г. Тогда монахи спаслись благодаря чудесному явлению святого Сергия, митрополитов Петра и Алексия, которые приказали покинуть обитель. И хотя «варвары на обитель нашедше, огнем и сожгоша»¹⁷⁶, уцелевшим монахам удалось ее восстановить.

Нашествие татар на Москву в 1451 г. было описано в житии митрополита Ионы (31 марта). На этот раз спасение города произошло благодаря молитвам Богородице «инока некоего именем Антония», добродетельного и благоверного старца, предсказавшего: «агаряне же сию неведомою силою скоро побеждени и прогнани будут, мне точию единому уязвлену быти от них»¹⁷⁷. Произнеся эти слова, Антоний действительно был вдруг ранен стрелой, а татары на следующий день отступили, «смятошася... внезапну страхом и трепетом»¹⁷⁸. «В память избавления от агарян»¹⁷⁹ митрополитом Ионой был заложен храм положения ризы Пресвятой Богородицы, с праздником которой совпал уход татар из-под стен Москвы.

В память еще одной бескровной победы – на Угре в 1480 г. – было установлено «Празднество пресвятой Богородице избавления ради Москвы от Ахмата, Ордынского царя» (23 июня). Противостояние войск «великаго князя Иоанна Васильевича» и «нечестивого царя Ахмата» завершилось

---

¹⁷⁴ Там же. Л. 562 об. – 563.

¹⁷⁵ Там же. Кн. 1. Л. 530.

¹⁷⁶ Там же. Л. 530 об. – 531.

¹⁷⁷ Там же. Кн. 3. Л. 227 об. – 228.

¹⁷⁸ Там же. Л. 228.

¹⁷⁹ Там же.

спасением христиан «предстательством Пресвятыя Богородицы: страх нападе на татар, и едины других бояхуся, и бежаша никимже гонимы»¹⁸⁰.

Хотя на сегодняшний день широко распространено отождествление Стояния на Угре с окончанием ордынского ига, Четьи Миней не выделяли этот праздник особо в числе прочих чудес Божьей матери. Более того, пользуясь удобным случаем, Димитрий Ростовский соединяет статью об этом событии с рассказом об ином «дивном деле», случившемся «в стране Киликийстей во дни благочестивого царя Иустиниана»¹⁸¹.

И до, и после 1480 г. русскую землю тревожили своими набегами казанские татары, что нашло свое отражение на страницах Четьих Миней. Основание Казанского ханства Улу-Мухаммедом и многочисленные набеги казанских татар «на Российские страны» стали одним из главных мотивов жития Макария Желтоводского (25 июля)¹⁸². В 1439 г. (житие сохраняет эту датировку) созданный Макарием на берегу р. Волги Троицкий монастырь был разорен татарами, а сам преподобный вместе со многими монахами попал в плен. Однако, благодаря своей славе как «доброго и святого мужа»¹⁸³, распространившейся «не точию в христианех, но и в Агарянех»¹⁸⁴, он был отпущен татарским «воеводой» вместе с другими 400–ми пленниками с единственным условием, что они уйдут с земель отныне принадлежащих Казанскому царству. Похоронив погибших и преодолев тяжелый пеший путь, Макарий с его спутниками прибыли в маленький городок Унжу, где святой удалился в леса, «пустыннаго безмолвия желаше», и прожил до 95 лет «в преподобии и правде»¹⁸⁵.

После смерти Макария Желтоводского он почитался в Поволжье как чудотворец и защитник от татарских набегов. Его житие сохраняло рассказ о

---

¹⁸⁰ Там же. Кн. 4. Л. 224.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. Л. 548 об.

¹⁸³ Там же. Л. 549.

¹⁸⁴ Там же. Л. 548.

¹⁸⁵ Там же. Л. 550 об.

том, как в 1522 г. во время нашествия татар на Унжу чудесное явление «некоего черноризца великаго» в облаке над городом¹⁸⁶ привело врагов в великое «смятение» и обратило в бегство¹⁸⁷. Спустя десять лет святой защитил осаждаемый татарами Галич¹⁸⁸. Во время другого набега – явился пленной девушке Марии и помог сбежать из неволи домой¹⁸⁹.

Житие Макария Желтоводского заканчивалось радостной вестью о долгожданном взятии Казанского ханства «Благоверным царем и Великим князем Иоанном Васильевичем помощью Божию»¹⁹⁰ и возрождении на прежнем месте древнего Троицкого монастыря при царе Михаиле Федоровиче, «в патриаршество святейшего Филарета» иноком Авраамием¹⁹¹.

Взятие Казани 2 октября 1552 г. произошло на следующий день после праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Казанская победа не была «бескровной» в отличие от других празднуемых «чудесных» спасений от татар. Вероятно, поэтому, специальный отдельный праздник в память об этом событии не был установлен. Но особое почитание праздника Покрова на Руси (более, нежели в других христианских церквях), безусловно, явилось следствием огромного значения этой победы в народном сознании.

Упоминания о том, как «благочестивому царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея России Самодержцу» «покори Бог царства Татарскаго стольный град Казань»¹⁹² неоднократно встречались в агиографической литературе. В составе Четых Миней они содержались в житиях святителей Гурия Казанского и Варсонофия Тверского (4 октября)¹⁹³,

---

¹⁸⁶ Там же. Л. 551–551 об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 551–552.

¹⁸⁸ Там же. Л. 552.

¹⁸⁹ Там же. Л. 552 об. – 553.

¹⁹⁰ Там же. Л. 553 об.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же. Кн. 4. Л. 365.

¹⁹³ Там же. Кн. 1. Л. 229 об.

празднестве явления чудотворной Казанской иконы Божьей матери (8 июля)¹⁹⁴.

В Прологе, помимо этого, казанская победа была запечатлена в житии муромских чудотворцев князя Константина и его чад Михаила и Феодора (21 мая). По преданию, перед походом на татар царь Иоанн Васильевич пробыл в Муроме две недели и, совершив моление у гробов святых чудотворцев, «обещая аще с победою возвратится устроить монастырь»¹⁹⁵. После взятия Казани и возвращения в Москву, в 1553 г. он приказал возвести в Муроме каменный собор и монастырь, при строительстве которого были обретены нетленные мощи святых.

Таким образом, обозрев с высоты историю борьбы русских с татарами, так, как она была представлена в «Житиях святых», можно увидеть её характерную особенность. Несмотря на жестокость татарских набегов и тяготы ордынской зависимости, сохранившиеся в Четых Минеях рассказы об этой эпохе, не оставляют ощущения трагизма происходящего. Центром внимания для читателей становилась не тьма, но свет во тьме. Создается впечатление, что память о татарских злодействах сохранялась лишь постольку, поскольку сохранялась память о русских подвижниках, память о набеге и осадах городов – постольку, поскольку именно тогда были явлены истинные чудеса Богородицы и русских святых. Все повествования непременно заканчивались победой – будь то духовная победа праведника, обретшего Царствие Небесное, или военная победа устоявших русских крепостей.

---

¹⁹⁴ Там же. Кн. 4. Л. 365.

¹⁹⁵ Пролог. Т. 2. Л. 335.

2.4. Московское княжество XIV-XV вв.

в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского и Прологах XVIII в.

Отдельно следует отметить отражение в агиографической традиции внутривосточного развития Московского княжества XIV-XV вв.

В печатном Прологе его история передавалась с момента его основания. Под 5 марта здесь содержалась повесть о Данииле Московском, где родоначальник династии Московских князей, получивший «в наследие богоснабдимое державство, преименитаго града Москвы, в роды и роды», изображался миротворцем, «рачителем смиренномудрия», правящим богоугодно, не желавшим похищения чужих земель, избегавшим участия в междоусобицах и «без кровопролития брани утоляше»¹⁹⁶.

Борьба за великокняжескую власть московских и тверских князей после смерти Даниила Александровича стала центральным сюжетом проложного жития Михаила Тверского (22 ноября). Смерть этого князя в Орде была следствием наветов на него старшего сына Даниила – Юрия, желавшего получить великокняжеский ярлык. Одарив богатыми дарами хана Азбьяка (Узбека), он выкупает великое княжение в обход его законного по старейшинству преемника Михаила, вместе с татарским отрядом разоряет тверское княжество, вынуждая его князя пойти на вооруженное столкновение с ордынцами, а также обвиняет его в сокрытии дани от татар («ты много дани поимал на градех, а царю нашему не дал еси»¹⁹⁷). Все это в конечном счете приводит к суду и казни Михаила Ярославича в Орде. Однако, несмотря на незавидную роль в этих событиях московского князя, и Михаил, и Юрий называются в житии благочестивыми, а «распря» между ними объясняется

---

¹⁹⁶ Там же. Л. 13–13 об.

¹⁹⁷ Пролог. Т. 1. М., 1747. Л. 322.

подстрекательством «поганых татар» и несправедливым судом «окаянного Кавгадыя»¹⁹⁸.

В тексте Четых Миней внимание к Москве начинается только с переноса туда митрополичьего престола при митрополите Петре. Его житие (21 декабря) характеризует московского князя Иоанна Даниловича традиционными христианскими похвалами: «всякими добрыми делы украшену, милостиву к нищым и священникам, и церквам любочестиву, святых писаний послушателю»¹⁹⁹. По совету митрополита Петра он построил в Москве Успенский собор, и тем самым прославился «паче иных князей», и получил «благословение от Бога, и семени его до века»²⁰⁰ («и град твой славен будет и святители поживут в нем»²⁰¹). О перенесении митрополичьего престола в Москву митрополитом Петром «частых ради браней, и находений на Киев варварских»²⁰² еще раз напоминало житие митрополита Алексия (12 февраля). В нем фигурировали и другие московские князья – дети Ивана Калиты Симеон и Иван, и его внук – Дмитрий Иванович²⁰³.

На страницах житий святых имена русских князей, согласно традиционной этикетной формуле, упоминаются в связке с именами русских митрополитов. Так, по сказанию о Тихвинской иконе Божьей Матери, она была обретена «во время благочестивыя державы великаго князя Димитрия Иоанновича, во дни же святейшего митрополита Пимена»²⁰⁴. Темир-Аксак пришел на русскую землю «во дни благоверного, великаго князя Василия Дмитриевича, при святом Киприане митрополите»²⁰⁵ и т.д. Князь Иван Данилович и митр. Петр²⁰⁶, князь Симеон Иванович и митр. Феогност²⁰⁷,

---

¹⁹⁸ Там же. Л. 321 об. – 322 об.

¹⁹⁹ *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Кн. 2. Л. 218 об.

²⁰⁰ Там же. Л. 219.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. Л. 681 об. – 682.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Там же. Кн. 4. Л. 250.

²⁰⁵ Там же. Л. 761 об.

²⁰⁶ Там же. Кн. 2. Л. 218.

²⁰⁷ Там же. Л. 681 об.

князя Иоанн Иоаннович, Дмитрий Иоаннович и митр. Алексей²⁰⁸, князь Василий Васильевич и митр. Иона²⁰⁹, князь Иоанн Васильевич и митр. Геронтий²¹⁰, царь Иоанн Васильевич и митрополит Макарий²¹¹, царь Федор Иоаннович и митр. Гермоген²¹², он же и патриарх Иов²¹³ и т.д. упоминаются в тесной взаимосвязи между собой.

Святые становятся посредниками в княжеской борьбе за власть. Житие Григория Пельшемского (30 сентября) сообщает о войне за московский престол 2 четверти XV в., в которой он выступил миротворцем «посреде вражд и гневов»: «изгнану бо бывшу князю Василию Васильевичу с Москвы, а князю Юрию престол его восхитившу, преподобный Григорий иде во град Москву, и дерзновенными премудрыми же словесы увеща князя Юрия, не держати чуждаго наследия, но на свое отечество Галич возвратитися. И бысть ходатайством преподобного мир между князьями Юрием и Василием: и оба на своих престола седоша». Пострадал святой Григорий и от рук Дмитрия Шемяки. Князь не стерпел обличений за то, что он разграбил Вологду и «много зла людем сотвори» и «повеле преподобного с моста низринути». Тот же «с радостию напесенное подя, благодаря Бога»²¹⁴.

В числе наиболее значимых событий церковной жизни в житиях сохраняется память об установлении автокефалии русской православной церкви. Рассказ о Ферраро-Флорентийском соборе 1439 г. и попытке митр. Исидора «латинскому заблуждению пристати» содержали включенные в Четьи Минеи жития митрополита Ионы (31 марта)²¹⁵ и Сергия Радонежского (25 сентября)²¹⁶.

---

²⁰⁸ Там же. Л. 682.

²⁰⁹ Там же. Кн. 1. Л. 408 об.; Кн. 3. Л. 226.

²¹⁰ Там же. Кн. 3. Л. 228 об.

²¹¹ Там же. Кн. 1. Л. 229 об.

²¹² Там же. Л. 230 об.

²¹³ Там же. Л. 231.

²¹⁴ Там же. Кн. 1. Л. 196.

²¹⁵ Там же. Кн. 3. Л. 226–226 об.

²¹⁶ Там же. Кн. 1. Л. 164 об.

Житие Зосимы Соловецкого сохранило память о покорении Новгорода Иваном III. Здесь повествовалось о том, как однажды старцу пришлось посетить боярыню Марфу, поскольку поселяне, жившие на ее землях, «на остров Соловецкий приходяще», творили «многия обиды монастырю». Когда она повелела его «с бесчестьем отогнати от дому своего»²¹⁷, преподобный предрек падение и разорение Новгорода, а после – и казнь шестерых новгородских бояр. Его предсказание сбылось во время похода Великого московского князя Ивана Васильевича. «Известие, взятое из жития св. Зосимы» в дальнейшем стало одним из основных источников для размышлений Н.М. Карамзина над образом Марфы Посадницы²¹⁸ и легло в основу многочисленных устных преданий²¹⁹.

Важным сквозным мотивом, проходящим через жития многих русских святых становится колонизация территорий Российского государства и распространение христианства среди его народов. Об этом повествовали жития Стефана Пермского (26 апреля)²²⁰, Макария Желтоводского (25 июля)²²¹, Кирилла Белозерского (9 июня)²²², Зосимы и Савватия Соловецких (17 апреля)²²³, Гурия Казанского и Варсонофия Тферского (4 октября)²²⁴, сказание о Грузинской иконе Божьей матери (22 августа)²²⁵ и др.

Таким образом, несмотря на то, что описание политической истории не играло первостепенной роли в агиографической традиции, сохранившийся в житиях набор сведений о ней представляется достаточно разнообразным. История государства при этом изображалась тесно переплетенной с историей русской церкви. Если образ домонгольской Руси формировался

---

²¹⁷ Там же. Кн. 3. Л. 343–344 об.

²¹⁸ Карамзин Н.М. Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Вестник Европы. 1803. № 12. С. 294–302.

²¹⁹ Северные предания. Беломорско-Обонежский регион. Л., 1978.

²²⁰ Дмитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 3. Л. 406 об. – 414.

²²¹ Там же. Кн. 3. Л. 545 об. – 553 об.

²²² Там же. Кн. 4. Л. 79–91 об.

²²³ Там же. Кн. 3. Л. 335–348.

²²⁴ Там же. Кн. 1. Л. 229–231.

²²⁵ Там же. Кн. 4. Л. 731 об. – 733.

преимущественно вокруг Киева, то с XIV в. центр внимания переносится в Северо-Восточную Русь.

2.5. Смутное время

в «Житиях святых» Дмитрия Ростовского и Прологах XVIII в.

По замечанию М.А. Федотовой, «Димитрий Ростовский, особенно в начале своей работы, вероятно, был мало знаком с великорусской агиографией»²²⁶. Его интерес к великорусским святым и святыням проявляется после переезда в Москву и возведения на Ростовскую митрополичью кафедру 1 марта 1702 г. Это, в свою очередь, сказалось на отражении в Четьих Минях памяти о крайне важных для истории Московского государства событий Смутного времени.

Хотя память убиения Дмитрия Углицкого отмечается 15 мая, в момент написания третьей книги Житий Димитрий Ростовский, по его собственному признанию, еще не имел в своем распоряжении жизнеописания царевича²²⁷. Поэтому рассказ о нем был помещен в четвертой книге Житий под 3 июня, в день перенесения его мощей²²⁸. Это сочинение Дмитрия Ростовского считается четвертой по счету редакцией жития царевича Дмитрия. Его источниками были: «милютинская редакция жития царевича Дмитрия, Летописец Новый, Хронограф, в частности фрагменты, восходящие к Иному сказанию, Сказание о царстве Феодора Иоанновича»²²⁹ и др.

Так же как и в милютинской редакции жития, Димитрий Ростовский начинает свое повествование с подробного изложения династической ситуации после смерти царя Иоанна Васильевича, прихода к власти и характеристики царя Феодора Иоанновича («кроткого и незлобивого»²³⁰), и дарования в удел младшему царевичу Димитрию города Углича (который

²²⁶ Федотова М.А. К истории четьих миней... С. 129.

²²⁷ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 31.

²²⁸ Там же. Л. 31–43 об.

²²⁹ Федотова М.А. К истории четьих миней... С. 131.

²³⁰ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 31 об.

«бъше в то время величеством и красотою изряден»²³¹) «да тамо пребывает с рождшею его матерью»²³².

Главным злодеем, ставшим причиной всех бедствий, постигших Россию на рубеже XVI-XVII вв., изображается брат жены Феодора Ирины – Борис Годунов. На страницах жития он наделен самыми нелицеприятными эпитетами: «хитроковарный»²³³, «злокозненный»²³⁴, «второй Каин»²³⁵ и др. Возжелав «во уме своем совершеннейшия самая вышшия власти», властолюбец решается «исторгнути (...) корень царский», погубив Феодора и Димитрия²³⁶.

Обстоятельства заговора против царя и царевича переданы в житии с большим вниманием к историческим деталям. Здесь были поименно перечислены приспешники Бориса: Василиса и Осип Волоховы, Андрей Клешин, Михайло и Данило Битяговские, Никита Качалов. Названы и отказавшиеся принять участие в заговоре Григорий Васильевич Годунов, Владимир Загрязский и Никифор Чепчуров²³⁷. Описывались в житии неудачные попытки отравить царевича, само убийство и ход его расследования, которое было поручено провести Василию Шуйскому.

При этом, в отличие от милютинской редакции жития, в тексте Димитрия Ростовского Борис предстает убийцей не только царевича Димитрия, но и Феодора («Уготовав убо смертоносный яд, и время устмотрев, даде в питии царю»²³⁸). При этом, согласно тексту жития, читаемого в книгах «Житий святых», перед смертью Феодор завещает престол Федору Романову. (Такая трактовка событий встречается в «Книге

---

²³¹ Там же.

²³² Там же.

²³³ Там же. Л. 31.

²³⁴ Там же. Л. 34.

²³⁵ Там же. Л. 36 об.

²³⁶ Там же. Л. 32.

²³⁷ Там же. Л. 32–34.

²³⁸ Там же. Л. 36 об.

об избрании на царство Михаила Федоровича»²³⁹). «Борис же Годунов злокозненным лукавством и разбойническим своим нравом не токмо не попусти сему тако быти, но и во многое злострадание Феодора Никитиче введе, и весь дом Романовых люте озорбил»²⁴⁰, отправив в заточение братьев Александра, Василия, Льва и Михаила Романовых, а самого Феодора повелев постричь в иночество под именем Филарет. Его сын Михаил, – добавляет святитель Димитрий, – «нескоро на царство избран, а отец его Филарет патриарх поставлен бысть»²⁴¹.

Значительное место в житии Димитрия Углицкого занимают события, связанные с появлением на исторической арене самозванца Лжедмитрия I. Они изображаются заслуженным возмездием злодеяниям Бориса Годунова, которое предвещает явление убиенного царевича монаху Тихону. В чудесном видении отрок предрек, что скоро придет человек, который отомстит за его смерть, «погубит губителя» Бориса и «род его», и сядет на царствование, но «недолго царствовав погибнет»²⁴².

Димитрий Ростовский подробно описывает ход боев «Борисова воинства» с «розстригиной силою» и безуспешные попытки Бориса убедить сомневающийся народ в том, что «розстрига именуемый Гришка Отрепьев, ложно царевичем Димитрием нарицайся»²⁴³. В то время как в милютинской редакции, Борис «внезапу душу свою испущаетъ» от осознания того, что «царству его от него отъятися»²⁴⁴, в тексте Димитрия Ростовского он сам убивает себя ядом, «лишися обоема жизни, временныя и вечныя»²⁴⁵.

Царствование Лжедмитрия не получает в Четых Минеях подробного описания. Димитрий Ростовский заключает: «царствовал же розстрига на

---

²³⁹ Книга об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича. М., 1856. С. 2.

²⁴⁰ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 37.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же. Л. 37 об.

²⁴³ Там же. Л. 38 об.

²⁴⁴ Житие царевича Димитрия Угличского // Библиотека литературы древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 116.

²⁴⁵ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 39.

Московском государстве не долгое время, много же содеяв зла, погиге с шумом, о чесом всем пространно пишется в Российских хронографах, нам же довлеет уведати токмо сие, как Бог отмсти кровь неповинную святого мученика Димитрия царевича, и прочих неправедное от Бориса Годунова убиение пострадавших»²⁴⁶.

Заключительные страницы жития были посвящены описанию обретения мощей царевича Димитрия в царствование Василия Шуйскаго, их перенесению из Углича в царскую усыпальницу в Архангельском соборе и перечислению многочисленных чудес, происходящих от них²⁴⁷.

Крайне значимое для Москвы празднество «Пресвятой Богородицы избавления ради от ляхов» (22 октября)²⁴⁸ в состав Четьих Миней не вошло. Это, вероятно, можно объяснить тем, что «осенний» том «Житий Святых» составлялся святителем еще в Киеве, где этот праздник не отмечался так широко, как в Москве. Тем не менее, эта память была известна по печатному Прологу и глубоко почиталась в центральной России, где сотни храмов и приделов были посвящены Казанской Божьей Матери в XVIII-XIX вв.

Освобождение Москвы русским ополчением преподносилось в русской агиографической традиции как ещё одно чудо, явленное Богородицей. Согласно проложному сказанию, «по смерти благочестиваго царя и великаго князя Василия Иоанновича Всея России, царствующему великому граду Москве, грех ради наших, от злочестивых ляхов взяту бывшу»²⁴⁹. Тогда собравшееся «от различных городов Российской земли» воинство, двинулось к столице. Призвав на помощь «всещедрого Бога и Пречистую его мать Пресвятую Богородицу»²⁵⁰, его воеводы заповедали «всему воинству, и сущим с ними, православному народу, тридневный пост сотворити, и тако приступити ко граду. И убо российскому воинству постящуся, благий и

---

²⁴⁶ Там же. Л. 39 об.

²⁴⁷ Там же. Л. 39 об. – 42 об.

²⁴⁸ Пролог. Т. 1. Л. 185 об. – 187.

²⁴⁹ Там же. Л. 185 об.

²⁵⁰ Там же. Л. 186.

человеколюбивый Бог наш, видя обращение людей своих кающихся, вскоре милосердие свое покажа»²⁵¹. Чудом пресвятой Богородицы Москва была освобождена.

Другими защитником Москвы от поляков стал Сергей Радонежский. Накануне штурма он явился находившемуся в осажденном городе архиепископу Арсению, предсказав, что по молитвам Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев Петра, Алексия и Ионы, «заутра град сей предаст Господь Бог, в руке православным христиианом, и врагов ваших низложит»²⁵². Слухи об этом пророчестве быстро разнеслись по русским войскам и воодушевили их выступить против неприятеля. Имена русских воевод – Минина, Пожарского, Трубецкого и др. – в этой истории о чудесном спасении не упоминались.

Еще одним текстом, затрагивающим события Смутного времени в составе Четых Миней, было сказание о чудесах Тихвинской иконы Божьей Матери (26 июня). В нем сообщалось о том, как во времена Василия Шуйского «попущением Божиим грехов ради человеческих, бысть смятение велие от земли Российстей ово от внутренних междоусобных ово же от внешних браней. И пролевашеся кровь христиан правоверных повсюду, и взят бысть царствующий град Москва людми иноверными порубежными, а великий Новгород взяша Варяги в свою область с окрестными того пределы»²⁵³. Освободить Тихвинский монастырь удалось лишь после изгнания поляков из Москвы и воцарения Михаила Федоровича Романова, но и позже он не раз осаждался шведами. Сказание о чудесах Тихвинской иконы Божьей матери описывает четыре таких штурма, в каждом из которых православным, укрывавшимся в обители, помогали невидимые небесные силы и являлись в чудесных видениях Богородица, Николай Чудотворец, Варлаам Хутынский и Зосима Соловецкий. «Пречистая Дева преславную

---

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же.

²⁵³ *Дмитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Л. 190.*

обитель свою многожды защитила. Не токмо же тую едину обитель, но и великий Новград со всеми того пределы от рук и владения Варяжскаго по том вскоре избави, и вручи правоверному царю христианскому, и бысть тишина Российскому царству молитвами ея»²⁵⁴.

Наконец, символом Божьего благословения нового царствующего дома Романовых и окончательного перехода центра православного мира в Москву стало перенесение в столицу ризы Господней в дар Михаилу Федоровичу от персидского шаха Аббаса в 1625 г. «Сказание о перенесении честных ризы Господа нашего Иисуса Христа из Персиды в царствующий град Москву» было помещено в Четьи Минеи под 10 июля²⁵⁵.

Таким образом, если в историографической и литературной традициях история Смутного времени и освобождения Москвы от поляков рисовалась величайшим подвигом русского народа под предводительством князя Пожарского, то в агиографической интерпретации и Москва, и вся Россия были спасены чудесами Богородицы и молитвами русских святых. Само же Смутное время представлялось возмездием за убийство неповинного отрока Димитрия.

2.6. История Петровской эпохи в «Житиях святых» Димитрия Ростовского

Завершая обзор изображения русской истории в печатных синодальных изданиях, скажем несколько слов об отражении в них событий XVIII в. Хотя этот вопрос отчасти выходит за рамки нашего исследования допетровской Руси, само включение в четьи и богослужебные книги отсылок к событиям новейшей истории в этот период представляется крайне показательным.

Конфессиональная политика Петра I была неоднозначной. С одной стороны, он стремился ослабить авторитет Церкви и подчинить ее государственному аппарату, с другой стороны, активно использовал

---

²⁵⁴ Там же. Л. 191 об.

²⁵⁵ Там же. Л. 401–402 об.

привычные для русской культуры способы вписать себя в церковную историю.

Первой попыткой такого рода было установление ежегодной благодарственной службы «О великой победе под Полтавой» (27 июня), составленной по указанию Петра Феофилактом Лопатинским и включенной в Служебные минеи²⁵⁶.

Другим шагом стало формирование особого культа Александра Невского, который, по словам Г.П. Федотова, «с XVIII века (...) в официальном почитании затмил и даже вытеснил почти всех святых князей»²⁵⁷. Святой Александр Невский считался покровителем новой русской столицы Санкт-Петербурга. На предположительном месте Невской битвы по указу Петра I был поставлен Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь. 30 августа 1725 г. было совершено торжественное перенесение туда мощей святого князя Александра, приуроченное к годовщине заключения мира со Швецией²⁵⁸. По этому поводу архимандритом Гавриилом Бужинским была составлена особая служба «На Ништадский мир и перенесение мощей св. Александра Невского» и новая редакция его жития²⁵⁹. В 1725–1726 гг. служба и житие Александра Невского несколько раз печатались типографией Александро-Невского монастыря, общим числом около 12 тысяч экземпляров, и были разосланы по всем епархиям. А во второй половине XVIII в. житие Александра Невского было включено в состав Четьих Миней²⁶⁰.

---

²⁵⁶ Мартынов И.Ф. Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 139–148.

²⁵⁷ Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1991.

²⁵⁸ Сморжевских-Смирнова М. Перенесение мощей Александра Невского: «Водный путь» в Имперском церемониале // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII. Тарту, 2009. С. 38–59.

²⁵⁹ Бегунов Ю.К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 26. Л., 1971. С. 72–84.

²⁶⁰ Димитрий Ростовский. Жития святых. Кн. 4. Киев, 1764. Л. 591–593 об.

Прославление этого святого носило государственный идеологический характер²⁶¹. В образе Александра Невского формировался новый идеал русской святости, князя-воина, доблестного полководца, прославленного за победы над врагами. 15 июня 1724 г. указом Синода было установлено писать образ Александра Невского не в монашеском облачении, «а во одеждах великокняжеских».

Сам Петр нередко сопоставлялся со святым князем и позиционировался как его прямой преемник в борьбе со шведами. Составленное Гавриилом Бужинским житие Александра Невского начиналось с того, как «Великий государь Царь Петр Алексеевич всея России, праведнейшыя предвосприем вины, начал многолетнюю и жестокою брань с порубежным народом Свейским»²⁶². Рассказ о Северной войне и прославление Петра, завершавшееся описанием перенесения мощей Александра Невского в Санкт-Петербург, занимали почти четвертую часть текста княжеского жития. Так в нём переплетались события Средневековья и Нового времени, а первый русский Император озарялся ореолом святости благоверного русского князя.

***

Таким образом, в агиографической традиции нашли отражение наиболее важные события не только церковной, но и политической истории с древнейших времен и до начала XVIII в. Русская история представлялась в житийных текстах цепью чудес святых, помогавших друг другу и оберегавших Россию от неприятелей. Борис и Глеб являлись перед решающими сражениями Александром Невскому и Дмитрию Донскому; Донская икона помогла Ивану IV при взятии Казани; Казанская икона – спасла Москву от поляков; Преподобный Сергей, митрополиты Петр и Алексей предупредили Никона Радонежского о набеге Едигея. Сергей и Никон Радонежский помогали защитникам Троице-Сергиева монастыря в

---

²⁶¹ Подробнее об этом см.: Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

²⁶² *Дмитрий Ростовский. Жития святых*. Кн. 4. Киев, 1764. Л. 591.

годы Смуты и т.д. Главной заступницей христиан выступала Богородица, чествованию которой было посвящено множество праздников. Её чудотворные иконы – Владимирская, Донская, Казанская также были активными участниками русской истории.

Несмотря на специфику христианского мировосприятия, Четьи Миней освещали многие события русского прошлого значительно подробнее научных светских сочинений XVIII в. Их значение как источника сведений об отечественной истории отмечалось уже в историографии этого времени. В.Н. Татищев называет Четьи Миней и Прологи в числе источников к «Истории Российской»²⁶³, несмотря на то, что им был провозглашен принцип не вносить в свое сочинение ничего «не надлежащего к светской летописи, яко жития, явления и пр.»²⁶⁴. На «Жития святых, в патерике, в прологах, в минеях» ссылался Н.М. Карамзин²⁶⁵.

Пополнение книг Житий в XVIII в. текстами, описывающими события новейшей истории, свидетельствуют, что им отводилась не последняя роль и в формировании государственной идеологии.

Значительные тиражи Четых Миней позволяют говорить о них как о одной из наиболее распространенных книг в России XVIII в., безусловно, оказавшей влияние на развитие русской культуры. По мнению Д.Б. Терешкиной, изучившей сохранившиеся до наших дней в российских библиотеках экземпляры Четых Миней, они «бытовали в читательской среде зачастую как “настольные книги”, причем активно используемые для личных записей, часто фамильного, семейного (чаще – поминального) характера. Постоянное употребление их объясняет плохое внешнее состояние

---

²⁶³ Татищев В.Н. История Российская. Кн. 1. Ч. 1. М., 1768. С. XIV.

²⁶⁴ Там же. С. XXV.

²⁶⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. XXXIV; Карамзин Н.М. Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Вестник Европы. 1803. № 12. С. 294–302.

практически всех сохранившихся миней, не говоря уже о том, что многие из них были утрачены»²⁶⁶.

Воспоминания о таком домашнем чтении «Житий святых» в XVIII в. сохранились в «Записках» А.Т. Болотова: «...имел я еще с юнейших лет и с самого почти младенчества некоторую приверженность к Богу и к святому Его откровенному закону. (...) Но совсем тем, по обстоятельству, что у нас не было еще тогда никаких хороших духовных и таких книг, которые бы могли меня познакомить короче с первейшими истинами христианского закона, и все прочитанные мною книги состояли из Пролога, Четьих-миней, некоторых других, и наконец Камень веры, которая из всех еще сколько-нибудь была важнее прочих: то все знание мое было не только темно и весьма еще несовершенно...»²⁶⁷. Таким образом, А.Т. Болотов относил Пролог и Четьи Миней к общераспространенному «базовому» чтению, знакомство с которым не воспринималось им как нечто особенное.

Тексты Четьих Миней транслировались не только в письменной, но и в устной традиции. В 1877 г. Ф.М. Достоевский замечал, что «по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четьи-Миней – о, не всей, конечно, книги, – но распространен дух ее по крайней мере», что «есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказчиц о Житиях святых. Рассказывают они из Четьи-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали. Эти рассказы передаются не по книгам, а заучились изустно»²⁶⁸.

Все это в совокупности заставляет критически переосмыслить распространенный тезис о том, что до издания «Краткого русского

---

²⁶⁶ Терешкина Д.Б. Четьи Миней и русская словесность Нового времени: дис. ... докт. фил. наук. Великий Новгород, 2015. С. 49–50.

²⁶⁷ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М., 1986. С. 343–344.

²⁶⁸ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877 // Он же. Собрание сочинений. Т. 10. М., 2010. С. 533.

летописца» М.В. Ломоносова Киевский «Синописис» был единственной печатной книгой, из которой можно было почерпнуть сведения о русской древности. Не вызывает сомнений, что другой такой книгой могут быть названы Четыи Минеи, которые, безусловно, должны были оказать заметное влияние на формирование в широких кругах российского населения образа русского прошлого.

Глава 4.

Допетровская Русь в фольклоре XVIII в.

§1. Особенности отражения прошлого в фольклорной традиции

Еще одна своеобразная картина русского прошлого изображалась в фольклоре. Устная традиция, в той или иной мере, охватывала все слои общества XVIII в. По мнению исследователей, можно с уверенностью говорить «об активности бытования фольклора не только в крестьянской и нижней городской среде, но и в купеческих домах, домах столичного и провинциального дворянства и даже при дворе» в XVIII – начале XIX вв.¹ Тем не менее, обращаясь к зафиксированным письменно фольклорным материалам XVIII в., мы должны понимать, что имеем дело не столько с реально существовавшей на тот момент живой устной традицией, сколько с её восприятием образованными людьми. Всё, что мы знаем о собирании фольклора в этот период, свидетельствует о том, что его запись была крайне избирательной, а историческая ценность не вполне осознавалась.

«Песни древних», как один из возможных источников исторического познания, упоминает ещё В.Н. Татищев. Он замечает, что «хотя они не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако ж много можно в недостатке истории из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить...»². Одним из первых В.Н. Татищев указывает и на необходимость специального сбора исторического фольклора для дальнейшего научного изучения: «Нет ли песен таких или сказок, в которых старинные действия воспоминаются; оные списать, а иноязычные перевести»³.

Не все современники были с ним согласны. В частности, И.Н. Болтин песни «о Илье Муромце, о пирах князя Владимира» называет «подлыми»,

---

¹ Чистов К.В. Фольклор в русской культуре XVIII века // Русская литература. 1993. № 1. С. 150;
Гончарова О.М. Национальные традиции в инновационных текстовых моделях русской литературы XVIII века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2004. № 7. С. 129–143.

² Татищев В.Н. История российская. Кн. I. Ч. 1. М., 1768. С. 44–45.

³ Татищев В.Н. Предложение о сочинении истории и географии Российской // Он же. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 92.

«без всякого складу и ладу». «Таковыя песни, – как ему кажется, – изображают вкус (...) не народа, а черни, людей безграмотных»⁴. Молодой Н.М. Карамзин, ещё не став историографом, укорял И.И. Дмитриева, намеревавшегося издать собрание простонародных песен⁵: «Какая странная мысль – издать песенник! Кому хочешь ты услужить? Хорошо, если своему карману; но и в этом не ошибешься ли?»⁶. Лишь годы спустя, в десятом томе «Истории государства Российского» он признает: «Не только в наших исторических, богатырских, охотничьих, но и во многих нежных песнях заметна первобытная печать старины: видим в них как бы снимок подлинника уже неизвестного; слышим как бы отзыв голоса, давно умолкшего, находим свежесть чувства, теряемую человеком с летами, а народом с веками»⁷.

Благодаря высокому интересу к русской словесности, одним из первых начинается соби́рание русских пословиц. Уже с конца XVII в. составляются их многочисленные рукописные сборники⁸. Отдельные пословицы публикуются в «Риторике» и «Грамматике» М.В. Ломоносова⁹, «Письмовике» Н.Г. Курганова, «Словаре Академии Российской»¹⁰ и др. Издаются и специальные собрания: «Собрание 4291 древних российских пословиц» А.А. Барсова¹¹; «Выборные российские пословицы»¹²; «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем»¹³ и др.

Пословицы и поговорки – одни из древнейших форм сохранения памяти о прошлом. Краткие емкие высказывания быстро распространялись в народе, бытовали на протяжении столетий, отражали национальный характер

---

⁴ Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. II. СПб., 1788. С. 60.

⁵ Карманный песенник, или собрание лучших светских и простонародных песен. СПб., 1796.

⁶ Карамзин Н.М. Письмо от 6 сентября 1792 г. // Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 30.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3 М., 2002. С. 314.

⁸ Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.–Л. 1961.

⁹ Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию. СПб., 1748; *Он же*. Российская грамматика. СПб., 1755.

¹⁰ Словарь Академии Российской. В 6 тт. СПб., 1789–1794.

¹¹ Барсов А.А. Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770.

¹² [Екатерина II]. Выборные российские пословицы. [СПб., 1782].

¹³ Богданович И. Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. В 3 ч. СПб., 1785.

и народную мудрость. Первые исторические пословицы фиксируются уже в Повести Временных лет: «Погибоша аки обре»¹⁴, «Беда аки в Родне»¹⁵, «Пищанцы Волчья хвоста бегают»¹⁶ и др.

Вместе с тем, исторические сведения в них как правило не считывались явно. Пословицы и поговорки можно отнести к пассивным хранилищам исторической памяти. Часто, при сохранении краткой формулировки, их подлинный смысл и история происхождения утрачивались. Упоминание человеком фразы «словно Мамай воевал»¹⁷ при описании сильного беспорядка едва ли может служить безоговорочным доказательством его знаний о Мамаевом побоище. Однако изучение таких осколков прошлого всё же позволяет выделить отдельные события, получившие большое значение в историческом сознании.

В пословицах, зафиксированных в сборниках XVIII в., хранятся напоминания о татарских набегах: «Не во время гость пуще Татарина»¹⁸, «Где царь, тут и Орда»¹⁹, «Жил бы и в Орде, только б в добре»²⁰, «Иван в Орде был, а Марья вести сказывает»²¹, «Рано татарам на Русь идти»²², «Не Татарин выскочил, не голову снял»²³, «Большой в дому, что хан в Крыму»²⁴, «Тетива порвется и татарин не бьется»²⁵ и др. (в этих крылатых выражениях образ татар, как ордынских, так и казанских, и крымских, является собирательным); о новгородской вольности: «Новгородцы такали, да Новгород протакали»²⁶; о запрете крестьянских переходов от одного

---

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 12.

¹⁵ Там же. Стб. 77.

¹⁶ Там же. Стб. 84.

¹⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.-М., 1880. С. 234

¹⁸ *Барсов А.А.* Собрание 4291 древних российских пословиц. С. 148.

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Там же. С. 71.

²¹ Там же. С. 87.

²² Там же. С. 188.

²³ Там же. С. 161.

²⁴ Повести или пословицы всенароднейшия по алфавиту // Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Вып. 1. СПб., 1899. С. 82.

²⁵ Там же. С. 143.

²⁶ *Барсов А.А.* Собрание 4291 древних российских пословиц. С. 166.

помещика к другому: «Вот тебе бабушка Юрьев день»²⁷; о Смутном времени: «Пошли Ляхи на три шахи»²⁸, «Пришли казаки з Дону погнали ляхов з дому»²⁹, «По милости по царской и сам себе Пожарской»³⁰ и др.

Этот перечень исторических пословиц можно было бы расширить по записям XIX в.: «Новгород, Новгород, а постарше старого»³¹, «Новгород судится своим судом»³², «На одном вече, да не одни речи»³³, «В доме-то у них словно Мамай воевал»³⁴, «Старших и в Орде почитают»³⁵, «Казань прогребли – и Орду прошли»³⁶, «На Куприяна и Устиныи Казань именинница»³⁷ и т.д. Однако значительная часть из них, вероятно, имеет более позднее происхождение. Так возникновение пословицы «Борода-то Минина, а совесть-то глиняна», исследователи возводят не ко временам Смутного времени, а к постановке памятника Минину и Пожарскому в Москве³⁸. По всей видимости, к XIX в. стоит относить и появление пословиц о семибоярщине («Эк, куда хватил! Семибоярщину припомнил»³⁹, «Видно, город велик, что семь воевод»⁴⁰ и др.). Как показал В.Г. Ананьев, сам термин «семибоярщина» первоначально появился в художественной литературе и «получил распространение благодаря активной деятельности Полевого и Даля, затем проник в научную литературу и вскоре стал восприниматься как аутентичный описываемым им событиям»⁴¹. Итак, принимая во внимание, что происхождение многих других исторических пословиц до сих пор не

---

²⁷ Там же. С. 23.

²⁸ Повести или пословицы всенароднейшия по алфавиту. С. 134.

²⁹ Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени // Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Вып. 1. СПб., 1899. С. 193.

³⁰ Повести или пословицы всенароднейшия по алфавиту. С. 134.

³¹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1862. С. 345.

³² Там же. С. 345.

³³ Там же. С. 954.

³⁴ Там же. С. 637.

³⁵ Там же. С. 372.

³⁶ Там же. С. 355.

³⁷ Там же. С. 997.

³⁸ *Муравьев В.Б.* История Москвы в пословицах и поговорках. М., 2007. С. 147–152.

³⁹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа. С. 308.

⁴⁰ Там же. С. 346.

⁴¹ *Ананьев В.Г.* К вопросу о происхождении термина «семибоярщина» // Русская литература. 2012. № 1. С. 47.

установлено однозначно, привлекать записи XIX в., к исследованию исторического сознания XVIII в. следует с чрезвычайной осторожностью.

***

Наиболее ценными источниками, характеризующими народные представления о прошлом, являются былины и исторические песни. Своеобразие сохранения и передачи в них исторических сведений долгое время являются предметом дискуссий множества исследователей. Уже в XIX в. сформировалось несколько научных школ, по-разному оценивавших степень историзма русского фольклора. Мифологическая школа (Ф.И. Буслаев⁴², О.Ф. Миллер⁴³) возводила былинные и сказочные образы к архаичным доисторическим мифам. Представители школы заимствования (В.В. Стасов⁴⁴, А.Н. Веселовский⁴⁵, М.Г. Халанский⁴⁶) полагали, что эпические сюжеты мигрировали от одного народа к другому. Наконец, историческая школа (В. Миллер⁴⁷) стремилась увидеть в основе былин непосредственно события русской истории. Не утихли споры и в советское время. Если Б.А. Рыбаков⁴⁸ и М.М. Плисецкий⁴⁹, придерживаясь принципов историзма, искали параллели сюжетам фольклора в летописании, то В.Я. Пропп⁵⁰ и Б.Н. Путилов⁵¹ считали эпос художественным изображением некой идеальной, никогда не существовавшей действительности и народных чаяний. Обе точки зрения объединил С.Н. Азбелев⁵², полагавший, что, хотя былины имели под собой историческую основу, они передавали лишь сущность событий, получивших исключительный отклик в народной памяти,

---

⁴² Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1–2. СПб., 1861.

⁴³ Миллер О.Ф. Великорусские былины и малорусские думы. Киев, 1876.

⁴⁴ Стасов В.В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. 1868. Т. IV. Кн. 7. С. 292–345.

⁴⁵ Веселовский А.Н. Три главы из исторической поэтики // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 155–298.

⁴⁶ Халанский М.Г. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1886.

⁴⁷ Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М., 2015.

⁴⁸ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 2016.

⁴⁹ Плисецкий М.М. Историзм русских былин. М., 1962.

⁵⁰ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 2006.

⁵¹ Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.

⁵² Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

поэтизируя и интерпретируя их в соответствии с законами развития устного эпического жанра.

При всех этих, на первый взгляд, непреодолимых противоречиях представители разных школ фольклористики, однако, соглашались с тем, что сами исполнители в историчность эпоса, как правило, верили. «Если спросить певца, верит ли он в то, о чем поет, большинство из певцов ответит непоколебимой уверенностью в действительности воспеваемых событий»⁵³. «Когда человек усомнится, чтобы богатырь мог носить палицу в сорок пуд или один положить на месте целое войско, – эпическая поэзия в нем убита, – писал А.Ф. Гильфердинг. – А множество признаков убедили меня, что северно-русский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, которые его слушают, – безусловно верят в истину чудес, какие в былине изображаются»⁵⁴. Подобные замечания мы находим у многих исследователей и собирателей⁵⁵.

Д.С. Лихачев отмечал, что исторические реалии сохраняются в эпосе сознательно, понимание «исторической ценности передаваемого и своеобразные исторические представления народа (...) обуславливают устойчивость исторического содержания былин»⁵⁶. Но верно и обратное: искажение исторического содержания, его обрастание несуществующими подробностями и мифологическими сюжетами также соответствовали бытовавшим представлениям о прошлом. Самые невероятные интерпретации событий могли существовать лишь постольку, поскольку они казались уместными и правдоподобными. Воплотившаяся в устном народном творчестве версия русской истории, какой бы далекой от исторической действительности она подчас ни казалась, складывалась под влиянием образа

---

⁵³ *Протт В.Я.* Русский героический эпос. С. 265.

⁵⁴ *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ея народные расказы // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 59. СПб., 1894. С. 8.

⁵⁵ *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 2015. С. 30; *Плисецкий М.М.* Историзм русских былин... С. 142–149; *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство. М., 1997. С. 65–66; *Азбелев С.Н.* Историзм былин... С. 23; и др.

⁵⁶ *Лихачев Д.С.* Эпическое время русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952. С. 56.

мыслей многих поколений сказителей. И одновременно с этим она же формировала представления о прошлом новых поколений, зачастую воспринимавших ее как истинную «старину».

Итак, может быть выделено два подхода к изучению исторического содержания фольклора. Первый связан с проблемой его изначального формирования и отвечает на вопрос, какое отражение исторические события и факты находили в устном народном творчестве. Второй же предполагает концентрацию внимания на его восприятии в XVIII–XIX вв., на том, какой образ прошлого создавался у носителей традиции на основе перенятых ими «от стариков» былин и исторических песен вне зависимости от степени их достоверности и условий происхождения. Этого второго пути мы будем придерживаться в данной работе.

§2. История допетровской Руси

в «Древних российских стихотворениях» Кирши Данилова

2.1. Время и пространство русской истории

в сборнике Кирши Данилова⁵⁷

Наиболее ранним из известных собраний русских былин и исторических песен является сборник «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова, созданный в 1740–60-х гг. по заказу П.А. Демидова⁵⁸. Из зафиксированной в нем 71 песни с нотами, не менее 47 (т.е. две трети) имеют отсылку к историческому прошлому. Такое соотношение исключительно для песенников XVIII в., состоящих в основном из лирических и семейно-бытовых баллад, и может свидетельствовать о целенаправленной записи песен, повествующих именно о «временах стародавних».

---

⁵⁷ *Ткаченко В.В.* Время и пространство в Древних российских стихотворениях Кирши Данилова // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017. № 2. С. 76–88; *Она же.* «Где? Что? Когда?»: географический фактор в структуре народного исторического сознания XVIII века (на материале старин Кирши Данилова) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время.* Вып. 4. М., 2015. С. 173–178.

⁵⁸ Подробнее об обстоятельствах записи сборника и личности Кирши Данилова См.: *Байдин В.И.* Кирша Данилов в Сибири и на Урале. Екатеринбург, 2015; *Горелов А.А.* В поисках легендарного Кирши Данилова. СПб., 2011.

События, описываемые Киршей, берут начало от сотворения мира (в духовном стихе «Голубина книга сорока пядей») и далее охватывают период от правления князя Владимира⁵⁹ до царствования Петра I. Совсем не для всех из них мы можем установить реальные исторические прототипы. Более или менее четко они прослеживаются начиная с XIV в. Эпические сюжеты древнейшего периода, отчасти в силу значительной мифологизации, а отчасти и из-за слишком малого числа письменных источников, с которыми их можно было бы сопоставить в поиске параллелей, практически не поддаются соотнесению с исторической действительностью.

В сборнике Кирши Данилова выделяются:

- 26 не датированных четко былин о временах князя Владимира и древнего Новгорода. Их сюжетами являются богатырские и княжеская свадьбы, состязания в богатстве и удали, борьба с врагами; а героями – богатыри, лишь некоторые из которых могут быть предположительно сопоставлены с именами, упомянутыми в письменных источниках.

- Песня о Щелкане Дюдентевиче и восстании в Твери 1327 г. – древнейший из поддающихся точной датировке песенных сюжетов. Реальные исторические прототипы её героев – ордынский хан Узбек (в сборнике – «царь Азвяк») и его двоюродный брат и посол Чол-хан (в сборнике – «Щелкан»).

- 7 песен о событиях XVI в.: взятие Казани, женитьба Ивана Грозного на Марии Темрюковне («Мастрюк Темрюкович»), инсценированная казнь царевича Федора Иоанновича, обвинившего в измене бояр Годуновых («Никите Романовичу дано село Преображенское»), трилогия песен о Ермаке («На Бузане-острове», «Ермак взял Сибирь», «Покрай моря синего стоял Азов-город»), убийство Михайла Черкашенина («Атаман польской»).

- 10 песен, относящихся к XVII в.: о Смутном времени и борьбе с Литвой («Гришка-Расстрига», «Михайла Скопин», «Под Конотопом под городом»,

---

⁵⁹ Образ князя Владимира в фольклоре является обобщенным и лишь условно может соотноситься с фигурой Владимира Святославича.

«На литовском рубеже»), о походах сибирских казаков («Во Сибирской украине, во Даурской стороне», «Поход селенгинским казакам»), об осаде Риги в 1656 г. («Под Ригою стоял царь-государь»), об убийстве князя Репнина («Князь Репнин»), разбойничьи песни («Усы – удалы молодцы», «О Стеньке Разине»)

- 3 песни начала Петровской эпохи: «Светел-радошен царь Алексей Михайлович» (о рождении Петра), «Об атамане Фроле Минеевиче», «Борис Шереметев» (описанная в этой песне битва под Красной Мызой произошла в 1702 г., и является наиболее поздним из упомянутых Киршей датируемых событий). (см. Таблицу № 6)

Таблица № 6

История допетровской Руси в сборнике Кирши Данилова

Эпоха / событие	Номер и название песни ⁶⁰	Кол-во песен
Сотворение мира	60. Голубина книга сорока пядей	1
Легендарные правители	26. Царь Саул Леванидович; 58. Высока ли высота поднебесная; 60. Голубина книга сорока пядей	3
Киевская старина	1. Соловей Будимирович; 3. Дюк Степанович; 6. Волх Всеславьевич; 8. Иван Гостиной сын; 9. Три года Добрынюшка стольничал; 11. О женитьбе князя Владимира; 15. Ставер-Боярин; 16. Иван Годинович; 17. Горден Блудович; 18. Чурила Пленкович; 20. Алеша Попович; 21. Добрыня чудь покорил; 22. Михайла Казаренин; 23. Поток Михайла Иванович; 24. Сорок калик со каликою; 25. Калин-царь; 48. Добрыня купался – змей унес; 49. Первая поездка Ильи Муромца в Киев; 50. Илья ездил с Добрынею; 69. О станишниках, или Разбойниках; 57. Чурилья-Игуменья ⁶¹	21
Новгородская старина	2. Гость Терентище; 10. Василий Буслаев; 19. Василий Буслаев молиться ездил; 28. Садко-богатой гость; 47. Садков корабль стал на море	5
Восстание в Твери 1327 г	4. Щелкан Дюдентевич	1
Московская старина (царствование Ивана Васильевича)	5. Матрюк Темрюкович; 13. На Бузане-острове; 14. Ермак взял Сибирь; 30. Взятие Казанского царства 40. Покрай моря синего стоял Азов-город; 45. Никите Романовичу дано село Преображенское; 53. Атаман Польской ⁶²	7

⁶⁰ Числами указан номер песни в сборнике.

⁶¹ События этой песни разворачиваются в Киеве, но не отнесены к Владимировым временам.

⁶² Михаил Черкашенин был убит в 1581 г. Однако, в тексте песни эти события никак не локализируются по времени.

Смутное Время, XVII в.	12. Гришка-Расстрига; 29. Михайла Скопин; 31. Под Конотопом-под городом; 34. Под Ригою стоял царь-государь; 35. Поход Селенгинским казакам; 43. Князь Репнин; 44. Во Сибирской Украине, во даурской стороне; 54. На Литовском рубеже; 65. Усы – удалы молодцы; 71. О Стеньке Разине	10
Эпоха Петра I	32. Светел-радошен царь Алексей Михайлович; 41. Борис Шереметев; 70. Об атамане Фроле Минеевиче	3
Песни без четкой временной привязки	7. Сергей хорош; 27. Агафонушка; 33. Когда было молодцу пора-время великая; 36. По долам девица копала коренья лютые; 37. Перед нашими воротами утоптана трава; 38. Да не жаль добра молодца битова; 39. Из Крыму и из Нагаю; 42. Благословите, братцы, старину сказать; 46. Из монастыря Боголюбова старец Игренище; 51. Князь Роман жену терял; 52. Во хорошем высоком тереме; 55. Ох, в горе жить – не кручинну быть; 56. Во зеленом садочку; 59. Дурень; 61. Там на горах наехали бухары; 62. Ох, горюна! Ох, горю-хмелина! 63. У Спаса к обедне звонят; 64. Теща, ты теща моя; 66. Кто Травника не слышал; 67. Свиньи: «Хрю!, поросята: «Хрю!»; 68. Стать почитать – стать сказывать.	21

Такой состав наглядно демонстрирует, что, вопреки возможным ожиданиям, сюжеты, более близкие по времени Кирше Данилову, хоть и изображались им с бóльшим количеством исторически достоверных деталей, не преобладали в записанном репертуаре. Известные на сегодняшний день исторические песни XVIII в.⁶³ в состав песенника Кирши практически не вошли. Это может быть объяснено как уже упомянутым возможным изначальным замыслом записи наиболее древних сюжетов, так и тем, что они на самом деле могли быть Кирше не известны. Слагавшиеся в европейской части России в начале XVIII в., песни о петровской эпохе могли быть недостаточно распространены в Сибири и на Урале.

***

Выстроенная выше хронологическая картина является теоретической. В действительности есть основания полагать, что для самого сказителя никакой четкой последовательности событий не существовало. Во всем сборнике Кирши Данилова мы встретим лишь одну, и то ошибочную, дату. Она относится к событиям 1609 г. (Кирша датирует их 1619 г., а именно 7127 г. от сотворения мира), борьбе против литовцев под предводительством М.В. Скопина-Шуйского⁶⁴.

⁶³ Исторические песни XVIII века. Л., 1971.

⁶⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 241.

Действие подавляющего большинства песен Кирша относит к неопределенным «временам первоначальным»⁶⁵, а сами песни именует «старинами»:

Благословите, братцы, старину сказать,
Как бы старину стародавнюю!
Как бы в стары годы, прежняя,
Во те времена первоначальные...⁶⁶

Рассуждая об эпическом времени, М.М. Бахтин обращал внимание на то, что оно является «абсолютным прошлым». Оно «лишено всякой относительности, то есть лишено тех постепенных чисто временных переходов, которые связывали бы его с настоящим. Оно отгорожено абсолютною гранью от всех последующих времен, и прежде всего от того времени, в котором находятся певец и его слушатели»⁶⁷. Изучавший художественное время былин Д.С. Лихачев, кроме того, уточнял: «Эта эпическая эпоха – своеобразный “остров” во времени, в “старине”. Этого эпического времени уже нет в исторических песнях XVI-XVII вв. Исторические песни отражают стадильно более новое историческое сознание. В них есть уже представление не только о старине, но и об истории, и о её движении»⁶⁸.

Материал сборника Кирши Данилова, заставляет нас воспринимать последнее утверждение критически. Концовка «то старина – то деянье» употребляется здесь 11 раз⁶⁹. Причем, «старинами» Кирша называет песни и о богатырских подвигах, и о событиях XVI–XVII вв. Таким образом, мы не находим у него принятого в фольклористике размежевания былин и исторических песен. Оба эти термина были введены в научный оборот

---

⁶⁵ Там же. С. 275.

⁶⁶ Там же. С. 175.

⁶⁷ Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // *Он же*. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 104.

⁶⁸ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 255–256.

⁶⁹ Древние российские стихотворения... С. 60, 114, 124, 180, 201, 212, 219, 229, 234, 246, 311.

искусственно и не использовались в народе⁷⁰. Такого принципиального контраста между ними, как его выделяют исследователи, сам сказитель, вероятно, не чувствовал. В далекое обобщенное «прошлое» попадали для него события происходившие и в Средневековье, и в раннее Новое время:

В годы прежняя,
Времена первоначальная,
При бывшем вольном царе,
При Иване Васильевиче⁷¹.

Обобщенное понимание старины приводило к заимствованиям, вызывающим явные анахронизмы. Братья Борисовичи, фигурирующие в песне о Щелкане, участвуют в поединке с шурином Ивана Грозного, причем оказываются одеты «по моде» XVIII в. («А и бороды бритые, усы торженные, а платья саксонское, сапоги с рострубами»)⁷². Иван Васильевич «выводит измену» из Киева⁷³. На Литовском рубеже бесчинствует Идолище поганое⁷⁴, больше известное в фольклоре по противостоянию с Ильей Муромцем⁷⁵. Добрыня, наравне с Михаилом Скопиным, сражается с черкасами, «чукшами» и «алюторами»⁷⁶. Богатырь Суroveň Суздалец и вовсе отправляется во времена царя Давыда Евсеевича, упомянутого в «Голубиной книге»⁷⁷ и т.д.

Отсутствие абсолютной датировки тех или иных событий, впрочем, не отменяло возможность их относительной хронологической привязки. Более или менее устойчивым временным ориентиром для певца могла являться эпоха какого-либо правителя. В сборнике мы встречаем четыре варианта таких упоминаний: «В стольном городе во Киеве, у славного князя Владимира» (формульный зачин, 9 раз почти дословно используемый

---

⁷⁰ Термин «былина» был введен в научный обиход И.П. Сахаровым в сборнике «Песни русского народа» (1839 г.). Термин «исторические песни» первым использовал Н.В. Гоголь в статье «О малороссийских песнях» (1833 г.)

⁷¹ Древние российские стихотворения... С. 65.

⁷² Там же. С. 64, 68–71.

⁷³ Там же. С. 281.

⁷⁴ Там же. С. 320.

⁷⁵ Смирнов Ю.И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010. С. 90–101.

⁷⁶ Древние российские стихотворения... С. 181, 241.

⁷⁷ Там же. С. 327, 339.

сказителем)⁷⁸, «при бывшем вольном царе, при Иване Васильевиче» (встречается дважды, один раз развернуто)⁷⁹, «Когда светел-радошен во Москве благоверной царь, Алексей царь Михайлович»⁸⁰ и «При царе Давыде Евсеевиче, при старце Макарье Захарьевиче»⁸¹. Однако в большинстве текстов, даже при упоминании имен исторических лиц в качестве персонажей старин, Кирша не акцентирует внимания на том, что описываемые события происходят именно в «их время».

В целом, можно утверждать, что представления о движении исторического времени, в современном понимании, в сборнике Кирши Данилова не прослеживается⁸².

***

Совсем иначе дело обстоит с географической привязкой песенных сюжетов. Из 71 песни сборника 45 начинаются точным указанием места, где происходили те или иные события: «В стольном городе во Киеве»⁸³, «А и деялося в Орде, передеялось в Большой»⁸⁴, «На славной Волге реке, на верхней изголове, на Бузане острове»⁸⁵, «За рекою переправою, за деревнею Сосновкою»⁸⁶, «А под славным было городом под Ригю»⁸⁷, «Во Сибирской во украине, во Даурской стороне»⁸⁸ и т.д. Очевидно, что мы имеем дело с установившейся в народном творчестве нормой песенного зачина, требующей в первых же строках пояснения того, где происходят дальнейшие события.

Множеством географических упоминаний пестрит и дальнейшее повествование старин. В них употребляются названия более 50 городов и

---

⁷⁸ Там же. С. 81, 86, 103, 132, 140, 149, 154, 181, 195.

⁷⁹ Там же. С. 65, 281.

⁸⁰ Там же. С. 255.

⁸¹ Там же. С. 327.

⁸² *Ткаченко В.В.* Время и пространство в Древних российских стихотворениях Кирши Данилова. С. 76–88.

⁸³ *Древние российские стихотворения...* С. 86.

⁸⁴ Там же. С. 61.

⁸⁵ Там же. С. 118.

⁸⁶ Там же. С. 250.

⁸⁷ Там же. С. 262.

⁸⁸ Там же. С. 278.

поселений⁸⁹, 32 реки⁹⁰, зарубежные земли и государства⁹¹, этнические группы⁹², моря, острова, горы и т.д.⁹³ Сам по себе их перечень уже весьма красноречив и демонстрирует не только хорошую географическую осведомленность Кирши, но и большое внимание к сохранению географических деталей в песенной традиции, откуда он почерпнул свои знания. Значительная часть наименований встречается в сборнике неоднократно, почти все они реальны и географически локализуемы. При этом, иногда песни просто поражают точностью указания координат:

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
 А пониже города Саратова,
 А повыше города Царицына,
 Из тое ли было Нагорную сторонушки
 Как бы прошла-протекла Камышевка река,
 Своим устьем она впала в матушку Волгу-реку⁹⁴.

Частота упоминания географических названий в сборнике позволяет выстроить некоторую иерархию, в которой заметно выделяются Киев (назван 128 раз), Новгород (46 раз) и Москва (42 раза). Эти три города обладали

⁸⁹ Перечень географических названий дается в алфавитном порядке, цифрами указано количество прямых упоминаний в сборнике без учета и с учетом повторов внутри одной песни (производные типа «Илья Муромец», «киевский князь» и т.п. при подсчетах не учитываются): Азов (2/7), Астрахань (4/9), Вологда (1/2), Вольнец (2/3), Галич (2/4), Губанье (1/1), Енисейский городок (1/1), Жорнов (1/1), Зарайский город (1/1), Иерусалим (Ерусалим) (5/21), Иркутск (1/1), Казань (3/3), Канакжа (1/2), **Киев (20/128)**, Комарский острог (1/9), Конотоп (1/3), Карачаево (1/2), Кострома (2/3), Красная мыза (1/1), Куракин (1/2), Леденец (1/2), Лютик (1/1), Малый Киевец (1/1), **Москва (13/42)**, Муром (2/3), Мяденские юрты (1/1), Нижний Новгород (1/1), **Новгород (10/46)**, Новый Торжок (только в форме «Новоторженин»), Орешек (1/2), Плес (1/2), Покидош (1/3), Преображенское (1/1), Рига (1/6), Романовское (1/4), Ростов (1/3), Рязань (3/6), Руда (1/1), Саратов (1/1), Селенденский острог (1/2), Смоленск (1/3), Сосновка (1/1), Суздаль (только в форме «Суздалец»), Тверь (1/8), Углич (2/8), Усоля (2/3), Уфа (1/1), Царицын (1/1), Царьград (2/3), Черкасский городок (1/1), Чернигов (3/11), Шлюшенбурха (1/1), Якутск (1/1).

⁹⁰ Амур (1/3), Ахтуба (протока) (2/5), Баранча (1/2), Булат (1/1), Волга (7/24), Волхов (Волх) (2/7), Днепр (Непр) (7/10), Дон (5/8), Дунай (1/1), Енисей (1/2), Ердань (3/12), Епанча (1/1), Жаравль (1/1), Израй (1/7), Иртыш (1/1), Казанка (1/1), Кама (1/2), Камышевка (1/3), Комара (1/1), Москва-река (2/5), Сафат (3/8), Селенга (1/3), Серебряная (1/2), Сибирка (1/1), Смородина (3/15), Тагил (1/2), Тобол (1/5), Тура (1/1), Уфа (1/1), Черега (3/4), Чусовая (1/2), Яик (1/1).

⁹¹ Алыберское царство, Астраханское царство, Греческая земля, Загорская земля, Задонское царство, Индейское царство, Казанское царство, Литовская земля, Орда (Большая, Золотая, Крымская, «Нагай»), Половецкая земля, Польская земля, Саксонская земля, Свицкая земля; Корела, Могозея (фигурируют как земли).

⁹² Алоторы, башкирцы, бухары, жиды, казаки (донские, гребецкие, яицкие, запорожские хохлачи), калмыки, мунгалы, русаки, сорочина долгополая, татары (в т.ч. крымская), турки, черкасы пятигорские, чудь белоглазая, чукши. Производные от этнонимов: бойдоский, еврейский, латынский, литовский, немецкий, персидский, польский, саксонский, сорочинский, черкесский, шведский, школьский (датский).

⁹³ Байкал, Брынские леса, Бузан-остров, Волме-горы, Даурская сторона, Змеяевая гора, Илмень-озеро, Каспийское море, Коловинские острова, Крым, Куминский остров, Магницкого гора, Малороссия, Матица-остров, Медведь-камень, Сибирская сторона (Сибирская Украина), Сионская гора, Смоленские грязи, Сорочинские горы, Соуксанская лука, Фаор-гора, Хвалынское море, Чевылецкий плес, Шингальский хребет.

⁹⁴ Древние российские стихотворения... С. 276.

особенно высоким статусом в фольклорной традиции⁹⁵. Все они наделены микротопонимикой. В Киеве упоминаются улица Игнатьевка, Маринин переулок, монастырь «Благовещения Христова»; в Новгороде – улица Юрьевская, Терентьевская слобода, Терентьев двор, храм Софии Премудрой, храм Николы Можайского, храм Стефана-архидьякона, храм Воздвижения («Крест Здвиженья»), Волхова улица; в Москве – государев дворец, «Иван Великий», Красная площадь, царь-колокол; а также Александрова слобода, Поволжский Урей («протока» по-сибирски) и явно «перенесенная» из Новгорода «Софья Премудрая», которые частью Москвы только в воображении Кирши. Без привязки к конкретному городу также упомянут храм св. Николая на Мясницкой улице («Никола Месницкий»⁹⁶).

Топонимы становятся для Кирши способом соотнесения прошедших событий с современностью. Об этом свидетельствуют его комментарии: «В полуденную сторону походом пошли... еще ноне тут Малороссия!»⁹⁷, «В Орешке, по нынешнему названию Шлюшенбурха»⁹⁸, «Доселева Резань она селом слыла, а ныне Резань словоет городом»⁹⁹. Вероятно, степень достоверности тех или иных фактов в простонародном сознании подтверждалась привязкой их к реально существующим местам.

Ю.А. Новиков отмечал, что для Кирши, как и для других исполнителей, был «важен сам принцип обязательного номинирования персонажей, государств, городов, рек, гор и других природных объектов»¹⁰⁰. От этого принципа Кирша не отказывается не только в исторических описаниях, но и в шуточных скоморошинах:

А статью починать –
статью сказывать:
а и города все,
пригородья все, –

⁹⁵ Современная для Кирши столица, Санкт-Петербург, ни разу не был им упомянут.

⁹⁶ Древние российские стихотворения... С. 347.

⁹⁷ Там же. С. 244.

⁹⁸ Там же. С. 273.

⁹⁹ Там же. С. 297.

¹⁰⁰ Новиков Ю.А. Былины из сборника Кирши Данилова в контексте севернорусской традиции // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск. 2003. С. 185.

малую деревню –
и ту вспомянуть!¹⁰¹

Таким образом, можно утверждать, что русская история находит отражение в старинах как процесс, не столько растянутый по времени, сколько раскинутый географически. Максимально точно фиксируя и сохраняя из поколения в поколение место действия, народная память практически не уделяет внимания хронологии воспетых ею событий.

Исходя из этого умозаключения, кажется целесообразным структурировать дальнейший анализ отражения исторических событий в старинах Кирши не с точки зрения их хронологической периодизации, а следуя их географической привязке. Для удобства все события русской истории будет разделены нами на «киевскую», «новгородскую» и «московскую» старину.

2.2. Киевская старина в сборнике Кирши Данилова

Киев – «стольный город» древнерусского государства – фигурирует в 20 из 71 песен сборника Кирши Данилова. Большая часть из них относится исследователями к так называемым «былинам Владимирова цикла», который объединяет песни о богатырях, состоящих на службе у этого князя¹⁰². Кроме того, в репертуаре Кирши присутствуют и старины, место действия которых полностью или частично отнесено в Киев, но где князь Владимир не упоминается («Волх Всеславьевич»¹⁰³, «Чурилья Игуменья»¹⁰⁴). В общей массе они носят единичный характер. Дискуссионные вопросы возникновения этих сюжетов, как отмечалось выше, мы сейчас оставим за рамками исследования. Нас будет интересовать прежде всего то, какой образ киевской старины они в своей совокупности формировали в сознании сказителей и их слушателей в XVIII в.

---

¹⁰¹ Древние российские стихотворения... С. 363.

¹⁰² Пропп В.Я. Русский героический эпос. С. 62.

¹⁰³ В.Я. Пропп связывал отсутствие Владимира в тексте этой былины тем, что она более архаична.

¹⁰⁴ Монахиня Стефанида Давыдьевна в тексте песни именуется «княжецкой племянницей». См.: Древние российские стихотворения... С. 326.

Песенный Киев в старинах Кирши Данилова изображался богатым городом на берегу Днепра, по которому бегут торговые корабли «с товарами заморскими»¹⁰⁵. Его наполняют «высокие терема»¹⁰⁶ с широкими дворами¹⁰⁷, «красными крылечками»¹⁰⁸, тяжелыми дверьми¹⁰⁹, «косящетыми окошками»¹¹⁰, «стекольчатými оконницами»¹¹¹ и «муравлеными печками»¹¹², сады («вишенья» и «орешенья»¹¹³). В его центре – двор князя Владимира¹¹⁴. Со всех сторон собираются сюда гости и богатыри. Соловей Будимирович приезжает из заморского города Леденца¹¹⁵, Дюк Степанович и Михайла Казаренин – из Волынца Галичья¹¹⁶, Алеша Попович – из Ростова¹¹⁷, Илья Муромец – из Мурома¹¹⁸, Добрыня Никитич – из Рязани¹¹⁹ и т.д. Здесь, в «светлой гридне»¹²⁰ с «белодубовыми столами»¹²¹ и «дубовыми скамьями»¹²², проходят пиры «на многи князя-бояра и на русския могучия богатыри и гости богатыя»¹²³, подают «вина заморския», «меда сладкия», «ества сахарныя»¹²⁴ и «калачики крупичеты»¹²⁵, «потешаются»¹²⁶, играют на гусях¹²⁷, похваляются удалью и богатством.

Основная масса песен выстраивается вокруг нескольких традиционных сюжетов: это поиски невесты, соревнования в удали и богатстве, поединки с врагами. Неоднократно отмечалось, что сам князь Владимир, как правило, не

---

¹⁰⁵ Там же. С. 85.

¹⁰⁶ Там же. С. 86.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 88.

¹⁰⁹ Там же. С. 43, 88.

¹¹⁰ Там же. С. 87.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 44.

¹¹⁴ Там же. С. 57.

¹¹⁵ Там же. С. 41.

¹¹⁶ Там же. С. 55.

¹¹⁷ Там же. С. 171.

¹¹⁸ Там же. С. 301.

¹¹⁹ Там же. С. 297.

¹²⁰ Там же. С. 43.

¹²¹ Там же. С. 48.

¹²² Там же. С. 176.

¹²³ Там же. С. 81, 103, 132.

¹²⁴ Там же. С. 48.

¹²⁵ Там же. С. 58.

¹²⁶ Там же. С. 138.

¹²⁷ Там же.

исполняет в них активной роли. Он лишь «по светлой грядне похаживает»¹²⁸ да «черныя кудри росчосавает»¹²⁹, встречает и расспрашивает гостей или «ездит за охотою»¹³⁰, в то время как основные подвиги и деяния совершают богатыри.

Взаимоотношения Владимира с остальными героями складываются по-разному. В большинстве случаев он приветлив и ласков¹³¹, принимает и потчует гостей (Михайле Козарину даже сам подносит вино – «втапоры стольной Владимир-князь не имел у себя стольников и чашников»¹³²). Но иногда князь изображается в печали (кручине) или во гневе. Так, он впадает в ярость услышав об отказе дочери черниговского гостя Настасьи Дмитриевны Ивану Гоудиновичу (за которого сватался сам Владимир)¹³³ и посылает войско взять ее «силою»¹³⁴. Разгневавшись на Ставра-боярина за хвастовство, князь приказывает посадить его в погреб, откуда его приходится вызволять жене Василисе Микулишне¹³⁵.

Характерной особенностью изображения Киршей русской старины становится неразрывное сочетание описаний героических событий с бытовыми и даже юмористическими зарисовками. В репертуаре Кирши почти нет песен, где сказитель бы не шутил.

В песне «Иван Гостиной сын», изображающей конные состязания при дворе князя Владимира, Бурочка-косматочка так «взрявкивает (...) по-туриному», что распугивает всех хваленых жеребцов, а князь со княгиней и «люди купецкие окарач (...) по двору напоззалися»¹³⁶. Змей Горынович, изгнанный Добрыней со двора Маринки, предстает незадачливым

---

¹²⁸ Там же. С. 103.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же. С. 203.

¹³¹ Там же. С. 42.

¹³² Там же. С. 189.

¹³³ Там же. С. 140.

¹³⁴ Там же. С. 142.

¹³⁵ Там же. С. 132–139.

¹³⁶ Там же. С. 85.

любовником («хвост поджав, да и вон побежал»¹³⁷), а Марина Игнатьевна «высунулась по пояс в окно в одной рубашке без пояса, а сама она Змея уговаривает: “Воротись, мил-надежа, воротись, друг! Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?”»¹³⁸. Можно лишь догадываться, как ярко и комично эти слова должны были звучать при живом исполнении песни артистичным сказителем.

Не менее харизматична в изображении Кирши драка на пиру дворянских вдов – Часовой и Блудовой жен: «била ее по щеке, таскала по полу кирпичету и при всем народе, при беседе, вдову опозорила. И весь народ тому смеялся»¹³⁹. Вероятно, подобные ситуации нередко приходилось наблюдать его слушателям.

В песнях Кирши нет тех нравоучений и героического пафоса в изображении древности, которые мы встречаем в литературных и агиографических сочинениях. Он сказывает свои старины «добрым людям на послушание, веселым молодцам – на потешенье»¹⁴⁰.

***

Русская старина в изображении Кирши – это христианский мир. В песенном Киеве множество «Божьих церквей» и «почестных монастырей»¹⁴¹, собор с «попами и дьяконами»¹⁴². Над городом разносится колокольный звон, собирающий прихожан ко службам¹⁴³. Михайла Казаренин едет в Киев молиться «чудотворцам»¹⁴⁴, под которыми, по всей видимости, могут подразумеваться Киево-Печерские святые. Прибывающие к князю богатыри

---

¹³⁷ Там же. С. 89.

¹³⁸ Там же. С. 90.

¹³⁹ Там же. С. 150.

¹⁴⁰ Там же. С. 60.

¹⁴¹ Там же. С. 73, 152 и др.

¹⁴² Там же. С. 111.

¹⁴³ Там же. С. 88, 160, 197 и др.

¹⁴⁴ Там же. С. 188.

непрерывно сперва поклоняются образам – «Спасу со Пречистою»¹⁴⁵ – и только потом «князю со княгинею»¹⁴⁶.

Борьба с врагами часто принимает в старинах религиозный оттенок. Главная угроза от чужеземных царей, представляющих опасность для столицы – «Божьи церкви на дым спустить» и «почестны монастыри разорить»¹⁴⁷. В качестве врагов русских богатырей выступают не только иноземные захватчики, но и разного рода нечисть. В песне о Михайле Потоке ему противостоит «еретица» Авдотья Лиховидьевна, желающая увлечь Потока за собой в могилу. Другая ведьма – Маринка («еретица» и «безбожница»¹⁴⁸) – оборачивает Добрыню «гнедым туром». Среди упреков в ее адрес, звучит и то, что у нее «в высоких хороших теремах нету Спасова образа: некому (...) помолитися, не за что стенам поклонитися!»¹⁴⁹. Схожая формула в видоизмененном виде применяется Киршей к татарам (татарский посол «Спасову образу не молится»¹⁵⁰).

Обращаясь к сборнику Кирши Данилова в контексте изучения народного исторического сознания сибиряков, С.Р. Хмырова отмечала, что «эпическая и христианская формы исторического сознания, если говорить о Сибири XVIII – конца XIX вв., постоянно образовывали сплав, который иногда определяют как “эпическое православие”, то есть комплекс христианских представлений, связанный с эпическим конфликтом, героическим противостоянием “своего” и “чужого” миров. Этот духовный феномен возник в результате христианизации эпической формы исторического сознания и нашел отражение в былинной традиции и исторических преданиях»¹⁵¹.

---

¹⁴⁵ Там же. С. 141, 175, 188 и др.

¹⁴⁶ Там же. С. 57.

¹⁴⁷ Там же. С. 74.

¹⁴⁸ Там же. С. 93.

¹⁴⁹ Там же. С. 92.

¹⁵⁰ Там же. С. 214.

¹⁵¹ Хмырова С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 2006. С. 103. См. также: Николаев О.Р., Тихомиров Б.Н. Эпическое православие и русская культура // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 5–49.

Перенесение во времена княжения Владимира образа исконного русского врага – татар – является широко распространенным анахронизмом. В песне «Иван Гостиной сын» Владимир хвастается жеребцом, полоненным во Большой Орде¹⁵². Из Золотой Орды богатырь Дунай привозит Владимиру невесту Афросинью-королевишну¹⁵³. В других песнях король Золотой Орды Этмануйл Этмануйлович называется тестем Владимира¹⁵⁴.

Воспоминания о татарах смешиваются с вымышленными фольклорными образами. В песне о «Волхе Всеславьевиче» царь Индейского царства Салтык Ставрुльевич назван Батыевичем¹⁵⁵. В песне о Ставре-боярине, переодетая татарским послом Василиса Микулишна напоминает о «данях-невыплатах», которые Киев должен платить Орде¹⁵⁶. Образ грозного посла из Орды повторно упоминается Киршей в песне о Чуриле Пленковиче¹⁵⁷.

Увод татарами в плен русских людей и торговля пленниками («Не продам тебя, девицу, дешево»¹⁵⁸), нашли отражение в старине о Михайле Казарине, спасшем из полона свою сестру¹⁵⁹. В причитаниях девушки сохраняются следы народного плача:

О злосчастная моя буйна голова,
горе-горькая моя русая коса!
А вечер тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала.
А сама, девица, знаю-ведаю:
Расплетать будет моя руса коса
Трем татарам-наездникам!¹⁶⁰

---

¹⁵² Там же. С. 81.

¹⁵³ Там же. С. 104.

¹⁵⁴ Там же. С. 181.

¹⁵⁵ Там же. С. 74.

¹⁵⁶ Там же. С. 134.

¹⁵⁷ Там же. С. 158.

¹⁵⁸ Там же. С. 191.

¹⁵⁹ Там же. С. 187–194.

¹⁶⁰ Там же. С. 191.

Песня о Калином царе начиналась горькими картинами татарского нашествия на Киев:

Зачем мать сыра земля не погнется?
Становился Калин у быстра Непра
Сбиралось с ним силы на сто верст
Во все те четыре стороны
Зачем не расступится?..
А от пару было от конинова
А и месяц, солнце померкнуль;
Не видеть луча света белова;
а от духу татарскова
Не можно крещеным, нам живым быть!¹⁶¹

Но и в этих трагичных для русской истории сюжетах Кирша не оставляет своего скоморошьего балагурства. Сражение Ильи Муромца с татарами описывалось сказителем комически и едва ли могло не вызвать улыбки слушателей. Илья побеждает врагов «играючи»: не имея под рукой своей «палицы тяжкия», он хватает за ноги стоявшего рядом татарского посла.

И зачал татаринoм помахивати,
Куда ли махнет – тут и улицы лежат,
Куды отвернет – с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин – не ломится,
А жиловат сабака – не изорвется!».
И только Илья слово выговорил,
Оторвется глава ево татарская,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит¹⁶².

Такая юмористическая трактовка этого эпизода была характерна именно для Кирши. В других, более поздних, записях былины о Калином Царе Илья сражается с татарами с помощью оружия¹⁶³.

Богатыри в фольклоре всегда побеждают татар. Махайла Казаренин «первова татарина копьем сколол, другова, собаку, конем стоптал, третьева –

---

¹⁶¹ Там же. С. 213.

¹⁶² Там же. С. 218.

¹⁶³ *Протт В.Я.* Русский героический эпос. С. 341–344.

о сыру землю»¹⁶⁴. Илья Муромец расправляется с целым войском в одиночку и убивает Калина-царя.

Достальные татара на побег бегут,
Сами они заклинаются:
«Не дай Бог нам бывать ко Киеву,
не дай Бог нам видать русских людей!
Неужно в Киеве все таковы?
Один человек всех татар прибил!..»¹⁶⁵

Так, несмотря на военную угрозу, киевская старина рисуется сказителем в значительной степени идеализированной эпохой процветания и веселья на Руси.

2.3. Новгородская старина в сборнике Кирши Данилова

Образ Новгорода представлен в сборнике Кирши Данилова двумя песнями о Садко («Садко-богатой гость»¹⁶⁶ и «Садков корабль стал на море»¹⁶⁷) и двумя песнями о Василии Буслаеве («Василий Буслаев»¹⁶⁸ и «Василий Буслаев молиться ездил»¹⁶⁹). Кроме того, Киршей отнесено в Новгород действие скоморошины «Гость Терентище»¹⁷⁰.

Старины о Садко в варианте Кирши отличаются от их более поздних записей¹⁷¹. Описываемые Киршей события начинаются не в Новгороде, а на Волге. Садко – не гусяр, а «удалой молодец», «волжской сур»¹⁷², которому захотелось «побывать во Нове-городе»¹⁷³. Сама же Волга фигурирует в песне как одухотворенный персонаж. Она поручает Садко передать поклон её брату Ильмену. Выполнив просьбу, Садко награждается неслыханным богатством: выловленные им три невода рыбы превращаются в червонцы и монеты. Дальнейшее развитие сюжета у Кирши, в целом, совпадает с

---

¹⁶⁴ Древние российские стихотворения... С. 192.

¹⁶⁵ Там же. С. 219.

¹⁶⁶ Там же. С. 235.

¹⁶⁷ Там же. С. 292.

¹⁶⁸ Там же. С. 94–102.

¹⁶⁹ Там же. С. 161.

¹⁷⁰ Там же. С. 49–54.

¹⁷¹ Обзор вариантов сюжета см.: *Пропт В.Я.* Русский героический эпос. С. 88–112.

¹⁷² Древние российские стихотворения... С. 238.

¹⁷³ Там же. С. 235.

другими записями этой былины. Разбогатец Садко бьется об заклад с купцами о том, что сможет выкупить все новгородские товары. Однако если в большинстве вариантов этой былины денег у Садка не хватает, и он признает превосходство Новгорода, то в трактовке Кирши ему действительно удается скупить всё, вплоть до битых горшков, и одержать победу в споре. В Новгороде он строит и украшает три храма – во имя святой София, Николы Зарайского и Стефана-архидьякона¹⁷⁴.

Другая песня рассказывает о путешествии Садко в морское царство, где он веселит игрой на гусях морского царя и женится на девушке поваренной, выбрав её среди морских царевен по совету явившегося ему во сне святителя Николая. Заснув рядом с молодой женой, Садко просыпается на берегу Волхова и видит построенную им Никольскую церковь.

По словам В.Г. Белинского, былины о Садко представляют собой «поэтическую апофеозу Новгорода как торговой общины»¹⁷⁵. Новгород выступает в них полноправным действующим лицом. Если в Киеве правит князь Владимир, то Новгород представлен непосредственно новгородцами. Воспевание его богатства «всякими товарами заморскими»¹⁷⁶ звучит здесь постоянным лейтмотивом.

Противостояние героя с Новгородом – но уже в ином виде – становится центральным сюжетом песни о Василии Буслаеве¹⁷⁷. Если Садко соревнуется с новгородцами в богатстве, то Василий Буслаевич – в удали. Собрав дружину, он вызывает новгородских мужиков на «драку великую» и бьется об заклад:

«Тако вы мене с дружиною побьете Новым-городом,
Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
На всякой год по́ три тысячи;

---

¹⁷⁴ Там же. С. 239–240.

¹⁷⁵ Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1954. С. 417.

¹⁷⁶ Древние российские стихотворения... С. 240.

¹⁷⁷ Там же. С. 94–102.

А буде же я вас побью и вы мне покоритися,
То вам платить мне такову же дань!»¹⁷⁸.

Большая часть песни представляет собой красочное описание боя, в котором стороны одерживали попеременный успех. Василий Буслаев со своей дружиной выходят из него победителями.

В былине «Василий Буслаев молиться ездил»¹⁷⁹ повествуется о его путешествии в Иерусалим, чтобы замолить грехи («Смолода бита, много граблена, под старость надо душа спасти»¹⁸⁰). Ряд исследователей видят в ней лишь формальную имитацию религиозного паломничества, подчеркивая, что сам Василий, по его словам, не верует «ни в сон, ни в чох»¹⁸¹. Это кажется не вполне корректным. Все предостережения, в которые Василий верить отказался (не ездить в Иерусалим прямым путем, не прыгать через камень на Сорочинской горе, не купаться в Ердани-реке и т.д.) могут быть отнесены к суевериям с христианской точки зрения (так же как сны и чихания), которых он действительно не боится. Что же касается подлинно благочестивых традиций, то Василий Буслаев внимательно их соблюдает: в соборной церкви он служит обедни «за здравие матушки и за себя, Василья Буславьевича», по почившему отцу и «по всему роду своему» служит «обедню с панафидою», на следующий день служит «обедни с молебнами про удалых добрых молодцов, что смолоду бито, много граблено», прикладывается «ко святой святыни», купается «в Ердане-реке» и приносит щедрые пожертвования попам, дьяконам и старцам, живущим при церкви и т.д.¹⁸². Таким образом, в записанном от Кирши варианте этой песни прослеживается достаточно сильное христианское начало.

Песни о Новгороде передают многие бытовые особенности новгородской жизни. Среди них – реалии артельной рыбной ловли («Сами

---

¹⁷⁸ Там же. С. 98.

¹⁷⁹ Там же. С. 161–170.

¹⁸⁰ Там же. С. 163.

¹⁸¹ *Пропт В.Я.* Русский героический эпос. С. 472–482; *Зуева Т.В., Кирдан Б.П.* Русский фольклор. М., 2002. С. 219.

¹⁸² *Древние российские стихотворения...* С. 166.

пошли, бошлыки, со работными людьми и закинули три невода во Ильмень-озеро»¹⁸³), корабельного дела («Костя Никитин корму держит, Малинькой Потаня на носу стоит»¹⁸⁴, «тычками к берегу притыкались, сходни бросали на крутой бережок»¹⁸⁵).

Важное место занимают социальные взаимоотношения. На просьбу Садко «поучить» его «жить в Нове-граде» Ильмень-озеро советует:

Поводись ты со людьми со таможенными
А и только про их ты обед доспей,
Позови молодцов, посадских людей, –
А станут те знать и ведати!¹⁸⁶

Об отце Василия Буслаевича специально подчеркивается, что он «с Новым городом жил – не перечился, со мужики новгородскими поперек словечка не говаривал»¹⁸⁷. Противостояние его сына с новгородцами в этом контексте приобретает еще более вызывающий характер.

Споры и заклады, совместные пиры-братчины, набор дружины молодым боярином, бои на Волховском мосту – все это отражало реальную жизнь средневекового Новгорода¹⁸⁸. Несмотря на присутствие чудесных деталей, в песнях о новгородской старине сохранялся подлинный яркий образ богатого торгового города.

***

Важной эмоциональной составляющей песен о киевской и новгородской старине в репертуаре Кирши были их праздничные, задорные мелодии. На общий молодецкий напев исполнялись старины «Про Соловья Будимеровича», «Иван, гостиной сын», «Иван Гаденович», «Чурила Пленкович», «Василей Буслаев молиться ездил»; он же, с некоторыми изменениями, использовался для песен «Гардей Блудович», «Потук Михайла

---

¹⁸³ Там же. С. 236–237.

¹⁸⁴ Там же. С. 161.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. С. 238.

¹⁸⁷ Там же. С. 94.

¹⁸⁸ *Азбелев С.Н.* Устная история Великого Новгорода // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2004. № 2. С. 32.

Иванович»; «Агафонушка», «Высота ли, высота поднебесная». Еще на две пары одинаковых мелодий исполнялись песни «Ставр-боярин» и «Алеша Попович», а также «Добрыня чудь покорил» и «Садко – богатой гость»¹⁸⁹. Так с музыкальной точки зрения, киевские и новгородские старины в исполнении Кирши представляли собой единый песенный комплекс. На эмоциональном уровне они делали воспоминания о русской старине радостными и веселыми.

2.4. Московская старина в сборнике Кирши Данилова

Выделяя старины о Московском царстве в отдельный жанр исторических песен, исследователи как правило руководствуются тем, что в них затрагиваются известные события политической истории и упоминаются реальные исторические лица¹⁹⁰. Действительно, в песнях о московской старине уже нет тех чудес, которые мы встречаем в отношении Киева и Новгорода (борьба со змеями, путешествие в Морское царство и т.п.), но в них по-прежнему сохраняются многие «типические» места, характерные как и для киевских, так и для новгородских былин (описания пиров, поединков с врагами, общий набор эпических формул и т.д.). Имея исторических прототипов, многие герои этих песен ведут себя так, как не поступали в действительности. А потому песенная и реальная история здесь по-прежнему не совпадают.

Центральное место в песнях о начале Московского царства занимает Иван Васильевич. Его окружает целый ряд исторических лиц, в характеристике многих из которых прослеживаются следы симпатий и антипатий сказителей. Это царица Марья Темрюковна и ее брат Мастрюк Темрюкович¹⁹¹, ближайший помощник царя боярин Никита Романович¹⁹²,

---

¹⁸⁹ Якубовская Е.И. «История на голосу...» // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 381–401.

¹⁹⁰ Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII-XVI веков. М.-Л. 1960. С. 7.

¹⁹¹ Древние российские стихотворения... С. 65–71.

¹⁹² Там же. С. 65–71, 129, 281–287.

злодей-палач Малюта Скурлатович¹⁹³, царевич Федор Иванович¹⁹⁴, изменники-Годуновы¹⁹⁵, казанский царь Семион (до крещения – Едигер)¹⁹⁶, сибирский хан Кучум¹⁹⁷, удалые казацьи атаманы – Ермак Тимофеевич¹⁹⁸ и его сподвижники Самбур Андреевич и Анофрей Степанович¹⁹⁹, Михаил Черкашенин²⁰⁰, солеваренные промышленники Строгановы²⁰¹ и др. К песням времен Смутного времени относятся упоминания убиенного Дмитрия Ивановича Углицкого²⁰², Гришки-Расстриги и его жены Маринки²⁰³, Михаила Скопина²⁰⁴, князя Воротынского²⁰⁵ и др. Среди дальнейших исторических деятелей XVII в. упомянуты цари Алексей Михайлович²⁰⁶ и Петр Алексеевич²⁰⁷, убитый казаками посланник Карамышев (у Кирши он превращается в персидского посла и попадает в песню о Ермаке)²⁰⁸, князь Семен Романович Пожарский²⁰⁹, князь Василий Голицын²¹⁰, нерчинский воевода Федор Дементьянович (Воейков)²¹¹, астраханский воевода Репнин (у Кирши он назван Данилой, а не Борисом)²¹², разбойники Усы с предводителем Гришкой-Мурышкой²¹³, атаман Фрол Минеевич²¹⁴, Стенька Разин²¹⁵ и др. Все они являются реальными историческими личностями.

---

¹⁹³ Там же. С. 245–246, 283–284.

¹⁹⁴ Там же. С. 282–287.

¹⁹⁵ Там же. С. 282.

¹⁹⁶ Там же. С. 248.

¹⁹⁷ Там же. С. 128–130.

¹⁹⁸ Там же. С. 118–131, 270–272.

¹⁹⁹ Там же. С. 118–131. Имен Самбура Андреевича и Анофрея Степановича нет в других известных исторических документах.

²⁰⁰ Там же. С. 317.

²⁰¹ Там же. С. 126. У Кирши назван Григорий Григорьевич Строганов, вместо исторического Никиты Григорьевича.

²⁰² Там же. С. 115.

²⁰³ Там же. С. 115–117.

²⁰⁴ Там же. С. 241–246.

²⁰⁵ Там же. С. 244–246.

²⁰⁶ Там же. С. 255, 262.

²⁰⁷ Там же. С. 256, 379.

²⁰⁸ Там же. С. 121–124.

²⁰⁹ Там же. С. 250–254.

²¹⁰ Там же. С. 378–379.

²¹¹ Там же. С. 263.

²¹² Там же. С. 276–277.

²¹³ Там же. С. 351–354.

²¹⁴ Там же. С. 377–279.

²¹⁵ Там же. С. 380. Имя Разина отсутствует в песне и упоминается только в ее заголовке.

Начало Московского царства Кирша связывает со взятием Казани. Песню о казанской победе исследователи относят к числу наиболее популярных исторических песен XVI в. Однако отражение некоторых её эпизодов в редакции Кирши является уникальным. В их числе, зачин песни – повествующий о сне царицы Елены²¹⁶ и обнаруживающий параллели с описанием сна хана в «Казанской истории»²¹⁷.

Описание казанского похода в песне включает большое количество исторически достоверных деталей и передает точные топографические особенности расположения Казанской крепости – между реками Казанкой и Булак (у Кирши – «Булат-река»), вытекавшей из озера Нижний Кабан²¹⁸. Центральный эпизод песни отражает реальный исторический факт – подрыв казанской крепостной стены – благодаря которому московским войскам удалось взять город. Однако, описание военных столкновений здесь отсутствует. Вместо боевых побед сказитель воспеваает догадливость молодого канонера, сумевшего отвести гнев князя, когда в назначенное время не произошло взрыва заложенных в подкопе пороховых бочек. Иван заподозрил измену и уже «зачел конанеров (...) казнити»²¹⁹, но юноша объяснил, что свечи, по которым сверяли время (одна – в подкопе, а другая – в лагере), горят с разной скоростью («Что на ветре свеча горит скорее, а в земле-та свеча идет тишее»²²⁰). Когда запальная свеча, наконец, догорела до бочки с порохом, кремлёвская стена взорвалась, что и предрешило победу русских войск.

Финал этой песни в варианте Кирши отличается от других ее редакций и становится отражением авторской идеи, вложенной сказителем в эту песню. Признав поражение, казанская царица Елена выходит встречать московские войска «хлебом солью» и принимает крещение. А от Казанского

---

²¹⁶ Древние российские стихотворения... С. 247.

²¹⁷ Казанская история // Библиотека литературы древней Руси. Т. 10. СПб., 2000. С. 422.

²¹⁸ Древние российские стихотворения... С. 247.

²¹⁹ Там же. С. 248.

²²⁰ Там же.

царя Симеона Иван, до этого именовавшийся «великим князем», наследует царский титул:

Он и взял с него царскую корону,
И снял царскую перфицу,
Он царской костыль в руки принел.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава²²¹.

Такое заключение, с «воцарением князя», известно только в данной записи²²². Более того, титулования Ивана Васильевича «великим князем» «не знает ни один фольклорный песенный текст о Грозном, кроме записи “Взятья Казанского Царства” у Кирши Данилова»²²³. Таким образом, рассказ о казанском взятии в интерпретации Кирши приобретает ярко выраженное идеологическое значение – не просто победы над врагом, а «основания» всего Московского царства.

Следующим эпизодом жизни молодого царя, освещаемым Киршей, может считаться его женитьба на Марии Темрюковне²²⁴. Песня «Мастрюк Темрюкович»²²⁵ в его редакции близка к многочисленным вариантам, записанным в Поволжье в более позднее время²²⁶.

Свадебные сюжеты, как уже отмечалось выше, были достаточно традиционной темой для фольклора. Однако описание свадьбы Ивана Васильевича имеет свою специфику. В былинах князь Владимир как правило не принимал участие в «добывании невесты». Здесь же холостой царь сам отправляется «через реки быстрыя, через грязи Смоленские»²²⁷ с огромной

---

²²¹ Там же. С. 249.

²²² Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор... С. 178–179.

²²³ Горелов А.А. Иван Грозный в сборнике Кирши Данилова // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 35. СПб., 2016. С. 10.

²²⁴ Это событие и в действительности произошло позже – в 1561 г. Однако, расположить песни в такой последовательности позволяет, прежде всего, то, что в песне о женитьбе Иван Васильевич именуется уже царем, что по логике Кирши было следствием казанской победы.

²²⁵ Древние российские стихотворения... С. 65–71.

²²⁶ Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор... С. 144.

²²⁷ Древние российские стихотворения... С. 65.

свитой («царского поезду полторы было тысячи»²²⁸) и берет в жены царицу из Золотой Орды²²⁹. Учитывая, что историческая Марья Темрюковна была дочерью кабардинского князя, изменение национальной принадлежности царицы здесь может трактоваться как очередной акцент на торжестве Московского царства над татарами (вместе с Марьей Темрюковной «везут золоту казну ко царю в каменну Москву»²³⁰). За свадьбой следует традиционный для русского эпоса пир. Нежелание брата царицы – Мастряка Темрюковича – пить и веселиться на пиру выказывает его недовольство таким положением дел. Якобы желая «потешить» царя с царицею, он просит о поединке с русскими богатырями. Но в действительности его замысел несет в себе скрытую угрозу: победивший «семьдесят борцов» Мастряк «хочет Москву загонять, сильно царство Московское!»²³¹.

Иван Васильевич принимает вызов и посылает за богатырями. Здесь снова прослеживается отличие поведения московского царя от поведения киевского князя. Если Владимир откровенно опасается ордынских послов («По грехам надо мною, князем, учинилося: (...) Едет ко мне король из Орды или какой грозен посол»²³²), и даже московских удальцов-Борисовичей, вызванных для боя, берет сомнение: «сметь ли нага спустить с царским шурином и сметь ли его побороть?»²³³, – то Иван Васильевич отдает решительный и дерзкий приказ:

Кто бы Мастряка поборол,
Царскова шурина,
Платья бы с плеч снял
Да нагова с круга спустил,
А нагова, как мать родила,
А и мать на свет пустила?²³⁴

---

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же. С. 66.

²³¹ Там же. С. 67.

²³² Там же. С. 158.

²³³ Там же. С. 68.

²³⁴ Там же. С. 69.

Ни родство с царем, ни принадлежность к Орде не являются защитой для захвалившегося татарина. Развязка сюжета превращается в комедию: побежденный братьями Борисовичами Матрюк «со стыду и сорому о карачках под крылец ползет»²³⁵. Татарская угроза предается осмеянию, а на протесты Марьи Темрюковны царь отвечает:

«Гой еси ты, царица во Москве,
Да ты, Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москве,
Что татары-те борются,
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!»²³⁶

Так свадебная песня еще раз подчеркивает силу Московского царства и его торжество над иноземцами.

Знаковым мотивом песен об Иване Васильевиче становится «выведение измены». Прослеживаясь уже в песне о взятии Казани (в «измене» Иван подозревает канонеров), эта тема получает наиболее яркое отражение в песне «Никите Романовичу дано село Преображенское»²³⁷. Уже в первых ее строках дается красноречивая характеристика деяний царя:

Выводил он измену из Киева,
Что вывел измену из Нова-города,
Что взял Резань, взял и Астрахань²³⁸.

Песня о гневе Ивана Грозного на сына известна примерно в восьмидесяти записях²³⁹. В сборнике Кирши Данилова она передана в кратком виде: в ней присутствует только один сын Ивана Васильевича – Федор, а упоминаемые в более поздних (в основном прионежских) записях этой песни царевич Иван, царица Анастасия Романовна и подробное описание расправы над Новгородцами – отсутствуют. Вопрос о соотношении

---

²³⁵ Там же. С. 71.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же. С. 281–287.

²³⁸ Появление в этом перечне Киева ошибочно (в других вариантах песни здесь называется Псков) и, вероятно, могло быть вызвано ассоциативной связью для Кирши образа Киева с образом Новгорода как двух важнейших древних городов. «Резань» вместо «Казани» может быть как ошибкой Кирши, так и «ослышкой» человека, записывавшего песню с его слов.

²³⁹ Там же. С. 198.

редакций между собой, является дискуссионным. В.Я. Пропп²⁴⁰ и Б.Н. Путилов²⁴¹ считали краткую редакцию вторичной, В.К. Соколова первичной²⁴². Но, по всей видимости, в XVIII в. данная песня бытовала уже и в том, и в другом варианте.

В варианте Кирши, царевич Федор Иванович на пиру упрекает отца в том, что тот «не вывел измены в каменной Москве» («Что есть у нас в каменной Москве, что три большия боярина, а три Годуновы изменники!»²⁴³) и что царь оказывает им неслыханное доверие: «Ты пьешь с ними, ешь с еднова блюда, единую чарой с ними требуешь!»²⁴⁴. Разгневавшись на эти слова, царь приказывает казнить Федора²⁴⁵.

Царевича спасает Никита Романович: он уговаривает палача – Малюту Скурлатовича – казнить вместо него конюха, а самого царевича укрывает в своем имении и устраивает пир. Царь, тем временем, раскаивается в содеянном и оплакивает сына. Узнав о несоблюдении Никитой Романовичем траура, он грозит ему жестокой расправой:

«Велю я Никиту в котле сварить,
В котле сварить, либо на кол посадить»²⁴⁶

Никита же приводит к царю живого и невредимого Федора, за что получает награду – село Преображенское.

Образ Никиты Романовича изображается в этой песне едва ли не более значимым, чем образ самого царя. Никита не боится попасть под гнев Ивана, действует самостоятельно, отважно и быстро (будучи разбужен нерадостной вестью, он «много не выспрашивает», «скоро метается на широкой двор» и

---

²⁴⁰ Пропп В.Я. Песня о гневе Грозного на сына // *Он же*. Сказка. Эпос. Песня. М., 2007. С. 170–210.

²⁴¹ Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор... С. 201, 207; Путилов Б.Н. Песня о гневе Ивана Грозного на сына // *Русский фольклор. Материалы и исследования*. Т. IV. М.-Л., 1959. С. 5–32

²⁴² Соколова В.К. Русские исторические песни XVI-XVII вв. М., 1960. С. 49–56.

²⁴³ Древние российские стихотворения... С. 282.

²⁴⁴ Там же. С. 282.

²⁴⁵ В прионежских записях XIX-XX в. причины гнева царя на Федора объясняются иначе. Федор обвиняется в защите «изменников» во время Новгородского похода. О вариантах этой песни см.: Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор... С. 198–218; Соколова В.К. Русские исторические песни... С. 48–56 и др.

²⁴⁶ Древние российские стихотворения... С. 286.

без седла скачет на выручку царевичу²⁴⁷). Характерна и награда, которую он получает за спасение царского сына – «тарханную грамоту» о «невьдаче» подлежащих суду людей из его имения. Таким образом, Никита Романович приобретает ореол заступника от царских казней. Факт этой симпатии к прародителю рода Романовых в фольклорных песнях чрезвычайно интересен в контексте формирования исторической памяти. В то время как в книжности идея преемственности Романовых и Рюриковичей транслировалась через рассказ о легендарной передаче власти от царя Федора Ивановича Федору Романову²⁴⁸, в устной традиции взаимосвязь двух династий находит свою интерпретацию (Никита Романович спасает царевича от смерти).

***

Характерной особенностью песен о Московском царстве в репертуаре Кирши Данилова является постоянное присутствие в них казаков. «Пять сот донских казаков» входят в царскую свиту и пируют на свадьбе молодого Ивана Васильевича с Марией Темрюковной²⁴⁹, «со старыми славными казаками» Иван одерживает победу над Казанским царством²⁵⁰. Имя царя Ивана Васильевича и образ «каменной Москвы» упоминаются в песнях о Ермаке²⁵¹.

Из всех старин Кирши песни о покорении Сибири привлекли, пожалуй, наибольшее внимание исследователей и были тщательно изучены В.И. Байдиным, А.А. Гореловым, Б.Н. Путиловым, В.К. Соколовой и др.²⁵² Причиной этому послужило их уникальное положение в общем комплексе фольклорных «ермацких» песен. Если песня «Покрай моря синего стоял Азов-город», соотносящаяся с сюжетом «Ермак в турецком плену», известна

---

²⁴⁷ Там же. С. 283–284.

²⁴⁸ Книга об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича. М., 1856. С. 2.

²⁴⁹ Древние российские стихотворения... С. 65–66.

²⁵⁰ Там же. С. 247.

²⁵¹ Там же. С. 125, 239.

²⁵² Горелов А.А. Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. VI. М.-Л., 1961. С. 344–376; Путилов Б.Н. К вопросу о сюжетном составе и истории сложения песенного цикла о Ермаке // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.-Л., 1958. С. 38–48; Соколова В.К. Русские исторические песни... С. 67–78; Байдин В.И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале. С. 96–120.

в достаточно большом количестве разновременных записей²⁵³, то текст песни «На Бузане-острове»²⁵⁴ в варианте Кирши индивидуален (известны аналогии только отдельным его эпизодам²⁵⁵), а песня «Ермак взял Сибирь»²⁵⁶ может считаться авторским сочинением Кирши²⁵⁷.

Многочисленные сибирские реалии, рассыпанные по сборнику Кирши Данилова, долгое время служили для исследователей атрибутирующим признаком, позволяющим связать происхождение сборника с этим регионом. На сегодняшний день, благодаря исследованиям А.А. Горелова²⁵⁸ и В.И. Байдина²⁵⁹, урало-сибирская принадлежность Кирши не вызывает сомнений.

Сибирский поход Ермака изображен в «Древних российских стихотворениях» с удивительной точностью. Досконально, вплоть до указания длительности остановок, Кирша передает маршрут казаков: р. Чусовая («где бы Ермаку зима зимовать») – р. Серебряная («та зима проходит, весна настает») – р. Жаравль – р. Баранча – р. Тагил – Медведь-камень («Жили они тут, казаки с весны до Троицова дни») – р. Тура – р. Епанча («и тут они жили до Петрова дни») – р. Тобол – Мяденски юрты – р. Иртыш (полонив татарского царя Кучума, Ермак жил там «с Покрова до зимняго Николина дня», после чего отправился в Москву, куда прибыл «на канун праздника Христова дня»)²⁶⁰.

Такая исключительная детализация маршрута заставляла исследователей искать письменные источники, возможно, положенные в основу песни. Однако, скрупулезно сравнив песенное описание маршрута Ермака с сибирскими летописями, А.А. Горелов пришел к выводу, что «текст “Ермак взял Сибирь” не следует сблизать с какими-либо определенными

---

²⁵³ Горелов А.А. Трилогия о Ермаке... С. 345.

²⁵⁴ Древние российские стихотворения... С. 118–124.

²⁵⁵ Соколова В.К. Русские исторические песни... С. 68–71.

²⁵⁶ Древние российские стихотворения... С. 125–132.

²⁵⁷ Горелов А.А. Трилогия о Ермаке... С. 344–376; Путилов Б.Н. К вопросу о сюжетном составе... цикла о Ермаке... С. 38–48.

²⁵⁸ Горелов А.А. В поисках легендарного Кирши Данилова. СПб., 2011.

²⁵⁹ Байдин В.И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале. Екатеринбург, 2015.

²⁶⁰ Древние российские стихотворения... С. 125–131.

сибирскими летописями, ища несуществующих заимствований. В рассмотренной нами части он совершенно оригинален, а совпадения с летописями объясняются общностью источников (молва, легенды), питавших и летописи, и сборник: подлинный путь покорителя Сибири жил в памяти уральского населения»²⁶¹. По предположению В.И. Байдина, реконструировавшего биографию Кирши, сказитель и вовсе не был грамотен²⁶², а потому мог почерпнуть свои незаурядные исторические знания только из устной традиции.

Характерная разница в освещении похода Ермака в письменных источниках и песнях Кирши была отмечена В.К. Соколовой: «В большинстве летописей (...) поход в Сибирь изображен как дело, задуманное и совершенное по воле божией, а казаки из «воров» превращаются чуть ли не в святых (...) У Кирши Данилова образы Ермака и казаков имеют героический характер»²⁶³. Так, например, эпизод со спасением русских лодок от татарского обстрела в Сибирских летописях описывается чудесным образом: «Татарови ж начаша з берегу на струги и стреляти многочисленными стрелами, аки великий дождь пуцахуся стрелы. Ермак же казакам токмо веляше грести в стругах, а сам молитву творяше ко всемилостливому богу имяше бо на нечестивые поборника Бога; и стрелы около их падаху и никого не уязвляху»²⁶⁴. В изложении Кирши, это событие объясняется не вмешательством чудесных сил, а военной хитростью. Смекалистые казаки «поделали людей соломенных и нашили на них платье цветное; было у Ермака дружины три ста человек, а стало уже со теми больше тысячи»²⁶⁵. По этим-то соломенным куклам, посаженным в лодки, и пытались стрелять татары: «тому татары дивовалися: каковы русски люди крепкия, что ни едино убить не могут их, каленых стрел в них, как в снопики, налеплено, только

---

²⁶¹ Горелов А.А. Трилогия о Ермаке... С. 365.

²⁶² Байдин В.И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале. С. 33, 126.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 66.

²⁶⁵ Древние российские стихотворения... С. 127.

казаки все невредимы стоят»²⁶⁶. Схожее предание о том, как Ермак «поставил на суда пучки из ветвей деревьев, на которые одел лишнюю одежду», а сам с казаками прошел по берегу и «ударил в спину татарам», было записано Г.Ф. Миллером на Тоболе во время его путешествия по Сибири²⁶⁷.

По всей видимости сказителем и академиком был зафиксирован общий пласт местной фольклорной традиции. Если верить предположению В.И. Байдина, что сам Кирша мог бывать на Тоболе на рубеже 1720–30-х гг.²⁶⁸, слышанные им предания как бы «накладывались» и на его собственные впечатления от пребывания в этих местах²⁶⁹.

***

Песни о событиях XVII-начала XVIII в. в собрании Кирши уже не объединяются в «циклы» подобно более ранним сюжетам (о киевских богатырях, о Садко, о Ваське Буслаеве, о Иване Васильевиче, о Ермаке). Каждая из них единична и самостоятельна. С этой точки зрения, их обобщение в данном разделе носит достаточно условный характер и основывается не столько на представлениях самого сказителя, сколько на исторической датировке описываемых в них событий.

Среди них – песни о Смутном времени («Гришка-Расстрига»²⁷⁰ и «Михайла Скопин»²⁷¹), военные («Под Конотопом-под городом»²⁷², «Под Ригою стоял царь-государь»²⁷³, «На Литовском рубеже»²⁷⁴), казачьи («Князь Репнин»²⁷⁵, «Поход Селенгинским казакам»²⁷⁶, «Во Сибирской Украине, во даурской стороне»²⁷⁷), разбойничьи песни («Усы – удалы молодцы»²⁷⁸, «О

---

²⁶⁶ Там же. С. 128.

²⁶⁷ Миллер Г.Ф. Путешествие от Тобольска до Тюмени // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 293.

²⁶⁸ Байдин В.И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале. С. 49–95.

²⁶⁹ Там же. С. 98.

²⁷⁰ Древние российские стихотворения... С. 115–117.

²⁷¹ Там же. С. 241–246.

²⁷² Там же. С. 250–254.

²⁷³ Там же. С. 262.

²⁷⁴ Там же. С. 318–321.

²⁷⁵ Там же. С. 276–277.

²⁷⁶ Там же. С. 263.

²⁷⁷ Там же. С. 278–280.

Стеньке Разине»²⁷⁹). Три текста могут быть отнесены к началу Петровской эпохи («Светел-радошен царь Алексей Михайлович»²⁸⁰, «Об атамане Фроле Минеевиче»²⁸¹, «Борис Шереметев»²⁸²). Отметим, что XVII в. можно также датировать возникновение ряда песен сборника, в которых исторические события как таковые не описываются («Из Крыму и из Нагаю»²⁸³, «Когда было молодцу пора-время великая»²⁸⁴ и др.).

Эпоха Смутного времени оставила достаточно обширное песенное наследие²⁸⁵. Однако, в состав сборника Кирши Данилова попали только две старины об этом периоде.

Песня «Гришка-Расстрига»²⁸⁶ описывает события царствования Лжедмитрия I. Помимо сборника Кирши Данилова, она известна в одной более ранней записи XVII в. (до 1688 г.²⁸⁷) и около 20 позднейших вариантах²⁸⁸. Исследователями отмечено, что трактовка событий Смутного времени в тексте песни близка их описанию в грамотах Василия Шуйского, что ставит под сомнение народность ее происхождения²⁸⁹. При этом она была распространена довольно широко и с течением времени ее содержание трансформировалось в сторону все большего осуждения Гришки-Расстриги²⁹⁰.

Песня включает в себя четыре исторических эпизода: приход Гришки к власти, его свадьбу с Маринкой, разоблачение (свидетельство против него

---

²⁷⁸ Там же. С. 351–354.

²⁷⁹ Там же. С. 380.

²⁸⁰ Там же. С. 255–256.

²⁸¹ Там же. С. 377–379.

²⁸² Там же. С. 273–275.

²⁸³ Там же. С. 269.

²⁸⁴ Там же. С. 257–261.

²⁸⁵ *Криничная Н.А.* Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974; Исторические песни XVII века. М.-Л., 1966.

²⁸⁶ Древние российские стихотворения... С. 115–117.

²⁸⁷ Исторические песни XVII века. С. 27–29.

²⁸⁸ *Криничная Н.А.* Народные исторические песни... С. 49.

²⁸⁹ Там же. С. 52, 58–59; *Соколова В.К.* Русские исторические песни... С. 99.

²⁹⁰ Так, например, в ранних записях день свадьбы Гришки и Маринки приходится на «Николу вешнего», что соответствует историческим реалиям. В поздних записях эта датировка искажается и переносится на «Николу Зимнего» (т.е. приходится на Филиппов пост), что подчеркивало поправление Лжедмитрием православных обычаев. И др. См.: Исторические песни XVII века. С. 27–44.

царицы «Марфы Матвеевны») и свержение самозванца. Третий из них является анахронизмом. В действительности Мария Нагая отреклась от Лжедмитрия уже после заговора 17 мая 1606 г., а указываемое ей погребение мощей царевича Димитрия в Москве состоялось в царствование Василия Шуйского. Измененный порядок событий служил в песне дополнительным оправданием восстания против царя.

По сравнению с записью XVII в. текст Кирши Данилова более краток. В целом, сохраняя общую структуру песни, он излагает события с меньшим количеством исторических деталей. В варианте Кирши опущены фигурирующие в первой записи международные обстоятельства прихода Лжедмитрия к власти («Прелстил он, вор-собака, три земля: первого прелстил короля в Литве, другого прелстил – землю Полскую, Третье сильно царства Московское»²⁹¹), развернутое описание свадебной службы в Архангельском соборе и обвинений Лжедмитрия в осквернении святынь на пиру («А местные иконы под себя стелет, А чудны кресты под пяты кладет»²⁹²), отсутствует упоминаемый в первой записи Петр Басманов²⁹³. При этом только в варианте Кирши (из всех известных записей песни) прямо называется имя убийц царевича Димитрия Ивановича Углицкого – бояр Годуновых²⁹⁴. Характерной особенностью этого варианта также является отведение главной роли в свержении самозванца стрельцам, а не боярам.

Стоит отметить целый ряд переключек песни о Гришке-Расстриге с другими песнями сборника. Так, он использует схожие формулы для описания свадьбы Гришки с Маринкой и Ивана Васильевича с Марией Темрюковной:

---

²⁹¹ Историческое песни XVII века. С. 28.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же. С. 29.

²⁹⁴ Древние российские стихотворения... С. 116.

«Мастрюк-Темрюкович»

Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он жениться.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменнóй Москве,
А берет он, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую
Царицу благоверную²⁹⁵.

«Гришка-Расстрига»

Недолго Расстрига на царстве сидел,
Похотел Расстрига жениться,
Не у себя-то он в каменнóй Москве,
Брал он, Расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирскова
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу²⁹⁶.

Любопытно, что несмотря на то, что обе невесты прибыли из чужих стран, Мария Темрюковна фигурирует как «царица благоверная», а Маринка сразу же называется «злой еретницей безбожницей». Образ «еретницы» Маринки повторяется в старине «Три года Добрынюшка стольничал»²⁹⁷ (при этом образ Марины Мнишек кажется первичным). Одноименные безбожницы обладают схожими способностями: Марина Юрьевна «оборачивается» «сорокою»²⁹⁸, а Марина Игнатьевна – «косаточкой»²⁹⁹. Устойчивые формулы используются сказителем при описании оплакивания убиенного царевича Димитрия Углицкого³⁰⁰ и мнимо казненного Федора Ивановича³⁰¹ и т.д. Всё это демонстрирует тесную связь песни о «Гришке-Расстриге» с общей фольклорной традицией.

Другая песня, повествующая о событиях Смутного времени в составе сборника Кирши Данилова, посвящена борьбе против литовцев и убийству русского полководца Михаила Скопина-Шуйского («Михайла Скопин»³⁰²). В репертуаре Кирши Данилова она примечательна прежде всего наличием датировки: «Как бы во сто двадцать седьмом году, в седьмом году восьмой

²⁹⁵ Там же. С. 65.

²⁹⁶ Там же. С. 115.

²⁹⁷ Там же. С. 86–93.

²⁹⁸ Там же. С. 116.

²⁹⁹ Там же. С. 92.

³⁰⁰ Там же. С. 116.

³⁰¹ Там же. С. 285.

³⁰² Там же. С. 241–246.

тысячи» – но эта дата является неточной, поскольку описываемые события произошли не в 1619, а в 1609–1610 гг. Песня передает целый ряд подлинных исторических деталей – поход Скопина-Шуйского для освобождения Новгорода («Он поход чинил ко Нову-городу»), переговоры со шведским королем Карлом IX («Ко свицкому королю Карлосу»), территориальные уступки, на которые московское правительство было вынуждено пойти в обмен на помощь союзников («Я закладываю три города русския») и др. Внезапная смерть Скопина, связывалась с его отравлением на пиру в честь крестин у князя Воротынского. Убийцей называлась кума князя – дочь Малюты Скуратова.

Среди всех записей этой песни, текст Кирши наиболее историчен. В поздних вариантах этот сюжет приобретает былинные черты, а его действие переносится в Киевскую Русь ко двору князя Владимира³⁰³.

Характерной чертой, свойственной песням XVII в. (как историческим, так и воинским) является их, в целом, безрадостное настроение. В песнях «Под Ригою стоял царь-государь»³⁰⁴ (об осаде Риги в ходе войны со Швецией в 1656 г.), «На Литовском рубеже»³⁰⁵ (о русско-польской войне 1654–1667 г.), «Когда было молодцу пора-время великая»³⁰⁶ изображается тяжелое бремя солдатской службы:

Не оставь ты нас, бедных, под Ригою,
уж и так нам-де Рига наскучила,
она скучила нам, Рига, напрокучила:
много холоду-голоду принели,
наготы-босоты вдвое того!³⁰⁷

Трагичный характер имеет и песня о пленении князя Семена Романовича Пожарского в сражении с крымскими татарами под Конотопом (1659 г.)³⁰⁸. Образ убитого в ханской ставке князя сближался здесь с образами

³⁰³ Историческое песни XVII века. С. 55–56, 58–41, 74–75 и др.

³⁰⁴ Древние российские стихотворения... С. 262.

³⁰⁵ Там же. С. 318–321.

³⁰⁶ Там же. С. 257–261.

³⁰⁷ Там же. С. 262.

³⁰⁸ Там же. С. 250–254.

русских святых мучеников. Согласно песне, разрубленное татарами «во части во мелкия» тело князя было возвращено в Конотоп казаками, где по молитве епископа, попов, дьяконов и церковных причетников чудесным образом срослось³⁰⁹.

Многим песням XVII в. в сборнике Кирши Данилова были свойственны минорные, печальные мелодии³¹⁰. Таким образом, они оказывались в какой-то степени противопоставленными задорным и радостным песням о киевской и новгородской старине. Примечательно, что, по словам ярославского сказителя XIX в. Н.Т. Кудрявцева (портного по профессии), песню о Гришке-Расстриге его товарищи по ремеслу пели по воскресеньям, поскольку «хозяин запрещал петь в праздник веселые песни»³¹¹.

***

Сборник Кирши Данилова отражает далеко не весь комплекс известных на сегодняшний день исторических песен XVII в. В частности, практически не представлен в нем богатый цикл песен о Степане Разине. Единственное его упоминание в сборнике – в заголовке песни «О Стеньке Разине» – вероятно, является вставкой переписчика. В самом тексте этой песни (дошедшем не полностью) герой по имени не назывался. Сюжетно близкая к «разинскому циклу» песня об убийстве «астраханского губернатора» (в ходе восстания разинцы казнили астраханского воеводу И.С. Прозоровского) в сборнике Кирши Данилова получает иную трактовку и связывается с именем князя Репнина³¹².

Среди прочих казачьих песен выделяются уникальные для сборника старины об отбитой осаде Комарского острога бойдоским князьком Тагудаем

---

³⁰⁹ Там же. С. 254.

³¹⁰ В песнях «Михаила Скопин», «Под Конотопом под городом», «Когда было молодцу пора-время великая» и др. См.: Якубовская Е. «История на голосу...». С. 381–401.

³¹¹ Исторические песни XVII века. С. 337.

³¹² Древние российские стихотворения... С. 276–277.

в 1655 г. («Во Сибирской Украине, во даурской стороне»³¹³) и о поражении войск Селенгинского острога в сражении с монгольскими князьками («Поход Селенгинским казакам»³¹⁴). В описании последнего снова звучит присущая песням Кирши ирония:

А придут казаки в Селенгинской острог,
по базарам казаки они похаживают.
А и хвастают казаки селенгинский молодцы,
а своими ведь дырами широкими!³¹⁵.

Наиболее поздние исторические события, описанные в песнях сборника, относятся уже к началу петровской эпохи. О рождении Петра благовествует песня «Светел-радошен царь Алексей Михайлович»³¹⁶, составленная, по мнению исследователей, уже в начале XVIII в. В качестве действующего лица «грозен сударь, Петр Алексеевич» выступает в песне об атамане Фроле Минеевиче³¹⁷. Ему пишут челобитную казаки с просьбой о перемирии и жалобой на тяжелые последствия неудачного Крымского похода Василия Голицына («Еще от вора от Васьки от Голицына с детьми залегли пути-дороги за сине море, а и не стало нам добычи на синем море и на тихом Дону на Иваныче!»³¹⁸). События Северной войны находят отражение в песне про Бориса Шереметева³¹⁹, руководившего русскими войсками в сражении под Красной Мызой (1702 г.)

***

Итак, хотя в сборнике Кирши Данилова представлены не все известные на сегодняшний день сюжеты былин и исторических песен, он наглядно демонстрирует, насколько широким и разнообразным мог быть песенный репертуар одного сказителя. Воспетые им события относились к самым разным эпохам отечественной истории. Их изображение сочетало в себе как

---

³¹³ Там же. С. 278–280.

³¹⁴ Там же. С. 263–264.

³¹⁵ Там же. С. 264.

³¹⁶ Там же. С. 255–256.

³¹⁷ Там же. С. 377–380.

³¹⁸ Там же. С. 378–379.

³¹⁹ Там же. С. 273–274.

наследие общерусской песенной традиции, так и отдельные авторские черты, присущие только творчеству Кирши.

События русской старины структурировались в песнях не по хронологическому, а по географическому принципу. Обязательное наименование «места действия» старин, сохранение в памяти многочисленных топографических деталей (таких, как точное расположение Казанской крепости, маршрут сибирского похода Ермака и др.), было своеобразным подтверждением их достоверности и служило привязкой к современной сказителю действительности.

Песни Кирши не носили нравоучительного характера. Они исполнялись «для увеселения». Свадебные, семейные, комические сюжеты воспевались в них в равной степени с воинскими подвигами и победами над врагами. Близкие и понятные простым людям проблемы человеческих взаимоотношений проецировались и на историческое прошлое.

Наибольшее внимание в сборнике уделялось песням о киевской и новгородской старине. В веселых, радостных песнях времена князя Владимира изображались своеобразным «золотым веком» русской истории, эпохой процветания и веселья на Руси. Исключительная идеологическая позиция сказителя нашла отражение в песнях о становлении Московского царства, начало которого Кирша видел во взятии Казани. Значимое место в комплексе песен заняла история покорения Сибири. И лишь некоторые песни XVII в. исполнялись на печальные минорные напевы.

Вопрос о том, следует ли считать сборник Кирши типичным или же уникальным для XVIII в., достаточно сложен. Известные в XIX в. очаги бытования былин на русском Севере в этот момент еще не были открыты и можно лишь предполагать уровень развития песенной традиции там на этот момент (хотя и очевидно, что он не должен быть ниже, чем в XIX в.). Многочисленные упоминания в сочинениях XVIII в. о «песнях», которые

поет простой народ, дают основания полагать, что даже в центральных регионах Российской империи старины еще сохраняли свое бытование. Вместе с тем, значительное внимание к Кирше со стороны его покровителя П.А. Демидова и тот необычайный резонанс, который вызвало появление сборника в печати в конце столетия, заставляют думать, что он все же был явлением если не уникальным, то выдающимся даже для своего времени.

Глава 5.

Допетровская Русь в повседневном историческом сознании XVIII в.

В предыдущих главах исследования нами были рассмотрены разные формы сохранения памяти о русской истории. Анализ показал, что в разных областях общественного сознания представления о прошлом отличались и иногда даже противоречили друг другу. В своей совокупности выстроенные нами выше картины русского прошлого суммарно демонстрируют не столько то, что какой-либо конкретный человек XVIII в. знал о русской истории, сколько общее «информационное поле», откуда эти знания возможно было почерпнуть.

В рамках данной главы будет предпринята попытка рассмотреть, каким образом разные формы исторических представлений (научных, художественно-литературных, церковных, фольклорных и др.) сочетались в повседневном историческом сознании людей XVIII в. Исследование этого вопроса можно провести на основе двух видов материалов. К первому относятся массовые источники – ответы служащих губернских и воеводских канцелярий на вопросы об истории их городов в рамках опросов Герольдмейстерской конторы (1720-е гг.), Академии наук и Сухопутного шляхетного корпуса (1760-е гг.) и материалов Генерального межевания (1770–90-е гг.). Ко второму – источники личного происхождения: воспоминания, записки и письма путешественников, посещавших в XVIII в. древние русские города.

И тот, и другой комплекс источников фиксирует исторические представления людей, которые историей как наукой профессионально не занимались. Анализируя данные материалы, попытаемся выявить, какие сведения о русской истории оказались в них отражены (либо не отражены) и из каких источников (как научных, так и ненаучных) они могли быть почерпнуты авторами.

§1. История русских городов в географических описаниях XVIII в.¹

Проведение географических опросов было частью масштабной работы по описанию территории, населения и хозяйства Российской империи, осуществлявшейся в XVIII в.²

Первое описание всех городов Российской империи было предпринято в 1721 г. согласно регламенту Главного Магистрата³. По приложенному к нему формуляру для сочинения «ведомости больших и малых городов»⁴ следовало собрать сведения об их географическом положении и природных ресурсах, состоянии городских укреплений и городских строениях, численности населения, хозяйстве, вероисповедании жителей, а также о данных городам жалованных грамотах и привилегиях⁵. Непосредственно исторических вопросов в этом перечне ещё не содержалось. В качестве условного исключения может быть назван лишь один пункт, появление которого диктовалось необходимостью ревизии состояния военных крепостей: «Каким строением строен, *и сколь давно*, и какими крепостями и *древним или новым* маниром укреплен, и какою аммунициею снабден»⁶ [курсив мой. – *В.Т.*]. Этот вопрос о степени древности городских укреплений первоначально носил исключительно стратегическое значение. Но в некоторой степени он может считаться предвестником исторических вопросов в последующих анкетах.

---

¹ Ткаченко В.В. Исторические известия о древних русских городах в географических анкетах Академии наук и Сухопутного шляхетного корпуса 1760 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 302–307.

² Бакмейстер Л.И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. 1. Ч. 1–4. СПб., 1771–1774; Греков Б.Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. Л., 1929. Вып. 35. С. 39–104; Илизаров С.С. Анкеты XVIII в. как источник по историографии города // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 87–96; Рубинштейн Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века – памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. 1953. Вып. 31. С. 39–89.

³ ПСЗРИ. Т. VI. № 3708. С. 291–309.

⁴ Там же. С. 292.

⁵ Там же. С. 303.

⁶ Там же. С. 304.

В 1724 г. Сенатом был издан указ о необходимости составить гербы всех русских городов «для запечатования судебных дел»⁷, что было поручено Герольдмейстерской конторе. Имеющийся на тот момент в архиве коллегии иностранных дел гербовник оказался «недоволен» для этой цели, поскольку он содержал «только гербы главных государств и некоторых провинций российских»⁸. В этой связи, товарищ герольдмейстера граф Франц Санти выступил с инициативой сбора сведений о русских городах, без которого невозможно было бы нарисовать их гербы «по регулам геральдики»⁹.

Анкета Герольдмейстерской конторы, разосланная во все губернские и провинциальные канцелярии, состояла из 7 пунктов, в некоторой степени повторяющих предшествующие вопросы Главного Магистрата¹⁰. В контексте нашего исследования, наибольший интерес представляет ее первый вопрос: «Сколь давно и от какого случая или причины и от кого те города построены, каменные или деревянные или земляные и от каких причин какими именами названы которых языков и в тех языках те речения не знаменуют ли какого собства»¹¹. В отличие от опросника Главного Магистрата, где похожий запрос касался построения городской крепости, в анкете Герольдмейстерской конторы он был переформулирован и мог трактоваться как основание города в целом. Помимо этого, анкета Герольдмейстерской конторы включила в себя еще один значимый для нас вопрос о том, не был ли город «взят осадой или войною (здачею или добровольным подданством, сочинением или установлением мира) или иными какими случаями, какия возможно сыскати»¹². Ответ на него предполагал обращение к историческим источникам.

---

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 4, 6 – 6 об.

⁹ Там же. Л. 6 – 6 об.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Сведения о количестве поступивших из канцелярий ответов разнятся¹³. На сегодняшний день в архивном фонде Герольдмейстерской конторы сохраняются полные описания всех городов Алаторской, Великолукской, Владимирской, Воронежской, Выборгской, Вятской, Галицкой, Елецкой, Казанской, Киевской, Костромской, Нарвской, Орловской, Пензенской, Переславль-Залесской, Переяславль-Рязанской, Свяжской, Севской, Синбирской, Соликамской, Тамбовской, Тверской, Углицкой, Устюжской, Шацкой, Юрьево-Польской, Ярославской провинций, Ревельской и Рижской губерний, а также ряда городов, описанных отдельно (Смоленск, Вологда, Бахмут, Суздаль, Уфа, Арзамас, Серпухов, Алексин, Белев, Калуга, Тула)¹⁴. Таким образом, представленные сведения охватывают большую часть Российской Империи.

Следующий и более подробный запрос исторических сведений от городских властей был связан с анкетированием, начатым по инициативе Академии наук и продолженным Сухопутным шляхетным корпусом в 1760-х гг. Поводом для него послужила необходимость исправления Российского атласа, вышедшего первым изданием в 1745 г., и подготовка учебника по географии для кадетов.

Сбор необходимых сведений происходил в достаточно сложной обстановке и не был доведен до конца¹⁵. Вопреки установившемуся мнению о том, что анкетирование проводилось общими силами Академии и Шляхетного корпуса, в действительности два учреждения конфликтовали между собой и собирали данные независимо друг от друга, хотя формуляры анкет отличались незначительно¹⁶. Это привело к большой путанице на

---

¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377, Л. 58–60 об.; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981.

¹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377.

¹⁵ Подробнее см.: *Ткаченко В.В.* Российский атлас 1760-х гг.: несостоявшееся издание и причины неудачи // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (8–9 октября 2019 г.). М., 2019. С. 57–63.

¹⁶ *Бакмейстер Л.И.* Топографические известия... Ч. 1. Л. 10–18 об.

местах: кто-то отправлял известия в Академию, кто-то – кадетам¹⁷, присланные ответы оказались разделены на две части, и ни одна из сторон не была готова делиться с другой полученными результатами. Лишь в 1769 г. собранные кадетским корпусом материалы были полностью переданы в Академию наук¹⁸. Некоторые из них в дальнейшем были обработаны и изданы Л. Бакмейстером¹⁹, однако большая часть сведений так и не была введена в научный оборот.

В настоящий момент в архиве Академии наук хранится 376 дел, содержащих ответы на академическую и кадетскую анкеты (большинство из них – частичные)²⁰. В рамках данного исследования были привлечены документы, полученные из 80 городов европейской части России²¹.

Из 30 пунктов опросника сообщению исторических сведений предполагали следующие:

1. «В котором году город, от кого и для чего построен; (...) не был ли город осажден от кого и разорен или мужественно оборонялся» (присутствовал только в кадетской редакции анкеты).

2. «Много ли приходов внутри и за городом, и которых церкви каменные или деревянные; есть ли каменные новые и старинные казенные строения, и каких они времен от постройки».

26. «Где есть старых городов оставшиеся развалины, или городища, в каких состоят остатках и признаках, и как их называют» (в кадетской анкете

---

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10. Ед. хр. 18. Л. 180.

¹⁸ РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 3050. Л. 39.

¹⁹ *Бакмейстер Л.И.* Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. 1. Ч. 1–4. СПб., 1771–1774.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а, 10б.

²¹ Архангельск, Вологда, Зарайск, Ивангород, Казань, Калуга, Киев, Козельск, Коломна, Копорье, Можайск, Москва, Муром, Нарва, Нижний Новгород, Орел, Переяславль, Ростов, Смоленск, Суздаль, Ярославль; Алексин, Арзамас, Балахна, Бахмут, Великие Луки, Верхнесосенск, Волоколамск, Воронеж, Галич, Данков, Дмитров, Елец, Кадом, Кашин, Клин, Козьмодемьянск, Кола, Кологрив, Коротояк, Короча, Костенск, Курмыш, Лебедин, Лихвин, Любим, Малоярославец, Мезень, Мценск, Новый Оскол, Оренбург, Орлов, Пенза, Пошехонье, Ржев, Романов, Руза, Ряжск, Самара, Свияжск, Серпейск, Симбирск, Скопин, Соль Галицкая, Сольвычегодск, Старица, Старица, Старый Оскол, Суджа, Сызрань, Тотьма, Углич, Унжа, Усерд, Устюжня Железопольская, Чернь, Чухлома, Яренск.

дополнено: «и нет ли о таковых древностях по преданию дошедших каких известий»).

29. «В городах буде есть летописцы, присылать с них верныя копии» (в кадетской анкете – «или в монастырях»)²².

Внимание к историческим сведениям в рамках географического опроса объясняется сбором материалов для сочинения «Российской Истории», над которой в это время работал М.В. Ломоносов. Их формулировки характеризуют область исторических интересов академии на тот момент (воинские подвиги прошлого, поиск древних развалин, летописцев и т.д.).

Напомним, что на момент рассылки герольдмейстерской, академической и кадетской анкет ещё не существовало печатных книг по русской истории, кроме Киевского «Синописа» и церковных изданий житий русских святых. Таким образом, отвечающие могли почерпнуть необходимые сведения только из архивов самих канцелярий и монастырей, рукописных книг и устных преданий. Можно утверждать, что эти анкетирования отражают срез самобытных исторических знаний русского общества до того, как они подверглись массовому влиянию печатной исторической литературы.

Еще одна массовая фиксация исторических сведений о русских городах прошла в ходе Генерального межевания, проводившегося в Российской Империи в 1770–1790-е гг. Однако, в этом случае сбор исторической информации не входил в изначальные задачи землемеров²³, поэтому она оказалась отражена неравномерно.

В рамках данного исследования были привлечены опубликованные описания 129 городов 10 губерний Центральной России: Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Рязанской,

---

²² Бакмейстер Л.И. Топографические известия... Ч. 1. Л. 10–18 об.

²³ ПСЗРИ № 12474, 12570, 12659, 12711.

Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской²⁴. «Учреждение» основной массы городов в них было отнесено к губернской реформе 1775–1785 гг., и их более ранняя история не раскрывалась²⁵. Свидетельства, относящиеся к допетровской истории, были выявлены в описаниях Владимира²⁶, Коломны²⁷, Костромы²⁸, Москвы²⁹, Переяславля-Залесского³⁰, Твери³¹ и Юрьевца-Поволжского³².

***

Сопоставление указанных материалов показало, что сведения об истории русских городов, представленные в их описаниях разных лет, могли как повторяться, так и дополняться или же наоборот утрачиваться. Несмотря на то, что комплекс исторических вопросов в составе академической и кадетской анкет был значительно обширнее вопросов герольдмейстерской конторы, в ряде случаев анкетирование 1724 г. сохранило более полные известия об истории отдельных городов, чем анкетирование 1760-х гг. Утрата исторических сведений к середине XVIII в. была вызвана, прежде всего, частыми пожарами, в которых погибли многочисленные документы.

Так ответ на вопрос об основании Казани в герольдмейстерской анкете был достаточно подробен: «Город Казань построен был напред сего от татарских царей деревянной, званием был татарским языком Казань, и в 7061 году оной город взят от российских войск штурмом и после того от российского государства построен оной город каменной нагоре»³³. При этом в анкете 1760 г., ответ на аналогичный вопрос отсутствовал. Кроме того, отметив, что в Казани живут татары, канцеляристы затруднились пояснить

---

²⁴ Города Российской империи в материалах генерального межевания. Центральная Россия. Тула, 2016.

²⁵ Там же. С. 428, 431, 433, 478, 571, 577, 686, 688, 697, 703, 705, 706, 714 и др.

²⁶ Там же. С. 71–96.

²⁷ Там же. С. 288–293.

²⁸ Там же. С. 221–229.

²⁹ Там же. С. 321–366.

³⁰ Там же. С. 114–117.

³¹ Там же. С. 580–590.

³² Там же. С. 245–249.

³³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 25–25 об.

«давноль они поселились и откуда происхождение имеют» – «о том за случавшийся в Казани в 1749 году мая 3 дня великом пожаре в казанской губернской канцелярии и в казанской архиве за погорением дел известия не имеется»³⁴.

Схожую ситуацию демонстрируют материалы, полученные из Свияжска. В 1726 г. из свияжская канцелярия доносила, что «город Свияжск званием по реке Свияге построен в прошлом 7059 году июня 30 дня указом блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всея России самодержце до взятъя царства Казанского в третье лето»³⁵. Ответ на аналогичный вопрос в 1762 г. был иным: «а в котором году помянутой город от кого и для чего построен о том за згорением в вышереченом 753 году пожаре канцелярии дел и прежних летописцов известий не имеется»³⁶.

Помимо указанных случаев о невозможности ответить на вопросы в связи с «погорением дел» сообщалось из Арзамаса (пожар был в 1726 г.)³⁷, Ельца (пожар 1745 г.)³⁸, Киева (пожар 1718 г.)³⁹, Курмыша (пожар 1745 г.)⁴⁰, Лебедяни (пожар 1705 г.)⁴¹, Ряжска (пожар 1726 г.)⁴², Самары (пожар 1706 г.)⁴³, Соли Галицкой (пожар 1752 г.)⁴⁴, Тотьмы (пожар 1743 г.)⁴⁵, Ярославля (пожар 1711 г.)⁴⁶ и др. Из Орла писали, что из-за неоднократного затопления «полою водою с рек Оки и Орла» «дела прошлых лет кои имели в архиве помокли»⁴⁷. В Новом Осколе «от течи многия письма погнили коих и

---

³⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 11. Л. 2 об.

³⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 129.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 127. Л. 2.

³⁷ Там же. Ед. хр. 12. Л. 2.

³⁸ Там же. Ед. хр. 65. Л. 2.

³⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 215 об.; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Ед. хр. 153. Л. 29.

⁴⁰ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 10. Л. 2.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 40. Л. 2.

⁴² РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 276.

⁴³ Там же. Л. 200.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 144. Л. 2 об.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 66. Л. 2.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 125 об.

⁴⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 137. Л. 2 об.

разобрать невозможно», а «при разобрании погнилых писем явилось три куля и два мешка весом пять пудов и шесть фунтов»⁴⁸ и т.д.

Неполнота ответов на академическую и кадетскую анкеты была вызвана также тем, что 1 апреля 1760 г. канцелярией главной артиллерии и фортификации был издан указ за подписью П.И. Шувалова, согласно которому на пункты, касающиеся планов, состояния и устройства городских крепостей, было «никакого объяснения давать невелено»⁴⁹. Это привело к тому, что отвечать на них (и иногда полностью на весь первый пункт анкеты) отказались не только пограничные города (Архангельск⁵⁰, Нарва⁵¹ и др.), но и некоторые из городов, расположенных внутри страны (в том числе, Казань⁵²).

Помимо объективных причин, связанных с утратой нужных документов, на подробности составления описаний сказывался и человеческий фактор – степень добросовестности канцеляристов. Так, например, ни анкеты герольдмейстерской конторы, ни комплекс анкет 1760-х гг. не отражают исторических сведений о Москве. В первом случае описание Москвы полностью отсутствует в фонде (хотя из Московской губернской канцелярии были присланы описания Серпухова, Калуги, Тулы и др.⁵³). Во втором случае московские «отписки» ярко демонстрируют нежелание чиновников заниматься навязанной им работой. Запросы о том, «в котором году город от кого и для чего построен», «не был ли от кого город осажден разорен или мужественно оборонялся» переадресовываются губернской канцелярией в иностранную коллегия и Оружейную палату⁵⁴. Из последней отвечают, что «во оной полате о вышеписанном никакого известия не имеется»⁵⁵.

---

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 4. Л. 2.

⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Ед. хр. 2., Л. 1.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Оп. 10б. Ед. хр. 1. Л. 1 об.

⁵² Там же. Оп. 10б. Ед. хр. 56. Л. 1 об.

⁵³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 121–121 об.

⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Ед. хр. 78. Л. 1 об.

⁵⁵ Там же. Ед. хр. 108. Л. 1.

Материалы Генерального межевания, напротив, описывали московскую историю подробнейшим образом. В них сообщалось, что «по мнению многих летописателей, построение онаго надлежит относить к Олегу, опекуну Игоря, которой в 882м году по Рождестве Христове, проезжая из Нова-города в Киев теми местами, где стоит ныне Москва, построил близ Москвы реки на речке Неглинной городок, которой достался после во владение суздальскому князю вельможе Кучке»⁵⁶. Далее повествовалось об убийстве Кучки Юрием Долгоруким, который «возобновил сей град или, лучше сказать, построил вновь на том же месте, где был прежде»; получении московского удела князем Даниилом Александровичем; строительстве московского кремля и перенесении княжеского престола в Москву; осадах, взятиях и разорениях от татар, поляков и литовцев и, наконец, о приходе к нынешнему процветающему состоянию⁵⁷. Изложенный текст был опубликован Х.А. Чеботаревым в «Историческом и топографическом описании городов Московской губернии»⁵⁸.

Таким образом, более подробными могли оказываться как более ранние, так и более поздние по времени описания. Проследить какую-либо «эволюцию» в этом вопросе кажется сложным.

***

Отдельно следует отметить разницу значений, которые вкладывались в схожие, на первый взгляд, исторические вопросы разных лет. Так вопрос об основании города мог трактоваться в контексте его первоначального появления, построения крепости, или даже подтверждения городского статуса Императорским указом.

---

⁵⁶ Города Российской империи... С. 321.

⁵⁷ Там же. С. 321–322.

⁵⁸ *Чеботарев Х.А.* Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787.

Согласно кадетской анкете, город Коломна был «построен в 7033 году мая 25 дня при жизни блаженныя памяти благочестиваго государя и великого князя Василия Иоанновича». В ней также сообщалось, что, «какой герб имеет и не был ли город осажден и от кого разорен или мужественно оборонялся о том в коломенской канцелярии известия не имеется»⁵⁹. Под «построением города» здесь, очевидно, понимается строительство крепостных стен.

Описание в материалах Генерального межевания изображало историю Коломны со значительно более древних времен: «Оной город, по уверению некоторых летописателей, начало свое имеет около 1147 году, от вышедшаго из Италии знатного человека Карла Колонны, от коего заимствует имя свое и герб, представляющий колонну и столб...»⁶⁰. Эта версия основания города носила легендарный характер. Её появление можно умозрительно связывать с тем, что коломенский кремль и правда строили итальянцы (однако, не в XII в., а в XVI в.). Кроме того, стоит отметить, что итальянцем по происхождению был нарисовавший упомянутый герб герольдмейстер Франц Санти (впервые он появился в 1730 г. на знамени Коломенского полка⁶¹). Появление этого исторического экскурса, в целом, отражает интерес к древней городской истории, распространившийся в конце XVIII в.

В числе древних русских городов единогласно в анкетах разных лет датировалось основание Владимира (990 г.), которое приписывалось Владимиру Святому⁶². В этом вопросе канцеляристы ссылались на имеющиеся в их распоряжении письменные источники («в летописцах показано»⁶³). По их словам, город был поставлен «в пришествие от Киева великого князя Владимера в лето шесть тысяч четыреста девяносто осьмое и в свое имя оному граду нарече звание Владимир и вся люди крестил, а в лето

⁵⁹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 48. Л. 2.

⁶⁰ Города Российской империи... С. 288.

⁶¹ «На лазоревом поле столп белый, на нем вверху корона, около две звезды». (РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.)

⁶² Опубликованная Л. Бакмейстером анкета отсутствует в фонде: *Бакмейстер Л.И.* Топографические известия... Ч. 1. С. 119.

⁶³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 21.

шесть тысяч шестьсот шестьдесят шестое благоверный великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский оной град Владимир строением распространил»⁶⁴.

Крайне подробные хронологические выписки из местных хроник (как в 1724, так и в 1760-х гг.) были присланы из городов, вошедших в состав Российской Империи по итогам Северной войны (из Нарвы и Ивангорода⁶⁵, Дерпта⁶⁶, Корелы⁶⁷, Выборга⁶⁸, Вендена⁶⁹, Ариенбуха⁷⁰, Ревеля⁷¹, Риги⁷², Пернова, Валка⁷³). В них особо отмечались даты получения городом разнообразных жалованных грамот от предыдущих правителей.

***

Схожий, на первый взгляд, вопрос о военных осадах города в анкетах разных лет также трактовался по-разному. В анкете Герольдмейстерской конторы, создававшейся вскоре после Северной войны, уточнение того, был ли город «взят осадой или войною», понималось как вопрос о том, каким путем он был присоединен к территории Российской Империи. В ответах на него точно фиксируются даты взятия Казани («в 7061 году оной город взят от российских войск штурмом»⁷⁴), присоединения к Российской империи украинских территорий: «град Киев и Малая Россия учинились в подданстве великому государю царю великому князю Алексею Михайловичу всея великия и малыя и белыя России самодержцу во 162м году марта в 2 день»⁷⁵; «город Полтава из-под польского владения добровольно поддался с гетманом Хмельницким под державство императорского величества в 1648 году»⁷⁶;

---

⁶⁴ Там же. Л. 21–21 об.

⁶⁵ Там же. Л. 152; СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 1. Л. 3–3 об.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 240.

⁶⁷ Там же. Л. 15–16 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Л. 252.

⁷⁰ Там же. Л. 254.

⁷¹ Там же. Л. 32–32 об.

⁷² Там же. Л. 225.

⁷³ Там же. Л. 249.

⁷⁴ Там же. Л. 25 об.

⁷⁵ Там же. Л. 35.

⁷⁶ Там же. Л. 223.

малороссийские казаки, живущие посадом за городом Переволочной, также с «гетманом Хмелницким поддались под державу императорского величества в подданство»⁷⁷ (сам город, под которым понималась крепостное укрепление, согласно описанию был построен «по указу императорского величества после полтавской баталии»⁷⁸). В том же контексте сообщались даты присоединения прибалтийских городов в ходе Северной войны (Рига – 4 июня 1710 г.⁷⁹, Ревель – 29 сентября 1720 г.⁸⁰, Дерпт – 14 июля 1704 г.⁸¹, Нарва – 9 августа 1704 г.⁸², Корела (Кекстолм) – 8 сентября 1710 г.⁸³, Выборг – 14 июня 1710 г.⁸⁴, Ивангород – 1704 г.⁸⁵ и др.).

Тот факт, что под «взятием» города подразумевалось именно его захват русскими войсками красноречиво подтверждает ответ из Торопца: «сначала оной город был российской или взят осадой или войной (...) известия не имеется»⁸⁶. Исконно русская принадлежность городов при этом целенаправленно подчеркивалось: «Город Тула (...) строен в давних годех повелением прежним российского государства самодержцев, а в котором году (...) строен (...) известия не имеется»⁸⁷; «город Яранск построен в прошлом 7170 году по указу блаженные памяти государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея великия и малые и белыя России самодержца (...) русскими жителями всяких чинов»⁸⁸. Осада русских городов врагами в ответах на анкету герольдмейстерской конторы почти не отражалась.

Кадетская анкета под «осадой» города, напротив, понимала именно нападение вражеских войск на русские города. Прежний вопрос

---

⁷⁷ Там же. Л. 223 об.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Л. 228.

⁸⁰ Там же. Л. 32.

⁸¹ Там же. Л. 242 об.

⁸² Там же. Л. 152 об.

⁸³ Там же. Л. 16.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. Л. 152 об.

⁸⁶ Там же. Л. 52.

⁸⁷ Там же. Л. 18 об.

⁸⁸ Там же. Л. 131 об.

герольдмейстерской конторы (был ли город «взят осадой или войною»⁸⁹) был сформулирован здесь иначе и получил другую окраску: «не был ли город осажден от кого и разорен или мужественно оборонялся»⁹⁰. Таким образом, внимание отвечающих смещалось с захвата города русскими войсками на его мужественную защиту от врагов.

Присылаемые из губерний материалы демонстрируют, что в середине XVIII в. канцеляристы знали о войнах прошлых лет крайне мало. Доступа к письменным известиям, повествующим о татарских набегах, канцелярии почти не имели, и потому были вынуждены обращаться к устной истории. Из Киева писали: «что оный город верхний давно был от татар и других народов осаждаем и разоряем, о том с происходимого в народе слуху⁹¹ известно, но когда именно и от кого те разорения чинимы были, неизвестно»⁹². Также «по слухам» помнили о татарских набегах в стоявшем на Белгородской засечной черте Валуйске: «в котором именно году и по какому резону построен в валуйской архиве точного известия не отыскалось и по слуху влекущему от старожилков видимо, что строен по признакам от набегов неприятельских людей татар для того что оной город состоит от поганской стороны весьма пограничной». О том же, по словам канцеляристов, свидетельствовало нахождение около города большого военного склада («магазина») для снабжения полков, состоявшего некогда «весьма в немалом числе провианта», «которого и поныне след значится»⁹³.

Откликом татарского нашествия было сообщенное в ответ на запрос герольдмейстерской конторы предание о происхождении названия города Зарайска, известное по «Повести о разорении Рязани Батыем»: «в том городе

---

⁸⁹ Там же. Л. 6.

⁹⁰ *Бакмейстер Л.И.* Топографические известия... Ч. 1. Л. 13 об.

⁹¹ В 1770 году, проезжая Лубны, В.Г. Орлов также замечал: «Много по обеим сторонам курганов разной величины. Жители сказывают, что были в этих странах побоища между Батыем и Русскими». См.: *Орлов В.Г.* Дневник путешествия в 1770 г. в Киев и в свои вотчины // *Русский Архив.* 1908. №. 8. С. 441.

⁹² В СПФ АРАН хранится ответ из Киева только на академическую анкету. Кадетская анкета цитируется по изданию: Описание г. Киева, составленное Киевской губернской канцелярией в 1760 г. // *Исторические материалы из архива Киевского губернского правления, Вып. 3.* Киев, 1888. С. 117–118.

⁹³ СПФ АРАН. Ф. 3. 106. Ед. хр. 53 Л. 2 об.

исстари было княжение и в прошлом 6745 году приходил при владенье великого князя Феодора Георгиевича безбожный царь Батый в рязанскую землю с многими воины и стоял на реке Воронеже. И оный князь Феодор Георгиевич по повелению отца своего благоверного великого князя Георгия Ингоревича ходил к царю Батыю з дары, чтоб он не воевал рязанския земли. И оной царь Батый его великого князя Феодора Георгиевича убил досмерти, и благоверная ево княгиня Евпраксия, услышав о убиении ево великого князя, ринувся с храмине с сыном своим Иоанном Федоровичем и заразишася досмерти, и того ради зовется город Зарайск»⁹⁴. Приведенный текст не совпадает дословно с известными редакциями повести⁹⁵ и представляет собой ее сокращенный пересказ. Характерной особенностью этого свидетельства является написание отчества князя Феодора как «Георгиевич», в то время как в большинстве известных списков используется формулировка «Юрьевич»⁹⁶. В Зарайской анкете за 1760 г. этот сюжет отсутствовал⁹⁷.

Из Солигалича в 1763 г. сообщали о чуде святого Макария Желтоводского, явленном во время набега казанских татар: «в прошлом 7040м году генваря 18 дня здешней город по наитию поганых варвар в четыренатцати тысячах осажден был, которой явлением преподобнаго чудотворца Макария Желтоводского и Унженского чудотворца от оных поганых варвар избавлен»⁹⁸. Так церковная традиция становилась источником информации о городской истории для светских властей.

В подавляющем большинстве городов (в том числе, в знаменитом «злом городе» Козельске⁹⁹), однако, о татарах не помнили. В том числе, как

---

⁹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 186–186 об.

⁹⁵ Лихачев Д.С. Повести о Николе Зарайском // Труды отдела Древнерусской литературы. Т. 7. М.-Л., 1949. С. 257–406; Комарович В.Л. К литературной истории повести о Николе Зарайском // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 5. М.-Л., 1947. С. 57–72.

⁹⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 186–186 об.

⁹⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 151.

⁹⁸ Там же. Ед. хр. 144. Л. 2.

⁹⁹ Там же. Ед. хр. 22. Л. 2.

уже было отмечено выше, к середине XVIII в. погибли в пожарах документы, повествующие о взятии Казани (из местных архивов Казани и Свияжска¹⁰⁰).

Столь же неравномерно сохранялась и память о польско-литовской экспансии в Смутное время. В комплексе ответов на анкету герольдмейстерской конторы есть лишь три упоминания о ней. Из Великих Лук сообщалось, что «оной город в прошлых давних годах не по одно время от польских людей был в разорении, о чем значится в писцовой книге, каковая имеется в канцелярии великолуцкой провинциальной за рукою дьяка Михаила сына Валова»¹⁰¹. А также было отмечено, что города Углич и Бежецкой верх были построены «после литовского разорения» «от нашествия литовских и швецких войск»¹⁰² (в каком году это произошло, в канцелярии не знали). Впрочем, еще раз отметим, что описание вражеских нападений не было задачей этого анкетирования.

Немногим подробнее писали о Смуте в 1760-х гг., когда о «разорении» или «мужественной обороне» русских городов спрашивалось прямо. История убийства царевича Димитрия и последующего польско-литовского нашествия сообщалась из Углича: «Святой благоверный царевич князь государь в 1591м году по зависти и научением боярина Бориса Годунова заклан ножом; оной же город был разорен и сожжен в 117м году и потом по наветам святого с 117 даже по 128 год польских и литовских людей и русских воров то разорение терпел; какая же перед ними оборона была, о том известия не явилось, а только по вышеписанной присланной из углицкаго магистрата выписи¹⁰³ значится, что после того разорения по учиненной описи во оном городе Угличе осталось посадских людей сорок семь человек»¹⁰⁴. В городе находилась построенная в память об это событии церковь святого царевича Димитрия и «каменная старинная палата, в коей до того убиения

¹⁰⁰ Там же. Ед. хр. 127. Л. 2; Ед. хр. 11. Л. 2 об.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 50.

¹⁰² Там же. Л. 210–211.

¹⁰³ Речь идет о «выписи с книг писма и дозору Никиты Федорова сына Панина до подъячего Наума Петрова» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 101. Л. 1.)

¹⁰⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 101. Л. 2 об.

онный святой благоверный царевич князь Димитрий Иоаннович жительство имел»¹⁰⁵. Последняя находилась в аварийном состоянии («стены оной палаты к падению неподвижны токмо местами имеют разселины, крыши на ней еще во время вышеписанной в 1 пункте в 128м году описи¹⁰⁶ не было»¹⁰⁷).

Смуту помнили в Вологде. Обратившись к писцовым книгам «Письма и меры князя Ивана Мещерского да подьячего Федора Стогова 7135 и 7136 годов», вологодские канцеляристы обстоятельно сообщали, что каменные городские стены были заложены при великом князе Иване Васильевиче, «а в котором году того непоказано», и что «был оной город Вологда литовскими людьми разорен, и соборная и другия церкви выжжены в 7121 году»¹⁰⁸. (В ответе на анкету Герольдмейстерской конторы канцеляристы ссылаются на те же писцовые книги, но о разорении города в Смуту не сообщают¹⁰⁹). Из Великих Лук тогда также ответили, что город «во 119м году от литовских людей был разорен выжжен и высечен и стоял девять лет пуст»¹¹⁰.

Целое историческое исследование было проведено в Суздале. О его результатах сообщалось, что хотя об основании города «достоверного описания в Суздальской провинциальной канцелярии не имеется: но признавателью оное канцелярией, что городское строение строено было от защищения иноплеменников и междоусобных брани». Далее следовали аргументы, натолкнувшие чиновников на это умозаключение: «при суждальской провинциальной канцелярии в каменном архиве хранятся древние самопалы (кои ныне за самую ветхостию и заржавлением уже негодны), ядра каменные великие посредственные и малые и железные рубленныя малыми частями картечи и свинец, к тому ж из древних рукописных воеводских списков видится что все гражданские жители то есть

---

¹⁰⁵ Там же. Л. 2 об. – 3.

¹⁰⁶ Речь идет о «выписи с книг письма и дозору Никиты Федорова сына Панина до подьячего Наума Петрова» (Там же. Ед. хр. 101. Л. 1.)

¹⁰⁷ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 101. Л. 3.

¹⁰⁸ Там же. Оп. 10а. Ед. хр. 35. Л. 2.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 111 об. – 112.

¹¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 59. Л. 2 об.

до архиерейского Спасского и Покровского монастырей служители расписаны были кто с бердышами и саблями, а иные с копьями и другим студеным оружием»¹¹¹. Приведенное свидетельство, безусловно, показывает искреннее желание ответчиков предоставить как можно более полные сведения о городском прошлом. Однако, оно демонстрирует и другой потрясающий факт: орудия, сохранившиеся, вероятно, со времен осады и разорения Суздаля в Смутное время, местные жители к середине XVIII в. уже не могли идентифицировать. Об этом красноречиво свидетельствует единственный вывод, к которому они пришли: «знатно каковые-нибудь неприятельския были на город нахождения»¹¹².

Неоднозначные ответы были получены из Смоленска. 19 октября 1725 г., герольдмейстерской конторе сообщалось, что «тот город сколь давно и от какова случая и причин и кем строен також осадю или сдачею или добровольным подданством или установлением мира или иными какими случаями взят о том истории [не] имеется, а ведомо от коллегии иностранных дел»¹¹³. 26 сентября 1760 г. Академии наук докладывалось, что «по справке смоленской губернской канцелярии в архиве в книге за скрепою дьяка Афанасия Белибина за справой Терентья Казимерова между прочим написано на “1” листе: Господь Бог поручил блаженные памяти великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу город Смоленск взять и его государева в городе вшествие во 163м году сентября в 26 день»¹¹⁴. А по доношению от 17 января 1761 г. в Шляхетный корпус вновь было сообщено, что «был ли [город] осажден от кого, разорен или мужественно оборонялся (...), о том в смоленской губернской канцелярии не известно»¹¹⁵. Тем не менее, при кадетской анкете были приложены копии царских жалованных грамот

---

¹¹¹ Там же. Ед. хр. 7. Л. 2–2 об.

¹¹² Там же.

¹¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 117 об.

¹¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Ед. хр. 167. Л. 28.

¹¹⁵ Там же. Оп. 10б. Ед. хр. 3. Л. 2.

Смоленской шляхте с 1655 г. и касающиеся Смоленска выписки из «Вечного мира» России и Польши.

Устные предания о Смутном времени сохранялись в Волоколамске. Так в 1761 г. оттуда сообщалось, что «по сказке волоколамского солдатской слободы жителей отставного солдата Степана Толстикова да прежних служб солдатских детей положенных в подушной оклад Степана Садового с товарищами показано, слышали де оне от отцов и дедов и прадедов своих и той слободы от старожилов, что в прошлых де давних годех от поляков город Волоколамск был осажден, токмо не взят, и то польское войско стояло напротив города на север за речкою Городенкою в поле от городской осыпи в версте, где и поныне есть наподобие шанцов вал, которое место в поле и ныне называется Полки»¹¹⁶.

По другому известию из той же Волоколамской воеводской канцелярии, в храме Волоколамского собора «под образом святого мученика Феодора Стратилата» «между прочего» сохранялась надпись о том, что «во время прихода короля польскаго оная соборная церковь опустела и верх обвалился сие учинилось до 181 году, и за сколько лет того не упоминается, а в том 181м году велено было оную церковь починить»¹¹⁷.

О памятной табличке, находящейся в храме, сообщали также из Зарайска. В 1764 г. оттуда были присланы подробные сведения о почитаемом образе Николая Чудотворца, хранившегося в одноименном храме. Согласно описанию, образ был принесен из Корсуни, а на богато украшенном окладе иконы было вырезано повеление великого государя Василия Иоанновича (Шуйского), о его изготовлении в 7116 (1608) году, и надпись на золотой дощечке: «лета 7118 генваря в 27 день государь царь и великий князь Василий Иоаннович всея России приложил к чудотворному образу великаго чудотворца зарайскаго как Бог освободил де град его от воровских людей

---

¹¹⁶ Там же. Ед. хр. 51. Л. 2 об. – 3.

¹¹⁷ Там же. Л. 3.

чудотворцовою молитвою и да били челом государю»¹¹⁸. Эта табличка должна была служить для потомков напоминанием о событиях Смутного времени. Однако ответить на вопрос «был ли город от кого осажден и разорен или мужественно оборонялся», Зарайская канцелярия, подобно другим, не смогла: «за неизвестием»¹¹⁹ (имевшийся в анкете 1724 г. рассказ об осаде города татарами в ней также отсутствовал).

***

На фоне частичного забвения военных событий прошлых лет, результаты анкетирований продемонстрировали хорошую сохранность сведений, связанных с церковной историей и храмовым строительством. Внимание к ним было вызвано необходимостью перечислить находящиеся в городе каменные постройки и «общественные здания», в соответствии с вопросами академической и кадетской анкет, а также с инструкциями для составления описаний городов в рамках Генерального межевания (герольдмейстерская анкета эту информацию не запрашивала).

В этой связи большинство канцелярий предоставляли полные и иногда датированные списки храмов и монастырей. В том числе, в 1760-х гг. было известно время основания домонгольских храмов – Софийского собора в Киеве¹²⁰, Успенского, Дмитровского соборов и Рождественского монастыря во Владимире¹²¹, Успенского собора в Ростове¹²² и др. Несмотря на погибший архиерейский архив, Вологодской канцелярии удалось привести довольно точные хронологические выкладки об основании Софийского собора. Дата его освещения была локализована канцеляристами между смертью вологодского епископа Антония (1588 г.) и упоминанием собора в писцовой книге 1627 г.¹²³

---

¹¹⁸ Там же. Ед. хр. 151. Л. 2 об. – 3.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. Оп. 10а. Ед. хр. 153. Л. 7 об. – 8.

¹²¹ *Бакмейстер Л.И.* Топографические известия... Ч. 1. С. 116–117.

¹²² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Ед. хр. 49. Л. 2–2 об.

¹²³ Там же. Оп. 10а. Ед. хр. 35. Л. 2 об.

Сохранялись имена ктиторов и правителей, с которыми связывалось строительство храмов – царя Ивана Васильевича (Преображенский храм в Копорье¹²⁴, Богоявленский собор Авраамиева монастыря в Ростове¹²⁵), Федора Алексеевича (Никольский собор в Зарайске¹²⁶) и др. Ростовская анкета передавала легенду о жезле преподобного Авраамия, который Иван IV взял «от гроба чудотворцова в помощь на взятие града Казани»¹²⁷. Сообщалось о почитаемых местных святых – Димитрии Углицком (из Углича¹²⁸), Макарии Желтоводском (из Солигалича¹²⁹), Антоним Сийском (из Архангельска было прислано его житие¹³⁰), образе Николы Зарайского (из Зарайска¹³¹) и др.

Еще более подробные сведения об обстоятельствах, времени построения храмов и находящихся в них святынях были зафиксированы в материалах Генерального межевания. Так в описании г. Владимира сообщалось о нахождении внутри его кремля двух соборных церквей: «1–я Успения пресвятыя Богородицы. В ней опочивают мощи святых благоверных князей Георгия, принесенныя из Ростова и сына его Андрея, и внука Глеба, убиенных в 1175–м году»; «2–я великомученика Димитрия каменная (...), в которой опочивали прежде мощи святого благоверного князя Александр Невского, но в царствование государя императора Петра Великого перенесены в столичный город Санкт-Петербург»¹³².

Описание Переяславля-Залесского сообщало, что церковь Преображения Господня была «построена в 1152 году Великим князем Георгием

---

¹²⁴ «По объявлению тамошних обывателей». СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Ед. хр. 174. Л. 2 об.

¹²⁵ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. Ед. хр. 49. Л. 4.

¹²⁶ Там же. Ед. хр. 151. Л. 2 об.

¹²⁷ Там же. Ед. хр. 49. Л. 4.

¹²⁸ Там же. Ед. хр. 101. Л. 2 об.

¹²⁹ Там же. Ед. хр. 144. Л. 2.

¹³⁰ Там же. Ед. хр. 57.

¹³¹ Там же. Ед. хр. 151. Л. 2 об. – 3.

¹³² Города Российской империи... С. 71.

Владимировичем Долгоруким, в ней положены тела благоверных и великих князей Дмитрия Александровича Невского и Иоанна Дмитриевича»¹³³.

Из Твери писали, что в соборной церкви «во имя святых безсребренников Космы и Домиана (...) святой благоверный Великий Князь Михаил Ярославич с Княгинею Анною Дмитриевною Кашинскою браковенчание имел». «Потом сим же великим князем построен каменной собор Преображения Господня, и стоял до времен царя Михайлы Федоровича, в 1655м за ветхостию разобран и вновь перестроен из царской казны». Этот собор был вновь разобран в 1687 г. и перестроен «из белаго тесаного камня», а в 1774 г. «рописан живописью»¹³⁴. «В нынешнем соборе почивают нетленные мощи святого благоверного великаго князя Михайлы Ярославича Тверскаго, обретенные в земле в 1655м году, по триста сорока летней во оной бытия»¹³⁵.

Назывались даты и обстоятельства построения Московских храмов: Успенского собора – «при державе великаго князя Иоанна Даниловича Калиты в 1325 году, потом [в] 1472м по соизволению великаго князя Иоанна Васильевича, разобрано будучи до помостов, паки основан, но сверх всякаго чаяния возведенные до сводов стены опровергнулись, почему великий князь и вызвал из Венеции славнаго архитектора Амурал Аристотеля, которой в 1479м году оный собор и отстроил»¹³⁶; Архангельского собора – «первоначальной сооружен при великом князе Иоанне Даниловиче Калите в 1333м году для погребения великокняжеского роду мужескаго пола; но потом ради тесноты повелением великаго князя Иоанна Васильевича в 1505м году с большим пространством заложен новый, и в 1509м году совершен»¹³⁷; церкви Похвалы Пресвятой Богородицы, построенной «в 1425 году великим

---

¹³³ Там же. С. 115.

¹³⁴ Там же. С. 583.

¹³⁵ Там же. С. 583.

¹³⁶ Там же. С. 323.

¹³⁷ Там же.

князем Василием Васильевичем за победу над татарами»¹³⁸; Благовещенского (1489 г.)¹³⁹, Сретенского (1482 г.)¹⁴⁰, Спасского (1328 г.)¹⁴¹, Николо-Голстунского (1506 г.)¹⁴² и других соборов, а также монастырей (в т.ч. Данииловского, основанного Даниилом Московским в XIII в.¹⁴³; Донского, созданного в память о победе над крымскими татарами в 1591 г.¹⁴⁴ и др.)¹⁴⁵. В Успенском соборе покоились мощи Московских святых митрополитов (Петра, Ионы и Филиппа митрополитов Московских, Феагнота, Киприяна Фотия и др.¹⁴⁶), в Архангельском – святых князей (Михаила Черниговского, царевича Димитрия Иоанновича) и находились 55 гробниц российских государей.

Таким образом, в описаниях об устройстве и состоянии городских храмов упоминались многие ключевые личности и события русской истории.

***

Попытка собирания летописцев не получила большого успеха. В фонде герольдмейстерской конторы сохранились сведения о запросе в 1725 г. копий с «древних летописцев» и «гербовников шляхетству» из Печерской крепости и Чернигова, где им было «понеже потребно быть», однако, по всей видимости, в ответ на этот запрос никаких рукописей получено не было¹⁴⁷. Подробные городские хроники были присланы лишь из Прибалтийских городов¹⁴⁸.

---

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 324.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. С. 323–334.

¹⁴⁶ Там же. С. 323.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Ед. хр. 377. Л. 113.

¹⁴⁸ Там же. Л. 16, 32, 152–152 об., 228 и др.

Из канцелярии Вятской провинции была получена копия летописца «О стране вятской»¹⁴⁹. Это сочинение конца XVII – начала XVIII в. представляет интерес как памятник регионального историописания. Здесь описывалось происхождение славян, история становления русского государства с центром в Новгороде, рассказ о переселении новгородцев на Каму и Вятку, основании на Вятке русских городов, борьбе с татарами, присоединении Вятки к Московскому государству при Иване III. Повесть завершалась взятием Казани Иваном Грозным.

Во время проведения анкетирования 1760-х гг. «летописцев» также обнаружено не было. Лишь к архангельской анкете были приложены копии жития Антония Сийского, жалованной грамоты царя Михаила Федоровича Архангельскому монастырю 1638 г., записи о построении церкви Николая чудотворца в память утонувших детей Марфы-посадницы и грамоты о построении Красногорского монастыря¹⁵⁰.

Среди «развалин и городищ» было выявлено «старое городовое строение» в Холмогорах¹⁵¹ и «превеликие бугры нарочитой величины» в Орле¹⁵².

***

Таким образом, результаты анкетирований 1720-х и 1760-х гг. демонстрирует сравнительно слабую осведомленность служащих губернских и провинциальных канцелярий об истории своих городов. Молчание по отношению к «историческим» вопросам анкеты выглядит особенно красноречивым на фоне обстоятельных ответов на вопросы из области географии и экономики. Очевидно, что знание городской истории канцеляристы этого времени не считали обязательным и без стеснения признавались в её неведении. Ситуация некоторым образом меняется к

---

¹⁴⁹ Там же. Л. 71–78 об. Сравн.: Повесть о стране вятской (Памятник вятской письменности XVII-XVIII веков). Вятка, 1905.

¹⁵⁰ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 106. Ед. хр. 57.

¹⁵¹ Там же. Оп. 10а. Ед. хр. 1. Л. 6 об.

¹⁵² Там же. Оп. 106. Ед. хр. 137. Л. 10 об.

последней четверти XVIII в., когда подробные исторические сведения начинают включаться в описания отдельных городов в рамках Генерального межевания, несмотря на отсутствие этого вопроса в инструкциях, первоначально данных землемерам.

Память о происхождении местных святынь, основании храмов и монастырей в городских описаниях сохранялась лучше, чем память о событиях светской истории. В связи с этим, среди русских правителей лучше всего помнили ктиторов, по повелению которых строились соборы, а также святых князей, чьи мощи в них почивали.

Память о войнах прошлых лет передавалась преимущественно через устные предания и рассказы старожилов. Письменные свидетельства об осадах имелись лишь в небольшом количестве городов, многие из них на местах были утрачены и сохранялись только в коллегии иностранных дел. Значимое место в сохранении памяти о войнах принадлежало церкви – рассказам о чудесах святых (Димитрия Угличского, Макария Желтоводского), строительству мемориальных храмов и установлению памятных «табличек» в соборах.

§2. Древние русские города в записках путешественников XVIII в.

Рассуждая о многообразии форм сохранения памяти о прошлом, перейдем, наконец, к ее отражению в источниках личного происхождения. В рамках исследования был обработан комплекс воспоминаний путешественников, посещавших два древних русских города – Киев или Новгород в XVIII столетии. В центре внимания находились их впечатления от посещения русских древностей – домонгольских храмов, святынь и памятных мест, связанных с историей Древней Руси.

Отметим сразу, что комплексы воспоминаний не вполне равнозначны. Социальный состав авторов «киевских» записок более пестрый. Среди них –

записки посадского человека (М.Г. Нечаева¹⁵³), представителей духовенства (Г. Скопина¹⁵⁴, И. Лукьянова¹⁵⁵, о. Игнатия¹⁵⁶, инока Серапиона¹⁵⁷, митр. Ионы¹⁵⁸ и др.), происходившего родом из семьи священника губернского прокурора Г.И. Добрынина¹⁵⁹, дворян (Е.Р. Дашковой¹⁶⁰, В.Г. Орлова¹⁶¹, Д.И. Фонвизина¹⁶², В.В. Измайлова¹⁶³, Д. Александровича¹⁶⁴, А.А. Полетики¹⁶⁵, Е.Ф. Комаровского¹⁶⁶, Р.А. фон Каульбарса¹⁶⁷), академиков (И. Лерхе¹⁶⁸, И. Гильденштедта¹⁶⁹), европейцев (Р. Эребо¹⁷⁰, Ю. Юля¹⁷¹, И. Мёллера¹⁷², Л.-Ф. Сегюра¹⁷³), венесуэльца (Ф. де Миранда¹⁷⁴), турок (Мухаммеда Дервиша-Эфенди¹⁷⁵, Шехди Османа¹⁷⁶, Мухаммеда Неджати-

---

¹⁵³ Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719–1720 года). Варшава. 1875.

¹⁵⁴ Скопин Г.А. Дневная записка пешеходца – саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1881. С. 41–74.

¹⁵⁵ Путешествие в святую землю Московскаго священника Иоанна Лукьянова. 1710–1711. М., 1862.

¹⁵⁶ Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет в 1766–1776 гг. // Православный палестинский сборник. Вып. 36. СПб. 1891. С. 1–25.

¹⁵⁷ Путник или путешествие во Святую Землю Матронинскаго монастыря инока Серапиона 1749 года // Чтения общества истории и древностей российских. М., 1873. Кн. 3. С. 78–129.

¹⁵⁸ Посещение Новороссийского края Ионою, митрополитом Руисским. Тифлис, 1852.

¹⁵⁹ Добрынин Г.И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752–1827 // Русская старина. 1871. Т. 3. № 2. С. 119–160; № 3. С. 247–271; № 4. С. 395–420; № 5. С. 563–604; № 6. С. 652–672; Т. 4. № 7. С. 1–38; № 8. С. 97–153; № 9. С. 177–222; № 10. С. 305–378.

¹⁶⁰ Дашкова Е.Р. Записки княгини Дашковой // Русская старина, № 4. 1906. С. 38–100.

¹⁶¹ Орлов В.Г. Дневник путешествия... С. 439–446.

¹⁶² Фонвизин Д.И. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия // Собрание сочинений в 2 томах. Т. 2. М.-Л. 1959. С. 562–571.

¹⁶³ Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 1. М., 1805.

¹⁶⁴ Александрович Д. Дневник. Цит. по: Закревский Н. Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 95–99.

¹⁶⁵ Записки о пребывании императрицы Екатерины второй в Киеве в 1787 году. СПб., 1843.

¹⁶⁶ Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914.

¹⁶⁷ Каульбарс Е.К. Дневник секунд-майора Черниговского карабинерного полка барона Р. Фон Каульбарса. 1780–1790 гг. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 1. С. 1–64.

¹⁶⁸ Lerche J.J. Lebens-und Reise-Geschichte, von ihm selbst beschrieben und mit Anmerkungen und Zusätzen hrsg. von A. Büsching. Halle, 1791. P. 439–455. Цит. по: Закревский Н. Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 92–94.

¹⁶⁹ Gùldenstädt J.A. Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebùrge. St. Petersburg, 1791. P. 349; См. также: Синицкий Л. Путешествие в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И.М. Долгорукого // Киевская старина. Том LX. 1893. С. 280.

¹⁷⁰ Эребо Р. Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 365–396.

¹⁷¹ Юль Ю. Записки Юста Юля датскаго посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899.

¹⁷² Мёллер И.В. Киев в 1787 г. и дед покойного Н.Х. Бунге // Киевская старина, 1895. Т. 50. № 9. Отд. 2. С. 66.

¹⁷³ Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865.

¹⁷⁴ Миранда Ф. Путешествие по Российской Империи. М., 2001.

¹⁷⁵ Посольство Дервиша-Михаммед-Эфендия в Россию // Северный архив, 1826. Ч. 19. № 1. Отд. 1. С. 3–18.

¹⁷⁶ Тверитинова А.С. Извлечения из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г. // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной России. Ч. II. М., 1969. С. 298–299.

Эфенди¹⁷⁷) и др., а также известия о путешествиях венценосных особ (Петра I¹⁷⁸, Елизаветы Петровны¹⁷⁹, Павла Петровича, Екатерины II¹⁸⁰).

В отношении Новгорода преобладают записки дворян, также русского и иностранного происхождения. К ним относятся сочинения А.Н. Радищева¹⁸¹, С.Н. Глинки¹⁸², А.Т. Болотова¹⁸³, М.Н. Муравьева¹⁸⁴, Н.Я. Озерецковского¹⁸⁵, И.М. Долгорукова¹⁸⁶ и др., а также собранный Ю.Н. Беспятых¹⁸⁷ и Г.М. Коваленко¹⁸⁸ комплекс из более 30 свидетельств о Новгороде зарубежных путешественников. Косвенным путем (в пересказе) удастся выявить и некоторые бытовавшие престолярные представления (в случаях, когда путешественник передает слова людей, с которыми он встречался).

Яркие впечатления путешественников от посещения русских древностей являются проявлениями живого, бытового исторического сознания. Знакомство с ними дает возможность проследить, какой отклик рассмотренные в предыдущих главах идеи находили в повседневном восприятии людей Нового времени, как по-разному могли видеть город наблюдатели, находившиеся в нем одновременно.

Основные идейные позиции восприятия христианских памятников (к каковым относилась наибольшая часть архитектурных памятников эпохи Древней Руси) ранее были сформулированы Л.А. Беляевым¹⁸⁹. Дополнив его

---

¹⁷⁷ Неджати-Эфенди М. Записки Мухаммеда Неджати-Эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. 81. Вып. 5. С. 159–160.

¹⁷⁸ Журнал или поденная записка государя императора Петра Великого. Ч. 1., СПб., 1770.

¹⁷⁹ Конисский Г. История русов или Малой России. М., 1846. С. 244.

¹⁸⁰ Храповицкий А.В. Журнал высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II самодержицы всероссийской в полуденные страны России, в 1787 году. М., 1787.

¹⁸¹ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1888.

¹⁸² Глинка С.Н. Записки. М., 2004.

¹⁸³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 1–2. СПб., 1870–1871.

¹⁸⁴ Муравьев М.Н. Путешествие // Он же. Стихотворения. Л., 1967. С. 143–145.

¹⁸⁵ Озерецковский Н.Я. Путешествие по России. 1782–1783. СПб., 1996.

¹⁸⁶ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб., 2004.

¹⁸⁷ Беспятых Ю.Н. Новгород в «Россике» XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 137–148.

¹⁸⁸ Коваленко Г.М. Великий Новгород в европейской письменности XV–нач. XX вв. В. Новгород, 2007.; Коваленко Г.М. Великий Новгород. Взгляд из Европы. XV – нач. XX вв. СПб., 2010.

¹⁸⁹ Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000. С. 415.

перечень, отметим, что среди путешественников, посещавших древние русские города в XVIII в., преобладали следующие точки зрения:

1. Религиозная, предусматривающая богослужбное использование церковных памятников и их почитание как христианских святынь;

2. Художественно-эстетическая, сфокусированная, в первую очередь, на художественной ценности памятников как произведений искусства;

3. Научно-аналитическая, видящая в остатках прошлого предмет для исследований;

4. Политическая, воспринимающая прославление национальных древностей как один из элементов формирования государственной идеологии; и, наконец,

5. Скептическая, «отрицающая всякое значение церковных (иногда и всех средневековых) древностей»¹⁹⁰.

Эти позиции могли как сочетаться, так и выступать в своих крайних проявлениях. Учитывая, что подавляющая часть памятников русской старины имела церковный характер, отношение к ним во многом зависело от конфессиональной и национальной принадлежности их посетителей. Немаловажную роль играли изначальные цели поездки, знакомство путешественника с печатными описаниями города, общие ожидания от поездки.

В XVIII в. Киев и Новгород занимали в некоторой степени схожее положение. Оба они были провинциальными городами. Оба находились на крупных транспортных путях и потому принимали значительное число посетителей. Через Новгород шла дорога из Петербурга в Москву, через Киев – на юг, к Черному морю и в Святую землю; и на запад – через Польшу в Европу. В начале XVIII в. они были военными пограничными городами, но

---

¹⁹⁰ Там же.

после строительства Петербурга Новгород утрачивает это свое стратегическое значение. И, наконец, оба города хранили древние домонгольские храмы и христианские святыни.

2.1. Киевские древности глазами путешественников XVIII в.¹⁹¹

До середины XVIII в. создателем внешнего образа Киева был Киево-Печерский монастырь. Издания его типографии были адресованы паломникам и позиционировали Киев как святой город. Роль первого путеводителя по киевским святыням играл Киево-Печерский патерик. Широко известный в рукописной традиции, этот памятник многократно переиздавался типографией Киево-Печерского монастыря, как на русском, так и на польском языке¹⁹².

В печатных изданиях традиционное повествование о жизни печерских чудотворцев было дополнено историческими вставками о крещении Руси и деятельности киевских князей, а также картами пещер и достопримечательностей Киева. Таким образом киевская история привязываясь к ее материальным остаткам и читатель получал возможность не только узнать о подвигах киевских святых, но и соотнести их с местами, где эти подвиги совершались¹⁹³. Ни один из других русских городов в это время не имел аналогичных планов достопамятностей, предназначенных для его посетителей. На «печатное описание пещер» ссылались в своих записках Р. Эрбо¹⁹⁴, Ю. Юль¹⁹⁵, И. Лерхе¹⁹⁶, Д.И. Фонвизин¹⁹⁷, В.В. Измайлов¹⁹⁸, Г.А.

---

¹⁹¹ *Ткаченко В.В.* Памятники и святыни древнего Киева в восприятии путешественников XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 3. С. 51–68; *Она же.* Киевские древности глазами путешественников XVIII века // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. М., 2017. С. 570–575.

¹⁹² На сегодняшний день известны издания: на польском языке – 1635 г. (в редакции Сильвестра Коссова), на русском языке – 1661, 1678, 1702, 1760, 1762, 1777, 1783 и др.

¹⁹³ *Толочко О.П.* Киево-руська спадщина в історичній думці України початку XIX ст. // Україна і Росія в історичній ретроспективі: Українські проекти в Російській імперії. Київ, 2004. С. 312.

¹⁹⁴ *Эрбо Р.* Выдержки из автобиографии... С. 378.

¹⁹⁵ *Юль Ю.* Записки... С. 345.

¹⁹⁶ *Lerche J.J.* Lebens- und Reise-Geschichte... Цит. по: *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. С. 93.

¹⁹⁷ *Фонвизин Д.И.* Отрывки из дневника... С. 567.

¹⁹⁸ *Измайлов В.В.* Путешествие... Ч. 1. С. 27–28.

Скопин¹⁹⁹ и др. Кроме того, на основе «Патерика» строили свои рассказы монахи, служившие проводниками в пещерах и переводчиками для иностранцев²⁰⁰, распространяя предания о печерских подвижниках в устной традиции.

Существовали и другие путеводители, создание которых следует относить к последней четверти XVIII в. В 1787 г. Герасим Скопин ссылаясь на не дошедшую до нас брошюру: «Краткое изъяснение о двух пещерах»²⁰¹. В 1791 г. были опубликованы «Краткое историческое описание Киевопечерския лавры»²⁰², «Краткое историческое известие о Киеве»²⁰³, «Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях рода Рурикова»²⁰⁴, «Достопамятнейшие древности в Киеве»²⁰⁵.

Каждый год монастырь посещало в среднем 130 000 богомольцев как с русских, так и с польских территорий²⁰⁶. Их записки передавали благостный образ райского святого города.

«В Киеве монастырей и около Киева zelo много, и пустынки есть. Райския места, есть где погулять!.. – писал московский священник Иоанн Лукьянов. – И пошли во Антониеву пещеру, и тут видели преподобных отец в нетленных плотех (...) толь множество их, что звезд небесных, все яко живы лежат – дивное чудо!»²⁰⁷. Посадский человек Матвей Гаврилович Нечаев пришел «поклониться в святой Печерский монастырь» из Ярославля, «и виде тамо лавру zelo предивну, на берегу Днепра (...) и походив по

---

¹⁹⁹ Скопин Г.А. Дневная записка пешеходца... С. 74.

²⁰⁰ Юль Ю. Записки... С. 344.

²⁰¹ Это издание XVIII века нам не известно, однако текст с одноименным названием был напечатан в качестве приложения изданию: Краткое описание Киево-Печерской Лавры. Киев, 1805.

²⁰² Краткое историческое описание Киевопечерския лавры. Киев, 1791.

²⁰³ Краткое историческое известие о Киеве. Киев, 1791.

²⁰⁴ Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях рода Рурикова. Киев, 1791.

²⁰⁵ Достопамятнейшие древности в Киеве. Киев, 1791.

²⁰⁶ Шульга Я.М. Киевские паломники XVIII века: социоантропологическая характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №5. Ч. 1. С. 201.

²⁰⁷ Путешествие в святую землю... С. 12–13.

пещерах малый час, и почудихся преподобных тех отец таковым многолетним трудам»²⁰⁸.

Отец Игнатий, совершая паломничество в Святую землю, прибыл «из Курска в Киев и дойдох в пещеры и поклонихся гробом преподобных отец Антонию и Феодосию»²⁰⁹. Одухотворение от посещения киевских святынь породило в нём «желание воспрять монашеский чин»²¹⁰. Инок Серапион «от монастыря Матроновскаго идох на поклонение в Богоспасаемый град Киев, и тамо, поклонившись чудотворной Пресвятыя Богородицы иконе, и Преподобным Отцем Печерским, и Святой Великомученице Варваре, и Святителю Христову Макарию, возложившись на Господа и Пречистую его Матерь и Святых его угодников, яхся благополучно намереннаго (...) пути»²¹¹.

Сын священника Г.И. Добрынин отмечал, что крайне сильное впечатление произвел на него «долгий, подземельный с закоулками ход, из-под сводов которого души преподобных вознеслись в селения небесныя»²¹². Созерцание гробов святых «умножило» в нем «священное почитание к месту», а нетление мощей «избиеннаго от Ирода младенца» (которых он на самом деле «не видал, но видел ящик, довольно высоко прибитый к стене») уверяло его в истинности описанных в священной истории событий²¹³.

Таким образом, в восприятии богомольцев историческая древность не была главной ценностью Киева. Она меркла перед святостью места, которая была безвременна и вечна. Видимым подтверждением этому должны были служить «живые» на протяжении столетий печерские чудотворцы, над которыми мирское время не было властно. Киевские святые не

---

²⁰⁸ Путешествие посадского человека... С. 5.

²⁰⁹ Описание путешествия отца Игнатия... С. 2.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Путник или путешествие во Святую Землю... С. 78.

²¹² *Добрынин Г.И.* Истинное повествование... // Русская старина. 1871. № 2. С. 148.

²¹³ Там же.

воспринимались как часть ушедшего прошлого, они продолжали творить чудеса и в настоящем.

Среди воспоминаний духовенства выделяются лишь записки митрополита Ионы (Гедеванишвили), жившего в Киеве в 1792–1794 гг. Будучи церковным иерархом, направленным в город по долгу службы, он менее эмоционален и, кроме святынь, интересуется хозяйственным устройством Печерского монастыря (келий, погребов и кухни)²¹⁴.

***

Для путешествующих дворян приезд в Киев непременно сопровождался визитами к родственникам или знакомым. Часто это была лишь промежуточная остановка по дороге в Европу. Посещая всё те же святыни, представители высших сословий делали акцент на их эстетической и художественной ценности, нередко сравнивая с зарубежными достопримечательностями.

«В Киеве, – вспоминала о своем путешествии Екатерина Дашкова, – я встретила радушный прием со стороны генерал-губернатора Воейкова, родственника моего мужа, отлично образованного человека (...) Он был моим проводником в пещеры, вырытые в центре горы, на которой раскинулась часть города. В этих подвалах хранятся мощи святых, уже несколько веков как умерших, каким-то чудесным образом нетленные. Он также показал мне собор Печерского монастыря, замечательный по его древней мозаике на стенах. В одной из богатых церквей, столь многочисленных в этом городе, уцелела фресковая живопись, представляющая соборы, бывшие в Киеве до отделения русской иерархии от константинопольской»²¹⁵. «Ездил я суженою в Печорский монастырь, – писал Д.И. Фонвизин. – Соборная церковь прекрасна, но весьма далеко отстала от римской церкви святого Петра; оттуда ездили мы в монастырь Софийский,

---

²¹⁴ Посещение Новороссийского края Ионою... С. 20–21.

²¹⁵ Дашкова Е.Р. Записки... С. 38.

где нашел я несколько мозаичной работы»²¹⁶. «Приближаясь к стенам Печерской Лавры, вы видите на святых воротах праведных мужей, оживленных не кистью славного Эспаньоleta, но рукою усердной набожности», – отмечал В. Измайлов, имея в виду живописца «которой в одной неапольской церкви (...) написал мастерски образа 12-ти Пророков»²¹⁷.

Тот же интерес к архитектуре и живописи прослеживается в записках иностранцев. Вместе с тем, зарубежным путешественникам свойственно, в целом, скептическое отношение к святости православных реликвий. Датский посланник Ю. Юль, отметив великолепие киевских храмов, прямо называет печерских святых «воображаемыми»²¹⁸: «Мне показывали их руки и ноги: они почернели, ссохлись и, вследствие сухости (воздуха в пещерах), завялились, в виду чего (этих людей) и стали признавать и почитать за Святых»²¹⁹. И.В. Мёллер, так и не успевший посетить Святую Софию, довольствовался слухами: «Говорят, что в Софийской церкви есть картины Рубенса и Рафаэля Урбино, а также и картины à la Mosaique». Его впечатления от поклонения мощам печерских чудотворцев весьма характерны: «У каждого из них богомольцы открывают свой кошелек, и деньги остаются на платьях святых для поминания пришедших. Так как однообразие утомляет, то мое внимание было больше направлено на картины, которыми келии святых были украшены богомольцами, и я очень жалею, что должен был довольствоваться только взглядом мельком на них»²²⁰.

Франциско де Миранда видел в православном богослужении много «нелепого и суеверного»²²¹. Он отмечал, что в пещерах из-за большого

---

²¹⁶ Фонвизин Д.И. Отрывки из дневника... С. 567.

²¹⁷ Измайлов В.В. Путешествие.... Ч. 1. С. 19.

²¹⁸ Юль Ю. Записки... С. 347.

²¹⁹ Там же. С. 344.

²²⁰ Мёллер И.В. Киев в 1787 г... С. 66.

²²¹ Миранда Ф. Путешествие... С. 104.

скопления людей царила «сильная духота»²²², что в церкви Печерского монастыря, напротив, «пол устлан железными плитами и потому дьявольски холодный»²²³. Софийский собор он называет одним «из самых старинных и замечательных здешних храмов», не преминув добавить, что «на куполе и хорах сохранилась довольно древняя мозаика, выполненная в скверной манере эпохи упадка империи»²²⁴. Помимо этого, Миранда упоминает о своём поиске руин «знаменитой старинной церкви Св. Василия, где есть древнегреческие надписи»²²⁵ и осмотре множества церквей. Однако, наилучшее впечатление на него производят поздние постройки – «Братская церковь» («одна из самых больших и красивых»²²⁶) и церковь св. Андрея, которая «хотя и невелика, отличается хорошим стилем и правильными пропорциями»²²⁷.

***

Отдельную группу путешественников составляли ученые-исследователи, приезжавшие в Киев в ходе научных экспедиций. Печерские пещеры были для них объектом для изучения, а нетленность мощей чудотворцев они пытались объяснить рационально. Описывая своё посещение монастыря, академик И. Лерхе подробно фиксирует особенности устройства подземного хода («вышиною в сажень, свод коего дугообразен, а пол вымощен кирпичом»), стен («столь же крепки, как бы из кирпича, впрочем можно их скоблить...»²²⁸) и т.д. Он отмечает, что «идя в пещеры, взял (...) с собою Фарингейтов термометр, наполненный спиртом. В пещере температура оказалась + 41 градус (...), а до того при входе + 70 градусов»²²⁹.

---

²²² Там же. С. 141.

²²³ Там же. С. 203.

²²⁴ Там же. С. 148.

²²⁵ Там же. С. 92.

²²⁶ Там же. С. 147.

²²⁷ Там же. С. 148.

²²⁸ *Lerche J.J. Lebens-und Reise-Geschichte...* Цит по.: *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. С. 92–93.

²²⁹ Там же. С. 93.

Академик И. Гильденштедт, как геолог, останавливается на свойствах «легкой железистой почвы, состоящей из смеси глины и песка» и указывает на то, что «благодаря свойству гор, а также высокому и крутому положению, в пещерах очень сухо; поэтому легко могло получиться, что тела усопших, погребённых в пещерах, не разложились, а высохли»²³⁰. Несмотря на явное преобладание естественнонаучных интересов, Гильденштедт демонстрирует прекрасное знание русской истории. В частности, он упоминает о том, что Софийский собор был построен Ярославом «по образу собора в Константинополе, на месте, где он разбил печенегов»²³¹, подробно освещает историю Десятинной церкви, Михайловского Златоверхого монастыря и др.

***

Среди множества поводов и причин для приезда в Киев необходимо отдельно выделить визиты высокопоставленных лиц, вызванные политическими или военными нуждами. На протяжении XVIII в. Российская Империя активно расширяла свои юго-западные границы, участвовала в череде русско-турецких войн и разделах Польши. В этом контексте Киев играл роль ключевого стратегического пункта и военной крепости как в русско-польских, так и в русско-крымских и русско-турецких взаимоотношениях.

Неоднократно на протяжении XVIII в. приезжали в Киев российские венценосные особы. Во время Северной войны здесь трижды был Петр I (в 1706 и 1709 гг.). В 1744 г. венценосный визит совершила Елизавета Петровна в сопровождении наследника престола, великого князя Петра Федоровича и его невесты, юной Екатерины Алексеевны. В 1781 г. проездом в Европу Киев посетили Павел Петрович с супругой Марией Федоровной. И, наконец, в 1787 г. Императрица Екатерина II провела здесь целую зиму во время своего

---

²³⁰ *Güldenstädt J.A. Reisen durch Rußland...* P. 349; *Синицкий Л.* Путешествие в Малороссию... С. 280.

²³¹ *Güldenstädt J.A. Reisen durch Rußland...* P. 352.

триумфального путешествия в Тавриду, целью которого было посещение недавно присоединенных к Российской Империи южных земель.

Русское правительство видело в Киеве, с одной стороны, важный военно-стратегический пункт, а с другой стороны – национальный символ, призванный показать преемственность между великим прошлым и настоящим российской державы. Поэтому даже вызванные прагматическими нуждами посещения государей неизбежно приобретали идеологическое значение.

Так Петр I, прибывший сюда из-за необходимости спешного строительства военных укреплений под угрозой нападения шведов, наравне с прочими почетными гостями посещал «все прославленные святостию храмы и места»²³² и поклонялся мощам печерских святых. Решение перенести киевскую крепость из города в Печерский монастырь, помимо стратегических расчетов, он аргументировал тем, «что вся Украина оное место надмеру в почтении имеют», а закладка укреплений произошла 15 августа, в престольный для монастыря праздник Успения Богородицы²³³.

Торжественные приемы, устраиваемые местными властями для высокопоставленных гостей, демонстрируют еще одну тенденцию в формировании образа города – попытку отождествления киевской древности с русской античностью, что соответствовало поэтическим идеалам того времени. Встречая Елизавету Петровну, студенты Киевской академии подготовили театральное представление, во время которого на колеснице, запряженной крылатыми конями-пегасами, «выезжал за город важный старик самого древнего вида, великолепно прибранный и украшенный короной и жезлом, но сделанный с молодого студента»²³⁴. Этот античный герой символизировал собой «древнего основателя и Князя Киевскаго, Кия»,

---

²³² Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 2. М., 1788. С. 128.

²³³ Журнал или поденная записка... Ч. 1. С. 126; Деяния Петра Великого... Ч. 2. М., 1788. С. 336.

²³⁴ *Конисский Г.* История русов или Малой России. М., 1846. С. 244.

который встречал Государыню на левом берегу Днепра, приветствовал торжественной речью и, называя своей наследницей, приглашал в город. Во время визита царевича Павла Петровича площадь перед дворцом украшали изображения Плутона, Прозерпины, Нептуна и купидонов, а колокольня Киево-Печерской лавры была иллюминирована «фигурою пирамиды»²³⁵. Русская древность, таким образом, фактически заменялась античной.

Целый комплекс воспоминаний связан с приездом в Киев императрицы Екатерины II. В рамках подготовки ее Таврического путешествия, был напечатан путеводитель²³⁶, куда вошло и описание Киева. По справедливому замечанию И.С. Булкиной, этот текст не столько рассказывал о достопримечательностях, сколько отражал историю последовательных разрушений некогда прекрасной древней столицы²³⁷: «В 968 город сей был осажден печенегами; в 1080 г. сим же народом округа киевская опустошена»²³⁸ и т.д. Из древнерусских храмов здесь упоминался лишь Софийский собор, а также Печерский, Михайловский (Златоверхий) и Выдубицкий монастыри.

Киев оставил противоречивые впечатления у Императрицы: «Странный здешний город: он весь состоит из укреплений, да из предместий, а самого города я до сих пор еще не могу доискаться; между тем, по всей вероятности, в старину он был, по крайней мере, с Москву...»²³⁹. «Все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы»²⁴⁰. «От прежнего величия в нем уцелели лишь богатые храмы»²⁴¹.

---

²³⁵ Александрович Д. Дневник. Отрывки. С. 98.

²³⁶ Путешествие ея Императорского Величества в Полуденный край России. СПб., 1786.

²³⁷ Булкина И.С. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... PhD. Тарту, 2010. С. 44.

²³⁸ Путешествие ея Императорского Величества... С. 34–35.

²³⁹ Екатерина II. Письма Екатерины II к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 10. С. 131.

²⁴⁰ Екатерина II. Письма и документы // Русская старина. Т. VIII. 1873. С. 671–673.

²⁴¹ Екатерина II. Письма императрицы Екатерины II и И.Г. Циммерманну // Русская старина, 1887. № 8. С. 288.

Свое посещение пещер Екатерина назвала ужасной прогулкой («la terrible promenade»), которая длилась по меньшей мере два часа²⁴²: «Вчерашний день Мы были в пещере и поклонились Святым Мощам, и хотя мороз был градусов до двенадцати, но в верхних пещерах Мы все были без шуб, а в нижние сошед, было так жарко, что из оных вышед не было ни единого человека, который бы не вспотел так, как в жарчайшие летние дни»²⁴³.

По словам французского посланника Л.-Ф. Сегюра, когда Императрица поинтересовалась мнением собеседников о Киеве, австрийский посол граф Кобенцель, желая угодить Императрице, воскликнул: «Государыня, это самый дивный, самый величественный, самый великолепный город, какой я когда-либо видел!». Англичанин Фитц-Герберт отвечал: «Если сказать правду, так это незавидное место, видишь только развалины да избушки». А сам Сегюр заметил: «Киев представляет собою воспоминание и надежды великого города»²⁴⁴.

Русские дворяне, сопровождавшие Екатерину, судя по всему, мало интересовались городскими достопамятностями. Всё внимание в их записках приковано к Императрице. «В Киев приехало множество разных вельмож, а более поляков, и двор был весьма великолепен, особливо у заутрени, в Светлое Христово Воскресение, в Печерской лавре», – писал Е.Ф. Комаровский²⁴⁵. «У вечерни Императрица изволила быть в Софийском соборе (...) а после придворныя и дворянския дамы допущены были к руке», – отмечал А.А. Полетика²⁴⁶ и т.д. Находившийся в свите графа Румянцева секунд-майор Р. Каульбарс подробно перечисляет все знакомства, которые ему удалось завести во время пребывания Императрицы в Киеве, лишь

---

²⁴² Русские государи в Киеве. Киев, 1896. С. 109.

²⁴³ *Екатерина II*. Письма Ея Императорского Величества Екатерины II к г-ну Ерапкину // Сочинения Императрицы Екатерины II. Том III. СПб., 1850. С. 337–338.

²⁴⁴ *Сегюр Л.-Ф.* Записки... С. 415.

²⁴⁵ *Комаровский Е.Ф.* Записки... С. 4.

²⁴⁶ Записки о пребывании императрицы... С. 19–20.

коротко пояснив, что помимо светских визитов, он также осматривал «все церкви, монастыри и самый город»²⁴⁷.

Торжественные приемы оказывались важнее погружения в дух древности, а старинные храмы становились лишь «декорациями» для придворных интриг. «Ах! Боже мой! Какой сброд! Какая суматоха!» – отзывался о екатерининских приемах принц де Линь²⁴⁸. Сегюр открыто сетовал на то, что надеялся осмотреть «разные заведения и постройки» в местах, которые посещала императорская свита, а не «видеть везде тот же двор, слушать все те же православные обедни и присутствовать на балах». На что Екатерина поясняла: «Я путешествую не для того только, чтоб осматривать местности, но чтобы видеть людей; я довольно знаю этот путь по планам и по описаниям»²⁴⁹.

То, насколько второстепенными исторические ценности казались организаторам триумфального путешествия по сравнению возможностью получить благосклонность государыни, показательно демонстрируют записки Д.Н. Свербеева. С гордостью он рассказывает о находчивости своего отца, которому поручили выстроить для Императрицы путевой дворец на Перекопе. Строительных материалов не хватало, однако, по счастью, недалеко находился «какой-то замок, построенный еще владевшими некогда Крымом генуэзцами»²⁵⁰. Его благополучно разобрали на камень, и, проведя в новом дворце всего одну ночь, Екатерина осталась весьма довольна и щедро наградила строителя.

***

Неоднократно проезжали через Киев и турецкие послы, направлявшиеся в Санкт-Петербург. Из оставленных ими описаний города видно, что привлекавшие внимание других путешественников христианские

---

²⁴⁷ Каульбарс Е.К. Дневник... С. 6–8.

²⁴⁸ Де Линь. Ч.-Ж. Письма и мысли маршала принца де Линь. Ч. 1. М., 1809. С. 75.

²⁴⁹ Сегюр Л.-Ф. Записки... С. 416.

²⁵⁰ Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014. С. 20.

святыни турок, как мусульман, почти не интересовали. В то же время, их поездки явно несли отчасти разведывательную функцию, а потому внимание было сконцентрировано на устройстве военных укреплений. «Город *Киве (sic!)*, – писал Мухаммед Дервиш-Эфенди, – состоит из двух крепостей, отдельных и расположенных одна против другой; они окружены рвами, снабжены кругом подкопами, и наполнены войсками, под начальством одного из важных Генералов»²⁵¹. Шехди Осман также описывает в первую очередь устройство крепостей («окружены не доступными ни для конных, ни для пеших бесчисленными земляными валами и рвами, а также палисадами и укреплениями в виде труднопроходимых барьеров и плотин»²⁵²) и упоминает лишь о расположении внутри Печерской крепости «в высшей степени доходного монастыря»²⁵³, где «в числе погребенных последователей веры имеются несколько избранных монахов, наиболее почитаемых из всех»²⁵⁴. С его точки зрения, посещение Киева императрицей Елизаветой происходило лишь «под предлогом паломничества», а на самом деле, вероятно, «для какой-нибудь тайной цели»²⁵⁵. «Крепость Новый Киев угрожаема со стороны Очакова, – обращал внимание турецкий пленный Мухаммед Неджати-Эфенди. – Да будет облегчено, если Богу угодно, покорение ея мусульманами!»²⁵⁶.

Итак, выявленное разнообразие оценок наглядно демонстрирует, что единого восприятия Киева даже среди лиц, непосредственно его посетивших, не существовало. Многочисленные паломники видели в нём святой город. Этот образ поддерживался печатными изданиями Киево-Печерской лавры, но не всегда воспринимался светскими путешественниками. Образованных дворян более интересовала художественно-эстетическая сторона убранства киевских храмов, мозаики и иконы как произведения искусства. Их

---

²⁵¹ Посольство Дервиша-Михаммед-Эффендия в Россию... С. 6.

²⁵² *Тверитинова А.С.* Извлечения из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г. С. 298.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ *Неджати-Эфенди М.* Записки... С. 159.

представления о русской старине оказывались под сильным влиянием поэтических образов античности и эталонов европейской архитектуры. Ученые воспринимали киевские древности как объект для естественнонаучных исследований. Кроме того, значительный пласт людей достопамятности, кажется, не интересовали вовсе. Киев был для них обычным провинциальным городом, военной крепостью и местом прохождения службы.

2.2. Новгородские древности глазами путешественников XVIII в.²⁵⁷

На фоне такого разнообразия и обилия киевских сюжетов, ситуация с воспоминаниями о Новгороде в XVIII в. представляется принципиально иной. Как уже было отмечено выше, Новгород в XVIII в. стоял на оживленной дороге, соединяющей Москву и Петербург. Такое положение было одновременно и его преимуществом, и его недостатком. С одной стороны, это делало Новгород одним из наиболее посещаемых городов Российской Империи. С другой стороны, для путешественников Новгород редко становился целью специального визита.

Мало кто проводил здесь более одного дня. Основная масса записок лишь кратко фиксирует факт проезда через город. Таковы, например, воспоминания А.Т. Болотова: «Через несколько дней приехал я благополучно в Новгород, а оттуда – во Псков»²⁵⁸; академика П.С. Палласа: «Я не намерен ни мало упоминать о довольно известных достопамятностях сего древнего города, который мог я осмотреть только беглым оком»²⁵⁹ и т.д.

«Новгород знаменит, велик, красив, довольно населен и в продовольствии недостатка не имеет; внутри его находится до 50 церквей, и есть достопримечательные памятники древности», – всё, что написал о нём

---

²⁵⁷ Ткаченко В.В. Великий Новгород и его история глазами путешественников XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 94–104.

²⁵⁸ Болотов А.Т. Жизнь и приключения... Т. 1. СПб., 1870. Стб. 201.

²⁵⁹ Петр Симон Паллас // Коваленко Г.М. Великий Новгород. Взгляд из Европы. С. 288.

академик И.П. Фальк²⁶⁰. Складывается впечатление, что достопамятности Новгорода были, в целом, известны. Его древность не вызывала сомнений. И, вместе с тем, новгородские достопримечательности мало интересовали приезжающих, которые после краткого отдыха и ночлега, спешили поскорее продолжить свой путь.

Принципиальная разница между сочинениями иностранных и русских путешественников была обусловлена лишь разными целями их поездок. Для европейцев посещение Новгорода, как правило, было частью большого путешествия по России. Его описание становилось органичной частью подробных дневников и мемуаров, призванных зафиксировать новые впечатления и неожиданные открытия от познания другого государства. Вместе с тем, для жителей Петербурга поездка через Новгород часто носила деловой характер и не воспринималась как путешествие в познавательном смысле. Новгород был для них частью повседневной реальности. И.М. Долгоруков называл его «петербургской заставой»²⁶¹. Поэтому, наибольшая часть русских путешественников, даже те из них, кто в течение своей жизни вел заметки и дневники, проезжая через Новгород, не оставляла о нём подробных воспоминаний. Рассматриваемые далее описания являются во многом исключениями на общем фоне красноречивого молчания русских источников. Тем не менее, и они позволяют сделать некоторые наблюдения касательно особенностей восприятия Новгорода глазами русского дворянства и сопоставить их с впечатлениями иностранцев.

Первым общим мотивом, характерным для записок путешественников XVIII в., является восхищение видом Новгорода издали и разочарование от контраста между его славным прошлым и современностью: «Нет ничего более обманчивого, чем вид Новгорода с отдаления в 5–6 верст: его обширность, многочисленность колоколен и башен создают впечатление, что

---

²⁶⁰ Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824. С. 6.

²⁶¹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем... С. 266.

это один из красивейших городов Европы, – отмечал О. де ла Мотрэ. – Однако, когда приблизишься на расстояние нескольких сотен шагов, он предстает таким, каков есть в действительности»²⁶². Схожими были первые впечатления У. Кокса: «Сие место в некотором отдалении показалось нам весьма великолепно, и заключаю по числу церквей и монастырей, представлявшихся со всех сторон нашим взорам, мы надеялись, что найдем весьма славный город; но при въезде в оный увидели, что обманулись в своей надежде. Никакое место не наполняло души моей такими печальными картинами минувшего величия, как Новгород»²⁶³.

«Он теперь ни в малейшей степени, ничем не напоминает о своем былом великолепии», – писал П. Хавен²⁶⁴. «Теперь едва видны только следы его древнего великолепия», – замечал Ф.Х. Вебер²⁶⁵. «Строение сего города совсем не соответствует великолепному его имени», – констатировал Н.Я. Озерецковский²⁶⁶.

Эти поразительно единодушные тоска по новгородскому прошлому и сожаление о его печальном настоящем, в целом, соответствовали реальному положению Новгорода в XVIII в., утратившему свое военно-стратегическое значение после строительства Санкт-Петербурга. Так, согласно доношениям из Новгородской губернской канцелярии, новгородский кремль, в последний раз капитально ремонтировавшийся в 60-е гг. XVII в., пребывал в крайней ветхости. В 1720 г. «кровли и мосты в башнях все огнили и обвалились и своды обрушились от дождя и от снега от городской стены и от башен кирпич сыплется»²⁶⁷, в 1745 г. произошло обрушение Пречистенской башни, после чего вышел указ о разборе «совсем уже к падению готовой» Воскресенской башни, при том, что через ворота этой башни до этого

---

²⁶² Обри де ла Мотрэ // Коваленко Г.М. Великий Новгород. Взгляд из Европы. С. 275.

²⁶³ Уильям Кокс // Там же. С. 295.

²⁶⁴ Педер фон Хавен // Там же. С. 280.

²⁶⁵ Фридрих Христиан Вебер // Там же. С. 272.

²⁶⁶ Озерецковский Н.Я. Путешествие... С. 30.

²⁶⁷ Филиппова Л.А. Из истории Новгородского кремля XVIII – начала XIX в // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 215.

момента шли «непрестанные проезды» и даже бывали шествия Ея Императорского величества, в чем заключалась «наиважнейшая (...) опасность»²⁶⁸.

Лишь в последней четверти XVIII в. Новгород подвергся реконструкции. Согласно генеральному плану, утвержденному императорским указом от 1778 г., здесь началось масштабное каменное строительство и вводилась регулярная планировка улиц. Побывавший в обновленном городе А. Буржа отмечал, что «в нем уже много улиц, застроенных кирпичными и очень красивыми домами» и «с приближением к центру приятно удивляет красота архитектуры»²⁶⁹, а И.Б. Катанео назвал Новгород большим и красивым торговым городом²⁷⁰.

Но это внешнее облагораживание города не избавило путешественников от прежней сентиментальной тоски по утраченному прекрасному новгородскому прошлому. Описывая своё посещение Новгорода в 1788 г., И.М. Долгоруков продолжал отождествлять его в первую очередь с «развалинами»²⁷¹. «Как ни тужи, а Новагорода по-прежнему не населишь», – замечал А.Н. Радищев. С. Глинка, побывавший здесь в 1795 г., цитировал Я.Б. Княжнина: «О! Новгород, что ты был и что ты стал теперь!»²⁷².

Такое явление можно объяснить сложившимися стереотипами восприятия в отношении не только Новгорода, но древних городов вообще. В весьма схожих выражениях Екатерина II описывала свои чувства от посещения Киева: «Все эти разрушенные части зовутся Киевом и заставляют думать о минувшем величии этой древней столицы»²⁷³. Встретим мы их и в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина: «Представились мне

---

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ *Беспярых Ю.Н.* Новгород в «Россике» XVIII в. С. 144.

²⁷⁰ Там же. С. 145.

²⁷¹ *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем... С. 63.

²⁷² *Глинка С.Н.* Записки. С. 157.

²⁷³ Императрица Екатерина II. Письма и документы // Русская старина. Т. VIII. 1873. С. 671–673.

развалины Авентикума, древнего римского города (...). Где великолепие сего города, который был некогда первым в Гельвеции?»²⁷⁴ и т.д. Литературная традиция предписывала восхищение развалинами и утраченным величием в исторических местах. Древний город непременно представлялся разрушенным. И потому, еще даже не приступив к рассказу о Новгороде, А.Н. Радищев предварял его патетической речью: «Где пышная Троя, где Карфага? Едва ли видно место, где гордо они стояли»²⁷⁵.

Немаловажную роль в подобном восприятии Новгорода играло и еще одно предубеждение путешественников. В описаниях города иностранцами прослеживается очевидное сходство некоторых деталей. Если рассказы об устройстве новгородского быта, состоянии построек и дорог, как правило, основывались на личных наблюдениях, то исторические сведения о городе восходили к доступным печатным изданиям.

Первой печатной книгой, отразившей новгородскую историю, было сочинение немецкого богослова А. Кранца «Вандалия» (1519 г.)²⁷⁶, где значительное внимание уделялось походам Ивана III на Новгород и в Ливонию. Кранц был современником Ивана III, и его рассказ был полон эмоциональных оценок²⁷⁷. Причину покорения процветающего ганзейского города он видел в том, что новгородцы «из-за богатства своего ни меры, ни цели не знали», а захвативший город московский князь изображался «алчущим завоеваний и грабежей»²⁷⁸. Здесь же впервые фиксируется пословица: «Кто против Бога и великого Новгорода?» («*Quis potest contra Deum & magnam Novogardiam?*»²⁷⁹), затем многократно цитировавшая в литературе.

---

²⁷⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 147.

²⁷⁵ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 99.

²⁷⁶ *Krantzii A. Wandalia. Francofurti, 1575.*

²⁷⁷ Подберезкин Ф. Альберт Кранц и Иван Грозный: история одного послания // Палітычная сфера. 2014–2015. Ед. хр. 22–23. С. 180–187.

²⁷⁸ Там же. С. 184.

²⁷⁹ *Krantzii A. Wandalia. P. 301.*

Прямые или опосредованные заимствования из составленного Кранцем описания Новгорода встречаются во многих европейских печатных изданиях XVI-XVIII вв. В частности, в «Церковных анналах» Ц. Барония²⁸⁰, «Мировых империях» Г. Хорна²⁸¹, «Кратких вопросах из политической истории» И. Гюбнера²⁸² и др. Их следы устойчиво прослеживаются и в записках европейских путешественников, посещавших Россию в XVII – XVIII вв.: Я. Стрейса²⁸³, Я. Рейтенфельса²⁸⁴, П.Я. Марпергера²⁸⁵, П.Г. Брюса²⁸⁶, Ф.Х. Вебера²⁸⁷, П. фон Хавена²⁸⁸ и т.д. Эти сочинения, в свою очередь, также публиковались в печати и были известны современникам.

Заметим, что Киевский «Синописис», в главе, посвященной Новгороду, также содержал ссылку на «Кранциуса»²⁸⁹. Она была заимствована автором из польской хроники Стрыйковского. Таким образом, можно говорить о том, что сочинение Кранца косвенным образом оказало влияние на представления о Новгороде не только европейских, но и русских читателей.

Другая цепочка преемственности «новгородских известий» в печатных изданиях Нового времени восходила к «Запискам о Московии» С. Герберштейна (1549 г.)²⁹⁰. Побывав в Новгороде в апреле 1517 г., С. Герберштейн подробно описал его географическое положение, историю присоединения к Москве, а также изложил ряд местных преданий. Записки С. Герберштейна послужили источником сведений о Новгороде в «Описании Московии» А. Гваньини²⁹¹, которое было дополнено также обширным повествованием об опричном погроме 1569 г. Сложившаяся традиция

---

²⁸⁰ *Baronius, C. Annales Ecclesiastici, Vol. X. Roma, 1602.*

²⁸¹ *Hornius G. H. Orbis Imperans. 1677. P. 378.*

²⁸² *Hübners J. Kurtze Fragen aus der Politischen Historia. B. 4. 1700. P. 97.*

²⁸³ Ян Стрейс // *Коваленко Г.М. Великий Новгород. Взгляд из Европы. С. 235.*

²⁸⁴ Якоб Рейтенфельс // Там же. С. 246.

²⁸⁵ Пауль Якоб Марпергер // Там же. С. 261.

²⁸⁶ Питер Генри Брюс // Там же. С. 269.

²⁸⁷ Фридрих Христиан Вебер // Там же. С. 272.

²⁸⁸ Педер фон Хавена // Там же. С. 280.

²⁸⁹ Синописис. Киев, 1674. С. 20.

²⁹⁰ *Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 тт. М., 2008.*

²⁹¹ *Гваньини А. Описание Московии. М., 1997.*

продолжилась в описании Новгорода А. Олеарием²⁹². Среди путешественников XVIII в. её наследие прослеживается в записках П. Гордона²⁹³, П. Марпергера²⁹⁴ и др.

Таким образом, наиболее известными в европейской книжности событиями новгородской истории оказывались его присоединение Иваном III и разорение Иваном IV. Можно предполагать, что знание этих фактов заставляло путешественников подсознательно искать в Новгороде следы ужасного разрушения.

Другим следствием показанной преемственности текстов было то, что из восходящей к XVI в. традиции исторических описаний Новгорода естественным образом выпадали события XVII в. Захват города Делагарди, часто упоминаемый в записках путешественников XVII в. (например, у П. Петрея²⁹⁵, А. Олеария²⁹⁶, А. Мейерберга²⁹⁷, Я. Стрейса²⁹⁸, Г.А. Шлейссингера²⁹⁹ и др.), в XVIII в. постепенно забывается и «вытесняется» из сочинений прежними рассуждениями о разорении Новгорода «московским царем». Из всех выявленных записок иностранных путешественников XVIII в. о взятии Новгорода шведами упомянул лишь немец М. Ранфт³⁰⁰. Хотя в действительности новгородский детинец был воздвигнут уже после присоединения Новгорода к Московскому государству, а сам город серьезно пострадал в годы Смуты и русско-шведской войны, в воображении путешественников разрушение его крепостных стен все равно приписывалось московскому государю: «царь Иван Васильевич, великий тиран московский, разорил его, обратил большую часть города в пепел (...). Многочисленные развалины старых стен и большое количество еще

---

²⁹² Адам Олеарий // Коваленко Г.М. Великий Новгород. Взгляд из Европы. С. 193–205.

²⁹³ Патрик Гордон // Там же. С. 223–255.

²⁹⁴ Пауль Якоб Марпергер // Там же. С. 261.

²⁹⁵ Петр Петрей // Там же. С. 184–190.

²⁹⁶ Адам Олеарий // Там же. С. 198.

²⁹⁷ Августин Мейерберг // Там же. С. 226.

²⁹⁸ Ян Стрейс // Там же. С. 236.

²⁹⁹ Георг Адам Шлейссингер // Там же. С. 251.

³⁰⁰ Михаил Ранфт // Там же. С. 284

сохранившихся колоколен являются достаточным свидетельством прежнего великолепия Новгорода и того, что его нынешнее состояние не идет ни в какое сравнение с тем, что было до его разорения»³⁰¹.

Заметим, что при этом у европейцев часто возникала путаница между русскими царями Иванами, которые сливались в один собирательный образ. На это обращал внимание еще М.В. Ломоносов в замечаниях на «Историю» Вольтера: «Царь Иван Васильевич взял Новгород. То неправда. Но дед его, великий князь Иван Васильевич привел новгородцев под самодержавство московское, уничтожив республику»³⁰².

Точно так же, вероятно, в силу неточного цитирования А. Олеария, слил воедино сведения о двух погромах П. Марпергер: «Только в 1477 г. он был захвачен и разорен великим князем Иваном Васильевичем Грозным (...) Он взял его силой и уничтожил все, что попало на глаза его солдатам, согнал огромную толпу горожан на длинный мост и приказал сбросить их в воду, совершив неслыханную доселе на Руси кровавую расправу»³⁰³.

Среди русских путешественников схожую структуру рассказа о Новгороде и смешение образов Ивана III и Ивана IV мы находим у А.Н. Радищева: «Не можно было, чтобы не пришел мне на память поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новагорода. Уязвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ее разорить до основания. Мне зрится он с долбнею на мосту стоящ, так иные повествуют, приносяй на жертву ярости своей старейших и начальников новгородских»³⁰⁴. Традиционно исследователи объясняли это слияние

---

³⁰¹ Питер Генри Брюс // Там же. С. 269.

³⁰² Ломоносов М.В. Замечания на первый том „Истории Российской империи при Петре Великом“ Вольтера // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л. 1952. С. 362; Э.В. Ильиченко считал обвинения М.В. Ломоносова беспочвенными и замечал, что отмеченная путаница имела в другом сочинении Вольтера «Опыте о нравах и духе народов». См.: *Ильиченко Э.В.* Великий Новгород во французской историографии XVIII века // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 13 (23). В. Новгород, 2013. С. 325.

³⁰³ Пауль Якоб Марпергер // *Коваленко Г.М.* Великий Новгород. Взгляд из Европы. С. 261–262.

³⁰⁴ *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 100.

образов двух правителей сознательным литературным приемом автора³⁰⁵. Однако, кажется, оно могло быть заимствовано А.Н. Радищевым из иностранных сочинений.

В отечественной историографии XVIII в. наибольшее внимание концентрировалось вокруг древнейшей истории Новгорода. Он изображался колыбелью российской государственности, а главным событием его истории считалось призвание варягов, вызвавшее активную полемику в академических кругах. Однако, как можно увидеть из записок русских путешественников, в повседневном историческом сознании образ города формировался не столько историческими, сколько литературными сочинениями.

Как уже было отмечено, второй половине XVIII в. новгородские сюжеты были чрезвычайно востребованы в драматургии. К ним обращались А.П. Сумароков («Синав и Трувор»)³⁰⁶, Екатерина II («Из жизни Рюрика»³⁰⁷, «Начальное управление Олега»³⁰⁸), Я.Б. Княжнин («Вадим Новгородский»)³⁰⁹, П.А. Плавильщиков («Рюрик»)³¹⁰ и др. Каждое из этих сочинений было хорошо известно публике.

Так М.Н. Муравьев в стихотворном описании своего путешествия, ссылаясь на трагедии А.П. Сумарокова: «Прекрасно озеро, близ коего потоков, день Труворов затмил в полудни Сумароков. С восторгом, Новгород! к тебе кидаю взор»³¹¹. А. Болотов отмечал: «Вид сего города, усмотренный издалека, возбудил тогда во мне мысль о Синаве и Труворе. Имена сих древних обитателей Новгорода были у меня в особенности

---

³⁰⁵ *Моисеева Г.Н.* Русская история в творчестве А.Н. Радищева 1780-х годов // XVIII век. Т. 18. СПб., 1993. С. 50; *Барсков Я.Л.* Примечания // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.-Л. 1938. С. 482–483;

³⁰⁶ *Сумароков А.П.* Синав и Трувор // Российский феатр. Ч. 1. СПб., 1786. С. 3–82.

³⁰⁷ *Екатерина II.* Историческое представление из жизни Рюрика // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб., 1849. С. 297–338.

³⁰⁸ *Екатерина II.* Начальное управление Олега // Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб., 1849. С. 339–394.

³⁰⁹ *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский. СПб., 1793.

³¹⁰ *Плавильщиков П.А.* Рюрик // Русская литература. Век XVIII. Трагедия. М., 1991. С. 595–645.

³¹¹ *Муравьев М.Н.* Путешествие. С. 143–145.

затвержены по трагедии Сумароковской, из которой знал я многие места и монологи наизусть и декламировал оные нередко; а сие и произвело во мне тогда разные чувствования и побудило говорить в душе своей: "Ах! вот тут и в сих-то местах жили некогда Гостомысл, Синав и Трувор. Хоть и не было в точности всех тех происшествий с ними, какие написаны г. Сумароковым, но что они были и жили некогда тут, это правда"»³¹².

С.Н. Глинка признавался, что знал «волшебное имя» Новгорода «не из преданий исторических, но из трагедии "Вадим" Якова Борисовича Княжнина»³¹³. Кроме того, во время поездки он имел при себе «Путешествие из Петербурга в Москву», «наделавшее тогда много шума»³¹⁴, и «Чувствительное путешествие» Стерна, а «о летописце Несторе (...) и слухом не слышал»³¹⁵.

Связь литературных произведений с исторической действительностью была весьма условной. Драматурги заимствовали из летописных источников лишь имена некоторых героев и общие обстоятельства действия, наполняя их актуальной политической проблематикой, рассуждениями о природе монархии, гражданском мужестве и государственном долге. Через призму художественных сочинений Новгород воспринимался русским дворянством как символ исконной вольности, покоренной самодержавной властью. Этот образ, зародившийся уже в «древнерусских» сюжетах, был окончательно сформирован в повести Н.М. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода»³¹⁶. Её героиня, Марфа, изображалась здесь смелой и мужественной женщиной, противостоящей жестокому Московскому князю. Этот поэтизированный образ стал затем неотъемлемой частью искусства XIX в.

---

³¹² *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения... Стб. 293.

³¹³ *Глинка С.Н.* Записки. С. 157.

³¹⁴ Там же. С. 159.

³¹⁵ Там же. С. 157.

³¹⁶ *Карамзин Н.М.* Марфа-Посадница, или покорение Новгорода // Он же. Избранные сочинения в двух томах. М.-Л., 1964. Т. 1. С. 680–728.

«Вот я и в Новгороде, в отчизне Вадима и Марфы!», – восклицал в 1820-х гг. А.В. Висковатов, отмечая то «невольное чувство уважения к родной старине», которое он испытывал «ещё с первых лет моей молодости, читая "Марфу Посадницу" Карамзина»³¹⁷.

Любопытно, что в воспоминаниях русских путешественников ассоциативная связь между Новгородом, его покорением и фигурой Марфы Посадницы как бы «опрокидывается» в прошлое. Авторы мемуаров, создававшихся в начале XIX в., но повествующих о событиях XVIII в., считали необходимым непременно подчеркнуть эти образы, даже если, по их собственному признанию, в момент посещения Новгорода они об этом не думали. Так вспоминал юность И.М. Долгоруков: «Смотря на развалины Новгорода, я не умел еще философствовать и, вспоминая век его свободы, кружиться в химерах воображения. Вечевой колокол, Рюрик и старые наши российские события не входили мне в голову»³¹⁸. О том же сетовал С.Н. Глинка: «Но простите мне, и дом Ярослава, и дом Марфы Посадницы! Мне тогда в ум не приходило спросить: где вы? Русская старина была от меня тогда, говоря русским словом, “за тридесять земель”»³¹⁹. Это демонстративное чувство вины за свое прежнее «незнание» (на фоне нынешнего «знания») показательно характеризует изменения, произошедшие в представлениях о Новгороде на рубеже XVIII-XIX вв. с возрастанием интереса к русской старине.

Вышеизложенная специфика представлений о Новгороде заметно повлияла на формирование круга новгородских достопримечательностей. Главными сохранившимися до нового времени памятниками древности здесь были многочисленные средневековые храмы. Их обилие отмечалось почти всеми без исключения путешественниками.

---

³¹⁷ Висковатов А.В. Новгородские письма (в К.Я. Б...у) 17 мая 1826 г. // Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX – начала XX вв. Великий Новгород, 2008. С. 46.

³¹⁸ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем... С. 63.

³¹⁹ Глинка С.Н. Записки. С. 157.

Европейцы при этом стремились попасть в Антониев монастырь, рассказ о котором со времен А. Олеария содержался во многих печатных описаниях Новгорода. В XVIII в. о его посещении упоминали П. Марпергер, Ю. Юль, П.Г. Брюс, Ф. Вебер, И. Гмелин, М. Ранфт, Ю. Бернулли и т.д. Записки иностранцев рисовали Антониев монастырь как крайне почитаемое место православного паломничества, о котором «местные жители рассказывают весьма большие чудеса»³²⁰. Новгородцы показывали гостям «мельничный жернов, на котором, по их словам, св. Антоний совершил свое путешествие из Рима сюда»³²¹, «траву, за которую он будто бы держался во время пути, когда ему угрожала опасность»³²² и его гробницу.

Кроме того, новгородские храмы интересовали иностранных гостей с эстетической стороны. «Наиболее красивые церкви – св. Софии, являющаяся кафедральным собором, св. Андрея, св. Михаила, св. Николая, св. Дмитрия», – выделял О. де ла Мотре³²³. Главной достопримечательностью Софийского собора И.Г. Гмелин называл «церковные врата из необычного желтого металла, с двумя створками», которые «в древности были доставлены сюда из Корсуни»³²⁴. Й. Меерман отмечал, что на его сводах сохранялись «мозаичные изображения в стиле мозаик собора св. Марка в Венеции и собора в г. Монреале на Сицилии», а также имелось «много другой живописи»³²⁵.

При этом у русских путешественников осмотр средневековых храмов, как правило, не вызывал интереса. В своих «Собственноручных записках» юная Екатерина Алексеевна (тогда еще невеста цесаревича Петра) не считала нужным даже упомянуть названия посещенной ею церкви: «прибыли в Новгород к утру. Было воскресенье, я пошла к обедне, после чего

---

³²⁰ Питер Генри Брюс // *Коваленко Г.М.* Великий Новгород. Взгляд из Европы. С. 269; Педер фон Хавен // Там же. С. 280; Фридрих Христиан Вебер // Там же. С. 272.

³²¹ Питер Генри Брюс // Там же. С. 269.

³²² Иоанн Георг Гмелин // Там же. С. 278.

³²³ Обри де ла Мотре // Там же. С. 276.

³²⁴ Иоанн Георг Гмелин // Там же. С. 278.

³²⁵ Йохан Меерман // Там же. С. 305.

мы пообедали и (...) собирались уезжать»³²⁶. С.Н. Глинка также писал, что, приехав в Новгород в воскресенье, они с попутчиками «помолясь в первом храме Божиим, пустились через Ильмень»³²⁷.

В путеводителе, составленном для путешествия Императрицы в 1787 г., на фоне обширного описания истории Новгорода, среди всех новгородских храмов был упомянут лишь Софийский собор как «заслуживающий примечания» «по древности своей»³²⁸. Антониев монастырь не упоминался, а о количестве других храмов давалась лишь общая статистическая сводка.

Таким образом, возникало противоречие между сформировавшимися в историческом сознании образами новгородской древности и сохранявшимися в Новгороде памятниками культурного наследия. Воспринятые просвещенным дворянством представления об утраченной новгородской свободе были «призрачными», не находящими материального воплощения, которое могло бы стать предметом посещения и почитания. В свою очередь, действительно сохранявшиеся памятники старины – многочисленные средневековые храмы – не вызывали у приезжающих исторических ассоциаций.

Потому, кажется, русские дворяне предпочитали не столько осматривать новгородские древности, сколько размышлять о новгородском прошлом. И местом таких размышлений становились берега Волхова и мост через него: «Вот тут-то (...) побиваемы были некогда долбнею все несчастные дворяне новгородские и повергалися в воду, и сия-то река уносила их прочь в быстрых струях своих и служила им могилою. Были ж времена!»³²⁹.

Следствием указанного противоречия стало появление на рубеже XVIII-XIX вв. вымышленных псевдоисторических достопримечательностей.

---

³²⁶ *Екатерина II*. Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 221.

³²⁷ *Глинка С.Н.* Записки. С. 157.

³²⁸ Путешествие Ея Императорского Величества... С. 133.

³²⁹ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения... Стб. 293.

К ним относится, прежде всего, так называемый «дом Марфы-посадницы». Это деревянный дом на пересечении Большой Московской улицы и улицы Рогатицы, который сохранился после регулярной перепланировки города. Первые упоминания о нем относятся к 1790–м гг. (А. фон Лиман³³⁰, С.Н. Глинка³³¹), и уже к середине XIX в., как отмечал Й.Г. Коль, он приписывался Марфе-посаднице с невероятной настойчивостью³³². В действительности, никакого отношения к Марфе-посаднице это здание не имело и, как доказал В.Л. Янин, оно было построено в конце XVI в.³³³. Тем не менее, явная потребность в поиске каких-то материальных мест, связанных с историей покорения Новгорода, привела к тому, что его стали идентифицировать как дом Марфы.

Другим примером таких вымышленных достопримечательностей стала «могила Трувора» в Изборске, о посещении которой в конце XVIII в. упоминал С.А. Тучков: «Тамошний священник указал мне одну большую мраморную доску и уверял, что это гробница Трувора (...) С большою прилежностью рассматривал я буквы, высеченные на сей плите, и хотя оные были весьма изглажены временем, но приметил я некоторые, похожие на славянские (...) Однако же признаюсь я, что сомневаюсь в том, чтобы это была гробница Трувора, и не могу утвердительно сказать, на каком языке сделана надпись»³³⁴.

В 1815 г. «могилой Марфы-посадницы» была объявлена некая надгробная плита в деревне Млёво Тверской губернии, против чего, в частности, выступил М.Н. Карамзин³³⁵.

---

³³⁰ *Беспятых Ю.Н.* Новгород в «Россике» XVIII в. С. 137–148.

³³¹ *Глинка С.Н.* Записки. С. 157.

³³² *Йохан Георг Коль // Коваленко Г.М.* Великий Новгород. Взгляд из Европы. С. 353.

³³³ *Янин В.Л.* К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» в Новгороде // *Средневековый Новгород.* М., 2004.

³³⁴ *Тучков С.А.* Записки. СПб., 1908. С. 65

³³⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 6. М., 1998. С. 258–259.

Итак, процесс формирования представлений о Новгороде и его истории в XVIII в. был сложным и неоднозначным. В повседневном восприятии путешественников исторические события искажались и в какой-то мере мифологизировались. Иностранцами Новгород воспринимался как некогда богатый ганзейский город, разоренный произволом московского тирана и теперь пребывающий в безвестности. В записках русских дворян преобладали литературные ассоциации. Однако колоссальная значимость этого города для русской истории никем не подвергалась сомнению.

Два древних города, сыгравших ключевую роль в истории Руси, получили разное отношение в бытовом историческом сознании путешественников. Если Киев славился своими древними святынями, то Новгород воспринимался среди образованного дворянства как место зарождения российской государственности и символ исконной вольности, покоренной московской самодержавной властью.

Киев оказался городом с необычайно развитой «сакральной топографией», когда конкретные архитектурные памятники оказывались связаны с событиями из истории русского государства. Даже скептики, отрицающие святость церковных реликвий, тем не менее посещали их, проявляли заинтересованность в их истории и происхождении.

Новгород же, в целом воспринимаясь как древний русский город, не имел столь прославленных конкретных памятных мест. Хотя новгородские святыни также пользовались почитанием среди простых людей, его культурный образ формировался преимущественно литературными и историческими сочинениями. Наиболее известные события, связанные с его историей («призвание Варягов» и подчинение Москве) не имели строгой привязки к каким-либо материальным объектам, а реально существовавшие древности (Собор святой Софии и другие домонгольские храмы) не вызывали у приезжающих каких-либо исторических ассоциаций. Этот

дисбаланс приводил к относительно низкому интересу к посещению новгородских достопримечательностей.

Подлинная историческая ценность и киевских, и новгородских древностей будет открыта уже в XIX в., с началом активного изучения их истории и археологии и созданием подробных печатных описаний их достопамятностей.

Заключение

В исторической памяти XVIII в. разные формы исторических представлений тесно переплетались и взаимодействовали между собой. Проведенное исследование показало, что распространение научных знаний о русской истории в XVIII в. было ограниченным. До второй половины XVIII в. история России не преподавалась в учебных заведениях. Отдельные занятия по русской истории стали проводиться в рамках курса всеобщей истории с 1760-х гг., только в 1786 г. русская история формально была включена как предмет в программы народных училищ, но и тогда, по воспоминаниям современников, её преподавание оставалось крайне поверхностным. Никакой государственной или общественной структуры, проверявшей или требовавшей те или иные знания по истории России, в XVIII в. не существовало. Её изучение было вопросом личной инициативы и заинтересованности каждого отдельного лица.

Наиболее популярным печатным изданием, посвященным российской истории, на протяжении всего XVIII в. оставался Киевский «Синописис» (1674 г.), транслировавший во многом «баснословные» представления о прошлом. Вопреки распространенному в историографии убеждению, он не являлся школьным учебником и использовался исключительно для домашнего чтения.

Создаваемые в первой половине XVIII в. исторические сочинения (А.И. Манкиева, В.Н. Татищева, Г.З. Байера и др.) не получили своевременного освещения в печатных изданиях и стали известны русским читателям только во второй половине XVIII в. Литература по отечественной истории прочно заняла нишу в гражданской печати с 1760-х гг. Наиболее распространенным жанром исторических публикаций в этот период были краткие перечни царского родословия, а также обобщающие работы, последовательно описывающие русскую историю по династическому принципу.

В этих условиях, сильное влияние на формирование массовых представлений о допетровской Руси оказывали художественная литература, искусство, церковная традиция и фольклор. Изображение в них событий прошлого имело свои особенности.

Так, в литературе и искусстве преобладала тенденция к сознательному «исправлению» истории. Отступления от исторической достоверности были продиктованы стремлением авторов ярче подчеркнуть главные качества своих героев и сделать их нравоучительным примером для современников. Художественные образы русской древности конструировались под сильным влиянием традиций классицизма и одновременно были призваны отражать актуальные для эпохи Просвещения идеи. Такие интерпретации исторических событий пользовались популярностью у читательской аудитории и зачастую воспринимались как подлинные картины русского прошлого. В частности, записки и мемуары XVIII в. свидетельствуют о значительном влиянии литературных сочинений на формирование образа Великого Новгорода, о котором путешественники узнавали зачастую «не из преданий исторических, но из трагедии “Вадим” Якова Борисовича Княжнина»¹.

В церковной традиции сохранение памяти о прошлом связывалось с непрерывным поминовением русских святых. Русская история в христианской трактовке представлялась воплощением Божьего промысла, наполнялась многочисленными чудесами. Можно утверждать, что церковь играла ведущую роль в сохранении и передаче исторической памяти о допетровской Руси в XVIII в. Большая часть материального средневекового наследия – древнерусские храмы, иконы, святыни, рукописные собрания – находилась в ведении церкви и оберегалась ею. Тиражи церковных печатных книг многократно превышали тиражи научных изданий XVIII в., при этом количество исторических сведений в них было достаточно велико. Так

---

¹ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 157.

выдающимся памятником историописания могут быть признаны четырехтомные «Жития святых» свт. Димитрия Ростовского, отразившие свидетельства о русской истории с древнейших времен до начала XVIII в. По воспоминаниям паломников и путешественников, посещавших Киев в XVIII в., роль своеобразного исторического путеводителя для них играл Киево-Печерский патерик (несмотря на то, что их личное отношение к христианским святыням могло варьироваться от глубоко религиозного до скептического). Анализ материалов историко-географических опросов XVIII в. также показал, что в локальных сообществах события местной церковной истории были известны значительно лучше событий истории светской.

В фольклоре русская древность представлялась особым эпическим временем. И хотя историзм былин до сих пор является предметом историографических споров, сами исполнители эпических песен как правило в них верили. Многочисленные песни о старине зачастую носили не столько нравоучительный, сколько развлекательный характер. Свадебные, семейные, комические сюжеты воспевались в них в равной степени с воинскими подвигами и победами над врагами. Близкие и понятные простым людям проблемы человеческих взаимоотношений проецировались и на историческое прошлое.

Рассмотрев картины прошлого, сформированные в различных областях исторического сознания, зададимся вопросом: как сильно они различались между собой? Проведенный в работе анализ показал, что хотя не только частные трактовки исторических событий, но и само общее видение исторических процессов в них отличалось, можно выделить целый ряд общих черт, характерных как для научных, так и для художественных, религиозных, фольклорных представлений о допетровской Руси.

Несмотря на распространенное мнение о том, что после Петра все допетровское было отринуто, в исторической памяти XVIII в. наблюдается, в

целом, идеализация русского прошлого. Негативные события предавались забвению, уступая месту положительным воспоминаниям. Россия безусловно ощущалась страной с великой и славной историей.

В науке, искусстве, церковной традиции и фольклоре XVIII в. интерес к древнерусской истории заметно преобладал над освещением сравнительно недавних событий XVII в. Для историографии XVIII в. было свойственно повышенное внимание к происхождению славянского народа, образованию древнерусского государства и деятельности его первых князей. События домонгольской истории затрагивало свыше 44 из 52 рассмотренных нами литературных произведений исторической тематики; 13 из 25 предлагавшимся М.В. Ломоносовым тем для «живописных картин из российской истории»; более 50 из 85 житий русских святых, вошедших в состав Четврых Миней Дмитрия Ростовского; 21 из 47 песен исторической тематики в сборнике Кирши Данилова были посвящены киевской старине. Во всех областях исторического сознания русская древность идеализировалась, представлялась эпохой процветания и благоденствия на Руси.

Ещё одной важной чертой, объединяющей разные типы исторических нарративов XVIII в., может быть названо тесное переплетение исторических представлений с географическими. И в науке, и в литературе, и в церковной традиции, и в фольклоре история русского государства выстраивалась вокруг истории русских городов. Киев, Новгород и Москва являлись неоспоримыми центрами исторических процессов, причем каждый этих городов ассоциировался с определенной эпохой.

Географическая локализация событий прошлого зачастую представлялась значимее их хронологической привязки. В народных песнях о русской старине место действия указывалось в первых же строках формульного зачина, они пестрили многочисленными топонимами, гидронимами и прочими географическими деталями. При этом

разновременные события относились в них к обобщенной эпической древности. В церковной традиции формировались соборы местночтимых святых, которые также идентифицировались не столько по времени, сколько по месту их жизни или подвигов – Печерские, Ростовские, Новгородские, Московские и т.д. Согласно христианским представлениям, обрета «жизнь вечную», они существовали за гранью мирского течения времени и мыслились заступниками и покровителями своей земли не только в прошлом, но и в настоящем, и в будущем.

Тесным образом изучение истории и географии были взаимосвязаны в науке XVIII в. С географических изысканий первоначально начинали свои занятия русской историей В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков и др. Последним в 1767 г. было высказано предложение о том, что общая история Российской империи должна сложиться из «особенных описаний» историй ее регионов². Исторические вопросы включались в массовые географические анкетирования, проводимые с целью описания русских городов, тем самым стимулируя проведение исторических изысканий на местах. Путешествия по древним городам, посещение их достопамятностей и святынь становились важным фактором актуализации воспоминаний о русском прошлом. Рост интереса к региональной истории выразился в многочисленных краеведческих работах, появившихся в печати в последней четверти столетия.

Наконец, в историческом сознании XVIII в. выделяется ряд ключевых событий и личностей, общая память о которых сохранялась в самых разных областях знания. Наиболее значимые из них – князь Владимир и Крещение Руси, царь Иоанн Васильевич и взятие Казани, убийство царевича Димитрия и последовавшая за ним Смута. Они находили отражение в фольклорных песнях, церковных житиях, произведениях искусства.

---

² Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. С. IV-V.

Сюжеты о призвании варягов и о покорении Новгорода были популярны преимущественно в научной и художественной литературе, однако под её влиянием к концу XVIII в. постепенно начинали проникать и в устную традицию (формирование местных преданий о могиле Трувора, доме Марфы Посадницы и т.д.).

В исторических нарративах самых разных типов присутствовал образ татар, как исконного русского военного противника. При этом, воспоминания о жестоких татарских набегах сочетались с памятью о русских победах над врагом (в искусстве и фольклоре) и чудесном заступничестве святых (в церковной традиции), носящими, в целом, позитивную эмоциональную окраску. Анализ результатов географических опросов показал, что до публикации в печати русских летописей и научных сочинений по истории России, память о татарах сохранялась преимущественно в устной и церковной традиции, поскольку письменные свидетельства о татарских набегах в городских архивах часто были утрачены. Наиболее яркими событиями русско-татарского противостояния в исторической памяти были Куликовская битва и взятие Казани, осмыслявшееся как окончательный триумф Московского царства.

Своеобразной «болевым точкой», вызывавшей наиболее тягостные исторические воспоминания в XVIII в. было Смутное время. В церковной литературе и народных песнях преобладали схожие представления о Смуте как о Божьей каре за убийство царевича Димитрия. Вместе с тем, художественной литературе и искусстве XVIII в. прослеживается тенденция к постепенному переосмыслению этой «мрачной страницы русской истории» и формированию патриотического мифа, замещавшего память о польско-литовском разорении воспеванием героического освобождения Москвы Мининым и Пожарским и прихода к власти династии Романовых. В полной мере эти образы получают развитие уже в XIX столетии.

Сохраняемые в исторической памяти в разных формах устойчивые представления о ключевых событиях русской истории и их оценки, могут считаться одними из тех основ, которые, несмотря на значительную стратификацию русского общества в XVIII в. обеспечивали его единство.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 314. 1-й Кадетский корпус. Оп. 1. Ед. хр. 3050.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 1343. Третий департамент сената. Оп. 15. Ед. хр. 377.

Ф. 1411. Гербы, жалованные грамоты, дипломы и патенты на чины департамента герольдии сената (коллекция). Оп. 1. Ед. хр. 1.

Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук (СПФ АРАН)

Ф. 3. Канцелярия АН (1725–1766); Комиссия АН (1766–1803).

Оп. 10. Ед. хр. 18, 19, 24.

Оп. 10а. Ед. хр. 1, 2, 3, 35, 36, 37, 153, 154, 174.

Оп. 10б. Ед. хр. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 10а, 11, 12, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 86, 88, 90, 91, 92, 94, 96, 98, 99, 100, 101, 105, 108, 109, 111, 114, 115, 118, 122, 127, 128, 131, 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 143, 144, 147, 148, 151, 152, 167.

Опубликованные источники

Исторические сочинения

1. *Baronius, C. Annales Ecclesiastici, Vol. X. Roma, 1602.*
2. *Krantzii A. Wandalia. Francofurti, 1575.*
3. *[Muller G. F.] Sammlung russischer Geschichte. Bd. 5. St. Peterburg, 1760.*
4. *Schlözer A.L. Несторъ: Russische Annalen in ihrer slavonischen Grund-Sprache verglichen, übersetzt und erklärt. Göttingen, 1802.*
5. *Байер Г.З. О местоположении Скифии // Краткое описание комментариев Академии наук. СПб., 1728. С. 139–166.*
6. *Байер Г.З. О начатке и древних пребывалищах скифов // Краткое описание комментариев Академии наук. СПб., 1728. С. 125–138.*

7. *Байер Г.З.* О стене Кавказской // Краткое описание комментариев Академии наук. СПб., 1728. С. 167–207.
8. *Байер Г.З.* Сочинение о варягах. СПб., 1767.
9. *Барсов А.А.* О древности и превосходстве Славенского языка и способ возвысить оный до первоначального его величия // Новый Санкт-Петербургский Вестник. 1786. № 2. С. 137–144.
10. *Богданович И.Ф.* Историческое изображение России. СПб., 1777.
11. *Болтин И.Н.* Критическая примечания генерал-майора Болтина на первый (-второй) том истории князя Щербатова. Т. 1–2. СПб., 1793–1794.
12. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. I–II. СПб., 1788.
13. *Болховитинов Е.* Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.
14. *Вегелин Ж.Ф.* Таблица российской истории в пользу юношества, а особливо российского. М., 1788.
15. *Голиков И.И.* Дополнения к Краткому описанию жизни Филарета Никитича Романова М., 1798.
16. *Гольдберг Л.* Сокращение универсальной истории. СПб., 1766.
17. *Детская российская история.* Смоленск, 1797.
18. *Дильтей Ф.Г.* Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологию, в пользу обучающагося российского дворянства. М., 1768.
19. *Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений.* Ч. 1–10. СПб., 1773–1775. (2-е изд. Ч. 1–20. М., 1788–1791).
20. *Евгений (Булгарис).* Историческое разыскание о времени крещения великой княгини Ольги. СПб., 1792.
21. *Екатерина II.* Записки касательно российской истории. Ч. 1–6. СПб., 1787–1794.
22. *Екатерина II.* Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. СПб., 1793.
23. *Захарьин П.М.* Новый Синописис. Николаев, 1798.
24. *Известие о браках Иоанна Васильевича // Месяцеслов исторический и географический.* 1779. С. 100.
25. *Известие о погребенных в Киеве князьях и княгинях рода Рурикова.* Киев, 1791.
26. *Ильинский М.И.* Опыт исторического описания о начале города Москвы. М., 1795.
27. *Ильинский Н.С.* Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа Нижегородского купца Козьмы Минина. СПб., 1799.
28. *История о калмыках // Новые ежемесячные сочинения.* 1793. Декабрь. С. 3–25.
29. *Казанская история // Библиотека литературы древней Руси.* Т. 10. СПб., 2000. С. 252–509.
30. *Карамзин Н.М.* Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы // Вестник Европы. 1803. № 12. С. 294–302.
31. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1816.
32. *Конисский Г.* История русов или Малой России. М., 1846.
33. *Корнильев Д.* О бурятах и телеутах // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 10–12.
34. *Корнильев Д.* О вогуличах // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 49–52.

35. *Корнильев Д.* О остяках // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 56–66.
36. *Корнильев Д.* О самоеди // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 31–34.
37. *Корнильев Д.* О Сибири // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 1–7.
38. *Корнильев Д.* О татарах // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 67–70.
39. *Корнильев Д.* О якутах и тунгусах // Исторической журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий. 1790. № 1. С. 20–26.
40. *Кох И.* О некоторых древних названиях Словенского народа // Растущий Виноград. 1785, июль. С. 75–92; август. С. 59–69.
41. Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год. СПб., 1777.
42. Краткая российская история для народных училищ. СПб., 1799.
43. Краткая универсальная история господина Ла Кроца. СПб., 1761.
44. Краткое начертание российской истории. Калуга, 1794.
45. *Крестинин В.В.* Вопросы и ответы о вере самоедской // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. VI. С. 29–45.
46. *Крестинин В.В.* Вопросы и ответы о состоянии земли самоедской и о их промыслах // Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. VII. С. 20–43.
47. *Крестинин В.В.* Рассуждение о начале и происхождении Самоедов, обитающих в Архангелогородском наместничестве // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. II. Август. С. 16–58
48. *Крестинин В.В.* Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792.
49. *Крестинин В.В.* Начертание истории Холмогор. СПб., 1780.
50. *Курас Г.* Сокращенная универсальная история... с приобщением краткой российской истории. СПб., 1762.
51. *Кушелева Е.Д.* Историческая и хронологическая поколенная роспись всех России владеющих великих князей царей императоров. СПб., 1785.
52. *Ла Кроц В.* Краткая универсальная история г. Ла Кроца... с прибавлением вкратце истории российской. СПб., 1761. (Преизд. – СПб., 1766)
53. *Левашев П.А.* Картина или Описание всех нашествия на Россию татар и турков. СПб., 1792.
54. *Левек П.Ш.* Российская история. Т. 1. М., 1787.
55. *Левшин А.Г.* Историческое описание первопрестольнаго в России храма Московского успенского. М., 1783.
56. Летопись гадячскаго полковника Григория Грабянки. Киев, 1853.
57. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. СПб., 1771.
58. *Ломоносов М.В.* Древняя российская история. СПб., 1766.
59. *Ломоносов М.В.* Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» // *Он же.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 17–80.

60. *Ломоносов М.В.* Замечания на первый том „Истории Российской империи при Петре Великом“ Вольтера // *Он же.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л. 1952. С. 359–364.
61. *Ломоносов М.В.* Краткий российской летописец с родословием. СПб., 1760.
62. *Мальгин Т.С.* Зерцало российских государей. СПб., 1789.
63. *Манкиев А.И.* Ядро российской истории. М., 1770.
64. *Миллер Г.Ф.* Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1761. Июль. С. 3–50; Август. С. 99–158; Сентябрь. С. 195–240; Октябрь. С. 291–323.
65. *Миллер Г.Ф.* Известие о дворянах российских. СПб., 1790.
66. *Миллер Г.Ф.* О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773.
67. *Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех произошедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена. СПб., 1750.
68. *Миллер Г.Ф.* Опыт новейшей истории о России // Ежемесячные сочинения. 1761. Ч. I. С. 3–63, 99–154, 195–244.
69. *Михайлов И.* Храм славы, воздвигнутый... Царю Иоанну Васильевичу Второму или подробное описание всех сражений, бывших между россиянами и казанцами. М., 1800.
70. *Муравьев М.Н.* Историческое изображение России в седьмом надесять веке. СПб., Б.г.
71. *Муравьев М.Н.* Эпохи российской истории. СПб., Б.г.
72. *Наумов П.А.* Краткое описание российского государства. СПб., 1799.
73. *Нехачин И.В.* Исторический словарь российских государей. М., 1793.
74. *Нехачин И.В.* Новое ядро российской истории. М., 1795.
75. *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.
76. *Озерецковский Н.Я.* Известия о достопамятных, прежде живших на северном берегу реки Дуная, Черного и Меотического Морей, народах // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. Ч. III. СПб., 1789. С. 496–625.
77. *Паллас П.С.* Собрание исторических известий о монгольских народах // Санкт-Петербургский вестник. 1778. № 1. С. 65–74; № 2. С. 148–157; № 3. С. 27–230; № 4. С. 298–308; № 5. С. 387–393.
78. Повесть временных лет. СПб., 1999.
79. Повесть о стране вятской (Памятник вятской письменности XVII-XVIII веков). Вятка, 1905.
80. Повесть о Темир Аксаке // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., 1999. С. 230–241.
81. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
82. Полное собрание русских летописей. Т. 34. Пискаревский летописец. М., 1978.
83. Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.
84. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская вторая летопись. СПб., 1853.
85. *Попов М.И.* Описание древняго славянского языческого баснословия. СПб., 1768.
86. *Попов М.И.* Описание славенского языческого баснословия. СПб., 1768.
87. *Ригельман А.* Летописное повествование о Малороссии. М., 1847.

88. Родословник князей великих и удельных рода Рюрика. СПб., 1793.
89. Родословной российский словарь. М., 1793.
90. Роспись Великих Князей, Царей и Императоров Российских // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. М., 1776. С. 29–36.
91. *Рубан В.Г.* Комментарий к вырезанному на меди изображению великой российской княгини Ольги // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Ноябрь. С. 94.
92. *Рубан В.Г.* Зерно истории первых трех монархий света Ассирийской, Персидской и Греческой, також Российской империи. СПб., 1791.
93. *Рубан В.Г.* Российский царский памятник (описание жизни государей). СПб., 1783.
94. *Рубан Я.А.* Рассуждение историческое о переселении варварских северных народов. М., 1789.
95. *Рычков П.И.* Введение к астраханской топографии. М., 1774.
96. *Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1759. Январь. С. 3–50; Февраль. С. 103–148; Март. С. 203–234; Апрель. С. 303–348; Май. С. 399–456; Июнь. С. 495–514; Июль. С. 3–37; Август. С. 99–135; Октябрь. С. 280–333; Ноябрь. С. 385–415.
97. *Рычков П.И.* Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767.
98. Сибирские летописи. СПб., 1907.
99. Синописис. Киев, 1674.
100. Синописис. СПб., 1762.
101. Сказание в кратце о скифех и о славянех и о Руссии, и о началех и о здании Великаго Нова града, и о великих государех Российских. СПб., Б.г.
102. Словарь Академии Российской. В 6 тт. СПб., 1789–1794.
103. Словарь исторический или сокращенная библиотека. Ч. 1–14. М., 1790–1802.
104. *Соковкин С.П.* Опыт исторического словаря о всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М., 1784.
105. Сокращение Российской истории // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов за разные годы. Ч. 3. СПб., 1789. С. 1–37.
106. *Стриттер И.М.* Известия византийских историков объясняющая российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. 1–4. СПб., 1770–1775.
107. *Стриттер И.М.* История Российскаго государства. Ч. 1. СПб., 1800.
108. *Сумароков А.П.* Краткая московская летопись. СПб., 1774.
109. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1–5, М., 1768–1848.
110. *Татищев В.Н.* Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский. СПб., 1793.
111. *Тредиаковский В.К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773.
112. *Тредиаковский В.К.* Об истине сражения у Горацев с Куриациями // Ежемесячные сочинения. Т. I. СПб., 1755. С. 188–213.
113. *Туманский Ф.* Созерцание славныя жизни великаго князя Александра Ярославича Невскаго. СПб., 1789.

114. *Фишер И.Е.* Рассуждение И.Е. Фишера о Гиперборейцах или о народе за севером находящимся // Ежемесячные сочинения. 1755. Февраль. С. 123–138.
115. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самага открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
116. *Фрейер И.* Краткая всеобщая история с присовокуплением Российской истории. М., 1769.
117. *Чулков М.Д.* Абевега русских суеверий. М., 1786.
118. *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. СПб., 1785.
119. *Шлецер А.Л.* Изображение российской истории. СПб., 1769.
120. *Шлецер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1816.
121. *Шлецер А.Л.* Перечень российской истории от князя Рюрика до настоящего ныне времени. СПб., 1783.
122. *Шрекк И.М.* Всемирная история для обучения юношества. СПб., 1787.
123. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1–7, 1770–1791, 1794–1817.
124. *Щербатов М.М.* Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774.
125. *Щербатов М.М.* Краткое историческое повествование о начале родов князей российских, происходящих от великаго князя Рюрика. М., 1785.
126. *Щербатов М.М.* Примечания на ответ господина генерал майора Болтина. М., 1792.
127. *Эмин Ф.А.* Российская история жизни всех древних. СПб., 1767–1769.
128. *Яковкин И.Ф.* Летосчислительное изображение российской истории. СПб., 1798.
129. *Янкович де Мириево Ф.И.* Краткая российская история изданная в пользу народных училищ. СПб., 1799.

Географические описания

1. *Бакместер Л.* Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. 1. Ч. 1–4. СПб., 1771–1774.
2. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1799.
3. Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / подг. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула, 2016.
4. Достопамятнейшие древности в Киеве. Киев, 1791.
5. *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. М., 1868.
6. Описание г. Киева, составленное Киевской губернской канцелярией в 1760 г. // Исторические материалы из архива Киевского губернского правления. Вып. 3. Киев, 1888. С. 117–118.
7. *Полунин Ф.А.* Географический лексикон Российского государства. М., 1773.
8. Путешествие Ея Императорского Величества (Екатерины II) в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. СПб., 1786.
9. *Самуил, митр.* Краткое историческое описание Киевопечерской лавры. Киев, 1791.

10. *Чеботарев Х.А.* Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787.

Теоретические трактаты

1. *Prokopovic F.* De arte poetica. Mohilov, 1786.
2. *Аристотель.* Поэтика. Об искусстве поэзии // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 1064–1112.
3. *Ломоносов М.В.* Идеи для живописных картин из российской истории // Он же. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 367–373.
4. *Мотонис Н.Н.* Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности, и несусеверном богопочитании // Трудюлюбивая пчела. СПб., 1759. Ч. 1. С. 34–47.
5. *Плавильщиков П.А.* Нечто о врожденном свойстве душ российских // Зритель. 1792. Ч. 1. Февраль. С. 9–26; Апрель. С. 163–181.
6. *Плавильщиков П.А.* Театр // Зритель. 1792. Ч. 2. Июнь. С. 121–145; Август. С. 251–277; Ч. 3. Сентябрь. С. 25–39; Октябрь. С. 113–137; Декабрь. С. 249–255.
7. Понятие о совершенном живописце. СПб., 1789.
8. *Прокопович Ф.* О поэтическом искусстве // Он же. Сочинения. М.-Л. 1961. С. 335–455.
9. *Татищев В.Н.* Предложение о сочинении истории и географии Российской // Он же. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 77–97.
10. *Татищев В.Н.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887.

Художественные сочинения

1. *Macpherson J.* The Works of Ossian, the Son of Fingal. London. 1765.
2. The poetics of Aristotle. London: Macmillan, 1902.
3. *Богданович И.Ф.* Славяне // Российский феатр. Ч. IX. 1787. С. 219–307.
4. *Воейков А.Ф.* Святослав // Иппокрена, или Утехи любословия. Ч. 6. М., 1800. С. 502–512.
5. *Волков А.А.* Освобожденная Москва. М., 1820.
6. *Глинка С.Н.* Минин. М., 1809.
7. *Державин Г.Р.* На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского // Он же. Стихотворения. Л., 1957. С. 147–156.
8. *Державин Г.Р.* Пожарский, или освобождение Москвы // Сочинения Державина. Т. 4. СПб., 1867. С. 129–192.
9. *Екатерина II.* Историческое представление из жизни Рюрика // Российский феатр. Ч. XIV. 1787. С. 107–166.
10. *Екатерина II.* Начальное управление Олега // Российский феатр. Ч. XIV. 1787. С. 167–248.
11. *Екатерина II.* Новгородский богатырь Боеславич // Российский феатр. Ч. XX. 1788. С. 55–100.
12. *Екатерина II.* Чесменский дворец // Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 597–609.
13. *Ильинский Н.С.* В память славному мужу, Козьме Минину. Н. Новгород, 1794.

14. *Каменев Г.П.* Громобой // Муза. Ч. II. СПб., 1796. С. 34–47.
15. *Карамзин Н.М.* Марфа-Посадница, или покорение Новгорода // *Он же.* Избранные сочинения в двух томах. М.-Л., 1964. Т. 1. С. 680–728.
16. Карманный песенник, или собрание лучших светских и простонародных песен. СПб., 1796.
17. *Ключарев Ф.П.* Владимир Великий // Российский феатр. Ч. VI. 1787. С. 81–144.
18. *Княжнин Я.Б.* Вадим Новгородский. СПб., 1793.
19. *Княжнин Я.Б.* Владимир и Ярополк // Российский феатр. Ч. XXXIV. 1790. С. 3–108.
20. *Княжнин Я.Б.* Владисан // Российский феатр. Ч. XXXII. 1787. С. 187–298.
21. *Княжнин Я.Б.* Ольга // *Он же.* Избранные произведения. Л., 1961. С. 117–182.
22. *Козельский Ф.Я.* Велесана // Сочинения Федора Козельского. Ч. 2. СПб., 1778. С. 67–133.
23. *Крюковский М.В.* Пожарской. СПб., 1810.
24. *Левшин В.А.* Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских. Ч. 1–6. М., 1787–1788.
25. *Левшин В.А.* Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях. Ч. 1–10. М., 1780–1783.
26. *Ломоносов М.В.* Тамира и Селим // Российский феатр. Ч. I. 1786. С. 5–82.
27. *Львов Н.А.* Добрыня // *Он же.* Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 192–201.
28. *Люценко Е.П.* Церна, княжна Черниговская // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. VIII. М., 1795. С. 244–250.
29. *Майков В.И.* Освобожденная Москва // *Он же.* Избранные произведения. М.-Л., 1966. С. 311–315.
30. Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы. Оратория. М., 1817.
31. *Михайлов И.* Низверженный Мамай. М., 1798.
32. *Муравьев М.Н.* Путешествие // *Он же.* Стихотворения. Л., 1967. С. 143–145.
33. *Муравьев М.Н.* Разговоры мертвых. СПб., 1790.
34. *Нарежный В.Т.* Брега Альты // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 18. М., 1798. С. 281–287.
35. *Нарежный В.Т.* Димитрий Самозванец. М., 1804.
36. *Нарежный В.Т.* Освобожденная Москва // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 19. М., 1798. С. 33–45.
37. *Нарежный В.Т.* Песнь Владимиру киевских баянов // Приятное и полезное препровождение времени. 1798. Ч. 20. С. 378–389.
38. *Нарежный В.Т.* Рогвольд // Приятное и полезное препровождение времени. Ч. 20. СПб., 1798. С. 353–375.
39. *Николаев Н.П.* Сорена и Замир // Российский феатр. Ч. V. 1787. С. 235–323.
40. *Озеров В.А.* Дмитрий Донской. СПб., 1827.
41. *Озеров В.А.* Ярополк и Олег // Сочинения Озерова. СПб., 1846. С. 309–372.
42. *Плавильщиков П.А.* Рюрик // Русская литература. Век XVIII. М., 1991. С. 595–645.
43. *Плавильщиков П.А.* Дружество // Российский феатр. Ч. VII. 1787. С. 75–174.
44. *Плавильщиков П.А.* Сочинения Петра Плавильщикова. Ч. 1., СПб., 1816.
45. *Попов М.В.* Славенские древности, или Приключения славенских князей. Ч. 1–3. СПб., 1770–1771.
46. *Прокопович Ф.* Владимир // *Он же.* Сочинения. М.-Л., 1961. С. 147–208.

47. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1888.
48. *Рылеев К.Ф.* Димитрий Самозванец // *Он же.* Полное собрание стихотворений. Л., 1971.
49. *Сумароков А.П.* Димитрий Самозванец. СПб., 1771.
50. *Сумароков А.П.* Вышеслав // *Российский феатр.* Ч. III. 1786. С. 3–60.
51. *Сумароков А.П.* Димитриада // *Полное собрание всех сочинений.* Ч. 1. М., 1781.
52. *Сумароков А.П.* Дмитрий Самозванец // *Российский феатр.* Ч. III. 1786. С. 61–122.
53. *Сумароков А.П.* Мстислав // *Российский феатр.* Ч. III. 1786. С. 123–176.
54. *Сумароков А.П.* Семира // *Российский феатр.* Ч. II. 1786. С. 159–242.
55. *Сумароков А.П.* Синав и Трувор // *Российский феатр.* Ч. II. СПб., 1786. С. 3–82.
56. *Сумароков А.П.* Хорев // *Российский феатр.* Ч. I. СПб., 1786. С. 159–238.
57. *Сумароков А.П.* Ярополк и Димиза // *Российский феатр.* Ч. II. 1786. С. 243–312
58. *Херасков М.М.* Владимир // *Творения Хераскова.* Ч. II. М., 1796. С. 1–361.
59. *Херасков М.М.* Владимир // *Эпические творения М.М. Хераскова.* Ч. 2. М., 1787.
60. *Херасков М.М.* Идолопоклонники, или Горислава // *Российский феатр.* Ч. IV. 1786. С. 223–303.
61. *Херасков М.М.* Освобожденная Москва. М., 1798.
62. *Херасков М.М.* Пламена // *Российский феатр.* Ч. IV. 1786. С. 3–84.
63. *Херасков М.М.* Россиада. СПб., 1895.
64. *Хомяков А.С.* Димитрий Самозванец. М., 1886.
65. *Царь Ирод* // *Народный театр.* М., 1991. С. 300–316.
66. *Царь Максимилиан* // *Народный театр.* М., 1991. С. 131–222.
67. *Чулков М.Д.* Пересмешник, или Славенские сказки. Т. 1–5. М., 1789.

Церковная литература

1. Великие Минеи Четии, собранные митрополитом Макарием. Сентябрь. СПб., 1869.
2. *Димитрий Ростовский.* Жития святых. Кн. 1. Киев, 1689; Кн. 2. Киев, 1695; Кн. 3. Киев, 1700.; Кн. 4. Киев, 1705.
3. *Димитрий Ростовский.* Жития святых. Кн. 1–4. Киев, 1764.
4. *Димитрий Ростовский.* Поучение на празднество Пресвятыя Богородицы Донския // *Он же.* Сочинения. Т. 3. М., 1840. С. 159–172.
5. *Духовный регламент.* СПб., 1721.
6. *Житие царевича Димитрия Угличского* // *Библиотека литературы древней Руси.* Т. 14. СПб., 2006. С. 104–133.
7. *Пролог.* Т. 1–2. М., 1747.
8. *Пролог.* Т. 1–2. М., 1792.
9. *Служебные Минеи.* Т. 1–12. М., 1741.
10. *Служебные Минеи.* Т. 1–12. М., 1793.
11. *Типикон.* М., 1782.

Фольклорные источники

1. *Барсов А.А.* Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770.

2. *Богданович И.* Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. В 3 ч. СПб., 1785.
3. Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.-Л., 1960.
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1862.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб.-М., 1880.
6. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000.
7. *Екатерина II.* Выборные российские пословицы. СПб., 1782.
8. Исторические песни XVIII века. Л., 1971.
9. Исторические песни XVII века. М.-Л., 1966.
10. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Вып. 1. СПб., 1899.
11. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.-Л., 1961.
12. *Чулков М.Д.* Собрание разных песен. Ч. 1–3. СПб., 1770–1773.

Источники личного происхождения

1. *Güldenstädt J.A.* Reisen durch Rußland und im Caucasischen Gebürge. St. Petersburg, 1791.
2. *Александрович Д.* Дневник // *Закревский Н.* Описание Киева. Т. 1. М., 1868. С. 95–99.
3. *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков. 1738–1793. Т. 1–2. СПб., 1870–1871.
4. *Висковатов А.В.* Новгородские письма (в К.Я. Б...у) 17 мая 1826 г. // Новгород и Новгородская земля в русской мемуаристике XIX – начала XX вв. Великий Новгород, 2008.
5. *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997.
6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. 1-2. М., 2008.
7. *Глинка С.Н.* Записки. М., 2004.
8. *Дашкова Е.Р.* Записки княгини Дашковой // Русская старина. 1906. № 4. С. 38–100.
9. *Де Линь. Ч.-Ж.* Письма и мысли маршала принца де Линь. Ч. 1. М., 1809.
10. *Добрынин Г.И.* Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752–1827 // Русская старина. 1871. Т. 3. № 2. С. 119–160; № 3. С. 247–271; № 4. С. 395–420; № 5. С. 563–604; № 6. С. 652–672; Т. 4. № 7. С. 1–38; № 8. С. 97–153; № 9. С. 177–222; № 10. С. 305–378.
11. *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб., 2004.
12. *Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907.
13. *Екатерина II.* Письма Ея Императорского Величества Екатерины II к г-ну Ерапкину // Сочинения Императрицы Екатерины II. Т. III. СПб., 1850. С. 308–369.
14. *Екатерина II.* Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. 9–10. С. 5–240.
15. *Екатерина II.* Письма и документы // Русская старина. 1873. № 8. С. 651–690.
16. *Екатерина II.* Письма императрицы Екатерины II и И.Г. Циммерманну // Русская старина. 1887. № 8. С. 280–321.

17. *Екатерина II*. Собственноручное черновое письмо Екатерины II к А. Мордвинову // Сборник РИО. Т. 42. С. 113–118.
18. Журнал или поденная записка государя императора Петра Великого. Ч. 1., СПб., 1770.
19. Записки о пребывании императрицы Екатерины второй в Киеве в 1787 году. СПб., 1843.
20. *Измайлов В.В.* Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова. Ч. 1. М., 1805.
21. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.
22. *Карамзин Н.М.* Письмо от 6 сентября 1792 г. // Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 30–31.
23. *Каульбарс Е.К.* Дневник секунд-майора Черниговского карабинерного полка барона Р. фон Каульбарса. 1780–1790 гг. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 1. С. 1–64.
24. *Коваленко Г.М.* Великий Новгород в европейской письменности XV – нач. XX вв. В. Новгород, 2007.
25. *Коваленко Г.М.* Великий Новгород. Взгляд из Европы. XV – нач. XX вв. СПб., 2010.
26. *Комаровский Е.Ф.* Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914.
27. *Массон Ш.* Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.
28. *Мёллер И.В.* Киев в 1787 г. и дед покойного Н.Х. Бунге // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 9. Отд. 2. С. 64–66.
29. *Миранда Ф.* Путешествие по Российской Империи. М., 2001.
30. *Неджати-Эфенди М.* Записки Мухаммеда Неджати-Эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. Т. 81. Вып. 5. С. 159–160.
31. *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по России. 1782–1783. СПб., 1996.
32. Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет в 1766–1776 гг. // Православный палестинский сборник. Вып. 36. СПб., 1891. С. 1–25.
33. *Орлов В.Г.* Дневник путешествия в 1770 г. в Киев и в свои вотчины // Русский архив. 1908. № 8. С. 439–446.
34. Посещение Новороссийского края Ионою, митрополитом Руисским. Тифлис, 1852.
35. Посольство Дервиша-Михаммед-Эффендия в Россию, в 1168 году эгиры, (то есть 1755 после Р. Х.) // Северный архив. 1826. Ч. 19. № 1. Отд. 1. С. 3–18.
36. Путешествие в святую землю Московского священника Иоанна Лукьянова. 1710–1711. М., 1862.
37. Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим (1719–1720 года). Варшава, 1875.
38. Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона 1749 года // Чтения общества истории и древностей российских. М., 1873. Кн. 3. Ч. V. С. 78–129.
39. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII в. М., 2012.
40. *Свербеев Д.Н.* Мои записки. М., 2014.
41. *Сегюр Л.-Ф.* Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865.

42. Скопин Г.А. Дневная записка пешеходца – саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1881. С. 41–74.
43. Тверитинова А.С. Извлечения из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г. // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной России. Ч. II. М., 1969. С. 296–302.
44. Тучков С.А. Записки. СПб., 1908.
45. Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824. С. 1–446.
46. Фонвизин Д.И. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия // Собрание сочинений в 2 томах. Т. 2. М.-Л. 1959. С. 562–571.
47. Храповицкий А.В. Журнал высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II самодержицы всероссийской в полуденные страны России, в 1787 году. М., 1787.
48. Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. XIII. СПб., 1875. С. 419–451.
49. Штелин Я. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990.
50. Эребо Р. Выдержки из автобиографии Расмуса Эребо, касающиеся трех путешествий его в Россию // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 365–396.
51. Юль Ю. Записки Юста Юля датсаго посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899.

Законодательные источники и материалы делопроизводства

1. Ломоносов М.В. Репорт в Канцелярию Академии Наук 16 сентября 1749 г. // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 19–25.
2. Ломоносов М.В. Представление в канцелярию АН о посылке живописца для снятия копий с древних живописных изображений и с надгробных надписей. 18 октября 1760 // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.-Л., 1953. С. 406–407.
3. Ломоносов М.В. Представление президенту АН о неправильных действиях Г.Ф. Миллера и И.И. Тауберта. 1761 января // *Он же*. Полное собрание сочинений. Т. 10. М.-Л., 1952. С. 228–238.
4. Манифест Александра I о необходимости создания ополчения в помощь русской регулярной армии, сражающейся с наполеоновскими войсками. СПб., 1812. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prlib.ru/item/342917> (дата обращения: 18.09.2020)
5. Миллер Г.Ф. Проект создания Исторического департамента Академии наук // *Он же*. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 355–363.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV-XXV. СПб., 1830.
7. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч. 1. СПб., 1864.

Литература

1. *Абраменко В.А.* Образ Великого Новгорода в общественной мысли XVIII – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
2. *Абраменко В.А.* Средневековый Новгород глазами потомков (на материале документов XVIII – начала XX вв.). Ростов-на-Дону, 2011.
3. *Абраменко Н.М.* Гравюра из книги Лазаря Барановича "Мечь духовный" в контексте русского искусства второй половины XVII в. // Четвертые Казанские искусствоведческие чтения. Искусство печатной графики: история и современность. Казань, 2015. С. 8–11.
4. *Абрамович Д.І.* Літописні джерела Четьїх-Міней Дмитра Ростовського // Науковий збірник за рік 1929. Т. XXXII. Киев, 1929. С. 32–61.
5. *Абрамович Д.И.* Печерский Патерик как исторический источник // *Он же.* Исследование о Киево-печерском Патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 184–204.
6. *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
7. *Азбелев С.Н.* Куликовская победа в народной памяти: Литературные памятники Куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб., 2011.
8. *Азбелев С.Н.* Устная история Великого Новгорода: Очерки IX–XVII столетий. Великий Новгород, 2006.
9. *Амелькин А.О.* Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011.
10. *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2019.
11. *Ананьев В.Г.* К вопросу о происхождении термина "семибоярщина" // Русская литература. 2012. № 1. С. 44–47.
12. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
13. *Артемьева Т.В.* От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005.
14. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
15. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая. М., 2004.
16. *Афанасьева Т.А.* Распространение кириллической книги в России XVIII в. // Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 131–139.
17. *Байдин В.И.* Кирша Данилов в Сибири и на Урале. Историко-биографические этюды. Екатеринбург, 2015.
18. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
19. *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // *Он же.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 447–483.
20. *Бахтина О.Н., Заславский Г.А.* Проблема историзма в русской исторической трагедии XVIII в. («Дмитрий Самозванец» А.П. Сумарокова и «Рослав» Я.Б.

- Княжнина) // Вестник Томского государственного университета, 2008. № 312. С. 7–12.
21. *Бегунов Ю.К.* Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 26. Л., 1971. С. 72–84.
  22. *Белинский В.Г.* Статьи о народной поэзии // *Он же.* Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1954. С. 289–450.
  23. *Беляев Л.А.* Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000.
  24. *Берков П.Н.* А.П. Сумароков // Русские драматурги. Т. 1. XVIII век. Л.-М., 1959. С. 106.
  25. *Беспярых Ю.Н.* Новгород в «Россике» XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 137–148.
  26. *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003.
  27. *Бовгиря М.А.* «Хозары во козаки именуются посем»: этногенетические концепты в украинских текстах XVII–XVIII вв. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не) единства. М., 2017. С. 291–306.
  28. *Бочкарев В.А.* Русская историческая драматургия XVII–XVIII вв. М., 1988.
  29. *Брагина Н.Г.* Память в языке и культуре. М., 2007.
  30. *Бренева И.В., Ринкон-Поса Э.* «Идеи для живописных картин из Российской истории» Ломоносова и их отражение в русской исторической живописи // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. IX. СПб., 1991. С. 66–75.
  31. *Буганов А.В.* Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. М., 2013.
  32. *Булкина И.С.* Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... PhD in Literature. Тарту, 2010.
  33. *Буранок О.М.* Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М., 2014.
  34. *Буцник Л.П.* Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., 1961.
  35. *Валагин А.П.* Проблематика трагедии Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский» // Современность классики. Воронеж, 1986. С. 3–18.
  36. *Васильев А.* Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 461–480.
  37. *Васильев А.* Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141–167.
  38. *Васильев А.Г.* Теория социальной памяти Аби Варбурга: между философией культуры и историей искусства // Искусствознание. 2009. № 1–2. С. 16–39.
  39. *Верещагина А.Г.* Художник, время, история. Очерки русской исторической живописи XVIII – начала XX века. Л., 1973.
  40. *Володихин Д.М.* Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой как представитель высшей русской аристократии XVII века // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 4. С. 46–51.
  41. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения М., 1932.

42. *Высочков Л.В.* Историко-краеведческие работы Федора Туманского («Топографические описания» Петербурга и губернии конца XVIII в.) // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII веков. Ярославль, 1993. С. 163–177.
43. *Гаврилова Л.М.* Русская историческая мысль и медальерное искусство во второй половине XVIII в.: дис. ... докт. ист. наук М., 2001.
44. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
45. *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 59. СПб., 1894. С. 1–62.
46. *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
47. *Гончаров М.А.* Основные тенденции образования и воспитания в России XVIII века. М., 2011.
48. *Горелов А.А.* Иван Грозный в сборнике Кирши Данилова // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 35. СПб., 2016. С. 6–24.
49. *Горелов А.А.* Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения» // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. VII. М.-Л., 1962. С. 293–312.
50. *Горелов А.А.* Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. VI. М.-Л., 1961. С. 344–376.
51. *Гранстрем Е.Э., Чернышева Т.Н.* Александр Македонский и врачевальные молитвы // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 64–69.
52. *Греков Б.Д.* Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. Вып. 35. Л., 1929. С. 39–104.
53. *Громыко М.М.* Культура русского крестьянства XVIII–XIX веков как предмет исторического исследования // История СССР. 1987. № 3. С. 48–59.
54. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
55. *Гуковский Г.А.* Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы. Т. III. Ч. 1. 1941. С. 349–420.
56. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
57. *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989.
58. *Гуревич И.М., Знаменов В.В., Мясоедова Е.Г.* Большой петергофский дворец. Л.: Лениздат, 1979.
59. *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // Цепь времен": Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 119–132.
60. *Державин А.* Четии-Минеи святителя Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. Ч. 1–2. М., 2006.
61. *Дзюба Е.М.* Поэтика вымысла в романах о «Славянских древностях» М.Д. Чулкова, М.И. Попова, В.А. Левшина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Ломачевского, 2014, № 2 (2). С. 147–150.
62. *Дмитриев Л.А.* "Книга о побоищи Мамаю, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия" // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979. С. 61–71.

63. *Дмитриев М.В.* Киево-Могилыанская Академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Киев, 2006. Вып. 2–3. С. 14–31.
64. Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017.
65. *Евстратов А.Г.* Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х – начале 1770-х годов: дис. ... канд. фил. наук. М., 2009.
66. *Еремин И.П.* К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы Т. X. 1954. С. 212–222.
67. *Ерик П.Д.* Школьное преподавание истории и историко-методическая мысль в России XVIII века: дис. ... канд. пед. наук. М., 1948.
68. *Ерусалимский К.Ю.* Понятие «История» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 365–401.
69. *Живов В.М.* Ранняя восточнославянская агиография и проблема жанра в древнерусской литературе // Язык. Личность. Текст. М., 2005. С. 720–734.
70. *Жиленко І.В.* Проблеми дослідження джерельної бази «Синописа» // Синопис Київський. Киев, 2002.
71. *Жиленко І.В.* К вопросу о главном источнике первого тома Жития святых св. Димитрия Туптала-Савича // Могилыанские чтения: Материалы ежегодных научных конференций: 1996–1997. Киев, 1996. С. 60–71.
72. *Жихарев С.П.* Записки Современника. М.-Л., 1950.
73. *Зорин А.* Кормя двухглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
74. *Зуева Т.В., Кирдан Б.П.* Русский фольклор. М., 2002.
75. *Иконников В.С.* Императрица Екатерина II как историк // Русский архив. 1911. Вып. 7. С. 305–316.
76. *Илизаров С.С.* Анкеты XVIII в. как источник по историографии города // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 87–96.
77. *Илизаров С.С.* Москва в науке и культуре России XVIII века: дис. ... докт. ист. наук. М., 2004.
78. *Ильина Т.В.* Русское искусство XVIII века. М., 2001.
79. *Ильиченко Э.В.* Великий Новгород во французской историографии XVIII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). В. Новгород, 2013. С. 320–334.
80. Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М., 2012.
81. Исторический очерк второго кадетского корпуса. 1712–1912. Т. 1. СПб., 1912.
82. История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006.
83. История русского искусства. Т. I. М., 1957.
84. *Ищенко А.С.* Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014.
85. *Йейтс Ф.* Искусство памяти. М., 1997.

86. *Каган Ю.О.* Еще раз о Доршевой серии портретов русских князей и царей: Историографический аспект и новые материалы // Государственный Эрмитаж: Из истории петровских коллекций. СПб., 2000. С. 46–47.
87. *Каганович А.Л.* Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., 1963.
88. *Каганович А.Л. Никулина Н.И.* Живописный класс Академии художеств в XVIII веке // Вопросы художественного образования. Сборник научных трудов. Вып. 6. Л., 1973. С. 5–39.
89. *Каменский А.Б.* Россия в XVIII столетии. Общество и память. СПб., 2017.
90. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Пг., 1918.
91. *Коваленская Н.Н.* История русского искусства XVIII века. М., 1962.
92. *Козляков В.* Герои Смуты. М., 2012.
93. *Кознова И.Е.* Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–34.
94. *Коллингвуд Р.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
95. *Комарович В.Л.* К литературной истории повести о Николе Зарайском // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 5. М.-Л., 1947. С. 57–72.
96. *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
97. *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М., 2011.
98. *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVII – начала XIX в. М., 1983.
99. Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012.
100. *Криничная Н.А.* Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974.
101. *Крумлинг А.А.* Редакции славянского печатного Пролога (предварительные заметки) // Славяноведение. 1998. № 2. С. 46–61.
102. *Крылов Г.* Книжная справа XVII века: Богослужebные Минеи. М., 2009.
103. *Кузнецов А.А., Морохин А.В.* Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/opolch.pdf (дата обращения: 18. 09. 2020).
104. *Кузнецова Э.В.* Исторический и батальный жанр. М., 1982.
105. *Кузьмина М.К.* Житие Симеона юродивого в редакции Димитрия Ростовского. Принципы работы с источниками и методология их редактирования. М.-СПб., 2015.
106. *Курукин И.В.* История и современность в исторических трагедиях Екатерины II // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016, № 7. С. 89–94.
107. *Курукин И.В.* «Для вперения в юношество любви к отечеству»: Екатерина II и изучение истории в русской школе конца XVIII – начала XIX века // Исторический вестник. 2013. № 150. С. 96–121.
108. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Вып. 1. М., 1990.
109. *Лазуткина М.Г.* Формирование художественного образа самозванца Лжедмитрия I в русской литературе XVII–XIX веков: дис. ... канд. фил. наук. М., 2003.

110. *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990.
111. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал, 1920, кн. 6. С. 5–29.
112. *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000.
113. *Ле Гофф Ж.* История и память. М., 2013.
114. *Левицкий М.Г.* Исторические драмы императрицы Екатерины II и Я.Б. Княжнина. Кронштадт, 1903.
115. *Леонтьев А.Н.* Развитие памяти. М., 1931.
116. *Леонтьева О.Б.* «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59–96.
117. *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011.
118. *Леонтьева О.Б.* Личность Ивана Грозного в исторической памяти российского общества эпохи Великих реформ: научное знание и художественный образ // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. № 18. Москва, 2007. С. 19–34.
119. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М., 2006.
120. *Лихачев Д.С.* Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 10. М.-Л. 1954. С. 76–91.
121. *Лихачев Д.С.* Повести о Николе Зарайском // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 7. М.-Л., 1949. С. 257–406.
122. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
123. *Лихачев Д.С.* Эпическое время русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952. С. 55–63.
124. *Логинов Д.С.* Русский читатель и его историческая библиотека XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2007.
125. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре (быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в.). СПб., 1994.
126. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек текст – семиосфера – история. М., 1996.
127. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // *Он же.* Избранные статьи. Т. I. Таллин, 1992.
128. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
129. *Лузанов П.Ф.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус... при графе Минихе (с 1732 по 1741). СПб., 1907.
130. *Лупанова М.Е.* Греческий проект Екатерины Великой // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 198–207.
131. *Лурия А.Р.* Психология как историческая наука. К вопросу об исторической природе психологических процессов // История и психология. М., 1971. С. 36–62.
132. *Любжин А.И.* «Россиада» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция // Colloquia classica et indo-germanica IV. СПб., 2008. С. 415–452.

133. *Любжин А.И.* Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // Русская литература. 2010. № 1. С. 3–25.
134. Люди и идеи: интеллектуальная культура Европы в Новое время. М., 2014.
135. *Мазур Л.Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 243–256.
136. *Макаренко Е.К.* Проблема соотношения художественной и историографической форм осмысления исторического сюжета «Эпохи смутного времени» в литературе конца XVIII в. (трагедия А.П. Сумарокова «Димитрий Самозванец») // Культура и текст. 2011. № 12. С. 195–203.
137. *Макаренко Е.К.* Роль шекспировского театра в формировании русской исторической трагедии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7. С. 171–177.
138. *Максимова М.И.* Портреты русских царей и государей работы резчика Иоганна Дорша // Государственный Эрмитаж. Сб. 3. Л., 1926. С. 144–146.
139. *Мартынов И.Ф.* Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 139–148.
140. Методологические вопросы изучения политики памяти. СПб., 2018.
141. *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 2015.
142. *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.
143. *Минеева С.В.* Житие Зосимы и Савватия Соловецких в составе «Книги Житий святых» Димитрия Ростовского (проблемы источников) // Филевские чтения. Выпуск IX. Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. М., 1994. С. 53–74.
144. *Могильницкий Б.Г.* Историческое познание и историческое сознание: к постановке вопроса // Историческая наука и историческое сознание. Томск: издательство Томского университета, 2000. С. 34–67.
145. *Могилянский А.П.* «Ольга», трагедия Я.Б. Княжнина // XVIII век. Сб. 3. М.-Л., 1958. С. 498–504.
146. *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.
147. *Моисеева Г.Н.* Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л., 1974. С. 289–295.
148. *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971.
149. *Моисеева Г.Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Л., 1979. С. 37–47.
150. *Моисеева Г.Н.* Русская история в творчестве А.Н. Радищева 1780-х годов // XVIII век. Т. 18. СПб., 1993. С. 40–51.
151. *Молева Н.М., Белютин Э.М.* Педагогическая система Академии художеств в XVIII веке. М., 1956.
152. *Муравьев В.Б.* История Москвы в пословицах и поговорках. М., 2007.
153. *Надеждин Н.И.* Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. Отд. 3. С. 93–136.

154. *Никольский К.* Материалы для истории исправления богослужебных книг, об исправлении Устава церковного в 1682 году и Месячных миней в 1689–1691 году. СПб., 1896.
155. *Новиков Ю.А.* Былины из сборника Кирши Данилова в контексте севернорусской традиции // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 96–100.
156. *Нора П.* Франция-память. СПб., 1999.
157. *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад.* М., 2010.
158. *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени.* М., 2003.
159. *Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II.* М., 1910.
160. *Очерки русской культуры XVIII века.* М., 1986.
161. *Павлова Т.А.* Александр Македонский в древнерусском изразцовом искусстве // Вестник МГУКИ. 2010. № 6. С. 244–247.
162. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
163. *Пастушенко Л.М.* Драматургическая структура трагедии М.М. Хераскова «Пламена» // XXVII Герценовские чтения. Л., 1975. С. 3–6.
164. *Пастушенко Л.М.* Идеино-художественное своеобразие трагедии М.М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 2. Л., 1976. С. 54–62.
165. *Пекарский П.* История Академии Наук. Т. I. СПб., 1870.
166. *Перевезенцев С.В.* «Не в силе Бог, но в правде». Русская святость в годы монголо-татарского владычества // Форум: международный журнал. 2004. № 32-33. С. 175–185.
167. *Петров А.В.* Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века: дис. ... докт. фил. наук. М., 2006.
168. *Пеитич С.Л.* «Синописис» как историческое произведение // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.-Л., 1958. С. 284–298.
169. *Пеитич С.Л.* Русская историография XVIII в. Ч. 1., Л., 1961; Ч. 2. Л., 1965; Ч. 3. Л., 1971.
170. *Плисецкий М.М.* Историзм русских былин. М., 1962.
171. *Погосян Е.* Русь и Россия в исторических сочинениях 1730–1780-х годов // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3: Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М., 1999. С. 7–19.
172. *Подберезкин Ф.* Альберт Кранц и Иван Грозный: история одного послания // Палітычная сфера. 2014–2015, № 22–23. С. 180–187.
173. *Поздеева И.В.* Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 112–119.
174. *Поздеева И.В.* Московская печать XVII века. Человек. Книга. История. М., 2016.
175. *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы.* СПб., 2020.

176. *Попова И.Л.* Проблема памяти и забвения: М.М. Бахтин о механизмах сохранения/стирания следов традиции в истории культуры // *Studia Litterarum*. Т. 1. 2016. № 1–2. С. 73–90.
177. *Постников В.В.* Образ Александра Македонского в русской материальной культуре // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. 2006. С. 141–147.
178. *Прийма Ф.Я.* Тема «Новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // *На путях к романтизму*. Л., 1984. С. 100–138.
179. *Пропи В.Я.* Песня о гневе Грозного на сына // *Он же*. Сказка. Эпос. Песня. М., 2007. С. 170–210.
180. *Пропи В.Я.* Русский героический эпос. М., 2006.
181. *Путилов Б.Н.* К вопросу о сюжетном составе и истории сложения песенного цикла о Ермаке // *Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков*. М.-Л., 1958.
182. *Путилов Б.Н.* Песня о гневе Ивана Грозного на сына // *Русский фольклор. Материалы и исследования*. Т. IV. М.-Л., 1959. С. 5–32.
183. *Путилов Б.Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.-Л., 1960.
184. *Путилов Б.Н.* Эпическое сказительство. М., 1997.
185. *Путилова Е.Г.* Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Грамота, 2012. № 10. Ч. 2. С. 143–145.
186. *Ранчин А.М.* Формирование культа святых князей Бориса и Глеба: мотивы канонизации // *Он же*. Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 69–74.
187. *Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В.* О происхождении русского народа и русского языка: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // *Проблемы филологии и искусствознания*. 2015. № 3. С. 299–307.
188. *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // *Новая и новейшая история*. 2004. № 5. С. 39–51.
189. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.
190. *Реснянский С.И., Мухутдинов А.А., Маловичко С.И.* Интеллектуальная история России. Курс лекций. М., 2018.
191. *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004.
192. *Ричка В.М.* «Київ – другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Киев, 2005.
193. *Ровинский Д.* Русские народные картинки. Кн. 2. СПб., 1881. С. 23–52.
194. *Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков*. М., 2018.
195. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. I. СПб., 1912.
196. *Роспись Митрополитов Киевских, с кратким летописанием* // *Московский любопытный месяцеслов на 1776 год*. М., 1775. С. 54–108.

197. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2014. Вып. 2. С. 106–126.
198. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография до XIX в. М., 1941.
199. *Рубинштейн Н.Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века – памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. 1953. Вып. 31. С. 39–89.
200. *Рукавичникова В.В.* История древнего Новгорода в русской литературе XVIII – первой трети XIX века: дис. ... канд. фил. наук. Великий Новгород, 2001.
201. *Русина Е.В.* Исторические воззрения Дмитрия Ростовского в киевском интеллектуальном контексте второй половины XVII века // Православие и православная культура в эпоху святого Дмитрия Ростовского. Издание Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря. Ростов Великий, 2018. С. 138–148.
202. Русские государи в Киеве. Киев, 1896.
203. Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Восемнадцатый век. М., 1952.
204. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории: (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Вып. 7. М., 2001. С. 8–26.
205. *Рязанцев И.В.* Российская дань классике. Роль московской школы в развитии зодчества вт. пол. XVIII – нач. XIX вв. М., 2017.
206. *Рязанцев И.В., Евангулова О.С.* Древнерусские темы в академии художеств 1760–1770-х годов и их источники // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1992. № 2. С. 67–83.
207. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1–2. СПб., 2003–2006.
208. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социология знания о прошлом. М., 2005.
209. *Савинов А.Н.* Академия художеств и историческая живопись второй половины XVIII века // История русского искусства. Т. 1. М., 1979. С. 143–147.
210. *Савинов А.Н.* Историческая живопись // История русского искусства. Т. 7. М., 1961. С. 162–192.
211. *Саенкова Е.М., Свердлова С.В.* Симон Ушаков. Древо государства Московского (Похвала иконе "Богоматерь Владимирская"). М., 2015.
212. *Самарин А.Ю.* Краткое собрание от разных летописцев // Историк. 2015. № 12. С. 42–46.
213. *Самарин А.Ю.* Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.). М., 1998.
214. *Самарин А.Ю.* Создание и использование рукописных копий печатных изданий «Синописа» в России // Исследования книжных памятников. М., 2000. С. 141–152.
215. *Сапожникова О.Я., Сапожников И.Ю.* Мечта о русском единстве. Киевский Синописис 1674 г. М., 2006.
216. Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.-Л., 1951.
217. *Сафронова Ю.А.* Историческая память: введение. СПб., 2019.
218. *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

219. *Свердлов М.Б.* Россия в исторических разысканиях А.П. Сумарокова // Клио. 2015. № 4. С. 15–29.
220. *Святославский А.В.* История России в зеркале памяти. М., 2013.
221. *Святославский А.В.* Проблемы культурной памяти в зарубежной науке: основные направления исследований // Вопросы культурологии. 2010. № 12. С. 22–27.
222. *Севастьянова А.А.* Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1988.
223. *Сидорова Ю.Н.* «Россияда» М.М. Хераскова и «Казанская история» // Литература древней Руси. М., 1975. С. 97–104.
224. *Синицкий Л.* Путешествие в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И.М. Долгорукого // Киевская старина. 1893. Т. LX. С. 254–292.
225. *Скворцова Е.А.* Роль портретных серий в идейно-художественной программе Чесменского дворца // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота, 2017. № 12. Ч. 2. С. 177–181.
226. *Смагина Г.И.* Из истории преподавания русской истории в XVIII веке // Преподавание истории в школе. 1990. № 4. С. 56–63.
227. *Сморжевских-Смирнова М.* Перенесение мощей Александра Невского: «Водный путь» в Имперском церемониале // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII. Тарту, 2009. С. 38–59.
228. *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981.
229. Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М., 2017.
230. Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века. М., 2018.
231. *Соколов Р.А.* Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2013.
232. *Соколов С.В.* Дискурс «общего прошлого» России и Украины в исторических сочинениях XVII в. в связи с проблемой исторической ответственности // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего. Екатеринбург, 2016. С. 92–99.
233. *Соколова В.К.* Русские исторические песни XVI–XVII вв. М., 1960.
234. *Соловьев К.А.* Культ святых Бориса и Глеба во властных отношениях древней Руси XI – начала XII века // Вопросы истории. 2002. № 5. С. 14–33.
235. *Сосницкий Д.А.* Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI века (по материалам нарративных источников) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3. С. 100–106.
236. *Сосницкий Д.А.* Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
237. *Старикова Н.В.* Формирование исторических знаний и их распространение в российском обществе в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород. 2006.
238. *Стенник Ю.В.* Жанр трагедии в русской литературе. Л., 1981.

239. *Стенник Ю.В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – нач. XIX века. СПб., 2004.
240. *Стенник Ю.В.* Сумароков-историк // XVIII век. Вып. 20. СПб., 1996. С. 23–46.
241. *Степанов Д.Ю.* Почему и для кого был издан первый печатный учебник по русской истории // Родина. 2014. № 2. С. 76–80.
242. *Студеникин М.Т.* Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI – начала XX вв. М., 2011.
243. *Сумцов Н.Ф.* Иннокентий Гизель. (К истории южно-русской литературы XVII века) // Киевская старина. 1884. Т. X. Октябрь. С. 219–220.
244. *Сычева М.Б.* Иностранцы источники «Синописа Киевского» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 4. С. 70–77.
245. *Тарасов А.Е.* Русская церковная иерархия в трудах святителя Димитрия Ростовского: «Летописец о Ростовских архиереях» // Звезда от Киева воссиявшая. Почитание святителя Димитрия Ростовского: история и современность. М., 2013. С. 98–120.
246. *Терешкина Д.Б.* Четьи Минеи и русская словесность Нового времени: дис. ... докт. фил. наук. Великий Новгород, 2015.
247. *Толочко О.* Киево-руська спадщина в історичній думці України початку XIX ст. // Україна і Росія в історичній ретроспективі: Українські проекти в Російській імперії. Київ, 2004. С. 250-351.
248. *Толочко О.* «Синопис» з бібліотеки Димитрія Ростовського // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 1998. Вип. 5. С. 613–622.
249. *Толстой Д.А.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885.
250. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.
251. *Турцова Н.М.* Литературные источники и политические идеи некоторых сюжетов ярославских икон второй половины XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 42. Л., 1989. С. 360–361.
252. *Усачев А.С.* «И цвет прекрасный царя Владимира...»: Образ Дмитрия Донского в исторической памяти Московской Руси XVI века // Родина. 2012. № 1. С. 101–104.
253. *Усачев А.С.* Древнейший период русской истории в исторической памяти Московского царства // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени. М., 2006. С. 609–634.
254. *Усачев А.С.* Образ Владимира Святославича в Степенной книге // Время – История – Память: историческое осознание в пространстве культуры. М., 2007. С. 137–180.
255. *Усачев А.С.* Образ языческой Руси в Степенной книге // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 249–264.
256. *Успенский Б.А.* Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 286–292.
257. *Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 338–380.
258. *Федотов Г.П.* Святые древней Руси. М., 1991.

259. Федотова Л.Л. Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
260. Федотова М.А. Житие святой Варвары в древнерусской традиции // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 53. СПб., 2003. С. 76–89.
261. Федотова М.А. К истории четых миней Димитрия Ростовского: рукописные материалы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 12. С. 123–133.
262. Федотова М.А. Житие княгини Ольги в Четых Минеях Димитрия Ростовского // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. Псков, 2011. С. 362–383.
263. Феномен прошлого. М., 2005.
264. Филиппов В.А. Театральная публика XVIII в. по сатирическим журналам // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 95–108.
265. Филиппова Л.А. Из истории Новгородского кремля XVIII – начала XIX в. // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 215–225.
266. Филюшкин А.И. Завоевания Ивана Грозного в памяти потомков // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 5. СПб., 2016. С. 213–223.
267. Филюшкин А.И. Места памяти или память места? Две битвы Александра Невского в исторической памяти // Диалог со временем. Вып. 60. М., 2017. С. 25–44.
268. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
269. Фомин В.В. История разработки варяго-русского вопроса в трудах ученых дореволюционного периода // История и историки: историографический вестник. 2006. М., 2007. С. 3–72.
270. Формозов А.А. Феномен «Синописа» // Вестник новой литературы. 1992. № 4. С. 262–266.
271. Формозов А.А. Человек и наука: Из записей археолога. М., 2005.
272. Фризман Л.Г. Марфа Посадница в русской литературе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. № 2. С. 20–33.
273. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
274. Хапаева Д.Р. Время космополитизма. Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2002.
275. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.
276. Хмырова С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.
277. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX в. М., 1957.
278. Чистов К.В. Фольклор в русской культуре XVIII века // Русская литература. 1993. № 1. С. 149–154.
279. Чистякова Е.В. Первая учебная книга по русской истории // Преподавание истории в школе. 1974. № 3. С. 12–17.
280. Чубинская В.Г. Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская», «Древо Московского государства», «Похвала Богоматери Владимирской» (Опыт историко-культурной интерпретации) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 38. Л., 1985. С. 294–298.

281. *Чумакова Т.В.* Сюжет «Вознесение Александра Македонского на небо» в древнерусской культуре // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2014. № 2. С. 103–107.
282. *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.
283. *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.
284. *Шляпкин И.А.* Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб., 1891.
285. *Шмидт С.О.* Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М., 2002.
286. *Щукина Е.С.* Ломоносов и русское медальерное искусство // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Вып. IV. М.-Л., 1960. С. 238–258.
287. *Щукина Е.С.* Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962.
288. *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. 2001. М., 2001. С. 176–198.
289. *Эскин Ю.М.* Новые данные о портретах в Титулярнике из собрания РГАДА // Русский исторический портрет. Эпоха парсуны: Материалы конференции. М., 2006. С. 100–112.
290. *Яковлева Н.А.* Историческая картина в русской живописи. М., 2005.
291. *Янин В.Л.* К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» в Новгороде // Средневековый Новгород. М., 2004.
292. *Янковска Л.А.* Еще несколько замечаний по поводу проблемы источников и литературно-богословского значения житий свв. Зосимы и Савватия Соловецких в редакции святителя Димитрия Ростовского // Филевские чтения. Выпуск IX. Святой Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. М., 1994. С. 75–107.
293. *Янковска Л.А.* Житие и труды св. Мефодия и св. Константина-Кирилла в Четьих-Минях св. Димитрия Ростовского // Slavica Orientalis. 1988. Rocz. 32. № 2. S. 179–221.
294. *Янковска Л.А.* Житие преподобного Сергия Радонежского в обработке святителя Димитрия Ростовского // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 10–26.
295. *Янковска Л.А.* К исследованию писательского мастерства Димитрия Ростовского: Литературная обработка Жития Авраамия Ростовского // Slavica Orientalis. 1984. Rocz. 33. № 3–4. S. 383–396.

Справочно-библиографическая литература

1. *Белова Л.Н., Никифоров М.М., Зиновьева М.К.* Библиография периодических изданий России 1901–1916. 4 тт. Л., 1958–1961.
2. Большая советская энциклопедия. 30 тт. М., 1969–1978.
3. Газеты дореволюционной России. 1703–1917. СПб., 2007.

4. *Гусева А.А.* Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.
5. История Академии наук СССР. Т. I. М.-Л., 1958.
6. История Московского университета. Т. 1. М., 1955.
7. История русского искусства. Т. V. М., 1960.
8. История русского искусства. Т. VI. М., 1961.
9. Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. М.-Л., 1955.
10. Православная энциклопедия. 46 томов. М., 2000–2016.
11. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 1–3. СПб., 1886–1889 .
12. Русский Биографический словарь. 25 тт. СПб., 1896–1918.
13. Сводный каталог русской книги 1801–1825. 3 тт. М., 2013.
14. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800: в 6 т. М., 1962–1975.
15. *Смирнов Ю.И.* Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010.
16. *Собко Н.П.* Словарь русских художников. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1893.
17. Советская историческая энциклопедия. 16 тт. М., 1961–1976.
18. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014.
19. Энциклопедический словарь. 82 тт. СПб., 1890–1907.

Публикации по теме исследования:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, утвержденных Ученым советом МГУ имени М.В. Ломоносова (по группе специальностей 07. 00. 00 – исторические науки и археология):

1. *Ткаченко В.В.* Время и пространство в Древних российских стихотворениях Кириши Данилова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2. С. 76–88.
2. *Ткаченко В.В.* О книжных истоках запева Кириши Данилова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 137–138.
3. *Ткаченко В.В.* Великий Новгород и его история глазами путешественников XVIII в. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 2. С. 94–104.
4. *Ткаченко В.В.* Памятники и святыни древнего Киева в восприятии путешественников XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2019. № 3. С. 51–68.
5. *Ткаченко В.В.* Русская история в «Житиях святых» свт. Димитрия Ростовского // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 4. С. 118–130.

Иные публикации по теме диссертации:

1. *Ткаченко В.В.* «Где? Что? Когда?»: географический фактор в структуре народного исторического сознания XVIII века (на материале старин Кириши Данилова) // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 173–178.*
2. *Ткаченко В.В.* Киевские древности глазами путешественников XVIII века // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. М., 2017. С. 570–575.*
3. *Ткаченко В.В.* Владимир и Рогнеда в историографии и искусстве второй половины XVIII в. // *Платоновские чтения: материалы и доклады XXII Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2017. С. 118–120.*
4. *Ткаченко В.В.* Древний Киев как место памяти в историческом сознании эпохи Средневековья и раннего Нового времени // *Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего. Саратов, 2018. С. 223–227.*
5. *Ткаченко В.В.* «Синописис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых. М., 2018. С. 41–49.*
6. *Tkachenko V.* The Marriage of Vladimir the Great: Life of the Medieval Story in the Modern Times // *Memory Studies'18. III International Conference On Memory And The Past. Conference Proceedings. Istanbul, 2018. P. 89–94.*
7. *Ткаченко В.В.* Границы «древнего» и «нового» в русском историописании XII – XVII вв. // *Память и идентичность: особенности историописания в Античности, в Средние века и раннее Новое время. М., 2019. С. 204–215.*
8. *Ткаченко В.В.* Исторические известия о древних русских городах в географических анкетах Академии наук и Сухопутного шляхетного корпуса 1760 г. // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М., 2019. С. 302–307.*
9. *Ткаченко В.В.* История Древней Руси в «Житиях святых» Димитрия Ростовского // *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной конференции. М., 2019. С. 199–200.*
10. *Ткаченко В.В.* Российский атлас 1760-х гг.: несостоявшееся издание и причины неудачи // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2019. С. 57–63.*
11. *Ткаченко В.В.* «Как деяния должны были совершаться»: идея исправления истории в русской литературе XVIII в. // *Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива. М., 2020. С. 112–122.*

12. *Ткаченко В.В.* Хазарский миф в «Житиях святых» свт. Димитрия Ростовского // Материалы XXVII Международной научной конференции Ломоносов-2020. М., 2020. С. 1–3.
13. *Ткаченко В.В.* Присоединение Новгорода к Московскому государству в исторической памяти XVIII века // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70–летию профессора Н.С. Борисова. М., 2020. С. 228–234.

Памяти русским святым в печатных синодальных изданиях XVIII века

Память	День памяти	Служебные минеи, Типикон	Пролог	Четыри Минеи
Убиения Глеба	4.IX	--	да	--
Иоанна Новгородского	7.IX		да	пространная статья
Иосифа Волоцкого	9.IX		да	упоминание, ссылка на пролог
Митрополита Киприана	16.IX	--	да	упоминание
Князя Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина	19.IX		да	упоминание, ссылка на пролог
Князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора	20.IX		да	пространная статья
Димитрия Ростовского	21.IX	 (после 1757 г.)	да (после 1757 г.)	--
Сергия Радонежского	25.IX		да	пространная статья
Евфросинии Суздальской	25.IX	--	да	краткие сведения мелким шрифтом
Савватия Соловецкого	27.IX		да	упоминание, житие напечатано 17 апреля
Григория Пельшемского	30.IX		да	пространное житие
Саввы Вишерского	1.X		да	краткие сведения мелким шрифтом
Гурия Казанского и Варсонофия Тверского	4.X		да	пространная статья
Дамиана Печерского	5.X	--	--	пространная статья
Иеремии Печерского	5.X	--	--	пространная статья
Матфея Печерского	5.X	--	--	пространная статья
Трех святителей: Петра, Алексия и Ионы, митроп. московских	5.X		--	--
Сергия Нуромского (Обнорского)	7.X	--	да	краткие сведения мелким шрифтом
Николы Святоши (князя Черниговского)	14.X	--	--	пространная статья
Артемия Веркольского	20.X	--	да	краткие сведения мелким шрифтом
Казанской иконы Божией матери (Пресвятой Богородицы избавления ради от ляхов)	22.X		да	--
Иакова Боровичского	23.X		да	пространная статья
Арефы Печерского	24.X	--	--	пространная статья
Нестора, летописца Российского	27.X	--	--	пространная статья
Авраамия Ростовского	29.X		да	пространная статья
Спиридона и Никодима Печерских	31.X	--	--	пространная статья
Ионы, архиеп. Новгородского	5.XI		да	пространная статья
Варлаама Хутынского	6.XI		да	пространная статья

Максима юродивого Московского	11.XI		--	упоминание
Никона Радонежского	17.XI		да	пространная статья
Варлаама Печерского	19.XI	--	--	пространная статья
Князя Михаила Тверского	22.XI		да	упоминание, ссылка на пролог
Князя Александра Невского	23.XI		да	краткие сведения мелким шрифтом
Меркурия Смоленского	24.XI		--	упоминание
Освещения церкви великомученика Георгия в Киеве	26.XI	--	да	краткие сведения мелким шрифтом
Знамения Пресвятой Богородицы в Новгороде	27.XI		да	упоминание, ссылка на Житие Иоанна Новгородского
Иакова Ростовского	27.XI		--	упоминание
Всеволода Псковского	27.XI	--	да	упоминание
<i>Андрея Первозванного</i>	30.XI		да	пространная статья
Саввы Сторожевского	3.XII		да	пространная статья
Нила Столобенского	7.XII	 (после 1756 г)	да	пространная статья
Антония Сийского	7.XII		да	упоминание, ссылка на пролог
Никона Печерского	11.XII	--	--	пространная статья
Митрополита Петра	21.XII		да	пространная статья
Григория Печерского	8.I	--	--	пространная статья
Митрополита Филиппа	9.I		да	краткие сведения мелким шрифтом
Павла Комельского	10.I		да	упоминание
Михаила Клопского	11.I		да	упоминание
Геннадия Костромского	23.I	--	да	упоминание, ссылка на Пролог
Ефрема Печерского	28.I	--	--	пространная статья
Ефрема Новоторжского	28.I	--	да	пространная статья
Лаврентия Печерского	29.I	--	--	пространная статья
Никиты Новгородского	31.I		да	пространная статья
Кирилла Новоезерского	4.II	без знака	да	упоминание
Князя Георгия Владимирского	4.II	без знака	--	--
Прохора Печерского	10.II	--	--	пространная статья
Димитрия Прилуцкого	11.II		да	упоминание, ссылка на Пролог
Князя Всеволода Псковского	11.II		да	упоминание, ссылка на Пролог
Алексия, митроп. Московского	12.II		да	пространная статья
Исакия Печерского	14.II	--	--	пространная статья
Кирилла Философа, учителя славянского	14.II	--	да	упоминание
Еразма Печерского	24.II	--	--	пространная статья
Тита Печерского	27.II	--	--	пространная статья
Арсения Тверского	2.III		да	упоминание, ссылка на Пролог
Князя Василько Ростовского	4.III	--	да	упоминание ссылка на Пролог
Князя Даниила Московского	4.III	--	да	--

Феодора Смоленского и Ярославского чудотворца (перенесение мощей)	5.III	--	да	упоминание
Евфимия, архиеп. Новгородского	11.III		да	упоминание, ссылка на Пролог
Серапиона, арихиеп. Новгородского	16. III	--	да	--
Макария Калязинского	17.III		да	упоминание, ссылка на Пролог
Никона Печерского	23.III	--	--	пространная статья
О чуде в Печерском монастыре	24.III	--	--	пространная статья
Евстратия Печерского	28.III	--	--	пространная статья
Ионы, митроп. Московского	31.III	--	--	пространная статья
Евфимия Суждальского	1.IV		да	упоминание, ссылка на Пролог
Даниила Переяславского	7.IV	--	да	--
Нифонта Новгородского	8.IV	--	да	пространная статья
Зосимы Соловецкого	17.IV		да	пространная статья (здесь же – Савватий Соловецкий)
Стефана Пермского	26.IV		да	пространная статья
Стефана Печерского	27.IV	--	--	пространная статья
Исакия Печерского	27.IV	--	--	упоминание, житие напечатано 14 февраля
Кирилла Туровского	28.IV	--	да	упоминание, ссылка на пролог
Пафнутия Боровского	1.V		да	пространная статья
Сказание об убиении князей Бориса и Глеба	2.V	--	да	пространная статья
Феодосия Печерского	3.V		да	пространная статья
Симона Владимирского	10.V	--	--	пространная статья
Кирилла и Мефодия, учителей славянские	11.V	--	да	пространная статья
Исидора Ростовского	14.V		да	пространная статья
Феогност, митрополита Киевского	14.V	--	да	--
Исайи Ростовского	15.V		да	пространная статья
Евфросина Псковского	15.V	--	да	упоминание
Димитрия, царевича Московского (Углицкого)	15.V		да	упоминание, ссылка на пролог
Ефрема Перекомского	16.V		--	--
Корнилия Комельского	19.V		да	упоминание
Князя Иоанна (Игнатия) Углицкого Вологодского	19.V	--	да	упоминание, ссылка на пролог
Алексия, митр. Московского (обретение мощей)	20.V		да	упоминание, житие напечатано 12.II
Кассиана Углицкого	21.V	--	да	упоминание, ссылка на пролог
Владимирской иконы Божьей матери (Сретение)	21.V		--	--
Константина, Михаила и Феодора Муромских	21.V		да	упоминание, ссылка на пролог
Евфросинии Полоцкой	23.V	--	да	пространное житие
Леонтия Ростовского	23.V		да	упоминание
Никиты Столпника	24.V		да	упоминание
Феодора Муромского	21.V	--	да	--

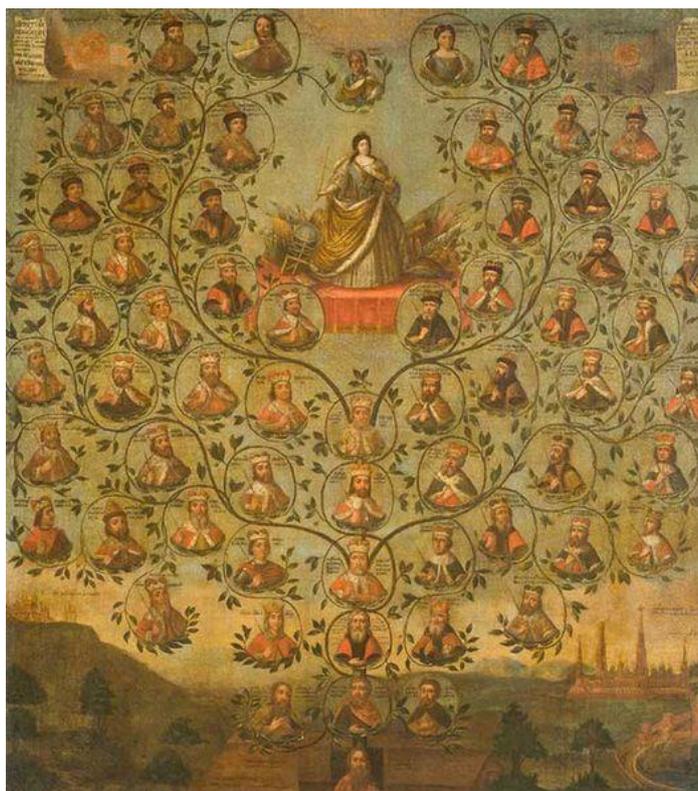
Исаакия Печерского	26. V	--	да	--
Киприана, Фотия и Ионы митрополитов Киевские	27.V	--	да	упоминание
Ферапонта Белозерского	27.V	--	да	упоминание, ссылка на пролог
Нила Столбенского (обретение мощей)	27.V	 (после 1756 г.)	--	упоминание, житие напечатано 7. XII
Игнатия Ростовского	28.V		да	пространная статья
Иоанна Устюжского	29.V		да	упоминание, ссылка на пролог
Агапита Печерского	1.VI	--	--	пространная статья
Дионисия Глушицкого	1.VI		да	упоминание, ссылка на пролог
Царевича Дмитрий Углицкого (перенесение мощей)	3.VI	--	да	пространная статья
Убиения Игоря Ольговича князя Черниговского и Киевского	5.VI	--	да	пространная статья
Повесть дивна и ужасна о смерти Константина митрополита Киевского	5.VI	--	--	пространная статья
Кирилла Белозерского	9.VI		да	пространная статья
Александра Куштского	9.VI	--	да	краткие сведения мелким шрифтом
Ионы, митр. Московского	15.VI		да	упоминание, житие напечатано 31. III
Владимирской иконы Божией матери (Празднество пресвятой Богородице избавления ради Москвы от Ахмата, Ордынского царя)	23.VI		да	пространная статья
Петра и Февронии Муромских	25.V		да	упоминание, ссылка на Пролог
Тихвинской иконы Божией Матери (явление)	26.VI		да	пространная статья
Победы под Полтавой	27. VI	 (после 1709 г.)	--	--
Мартина Туровского	27. VI	--	да	--
Петра Ростовского	30.VI	--	да	пространная статья
Филиппа, митроп. Московского (перенесение мощей)	3.VII		да	упоминание
Княгини Евфросиньи Московской	3.VII	--	да	--
Сергия Радонежского (перенесение мощей)	5.VII		да	--
Иулиании Печерской	6.VII	--	--	пространная статья
Знамение иконы Богородицы в Устюге	8.VII	без знака	--	--
Прокопия Устюжского	8.VII	без знака	да	пространная статья
Казанской иконы Божией матери (Явление чудотворной иконы Божьей матери во граде Казани)	8.VII		да	краткие сведения мелким шрифтом
Перенесения честных Ризы Господа Иисуса Христа из Персеиды в царствующий град Москву	10.VII		да	пространная статья
Антония Печерского	10.VII		да	пространная статья

Княгини Ольги, равноапостольной	11.VII		да	пространная статья
Феодора Варяга и его сына Иоанна в Киеве убиенных	12.VII	--	да	пространная статья
Стефана Махрицкого	14.VII	--	да	--
Князя Владимира, равноапостольного	15.VII		да	пространная статья
Тихона Луховского	16.VII	--	да	--
Авраама Галицкого	20.VII	--	да	упоминание, ссылка на Пролог
Бориса и Глеба	24.VII		да	упоминание, житие напечатано 2.V
Поликарпа Печерского	24.VII	--	--	пространная статья
Макария Желтоводского (Унженского)	25.VII		да	пространная статья
Моисея Угренина	26.VII	--	да	пространная статья
Николаы Новгородского	27.VII	--	да	упоминание
Смоленской иконы Божией матери (явление)	28.VII		да	--
Василия юродивого Московского	2.VIII		да	упоминание, ссылка на Пролог
Антония Римлянина	3.VIII		да	пространная статья
Толгской иконы Божией матери	8.VIII	--	--	пространная статья
Феодора и Василия Печерских	11.VIII	--	--	пространная статья
Освящения чудотворной церкви Успения Богородицы во обители Киевской	14.VIII	--	--	пространная статья
Феодосия Печерского (перенесение мощей)	14.VIII	--	да	пространная статья
Алимпия Печерского	17.VIII	--	--	пространная статья
Донской иконы Божией матери	19.VIII	--	да	краткие сведения мелким шрифтом
Авраамия Смоленского	21.VIII		да	пространная статья
Грузинской иконы Божией матери	22.VIII	--	да	пространная статья
Петра, митрополита Московского (перенесение мощей)	24.VIII		да	упоминание
Арсения Комельского	24.VIII	--	да	--
Владимирской иконы Божией матери (Перенесение чудотворной иконы из града Владимира в царствующий град Москву)	26.VIII		да	пространная статья
Саввы Псковского	28.VIII	--	да	упоминание, ссылка на Пролог
Александра Невского (перенесение мощей)	30.VIII	 (после 1725 г.)	--	пространная статья (после 1725 г.)
Александра Свирского	30.VIII		да	упоминание

Иллюстрации

Рис. 1. Симон Ушаков. Древо государства Московского. 1668. ГТГ.

Рис. 2. Никитин И. Родословное древо Русских царей. 1731. ГРМ

Рис. 3. Великий князь Владимир. Царский титулярник. 1672.

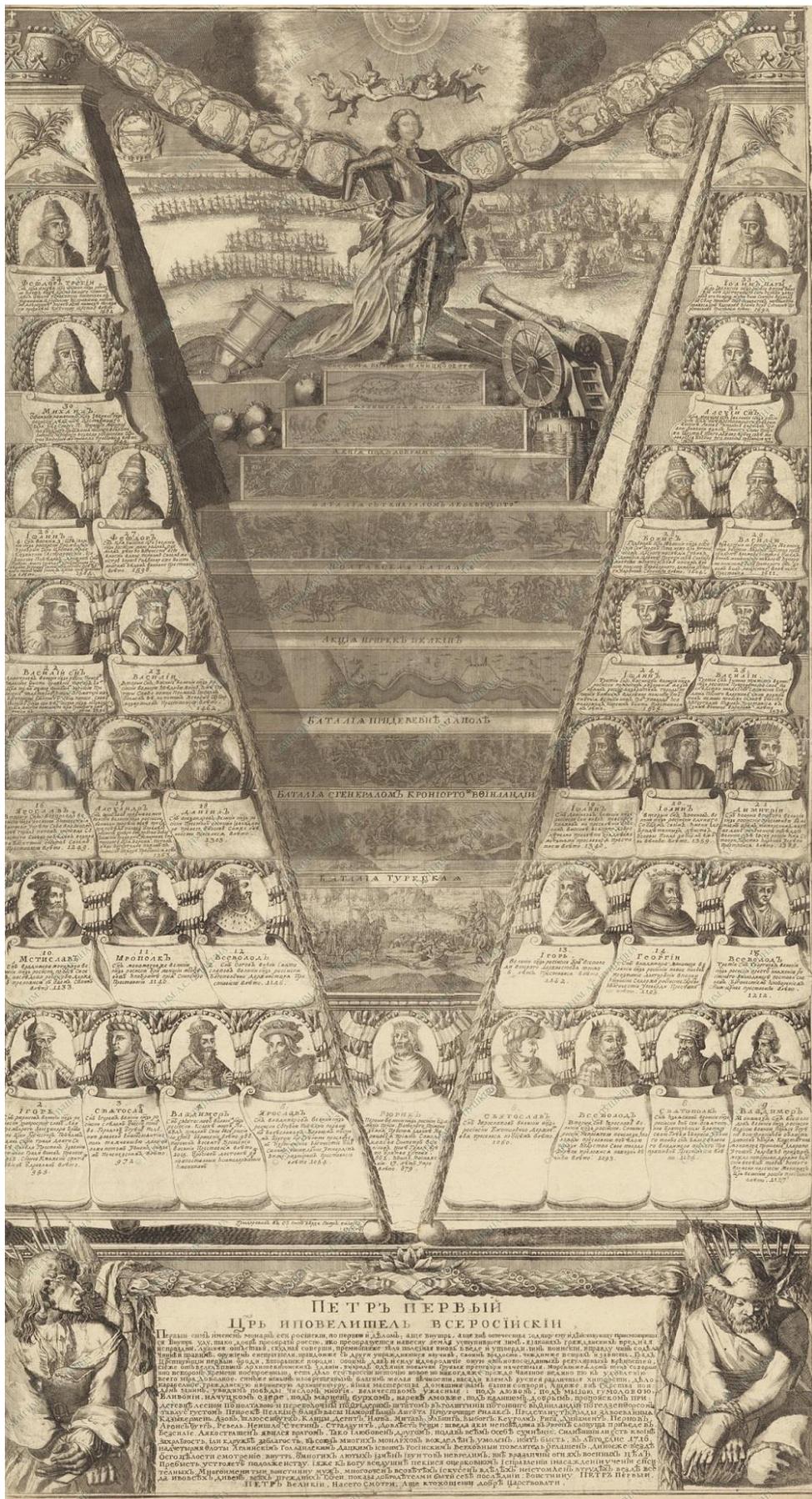

Рис. 4. Пикарт П. Петр I в Родословии. 1717 г. ГМИИ.

Рюрик

Пипин Короткий

Игорь

Карл Мартелл

Владимир

Карл Великий

Ярослав

Хильдеберт II

Рис. 5. Визуальные параллели между портретами русских князей на гравюре П. Пикарта «Петр I в Родословии» и гравированными портретами французских королей В. Солиса и Й. Аммана. См.: Кулименова И.Е. Гравированные «родословия» российских императоров XVIII в. // Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков. М., 2018. С. 92-101.

Рис. 6. Зубов А. Ф. Екатерина I в родословии. 1725 г.

(Опубликовано: Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков. М., 2018)

Рис. 7. Екатерина II в родословии. 1760-е.

(Опубликовано: Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков. М., 2018)

Рис. 9. Медали с портретами русских князей и царей. 1768–1774 гг.

Рис. 10. *Лосенко А.П.* Владимир перед Рогнедою. 1770. ГРМ.

Рис. 11. *Иванов А.М.* Крещение княгини Ольги. Барельеф. 1774-1775.

Большой Петергофский дворец. Воссоздан Г. Михайловой и Э. Масленниковым.

Рис. 12. *Акимов И.А.* Крещение княгини Ольги в Константинополе. Не позднее 1792. ГРМ

Рис. 13. *Акимов И.А.* Великий князь Святослав, целует мать и детей своих по возвращении с Дуная. 1773. ГТГ.

Рис. 14. *Акимов И.А.* Самосожжение Геркулеса на костре в присутствии его друга Филоктета. 1782. ГТГ.

Рис. 15. *Козловский М.И.* Возвращение Святослава с Дуная. Барельеф. 1773. Большой Петергофский дворец. Воссоздан Г. Михайловой и Э. Масленниковым.

Рис. 16. *Щедрин Ф.Ф.* Князь Изяслав Мстиславович и воины. Барельеф. 1772.

Музей Академии Художеств

Рис. 17. *Козловский М.И.* Князь Изяслав Мстиславович и воины. Барельеф. 1772.

Рис. 18. *Козловский М.И.* Аякс защищает тело Патрокла. 1796. Мрамор. ГРМ.

Рис. 19. Угрюмов Г.И. Испытание Яна Усмаря. 1796. ГРМ

Рис. 20. Угрюмов Г.И. Торжественный въезд Александра Невского в город Псков после одержанной им победы над немцами. 1793. ГРМ.

Рис. 21. *Угрюмов Г.И.* Покорение Казани царем Иоанном Васильевичем. Не позднее 1800. ГРМ.

Рис. 22. Исторические медали по проектам Екатерины II

Конец XVIII в. Государственный музей истории религии.

«Приход Рюрика со братиею к рубежам руским в 861 году».

«Приняты от всех чинов руских в 861 году».

«Рюрик именовался князь великий».

«Брак Рюрика с Ефандою княжною урманскою».

«Скончался в Новгороде в 879 году».